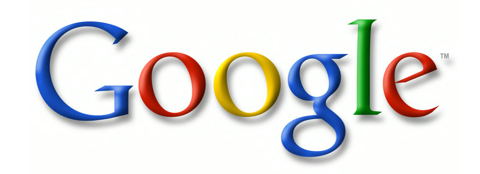
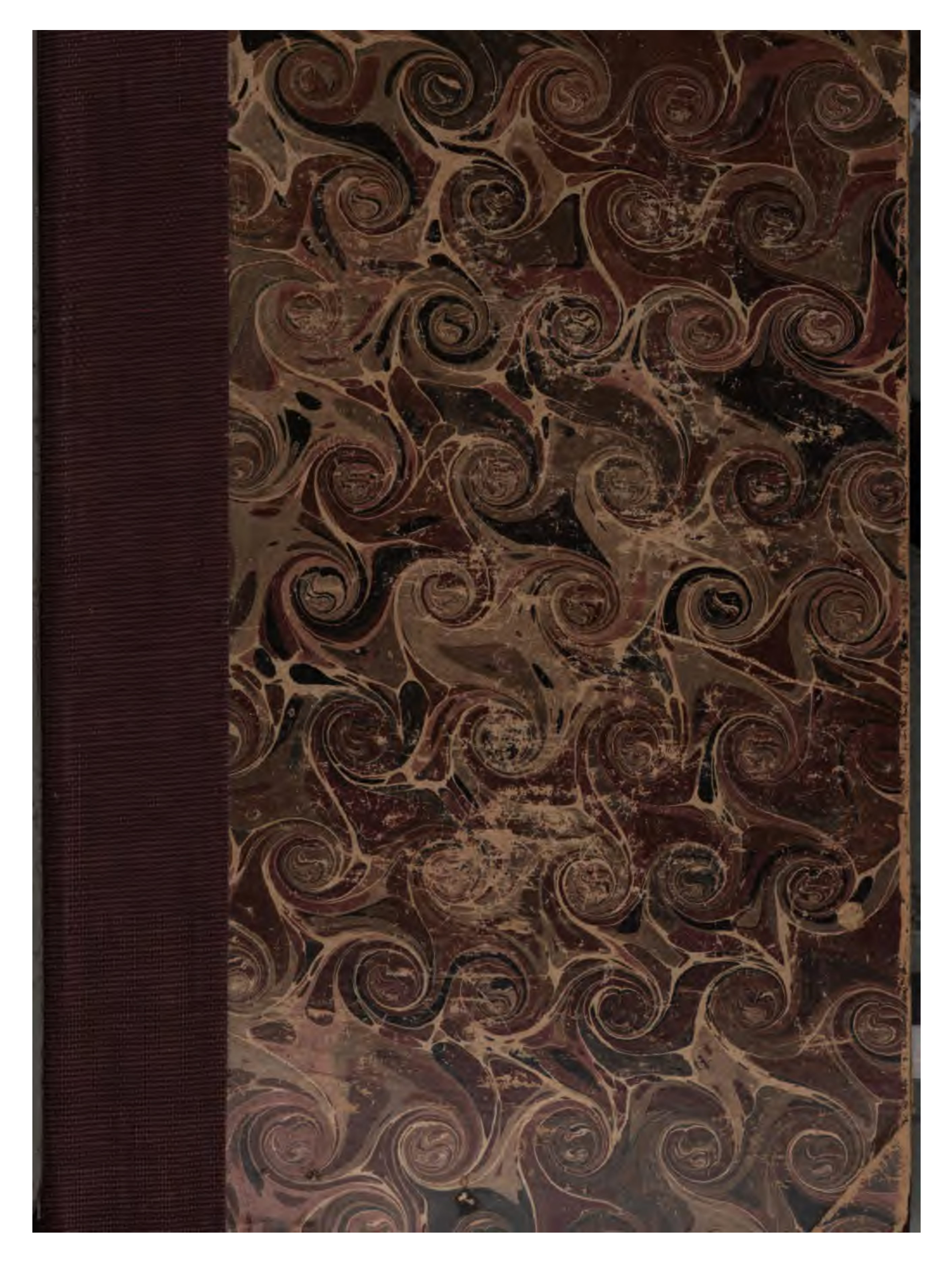

НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ
РУССКАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ XVI ВѢКѢ,

ПО СОЧИНЕНІЯМЪ

МАКСИМА ГРЕКА

И СОВРЕМЕННЫМЪ ЕМУ ПАМЯТНИКАМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Ивана Преображенскаго.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, д. Карпинской.

1881.

НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ

РУССКАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ XVI ВѢКѢ.

ПО СОЧИНЕНІЯМЪ

МАКСИМА ГРЕКА

И СОВРЕМЕННЫМЪ ЕМУ ПАМЯТНИКАМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Ивана Преображенскаго.

МОСКВА.

Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, домъ Каринской.

1881.

По опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи печатать дозволяется.
7 Января 1881.

Ректоръ Протоіерей *С. Смирновъ*.

НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ
РУССКАГО ОБЩЕСТВА
въ XVI вѣкѣ,

по сочиненіямъ

Максима Грека

и современнымъ ему памятникамъ.

Когда оцѣниваютъ нравственность какого либо лица, то не довольствуются однимъ только простымъ перечнемъ его поступковъ, хорошихъ, или дурныхъ; но для правильной оцѣнки считаютъ необходимымъ проникнуть во внутреннюю жизнь человѣка, обнаруженіе которой и составляютъ тѣ или другіе поступки, — принимаютъ во вниманіе среду, въ которой живетъ лице, подлежащее оцѣнкѣ, условія, при которыхъ совершались имъ его дѣйствія и проч. Такое отношеніе — употребимъ юридическій терминъ — къ подсудимому имѣетъ ближайшею цѣлію выяснить мотивы къ дѣйствію, и есть единственно законное и вполнѣ необходимое отношеніе. Кому не извѣстно, что часто само по себѣ и доброе дѣло имѣетъ источникомъ своимъ далеко неодобрительныя намѣренія; съ другой стороны и порокъ не всегда есть слѣдствіе злой и испорченной воли. Наприм. часто благотворятъ не потому, что чувствуютъ сострадание къ несчастному ближнему и желаютъ облегчить его горькую участь, но потому, что разсчитываютъ на знакъ отличія, на признательность общества, и наоборотъ, — бываетъ, что иногда рѣшаются на воровство и грабительство не вслѣдствіе забвенія заповѣдей Божіихъ, а вынуждаются гнетущей нуждой. Въ томъ и другомъ случаѣ фактъ представляется въ особомъ свѣтѣ, соотвѣтственно чему и самая оцѣнка его измѣняется.

Чего справедливость требуетъ при оцѣнкѣ нравственности частнаго лица, тоже необходимо соблюдать и при оцѣнкѣ нравственнаго состоянія цѣлаго общества, цѣлаго народа. Народъ, при всей многочисленности своихъ членовъ, представляетъ однако своего рода одинъ организмъ, проникнутый однимъ общимъ духомъ, который составляютъ господствующія понятія и убѣжденія. Изъ этихъ понятій и убѣжденій слагаются принципы, которыми и руководится народъ въ своей жизни. Эти принципы въ различное время бываютъ различны. Человѣку врождена способность къ высшему духовному развитію, къ постоянному усовершенствованію, а потому и общество человѣческое не можетъ оставаться постоянно на одной и той же ступени. Дѣйствительно, мы видимъ, что каждый народъ проходитъ извѣстныя фазы въ своемъ развитіи, мѣняетъ свои понятія, идеи, и вмѣсто старыхъ, вноситъ въ свою жизнь новыя начала, которыя онъ считаетъ за лучшія, и имъ, какъ лучшимъ, даетъ права гражданства. Имѣя въ виду этотъ общій каждому народу и непреложный историческій законъ, мы, намѣреваясь изобразить нравственное состояніе русскаго общества за XVI вѣкъ, преимущественно за первую его половину, необходимо должны знать, какими принципами руководилось въ своей жизни тогдашнее общество. Безъ знанія факторовъ древне-русской общественной жизни мы не поймемъ эту жизнь надлежащимъ образомъ, а слѣдовательно, не въ состояніи будемъ и оцѣнить ее по достоинству. Митр. Платонъ въ предисловіи къ своей «Церковной россійской исторіи» осуждаетъ нѣкоторыхъ современныхъ ему «исторіи россійской писателей» между прочимъ за то, что они «древніе духовенства поступки, съ тогдашнимъ (древнимъ) временемъ сходственные, представляли по образу мыслей и состоянію настоящаго (современнаго м. Платону) времени, — что съ порядкомъ и истиною исторіи никакъ несовмѣстительно. Что было, говоритъ онъ, того перемѣнить невозможно; и должно оное историку такъ представлять, какъ оно было, ибо было бы безразсудно и несовѣстно (не по совѣсти) представлять, что аки бы за 500 лѣтъ такъ должны разсуждать и поступать, какъ нынѣ мудрствуютъ и поступаютъ; и будто бы все то было или неосновательно, или суевѣрно, или злонамѣренно, что

нынѣ съ нововозникшимъ слишкомъ похваляемаго любомудрія мыслей образомъ не сходственно»[1]).

Итакъ, прежде нежели описывать нравственное состояніе русскаго общества XVI в., намъ необходимо установить точку зрѣнія, съ которой должно разсматривать общественную жизнь того времени. Эта задача намъ представляется настолько важною, что мы сочли необходимымъ отвести на этотъ предметъ особую главу своего сочиненія, которую поэтому можно назвать вступительною. Въ этой главѣ мы намѣрены съ возможною обстоятельностію и полнотою изучить *умственно-религіозную* жизнь данной эпохи. Безъ этой же главы мы считали бы свое сочиненіе зданіемъ, основаннымъ на пескѣ.

Христіанство (православное) поставляетъ вѣру и нравственность въ самую тѣсную и неразрывную связь. Оно учитъ, что *безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. XI, 6); но, съ другой стороны, оно возвѣщаетъ, что *вѣра* только *любовію поспѣшествуема* (Гал. V, 6) имѣетъ значеніе въ христіанствѣ. Какъ зданіе безъ фундамента непрочно, такъ и нравственность человѣка безъ вѣры не имѣетъ значенія, и наоборотъ, какъ фундаментъ безъ зданія не имѣетъ значенія, такъ и вѣра безъ нравственности теряетъ свою цѣну. Какъ же теперь съ религіозной (христіанской) точки зрѣнія цѣнить нравственность человѣка безъ отношенія къ его вѣрѣ?... Но намъ могутъ возразить: если уже съ религіозной точки зрѣнія смотрѣть на нравственность русскаго общества въ данную эпоху, то въ такомъ случаѣ совершенно лишній трудъ устанавливать какую либо точку зрѣнія на нравственность тогдашняго общества. Христіанская точка зрѣнія на нравственность извѣстна почти XIX вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ само христіанство. Оправдаемся примѣрами. Вѣдь одна и таже Библія была въ рукахъ папы Гильдебранда и Лютера, у францисканцевъ и іезуитовъ. Но приходило ли въ голову, напр., Гильдебранду то, что вывелъ изъ одной и той же Библіи Лютеръ? — Библія всегда одна и неизмѣнна, какъ вѣчна и неизмѣнна Истина, сообщившая

---

[1]) Церковная россійская исторія м. Платона; предисловіе стр. XVII—XVIII. Приведенныя слова, сказанныя по отношенію къ духовенству, вполнѣ приложимы и къ цѣлому обществу.

ее; но пониманіе Библіи не всегда одинаково, какъ непостоянно и измѣнчиво человѣчество. По мѣрѣ того, какъ каждый народъ проходитъ различныя ступени въ своемъ развитіи, онъ мѣняетъ свои понятія и воззрѣнія, вмѣстѣ съ этимъ измѣняется его пониманіе и Библіи, въ частности измѣняется взглядъ на нравственность. Такимъ образомъ, отъ развитія общества, отъ того или другаго уровня и характера его образованія, зависитъ пониманіе обществомъ своей религіи, а отсюда и его взглядъ на нравственную жизнь. Принимая во вниманіе выше сказанное, мы во вступительной (I-й) главѣ своего сочиненія намѣрены сказать о состояніи просвѣщенія на Руси въ данную эпоху. Познакомившись съ состояніемъ просвѣщенія, мы не будемъ поражаться, какъ неожиданностію, тогдашнимъ пониманіемъ русскими своей религіи. Вмѣстѣ съ отвѣтомъ на вопросъ — *какъ* понимали наши предки свою вѣру, мы установимъ и точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на общественную жизнь того времени. Въ той же I главѣ своего сочиненія, говоря о характерѣ и содержаніи духовной литературы, служившей источникомъ религіознаго просвѣщенія для нашихъ предковъ, мы встрѣтимся съ весьма крупнымъ явленіемъ въ умственно-религіозной жизни современниковъ Максима Грека, именно съ остатками языческихъ понятій и вѣрованій. Объясняя это явленіе, мы укажемъ причины, почему, не смотря на вѣковыя заботы нашей церкви искоренить язычество, послѣднее у насъ всетаки такъ долго не уничтожалось. Игнорировать этимъ вопросомъ для насъ, тѣмъ болѣе невозможно, что прямыя свидѣтельства такого важнаго для насъ памятника, какъ Стоглавъ, поставляютъ насъ въ необходимость обратить вниманіе на ту сторону религіозно-нравственной жизни русскаго народа, которая обращена была къ языческой старинѣ.

Но какъ нравственность отдѣльнаго лица часто и во многомъ зависитъ отъ условій окружающей его среды, такъ что оно (лицо) совершаетъ тѣ или другіе поступки не по собственному убѣжденію, а иногда даже противъ убѣжденія, вынуждаемое къ тому непреодолимою силою обстоятельствъ; такъ и цѣлое общество въ нравственной своей жизни во многомъ зависитъ отъ того или другаго устройства его въ политическомъ, административномъ, юридическомъ

и экономическомъ отношеніяхъ. Поэтому, при изображеніи отдѣльныхъ сторонъ общественной нравственности, на которыя имѣлъ вліяніе существовавшій порядокъ вещей въ томъ или другомъ отношеніи, мы старались по возможности выяснить это вліяніе, чтобы тѣмъ самымъ облегчить для себя надлежащее пониманіе дѣла въ истинномъ его свѣтѣ. Такимъ образомъ, въ тѣхъ главахъ, которыя посвящены спеціально изображенію нравственнаго состоянія общества, будутъ встрѣчаться у насъ замѣчанія о соціальномъ строѣ русскаго государства того времени. — Для удобства въ изслѣдованіи предмета, мы раздѣляемъ тогдашнее общество на три крупныхъ класса — на духовенство, мірянъ и классъ монашествующихъ; на каждый классъ опредѣляемъ отдѣльную главу.

Во главѣ памятниковъ, на основаніи которыхъ будемъ изображать нравственное состояніе русскаго общества въ данную эпоху, мы поставляемъ сочиненія препод. Максима Грека, образованнѣйшаго человѣка своего времени, прибывшаго къ намъ для совершенія одного частнаго книжнаго дѣла, но, по стеченію обстоятельствъ, навсегда оставшагося въ Россіи. То обстоятельство, что пр. Максимъ Грекъ не былъ сыномъ Россіи, а случайнымъ жителемъ въ ней, не только не умаляетъ его авторитета, какъ главнѣйшаго нашего руководителя при изображеніи нравственнаго состояніи русскаго общества за данный періодъ, а напротивъ, какъ немного ниже увидимъ, возвышаетъ этотъ авторитетъ. Кромѣ того, что Максимъ Грекъ былъ человѣкъ весьма образованный, онъ отличался еще особенною любовію къ истинѣ, огненною ревностію къ славѣ Божіей и необыкновенною чуткостію ко всѣмъ явленіямъ современнаго ему русскаго общества. Онъ не молчалъ тамъ, гдѣ нужны были его совѣтъ и наставленіе, но главное — онъ не могъ терпѣть достойнаго укоризнъ и порицаній и вотъ здѣсь-то онъ являлся настойчивымъ и самымъ безпощаднымъ критикомъ и обличителемъ. Характеризуя пр. Максима Грека по его сочиненіямъ, преосвящ. Филаретъ говоритъ: «Въ многочисленныхъ писаніяхъ его нельзя не удивляться разнообразію свѣдѣній его и талантовъ: онъ Филологъ и Историкъ, Поэтъ и Ораторъ, Философъ и Богословъ; но даръ, который болѣе другихъ имѣлъ въ немъ силу, былъ *даръ крити-*

ки; вездѣ и во всемъ онъ критикъ: излагаетъ ли онъ догматъ, пишетъ ли нравоученіе, изъясняетъ ли писаніе, предлагаетъ ли повѣствованіе (не говоримъ о его разборѣ книгъ церковныхъ), — онъ все разсматриваетъ критически; весьма немного предметовъ, за которые бы онъ брался съ одною цѣлію — положительнаго учителя. Дыша ревностію ко славѣ Божіей и заботливостію о спасеніи ближнихъ, онъ сокрушался горькою скорбію, смотря на господствующіе пороки и невѣжество, — и спѣшилъ подавать имъ врачевство такое, какое только можетъ отыскать и подать любовь, ревнующая о Господѣ и ближнихъ. То, что писалъ онъ о своей пламенной любви къ истинѣ въ нѣсколькихъ апологіяхъ и въ письмѣ къ м. Даніилу, повторялъ онъ и въ другихъ сочиненіяхъ; и *духъ самыхъ писаній его оправдывалъ слова его.* «Жегомъ Божественною ревностію», по собственнымъ словамъ его, трудился онъ, занимаясь трудами учеными. «Много», писалъ онъ въ началѣ увѣщанія своего нѣкоему игумену, «много свойствъ въ любви показано св. апостоломъ; но, по мнѣнію моему, самое отличительное свойство ея — не радоваться о неправдѣ, радоваться же о истинѣ: тотъ истинный другъ, кто отъ всей души радуется добрымъ дѣламъ друга, и скорбитъ, когда видитъ того въ заблужденіи, — кто болѣзнуя о другѣ, все употребляетъ, чтобы оказать ему полезную помощь... *Сею убо и азъ любовію связанъ* къ твоему преподобству, возлюбленне ми брате, *неправдуя являюся* воистину въ законы святыя любви, *аще умолчу*, о нихъ же слышу тя послѣдствующа Еллинскаго и Халдейскаго и Латинскаго, бѣсы обрѣтеннаго учительства»...[1]). Можно короче, въ двухъ словахъ, вѣрно и полно охарактеризовать Максима Грека. Онъ — публицистъ и критикъ. Что препод. Максимъ смотрѣлъ на свою дѣятельность съ религіозной стороны или почиталъ ее за религіозный долгъ, это съ особенною ясностію видно изъ слѣдующаго обращенія его къ Іоанну Грозному: «Благовѣрнѣйшій царю, молю преславную державу твою, прости мя въ томъ, яко не обинуяся глаголю пригодная ко утвержденію богохранимыя державы твоея и всѣхъ свѣтлѣйшихъ твоихъ вельможъ,

---

[1]) Москвитянинъ 1842 г., № 11, стр. 65—66 въ статьѣ пр. Филарета— «Максимъ Грекъ».

должен бо есмь прещенія ради онаго раба лѣниваго, скрывшаго талантъ Господа своего въ землю» [1]). И если бы его обличенія не имѣли успѣха, то и тогда онъ считалъ себя чистымъ предъ своею совѣстію, потому что выполнилъ свой долгъ: «аще бо благополучнѣ стрѣлитъ слово, писалъ онъ, Богу слава по примѣтѣ устремленіе его исправившему; аще же погрѣшитъ предложенія, и вашей мысли не прикоснется *и тако* слава Богу, воздвигшему насъ къ вашему исправленію» [2]). Но сочиненія Максима Грека имѣютъ величайшую важность при изученіи *внутренней* жизни русской церкви главнымъ образомъ потому, что онъ, прибывшій къ намъ изъ другой страны, лучше, чѣмъ сами русскіе, могъ понять и оцѣнить эту жизнь. Русскіе блюстители нравовъ видѣли предъ собою только примѣръ предковъ, и потому ихъ жизнь представляли какъ идеалъ возможнаго совершенства; они никогда не могли понять того, что этотъ идеалъ можетъ отжить свое время, такъ какъ не имѣли предъ собою ничего другаго, съ чѣмъ бы могли сравнить его. Напротивъ того, Максимъ Грекъ, видѣвшій на вѣку своемъ образованнѣйшіе центры современной Европы, имѣвшій случай познакомиться съ различными образцами устройства общественной жизни и порядка отношеній между сословіями, могъ взглянуть на русскую жизнь иными глазами, оцѣнить ее не такъ, какъ привыкли цѣнить наши собственные моралисты.

Послѣ сочиненій Максима Грека первое мѣсто принадлежитъ свидѣтельствамъ Стоглава, какъ оффиціальнаго памятника, въ которомъ отцы собора записали свѣдѣнія, собранныя ими со всѣхъ краевъ Руси, съ цѣлію исправить неправое, искоренить вредное. Стоглавъ, можно выразиться, есть книга, въ которой правительствомъ и церковію подведенъ былъ *итогъ* ко всей старой жизни.

Изъ второстепенныхъ источниковъ болѣе другихъ будемъ останавливаться на «сочиненіяхъ митрополита Даніила» тогдашняго, по выраженію Максима Грека, «доктора закона Христова» [3]).

---

[1]) Сочиненія Максима Грека, т. II стр. 335. Казань 1859 г.

[2]) Тамъ же I, стр. 458.

[3]) Отзывъ Максима Грека о м. Даніилѣ, см. въ I т. сочин. Максима, 530—531.

Митр. Даніилъ былъ строгій ревнитель о вѣрѣ и благочестіи, о своемъ пастырскомъ долгѣ, о своемъ духовномъ стадѣ. Изъ его словъ съ нравственнымъ содержаніемъ видно, что онъ очень зорко слѣдилъ за нравственными недостатками и слабостями своихъ пасомыхъ и въ своихъ обличеніяхъ, подобно Максиму Греку, не щадилъ никого, ни богатыхъ и знатныхъ, ни пастырей и самихъ архипастырей, ни простыхъ иноковъ, ни ихъ властей. Читая свидѣтельства м. Даніила о нравственномъ состояніи его паствы, свидѣтельства, отличающіяся особенной живостію, образностію, краснорѣчіемъ, проникнутыя кротостію и отеческою любовію, часто трогательными увѣщаніями, а иногда даже мольбою, невольно чувствуеть, что онъ *проникнутъ* тѣмъ, о чемъ говоритъ, и свои краски и образы беретъ прямо изъ жизни. Вотъ почему въ его сочиненіяхъ такъ ярко отражается современная нравственность общества.

Не мало важныхъ и интересныхъ свидѣтельствъ, относящихся къ нравственной характеристикѣ тогдашняго общества, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ словъ его, найдемъ мы въ «Сказаніяхъ» князя Андрея Михайловича Курбскаго, въ письмахъ Іоанна Васильевича Грознаго, въ посланіяхъ старца Артемія и въ «Домостроѣ», приписываемомъ о. Сильвестру. Изображая нравственность духовенства, преимущественно монашества, мы будемъ принимать во вниманіе и сочиненіе князя-инока Вассіана, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не противорѣчатъ другимъ болѣе важнымъ свидѣтельствамъ. — Кромѣ указанныхъ источниковъ, будемъ пользоваться относящимися къ тому времени разными грамотами, посланіями, актами, лѣтописями и вообще всѣми современными памятниками, которые мы могли имѣть подъ руками.

При множествѣ отечественныхъ памятниковъ, мы не оставляли безъ вниманія и свидѣтельства иностранцевъ о нравственномъ состояніи русскаго общества. Конечно, свидѣтельства иностранцевъ о внутренней сторонѣ нашей церковной жизни и религіознаго быта не могутъ сравняться по важности и достоинству съ отечественными памятниками. Бѣглыя наблюденія, сдѣланныя въ короткое время, не могутъ уловить характеристическихъ чертъ нравственной жизни народа; для оцѣнки ея путешественникъ могъ имѣть предъ собой

только отдѣльныя, случайно попавшіяся ему на глаза явленія, а нравственная жизнь народа всего менѣе можетъ быть опредѣлена по отдѣльнымъ, случайнымъ фактамъ и явленіямъ. Мало того, въ большей части случаевъ западно-европейскій путешественникъ не могъ даже вѣрно описать и отрывочныя явленія этой жизни: нравственный бытъ и характеръ русскихъ людей описываемаго времени долженъ былъ казаться ему слишкомъ страннымъ, слишкомъ несходнымъ съ основными его понятіями и привычками, чтобы онъ могъ отнестись къ нему съ полнымъ спокойствіемъ, вглянуть на него не съ своей точки зрѣнія, а со стороны тѣхъ историческихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагался этотъ бытъ и характеръ[1]). При всемъ этомъ, однако, едва ли можно отрицать всякое значеніе иностранныхъ свидѣтельствъ въ смыслѣ историческаго матеріала, годнаго для очерка нашей нравственной жизни. Не говоря уже о томъ, что эти свидѣтельства полезны бываютъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ощущается недостатокъ въ отечественныхъ матеріалахъ, или гдѣ историческое свидѣтельство можетъ быть лучше освѣщено и уяснено чрезъ сопоставленіе отечественныхъ памятниковъ съ свидѣтельствами иностранцевъ, — послѣднія имѣютъ для насъ свое несомнѣнное, положительное достоинство. Положимъ, что иностранцамъ доступна была только *внѣшняя* сторона религіознаго быта русскихъ: религіозные обычаи и разные пріемы благочестія. Но такъ какъ эти обычаи и внѣшніе пріемы служатъ проявленіемъ внутренней жизни, — выраженіемъ религіозныхъ чувствъ и представленій, то они по тому самому могутъ служить нѣкоторою оцѣнкою религіозно-нравственнаго настроенія, характера и склада благочестивой жизни. Это особенно приложимо къ простой неразвитой массѣ народной, гдѣ чувство и его обнаруженіе находятся въ самой тѣсной и непосредственной связи. Но эти обычаи религіозные и внѣшніе пріемы благочестія, какъ явленія обыденныя, составляющія, такъ сказать, правило, обыкновенный порядокъ повседневной жизни, становятся для наблюдателя-соотечествен-

---

[1]) На этихъ основаніяхъ В. О. Ключевскій отказался въ своемъ сочиненіи — «Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ» — описывать нравственное состояніе русскаго общества по свидѣтельствамъ иностранцевъ. Москва 1866 г., стр. 8—9.

ника мало по малу какъ бы незамѣтными: онъ до того съ ними свыкся, что не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, и даже не подозрѣваетъ, чтобы они могли служить оцѣнкою религіозно-нравственнаго настроенія. Для посторонняго же наблюдателя-иностранца, непривыкшаго къ русскому строю нравственной жизни, эти незамѣтныя и незначительныя для насъ явленія сохраняютъ значеніе живыхъ и очень замѣтныхъ чертъ нашихъ религіозныхъ нравовъ и обычаевъ. «Эти черты, говоритъ г. Рущинскій, взятыя съ натуры, даютъ возможность изобразить картину, въ которой выпукло отображается складъ и, такъ сказать, религіозно-нравственная физіономія народа, въ виду которой мы сами, носящіе тотъ же складъ и имѣющіе ту же физіономію, испытываемъ такое же ощущеніе, какъ будто эти образы представлялись намъ въ первый разъ. Поэтому, продолжаетъ тотъ же Рущинскій, описаніе иностранцами, такъ сказать, будничной стороны нашего религіознаго быта, которая ихъ особенно поражала и которая, въ то же время, была имъ вполнѣ доступна, вовсе не такъ маловажно, какъ это можетъ показаться съ перваго раза, и можетъ служить весьма годнымъ матеріаломъ для очерка нашего склада религіозной жизни» [1]).

Но если гдѣ имѣютъ значеніе свидѣтельства иностранцевъ, такъ это въ вопросѣ объ отношеніи русскихъ къ иностранцамъ, какъ къ иновѣрнымъ, такъ и къ православнымъ. Это отношеніе въ томъ его видѣ, въ какомъ оно существовало въ данное время, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ по своимъ послѣдствіямъ нравственно-*національныхъ* чертъ русскаго народа. Къ сожалѣнію, эта черта многими нашими историками почти не примѣчается, или если и разсматривается, то крайне односторонне и безъ должнаго вниманія. Кто же съ такою подробностію и полнотою могъ описать эту знаменательную сторону нашей жизни, какъ не иностранцы, къ которымъ она имѣла ближайшее практическое приложеніе, потому что отъ такого или другаго взгляда и отношенія къ нимъ русскихъ зависѣло такое

---

[1]) Религіозный бытъ русскихъ у иностранцевъ XVI и XVII вв. въ Чтеніяхъ Московск. Императорск. Общества исторіи и древностей россійскихъ, 1871, III, стр. 3—4.

или другое положеніе ихъ среди русскихъ? Относительно этого предмета свидѣтельства иностранцевъ, какъ справедливо утверждаетъ упомянутый г. Рущинскій, имѣютъ для насъ бо́льшее значеніе, чѣмъ отечественныя, имѣющія правительственное происхожденіе, оффиціальный, чуждый искренности, характеръ. Между тѣмъ въ сочиненіяхъ иностранныхъ писателей мы видимъ болѣе простое и болѣе откровенное ихъ отношеніе къ предмету, ихъ личный взглядъ на отношеніе къ нимъ русскихъ, видимъ также и искреннюю исповѣдь ихъ собственныхъ отношеній къ намъ. Конечно, не всѣ сочиненія иностранцевъ имѣютъ одинаковое достоинство, не все и въ болѣе достойныхъ сочиненіяхъ составляетъ для насъ несомнѣнную важность. Это мы будемъ имѣть въ виду при пользованіи иностраннымъ матеріаломъ.

Чтобы не быть односторонними въ своемъ изслѣдованіи, мы взглянемъ на нравственное состояніе русскаго общества и съ той стороны, которой не касались, по крайней мѣрѣ въ своихъ письменныхъ памятникахъ, Максимъ Грекъ, Стоглавый соборъ, м. Даніилъ и другіе современные имъ писатели. Эту обратную свѣтлую сторону въ исторіи внутренней жизни русской церкви мы раскроемъ въ послѣдней главѣ нашего сочиненія.

I.

Шестнадцатый вѣкъ — времена Стоглаваго собора нѣкоторые изслѣдователи называютъ временами темными[1]). Дѣйствительно, нѣтъ возможности отрицать того, что въ разсматриваемый періодъ мракъ невѣжества господствовалъ на всемъ громадномъ пространствѣ сѣверо-восточной Россіи, во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества. Масса заблужденій, самыхъ грубыхъ, нелѣпыхъ суевѣрій и предразсудковъ находили для себя въ этотъ вѣкъ весьма удобную почву, на которой расли и развивались, распространялись и укоренялись съ большою силою. Остатки языческихъ понятій и вѣрованій также находили для себя мѣсто на этомъ дикомъ и невоздѣланномъ полѣ. — Гдѣ же причина такого печальнаго явленія? Почему просвѣщеніе находилось у насъ въ такомъ жалкомъ состояніи? — Главная причина указаннаго явленія заключалась въ отсутствіи образовательныхъ средствъ и учрежденій, или, вѣрнѣе сказать, эти два явленія связаны между собою органически такъ, что одно обусловливается другимъ, и одно необходимо связано съ другимъ. — Нельзя, конечно, утверждать того, чтобы у насъ въ разсматриваемое время ровно нигдѣ и никакихъ школъ не было. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые приходскіе священники, по обычаю предковъ, содержали при церквахъ частныя или домовыя школы грамотности, въ которыя отдавали дѣтей всѣ желающіе, платя учителямъ по уговору. Кое гдѣ существовали подобныя же частныя школы и по монастырямъ. Помимо священниковъ и монаховъ частныя школы могли содержать у себя на дому и всѣ желающіе міряне. Всѣ таковыя школы были элементар-

---

[1]) Исторія русской церкви пр. Филарета, ч. III стр. 112. Въ нашемъ сочиненіи мы постараемся показать, что о временахъ Стоглаваго собора, по сравненію ихъ съ раннѣйшими временами, такого заключенія не должно дѣлать.

ныя, съ самымъ ограниченнымъ кругомъ преподаванія. Но и эти школы были тогда величайшею рѣдкостію: во многихъ мѣстахъ сѣверо-восточной Руси не было ровно никакихъ школъ.

Что правильно организованныхъ школъ, съ кругомъ, превышающимъ элементарное образованіе на сѣверо-восточной Руси въ XVI вѣкѣ, дѣйствительно не было, на это существуютъ несомнѣнныя историческія данныя. Посланіе Новгородскаго архіепископа Геннадія къ митрополиту Симону[1]) ярко рисуетъ предъ нами картину обученія кандидатовъ во священники. «Вотъ, писалъ Геннадій, приводятъ ко мнѣ мужика; я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему (въ священствѣ), и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ. Вотъ и обругалъ всю землю, *будто нѣтъ человѣка на землѣ, кого бы ставить въ священство.* Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не можетъ; *ты говоришь ему то, а онъ другое.* Приказываю учить азбуку, — а они, немного поучившись азбукѣ, просятся прочь, не хотятъ учить ее. А у меня духа не достаетъ ставить неучей въ священники. Мужики-невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню то же, или и больше; за часы особо... А отойдетъ отъ мастера, и ничего не умѣетъ, — едва едва бредетъ по книгѣ; а церковнаго порядка вовсе не знаетъ». И такихъ полуграмотныхъ мужиковъ святитель Геннадій принужденъ былъ ставить во священники, потому что лучшихъ кандидатовъ у него подъ рукой почти не было. Понятно поэтому, почему такъ убѣдительно молитъ Геннадій сначала великаго князя о заведеніи училищъ подъ надзоромъ начальства, потомъ митрополита Симона, чтобы онъ печаловался о томъ предъ государемъ. Впрочемъ, посланіе архіепископа Геннадія — свидѣтельство частнаго лица и говоритъ только объ образованіи духовенства новгородскаго. Но вотъ слова о томъ же предметѣ цѣлаго собора Стоглаваго (1551 г.), касающіяся просвѣщенія въ XVI вѣкѣ всего духовенства. Іоаннъ IV Васильевичъ

---

[1]) Акты историческіе I, № 104.

заявилъ, что «ученики учатся грамотѣ небрегомо»[1]), т. е. что ихъ обучаютъ небрежно. Отцы же собора свидѣтельствовали: «Ставленники, хотящіе ставиться въ дьяконы и попы, грамотѣ мало умѣютъ, и святителемъ ихъ поставити ино сопротивно священнымъ правиломъ, а не поставити ино святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православные хрестьяне учнутъ безъ покаянія умирати.... Когда святители спрашиваютъ ставленниковъ, почему они мало грамотѣ умѣютъ, они отвѣтъ чинятъ: мы-де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ намъ учитися негдѣ; сколько отцы наши и мастеры умѣютъ, потому и насъ учатъ. А отцы ихъ и мастеры ихъ и сами потому же мало умѣютъ, и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учитися имъ негдѣ»[2]). Вотъ въ какомъ жалкомъ положеніи находилось просвѣщеніе на Руси въ половинѣ XVI вѣка, слѣдовательно, на убѣдительныя просьбы святителя Геннадія о заведеніи школъ мало или почти вовсе не обратили вниманія. Но такое до крайности печальное положеніе должно было настоятельно требовать заботъ объ измѣненіи его къ лучшему. Потребность въ училищахъ для образованія священнослужителей настолько сдѣлалась ощутительна, что не удовлетворить ей стало невозможнымъ. Соборъ созналъ, что ставить въ попы и дьяконы неучей — противно священнымъ правиламъ, а не ставить таковыхъ — святыя церкви будутъ безъ пѣнія и православные христіане начнутъ умирать безъ покаянія, — и вотъ сдѣланы на соборѣ распоряженія о заведеніи школъ. — Какія же школы думалъ завести Стоглавый соборъ, какой кругъ познаній считалъ онъ достаточнымъ для священнослужителей, для духовныхъ руководителей темнаго народа? — Весьма умѣренны были въ этомъ отношеніи желанія отцовъ собора.

1. Въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ духовенство должно избирать изъ среды себя способныхъ людей для обученія дѣтей духовнаго званія «грамотѣ, книжному письму и церковному пѣнію, псалтырному и налойному чтенію».

---

[1]) Стоглавъ, гл. 5., вопр. 6.
[2]) Ibid. гл. 25.

2. Избирать наставниковъ, имѣющихъ страхъ Божій въ сердцѣ, благочестивыхъ, «грамотѣ чести и писати горазднхъ, могущихъ и иныхъ пользовати». Въ должность сію можно поставлять и не священниковъ и діаконовъ, а даже причетниковъ, только женатыхъ. (Это ограниченіе, какъ увидимъ, имѣло тогда свой особый смыслъ).

3. Наставники должны въ воспитанникахъ блюсти чистоту нравственную, особенно же цѣломудріе.

4. Занимать ихъ въ церквахъ чтеніемъ, пѣніемъ и проч., и тамъ преимущественно внушать имъ страхъ Божій и благочестіе; также давать имъ для упражненія книги, которыя соборная, апостольская церковь пріемлетъ, «чтобы они и впредь могли не только себѣ, но и прочихъ пользовати».

5. Училища могутъ быть помѣщаемы въ домахъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя будутъ занимать должность учителей. Впрочемъ, не только духовенство, *но и всѣ православные христіане* могутъ и должны отдавать своихъ дѣтей въ сіи училища въ наученіе грамотѣ [1]).

Прошло цѣлыхъ полстолѣтія отъ времени извѣстнаго Геннадія до Стоглаваго собора, а понятіе о признававшемся необходимымъ курсѣ ученія для священнослужителей нисколько не расширилось. Не того же ли желалъ и Геннадій, когда писалъ: «Совѣтъ мой о томъ, чему учить, такой: сперва пусть будетъ истолкована азбука съ гранями, потомъ подтительная; затѣмъ выучить твердо псалтирь съ возслѣдованіемъ; когда выучитъ это, можетъ (учащійся) канонархать и читать всякую книгу [2]).

Таковы начало и конецъ первой половины XVI столѣтія, а по началу и концу можно судить и о срединѣ.

Послѣ этого не можетъ быть даже и рѣчи о какомъ бы то ни было научномъ образованіи русскаго народа въ означенное время. Если бы тогда и дѣйствительно въ достаточномъ количествѣ существовали, постояно и какъ слѣдуетъ поддерживались школы, подобныя проэктируемымъ Стоглавымъ соборомъ, то чему можно было обучиться въ нихъ, кромѣ мастерства механически «писати и пѣти

1) Стоглав. гл. 26-й.
2) Акты историч. т. I, № 104.

и чести?» Но подобныя школы, само собою очевидно, не могли давать никакого разсудочнаго образованія, никакого развитія мыслительныхъ силъ, никакого серьезнаго знанія. «Гдѣ тутъ знаніе вѣры?» спрашиваетъ пр. Филаретъ при взглядѣ на тогдашній курсъ ученія. «Гдѣ знаніе правилъ жизни духовной? Гдѣ знаніе исторіи церкви, ея обрядовъ, ея благочинія?» [1]) Но къ большему еще сожалѣнію необходимо сказать, что и такихъ чисто элементарныхъ школъ, которыя бы были *правильно организованы и находились подъ особеннымъ контролемъ начальства*, чего такъ желалъ Геннадій, у насъ тогда едва ли можно было найти. Даже послѣ Стоглаваго собора, когда нужда въ училищахъ была такъ живо и сильно сознана, когда сдѣланы оффиціальныя распоряженія о заведеніи училищъ, и эти распоряженія разосланы въ разныя части государства для приведенія въ исполненіе [2]), такъ и послѣ Стоглаваго собора не видимъ, чтобы школьное дѣло сколько нибудь подвинулось. Иностранные писатели второй половины XVI вѣка свидѣтельствуютъ, что въ Россіи вовсе не было ни коллегій, ни академій, а были только кое-какія школы, въ которыхъ учились дѣти читать и писать [3]). Это свидѣтельство извѣстнаго Антонія Поссевина, бывшаго у насъ въ 1581 году. Немного ранѣе его (1576 г.) другой иностранецъ, Іоаннъ Кобенцель, пишетъ: «во всей Московіи (in universa Moskovia) нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, чему можно научиться въ монастыряхъ [4]). Итакъ и во второй половинѣ XVI вѣка во всей Московіи не было школъ, кромѣ тѣхъ, которыя по словамъ Кобенцеля, существовали при монастыряхъ. Эти жалкія подобія школъ находились, надо полагать со всею вѣроятностію, и при нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ, а равнымъ образомъ ихъ могли имѣть и желающіе міряне.

Рождается вопросъ, отчего у насъ дѣло школьнаго образо-

---

[1]) Истор. русск. церкви ч. III, стр. 95, примѣч. 233.

[2]) Что видно, напр., изъ наказной граматы митропол. Макарія по Стоглавому собору «въ пресловущій градъ Каргополь». Пр. Соб. 1863 г. ч. I, 87.

[3]) Antonius Possevinus. De rebus Moskoviticis, apud Starczewsk. — Historiae Ruthenicae scriptores exteri, vol. II, p. 277.

[4]) Ioan. Cobencel. De legat. ad Moskovit., ibid. II, p. 15.

ванія, не смотря на весьма ощутительную потребность въ грамотныхъ людяхъ, не смотря на желанія и распоряженія правительства завести сколько нибудь порядочныя частныя или домовыя училища, нисколько не развивалось, если только не падало?

Главная причина этого заключалась въ томъ, что соборъ, рѣшивъ завести школы, ничѣмъ не гарантировалъ существованіе этихъ школъ, а все предоставилъ доброй волѣ духовныхъ отцовъ. Сейчасъ мы увидимъ, каковы были тогдашніе отцы духовные и чего можно было ожидать отъ нихъ въ этомъ отношеніи. Когда еще митрополитъ Ѳеодосій (1461—1464), видя крайне печальное состояніе подчиненнаго ему духовенства, рѣшился «нуждою навести ихъ на Божій путь» и началъ собирать къ себѣ священниковъ для духовныхъ бесѣдъ и наставленій по святымъ правиламъ, то встрѣтилъ такое сильное противодѣйствіе въ средѣ духовенства, что принужденъ былъ оставить митрополію [1]). Новгородскій же архіепископъ Геннадій не могъ готовящихся во священники научить даже самымъ необходимымъ требованіямъ въ церковномъ обиходѣ, потому что сейчасъ разбѣгались. «Приказываю учить азбуку, писалъ онъ, — и они, немного поучившись азбукѣ, *просятся прочь, не хотятъ учить ее* [2]). Неудивительно послѣ этого, если наше духовенство поразило Поссевина крайнимъ невѣдѣніемъ даже основныхъ началъ грамоты — in (sacerdotibus) omnibus mira interiorum litterarum ignoratio est, — выражается онъ,— и если Флетчеръ отзывается о нашихъ попахъ, какъ круглыхъ невѣждахъ [3]). Годились ли такіе нерадивые и малограмотные священики въ школьные учители и могли ли они содѣйствовать заведенію при своихъ церквахъ школъ и процвѣтанію ихъ? Печальные результаты отвѣчаютъ на это.

Но характеризуя съ этой стороны духовныхъ учителей, доброй волѣ которыхъ отцы Стоглаваго собора поручали дѣло народнаго образованія, нельзя забывать и того обстоятельства, что пробудив-

---

[1]) Полное собраніе рус. лѣтоп. VI, 186.

[2]) Акты истор. т. I, № 104.

[3]) Possevin., apud Starczew. vol. II, p. 230. Чт. Общ. Ист. 1871, III, 170—171. Религіозн. бытъ рус. у иностр.

жеспуся сознанію въ необходимости образованія, въ лицѣ нѣкоторыхъ учителей громко и открыто заявлена была прямая оппозиція. Явились такія лица, которыя просвѣщеніе считали ересью, а въ чтеніи книгъ видѣли путь къ умопомѣшательству. «Мнящіися быти учители, жаловался Курбскій, говорили прельщающе юношей тщаливыхъ къ наукѣ, хотящихъ навыкати писанія, съ прещеніемъ заповѣдывали имъ глаголюще: «не читайте книгъ многихъ», при чемъ указывали на тѣхъ, кто «ума изступилъ, а онсица въ книгахъ занелся, а онсица въ ересь впалъ». «О бѣда», восклицаетъ Курбскій, «отнимаютъ оружіе, которымъ еретики обличаются, а другіе исправляются и врачевство смертоноснымъ ядомъ называютъ» [1]). Согласно съ Курбскимъ, но гораздо подробнѣе, свидѣтельствуетъ о томъ же старецъ Артемій. «Отъ нѣкихъ мнящихся быти учителей глаголются словеса: «грѣхъ простымъ чести апостолъ и евангеліе. И иnози отъ ненаказанныхъ бояться и въ руки взяти (означенныя книги). И паки: «не чти много книгъ, да не во ересь впадеши!» И аще кому прилучится недугъ, отъ негоже человѣкъ естественнаго смысла испадетъ, тоже прельщающе, глаголютъ: «зашелся есть въ книгахъ!» Еже, егда благодати божественной поспѣшествующи, отъ прочитанія книжнаго уразумѣвъ кто истину, дѣйствовати начнетъ заповѣди Господня, и преуспѣваетъ въ любви Божіа премудрости, и отъ сего бываетъ ему понужи отлучитися мыслію отъ молвы мірскія, и тещи въ слѣдъ Бога, и о таковыхъ неискусне тоже глаголютъ, якоже и Фистъ къ Павлу рече: многія тя книги въ неистовство прелагаютъ!» Но сицевая глаголющи (какъ и слѣдовало ожидать) сами ненаказани; хотятъ, да и прочіи по нихъ безъ наказанія будутъ, да необличенна будетъ злоба [2]).

Быть можетъ, распространеніе вышеприведенныхъ мнѣній и было причиною, почему просвѣщеннѣйшіе сыны XVI вѣка и особенно митр. Даніилъ такъ часто и съ такою настойчивостію убѣждали современниковъ читать «божественныя писанія», полагая въ этомъ

---

[1]) Описаніе рукописей Румянцевскаго музея — Востокова, стр. 554.

[2]) Послан. старца Артемія XVI в., стр. 1383—1384. Русская историческая библіотека 1878 г. т. 4, кн. 1.

корень всякой добродѣтели и источникъ душевнаго спасенія [1]). Съ другой стороны, эти же мнѣнія, вѣроятно, встрѣчали иностранцы, почему и обвиняли, однакожъ, по справедливому замѣчанію г. Рущинскаго, несогласно съ исторической правдой, *все* наше духовенство и свѣтское правительство въ грубомъ, намѣренномъ удерживаніи народа во тьмѣ невѣжества. Первое, по ихъ мнѣнію, боялось посвѣщенія, какъ бы оно не изобличило собственное его невѣжество; второе опасалось просвѣщенія, полагая, что вмѣстѣ съ его распространеніемъ должны постепенно ослабѣвать узы рабства, въ которыхъ оно такъ крѣпко держало народъ. Въ частности о Грозномъ прибавляютъ, что онъ просто не терпѣлъ, чтобы кто нибудь былъ выше его по образованію [2]). Но если бы дѣйствителъно у насъ имѣли мѣсто указанныя причины, то не чѣмъ было бы объяснить распоряженій Стоглава о заведеніи школъ и въ частности въ приложеніи къ Грозному, посольство имъ въ чужія страны Шмитта не за одними только хорошими мастерами, но и за научно-образованными людьми. Нѣтъ, у насъ существовали другія причины, достаточно объясняющія, почему школы у насъ не распространялись и не процвѣтали.

По тѣмъ же причинамъ, которыя по нашему объясненію, препятствовали распространенію школъ при приходскихъ церквахъ, не могли процвѣтать школы и при монастыряхъ. Ниже мы увидимъ, какъ невѣжественно было тогдашнее монашество. Теперь же укажемъ еще одну причину, которая не могла не содѣйствовать паденію монастырскихъ школъ, это — крайне развившійся въ то время противоестественный грѣхъ содомскій, вызвавшій, въ числѣ другихъ распоряженій Стоглаваго собора, особенное постановленіе — не держать въ монастыряхъ «голоусыхъ». Въ сборникахъ XVI вѣка встрѣчаются поученія, въ которыхъ говорится, что въ монастырь не должно пускать мальчиковъ, хотя бы они приходили туда обучаться грамотѣ, и что монахамъ неприлично заниматься обученіемъ [3]). Вотъ объясненіе, почему въ XVI вѣкѣ школы не могли

---

1) Сборн. митр. Даніила, рукоп. М. Д. Акад. № 197, л.: 93, 217, 277.
2) Чт. Общ. Ист. 1871 г. 190—192. Рел. бытъ русскихъ у иностр.
3) Прав. соб. 1862 г. Февраль.

скій и преувеличиваетъ, но во всякомъ случаѣ никакъ нельзя думать, чтобы у насъ существовали въ славянскомъ переводѣ всѣ тѣ сочиненія, которыя цитуются въ «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоколамскаго и «Сборникѣ» митр. Даніила. Судя по этимъ цитатамъ, можно было бы предположить, что у насъ существовала богатѣйшая отеческая библіотека и на славянскомъ языкѣ. Въ «Просвѣтителѣ», напр., насчитываютъ до 40 разныхъ писателей, а въ «Сборникѣ» до 50. Это явленіе объясняется легко и безъ предположенія такой библіотеки. У насъ существовали на славянскомъ языкѣ готовые сборники съ выдержками изъ разныхъ св. отцевъ и учителей церкви, каковы: сборникъ Святославовъ (въ списк. XI и XV вв.), сборники поученій на дни воскресные и праздничные (XII, XIII и XV вв.), Златая цѣпь (XIV — XV) и особенно громадные сборники Никона Черноризца — Тактиконъ и Пандекты (XIII — XIV вв.). Изъ этихъ-то сборниковъ и выбирали нужныя мѣста Іосифъ и Даніилъ [1]).

Но изъ тѣхъ рукописныхъ книгъ, которыя существовали на Руси въ XVI в. всѣ ли находились въ употребленіи? Не лежала ли большая часть ихъ въ мѣстахъ, или вовсе никому недоступныхъ, или доступныхъ только немногимъ? Знаменитая великокняжеская библіотека [2]), цѣлыхъ сто лѣтъ не отпиравшаяся, отворилась во дни Максима Грека, какъ будто за тѣмъ только, чтобы изумить святогорца своимъ богатствомъ, и удѣлила ему изъ своихъ сокровищъ только Псалтирь толковую, да еще двѣ-три книги имъ же переведенныя на русскій языкъ: Толкованія на Дѣянія апостольскія и бесѣды Златоустаго на Евангеліе отъ Матѳея и Іоанна. Но, впрочемъ, эта библіотека состояла преимущественно, если не исключительно, изъ рукописей греческихъ и латинскихъ, пріобрѣ-

---

[1]) Истор. рус. церкви преосв. Макарія т. 7, стр. 225.

[2]) Эту библіотеку около 1565 г. видѣлъ одинъ Дерптскій пасторъ Іоаннъ Веттерманъ. Изъ описанія библіотеки в. кн. Василья Іоанновича и царя Іоанна IV, которое составлено франц. Клоссіусомъ, видно, что около того же времени другой какой-то нѣмецъ гораздо подробнѣе разсматривалъ означенную библіотеку и сдѣлалъ о ней свои замѣтки. По догадкамъ того же Клоссіуса, библіотека эта погибла во время смятеній при Лжедимитріяхъ, можетъ быть, при сожженіи Москвы въ 1611 г. Жур. Мин. Нар. Пр. II, отд. 2, стр. [illegible].

тенныхъ нашими князьями съ востока въ подарокъ и за деньги. У насъ были и другія библіотеки съ славянскими рукописями и сравнительно въ большомъ количествѣ, — это библіотеки монастырскія. Особенно богаты были библіотеки монастырей: Троицко-Сергіева, Кирилло-Бѣлоозерскаго и Іосифова Волоколамскаго. Эти библіотеки, надо сказать, были въ употребленіи, ими могли пользоваться и дѣйствительно пользовались любознательные монахи. Но въ эти монастырскія книгохранилища не было доступа бѣлому духовенству, а тѣмъ болѣе мірянамъ [1]).

Говоря о рукописяхъ, какъ о средствѣ къ просвѣщенію, нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что многія рукописи въ этомъ отношеніи представляли большія неудобства. Рукописныя книги, существовавшія въ древней Руси, состояли преимущественно изъ переводовъ, появившихся у насъ вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства. Но при самопросвѣщеніи переводною литературою предки наши—люди совсѣмъ необразованные, но только грамотные, только умѣвшіе читать — должны были встрѣчать весьма большое затрудненіе. Относительно греческихъ книгъ, существовавшихъ въ славянскомъ переводѣ, должно замѣтить, что онѣ не были написаны съ спеціальною цѣлію для людей, умѣющихъ только грамотѣ, подобно нынѣшнимъ книжкамъ для простаго народа, но для людей образованныхъ, писаны тѣмъ искуственнымъ книжнымъ языкомъ, который и на самой послѣдней степени своей простоты для человѣка, ограниченнаго въ своемъ образованіи только умѣньемъ читать, есть мудрость полузапечатлѣнная. Эта мудрость должна была запечатлѣваться для нашихъ предковъ еще болѣе отъ того, что строй греческаго языка весьма отличенъ отъ строя языка славянскаго и что вслѣдствіе этого въ переводахъ, сдѣланныхъ большею частію съ буквальною точностію, весьма не малое выходило такъ, что было бы совсѣмъ невразумительнымъ безъ подлинника и для человѣка образованнаго. Изъ сравнительно небѣдной переводной литературы, которая существовала на Руси, предки наши для своего самопросвѣщенія могли выбрать весьма ограниченное количество книгъ, и

[1]) Подробнѣе о нашихъ библіотекахъ въ XVI в. можно читать въ истор. русск. церк. преосв. Макарія т. 7, 116—120.

скій и преувеличиваетъ, но во всякомъ случаѣ никакъ нельзя думать, чтобы у насъ существовали въ славянскомъ переводѣ всѣ тѣ сочиненія, которыя цитуются въ «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоколамскаго и «Сборникѣ» митр. Даніила. Судя по этимъ цитатамъ, можно было бы предположить, что у насъ существовала богатѣйшая отеческая библіотека и на славянскомъ языкѣ. Въ «Просвѣтителѣ», напр., насчитываютъ до 40 разныхъ писателей, а въ «Сборникѣ» до 50. Это явленіе объясняется легко и безъ предположенія такой библіотеки. У насъ существовали на славянскомъ языкѣ готовые сборники съ выдержками изъ разныхъ св. отцевъ и учителей церкви, каковы: сборникъ Святославовъ (въ списк. XI и XV вв.), сборники поученій на дни воскресные и праздничные (XII, XIII и XV вв.), Златая цѣпь (XIV — XV) и особенно громадные сборники Никона Черноризца — Тактиконъ и Пандекты (XIII — XIV вв.). Изъ этихъ-то сборниковъ и выбирали нужныя мѣста Іосифъ и Даніилъ [1]).

Но изъ тѣхъ рукописныхъ книгъ, которыя существовали на Руси въ XVI в. всѣ ли находились въ употребленіи? Не лежала ли большая часть ихъ въ мѣстахъ, или вовсе никому недоступныхъ, или доступныхъ только немногимъ? Знаменитая великокняжеская библіотека [2]), цѣлыхъ сто лѣтъ не отпиравшаяся, отворилась во дни Максима Грека, какъ будто за тѣмъ только, чтобы изумить святогорца своимъ богатствомъ, и удѣлила ему изъ своихъ сокровищъ только Псалтирь толковую, да еще двѣ-три книги имъ же переведенныя на русскій языкъ: Толкованія на Дѣянія апостольскія и бесѣды Златоустовы на Евангеліе отъ Матѳея и Іоанна. Но, впрочемъ, эта библіотека состояла преимущественно, если не исключительно, изъ рукописей греческихъ и латинскихъ, пріобрѣ-

---

[1]) Истор. рус. церкв. преосв. Макарія т. 7, стр. 225.

[2]) Эту библіотеку около 1565 г. видѣлъ одинъ Дерптскій пасторъ Іоаннъ Виттерманъ. Изъ описанія библіотеки в. кн. Василья Іоанновича и царя Іоанна IV, которое составлено Фридр. Клоссіусомъ, видно, что около того же времени другой какой-то нѣмецъ гораздо подробнѣе разсматривалъ означенную библіотеку и сдѣлалъ о ней свои замѣтки. По догадкамъ того же Клоссіуса, библіотека эта погибла во время смятеній при Лжедимитріяхъ, можетъ быть, при сожженіи Москвы въ 1611 г. Жур. Мин. Нар. Пр. II, отд. 2, стр. 401—414.

тенныхъ нашими князьями съ востока въ подарокъ и за деньги. У насъ были и другія библіотеки съ славянскими рукописями и сравнительно въ большомъ количествѣ,—это библіотеки монастырскія. Особенно богаты были библіотеки монастырей: Троицко-Сергіева, Кирилло-Бѣлоозерскаго и Іосифова Волоколамскаго. Эти библіотеки, надо сказать, были въ употребленіи, ими могли пользоваться и дѣйствительно пользовались любознательные монахи. Но въ эти монастырскія книгохранилища не было доступа бѣлому духовенству, а тѣмъ болѣе мірянамъ [1]).

Говоря о рукописяхъ, какъ о средствѣ къ просвѣщенію, нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что многія рукописи въ этомъ отношеніи представляли большія неудобства. Рукописныя книги, существовавшія въ древней Руси, состояли преимущественно изъ переводовъ, появившихся у насъ вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства. Но при самопросвѣщеніи переводною литературою предки наши—люди совсѣмъ необразованные, но только грамотные, только умѣвшіе читать—должны были встрѣчать весьма большое затрудненіе. Относительно греческихъ книгъ, существовавшихъ въ славянскомъ переводѣ, должно замѣтить, что онѣ не были написаны съ спеціальною цѣлію для людей, умѣющихъ только грамотѣ, подобно нынѣшнимъ книжкамъ для простаго народа, но для людей образованныхъ, писаны тѣмъ искуственнымъ книжнымъ языкомъ, который и на самой послѣдней степени своей простоты для человѣка, ограниченнаго въ своемъ образованіи только умѣньемъ читать, есть мудрость полузапечатлѣнная. Эта мудрость должна была запечатлѣваться для нашихъ предковъ еще болѣе отъ того, что строй греческаго языка весьма отличенъ отъ строя языка славянскаго и что вслѣдствіе этого въ переводахъ, сдѣланныхъ большею частію съ буквальною точностію, весьма не малое выходило такъ, что было бы совсѣмъ невразумительнымъ безъ подлинника и для человѣка образованнаго. Изъ сравнительно небѣдной переводной литературы, которая существовала на Руси, предки наши для своего самопросвѣщенія могли выбрать весьма ограниченное количество книгъ, и

[1]) Подробнѣе о нашихъ библіотекахъ въ XVI в. можно читать въ истор. русск. церк. преосв. Макарія т. 7, 116—120.

... сейчас указанной нами, но еще и по ... важныхъ. Историческія книги могутъ ... интересъ только людей образованныхъ, обла... взгляда. Для людей же, не обладав... образованностію, исторія получаетъ интересъ ... теряя совершенно характеръ исторіи, пре... сказку. Поэтому, весьма естественно ... предки изъ книгъ историческихъ читали ... баснословныя сочиненія, въ родѣ Александріи ..., приложенная къ хронографу Іоанна Малалы ... касается книгъ догматическаго содержанія, то ... при всей своей охотѣ читать ихъ, воздержи... этого чтенія, потому что необходимость толко... для пониманія книгъ означеннаго со... опасностью сдѣлаться людьми ненамѣренно ... ненарочными еретиками. Книги важныя, но не... люди малограмотные всегда предпочитають ... читать, но неправо разумѣть. Наиболѣе ... для предковъ нашихъ были книги нраво... и надо полагать, что эти книги были для нихъ ... преимущественнымъ чтеніемъ. Понятно, что и ... предпочиталось то, что было проще и что ... вкусу, т. е. житія святыхъ, гдѣ нравоученія ... примѣрахъ и въ драматической формѣ по... книгъ, который служилъ нашимъ предкамъ ... по своему составу былъ весьма ограниченъ.

... рукописей XVI вѣка необходимо сдѣлать еще слѣ... ...чаніе. Рукописи наши въ этомъ вѣкѣ постигла ... въ частности, какъ извѣстно, и церковно-богослу... ... нихъ очень много было различныхъ ошибокъ и ... же эти ошибки было нѣкому, такъ какъ ... языка у насъ не было. Поэтому, при списы... ...лось дѣйствовать наугадъ даже такимъ ли... митрополитъ Іоасафъ, помѣстившій въ нѣко... ..., имъ переписанныхъ, слѣдующее предисловіе:

въ древней Россіи Библіи на славянскомъ языкѣ (за небольшимъ и неважнымъ исключеніемъ только книгъ Маккавейскихъ), благодаря трудамъ первоучителей славянскихъ Константина и Меѳодія, едва ли подлежитъ сомнѣнію. Со временъ же Геннадія, благодаря именно его пастырскимъ усиліямъ, церковь русская снова обогатилась этимъ потеряннымъ было сокровищемъ. Но конечно, Библія до появленія у насъ книгопечатанія существовала въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и пріобрѣсть таковой, по всей вѣроятности, не имѣли возможности и люди богатые, даже большинство церквей. — Итакъ, повторяемъ—въ древней Россіи читали и имѣли возможность читать книги и такимъ образомъ до нѣкоторой степени самопросвѣщались и имѣли возможность самопросвѣщаться весьма немногіе.

Но если бы мы, разсуждая о просвѣщеніи на Руси въ XVI в. ограничились только сказаннымъ, то предметъ оказался бы разсмотрѣннымъ не со всѣхъ сторонъ. Мы упустили бы изъ виду одно важное историческое обстоятельство, которое не могло не служить тормазомъ (если можно такъ выразиться) просвѣщенія, даже и тогда, когда нужду въ этомъ послѣднемъ сознало бы большинство русскаго общества и если бы распоряженія Стоглаваго собора о заведеніи школъ нашли себѣ полное сочувствіе въ тѣхъ, кому оныя вѣдать надлежало, чего однако, какъ мы видѣли, не случилось. Разумѣемъ тогдашній взглядъ на просвѣщеніе.

Что же такое было просвѣщеніе по понятіямъ нашихъ предковъ? — Знаніе единственно и исключительно Св. Писанія, особенно отеческихъ твореній и всего, что носило на себѣ печать или внѣшній характеръ этихъ послѣднихъ. Вотъ та твердая почва, съ которой ничто не могло свести Русскихъ! Вотъ единственный идеалъ знанія, къ посильному осуществленію котораго стремился «тщаливый къ наущѣ» сынъ древней Россіи! Никакого самостоятельнаго изслѣдованія, никакого свободнаго сужденія не только въ дѣлахъ Вѣры, но даже въ вопросахъ, касающихся житейскаго быта, принадлежащихъ къ области естественной любознательности и чистому знанію, — словомъ, нигдѣ и ни въ чемъ русскій человѣкъ не позволялъ себѣ мыслить иначе, нежели какъ требовали того не только

преданіе церкви и общій духъ ученія отцевъ, что конечно разумно и достойно всякой похвалы, но чего требовали частная мысль, личное предположеніе того или другаго отца, даже противорѣчившія ученію христіанскому (въ родѣ ученія Иринея, епископа Ліонскаго, о хиліазмѣ). Для него въ ученіи отцевъ и въ томъ, что носило на себѣ только печать этихъ послѣднихъ, все безъ исключенія было непреложною, святою истиною. Здѣсь онъ искалъ готоваго отвѣта на всѣ встрѣчающіеся вопросы; отсюда онъ черпалъ запасъ готовыхъ свѣдѣній, которыя только одни должны были служить мѣриломъ и основаніемъ для собственныхъ его взглядовъ и сужденій. Въ такомъ совсѣмъ неправильномъ воззрѣніи на ученіе отцовъ и учителей церкви и заключается другая важная причина, помимо отсутствія образованія, того явленія, что у насъ впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ самобытная письменность не имѣла внутренняго прогресса, а лишь одно внѣшнее развитіе формъ и пріемовъ. Это и понятно. Для подобнаго прогресса необходимо свободное и самостоятельное изслѣдованіе. Но такого изслѣдованія у насъ не позволяли вслѣдствіе указаннаго неправильнаго взгляда на ученіе отцевъ и учителей церкви. При свободномъ и самостоятельномъ изслѣдованіи невольно рождалась боязнь за цѣлость и неприкосновенность означенныхъ авторитетовъ. Какъ ни будь остороженъ, а при подобномъ свободномъ изслѣдованіи всегда представлялась возможность коснуться неосторожнымъ словомъ отеческаго ученія, обнаружить какое либо сомнѣніе въ этомъ, по тогдашнему, безусловно, безъ всякаго исключенія правильномъ ученіи: а это считалось прямымъ и рѣшительнымъ посягательствомъ на значеніе и авторитетъ отцовъ и учителей церкви и, значитъ, навлекало на такого изслѣдователя *законное* преслѣдованіе. Отсюда понятно, почему у насъ такъ строго преслѣдовали все то, что такъ или иначе могло повести къ уклоненію отъ принятыхъ мнѣній и убѣжденій, колебало обычную и законную почву для всякихъ изслѣдованій. Тотъ же, кто твердо стоялъ на этой почвѣ отеческихъ ученій, этотъ чурался всякихъ изслѣдованій, гналъ отъ себя даже попытку критически отнестись къ тому или другому существующему воззрѣнію, считая это гордостію ума — грѣхомъ непростительнымъ, произведенiемъ діавола.

Итакъ, свободомысліе [1]) — это необходимое условіе умственнаго прогресса — служило у насъ въ XVI в. для однихъ — небольшаго количества его приверженцевъ — источникомъ всякихъ бѣдствій, а для другихъ — громаднаго большинства — страшнымъ пугаломъ, угрожающимъ участью діавола. «Всѣмъ бѣдамъ мати мнѣніе, мнѣніе — второе паденіе» [2]), разсуждалъ одинъ русскій книжникъ того времени, старавшійся объяснить причину «нелюбки» и «не смирной вражды» между Кирилло-Бѣлоозерскимъ и Іосифо-Волоколамскимъ монастырями и пораженный печальнымъ ея исходомъ. (Князь Вассіанъ, какъ извѣстно, заточенъ былъ въ Іосифовомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ. Ниже о семъ яснѣе будетъ сказано).

При такомъ порядкѣ вещей возможно ли и говорить о распространеніи у насъ какихъ либо научныхъ знаній, напр. по философіи, физикѣ, химіи, медицинѣ, географіи и т. п.? [3]) Занятія этими предметами, дотолѣ вовсе неизвѣстными русскимъ, по одной только своей новизнѣ должны были внушать сомнѣнія касательно чистоты своего происхожденія, казаться просто опаснымъ изобрѣтеніемъ темныхъ силъ, дьявольскимъ навожденіемъ. Такъ именно взглянули у насъ въ XVII в. на Олеарія и его камеру-обскуру [4]). А вѣдь это были потомки вѣрные традиціямъ предковъ, при томъ имѣвшіе болѣе случаевъ познакомиться съ иностранцами и ихъ образованіемъ [5]).

---

[1]) Конечно, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, а не какое либо дерзкое вольнодумство.

[2]) Приб. къ Твор. св. отц. ч. X, 1851 г., стр. 508. Объ отнош. Іосиф. и Кирил. монастырей.

[3]) Каковы, напр., были свѣдѣнія русскихъ по географіи и зоологіи, видно изъ «Бесѣды трехъ святителей». Иванъ Злат. рече: кольки великихъ горъ и морь и рѣкъ великихъ? Григорій Богословъ рече: 14 горъ великихъ аравитскихъ горъ, а морь великихъ 12, сквозе землю идутъ, а рѣкъ 30 великихъ, изъ рая идутъ 4 рѣки. Иванъ рече: кольки острововъ великихъ? Василій рече: 72, а въ тѣхъ островахъ 72 языка различныхъ имянъ. А костей въ человѣкѣ полтретья ста 45, а составовъ только же. (Пр. Соб. 1861 г. I, 255). Подобные апокрифы, при отсутствіи у насъ образованія, а слѣдовательно, научной критики должны были имѣть совсѣмъ не такое значеніе, какое имѣли они тогда на сравнительно образованномъ Западѣ, — у насъ они дѣйствительно могли служить средствомъ къ пріобрѣтенію различнаго рода свѣдѣній.

[4]) Ист. рус. госуд. Солов. VIII т., стр. 257.

[5]) Вспомнимъ, напр., войны Лифляндскую и Польскую.

Однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій къ распространенію у насъ европейскаго просвѣщенія, кромѣ указанныхъ причинъ — рабскаго благоговѣнія предъ установившемся вѣками, подъ вліяніемъ церкви, кругомъ понятій и убѣжденій и, отсюда, боязни свободнаго самостоятельнаго изслѣдованія, служило то обстоятельство, что русскіе относились къ иностранцамъ не только съ недовѣріемъ и неприязнію, но даже съ полнымъ отвращеніемъ и презрѣніемъ. Эти чувства къ иностранцамъ составляли крѣпкую и высокую стѣну, долгое время преграждавшую путь западному просвѣщенію въ наше государство. — Основаніе этой преграды заложено въ глубокой древности и именно греками. Эти послѣдніе вмѣстѣ съ религіей завѣщали русскимъ и свою ненависть къ католической церкви, которая (ненависть) впослѣдствіи перенесена была на всѣхъ иностранцевъ и на все западное. Такъ еще въ символѣ вѣры, преподанномъ князю Владиміру послѣ крещенія, находится извѣстное наставленіе новокрещенному: «не принимай же ученья отъ Латынъ, ихъ же ученье развращено». Это предостереженіе, сдѣланное вслѣдствіе опасенія греческой іерархіи на счетъ домогательствъ папъ — подчинить Россію въ церковномъ отношеніи своей власти, стало темой для всѣхъ послѣдующихъ охранителей чистоты православія. Вотъ что, наприм., пр. Ѳеодосій Печерскій писалъ въ своемъ посланіи къ Изяславу: «съ послѣдователями варяжской вѣры не должно имѣть общенія ни по дѣламъ брачнымъ, ни въ причастіи... ни въ пищѣ» (за нѣкоторыми впрочемъ исключеніями)[1]). Помнили эту заповѣдь и въ XVI вѣкѣ. Въ одномъ сборникѣ этого времени читаемъ: «въ латинскую церковь не подобаетъ входити, ни пити съ ними изъ единой чаши, ни ясти, ни понагія имъ дати»[2]). За что же духовенство старалось удалить русскихъ отъ всякаго общенія съ папистами? Главное, разумѣется, за догматическія разности. Но такъ какъ догматическія разности предметъ слишкомъ отвлеченный и потому не всѣмъ и каждому доступный, особенно при умственной неразвитости нашихъ предковъ, то блюстители чистоты православія

---

[1]) Ист. р. ц. преосв. Макарія т. II, 213 — 214.
[2]) Пр. Соб. 1861 г. I, 340.

старались отрицательно дѣйствовать на воображеніе своихъ слушателей, показывая имъ, что «многа злая дѣла суть у нихъ» (Латынянъ) «его же ни жидова творятъ, то они творятъ». Что же это за злыя дѣла? «Ядятъ со псы, и съ кошками, и пьютъ свой сецъ (!); ядятъ дикіе кони, и ослы, и удавленину, и мертвечину (!), и медвѣдину, и бобровину и хвостъ бобровъ... А попове ихъ не женяться законною женитьвою, но сробами дѣти добываютъ... а пискупи ихъ наложницы держатъ... Иконъ не цѣлують, ни мощей святыхъ; а крестъ цѣлуютъ написавше на земли, и ставше попираютъ его ногами»[1]). Подобныя картины естественно возбуждали отвращеніе къ западной церкви, и это отвращеніе расло и укрѣплялось вмѣстѣ съ попытками папъ олатинить церковь русскую. Не удивительно послѣ этого, если русскому человѣку бѣсъ сталъ представляться въ видѣ ляха[2]). Самъ арх. Геннадій называетъ западъ просто «адомъ»[3]). Новгородскіе паломники, ѣздившіе на западъ, разсказывали, что доходили они до ада, видѣли истекающую изъ преисподней молнійную рѣку Моргъ; видѣли на дышущемъ морѣ червь неусыпающій; слышали скрежетъ зубный грѣшниковъ[4]). Вотъ еще что говорится въ одномъ молитвенномъ обращеніи: «согрѣшихъ хожденіемъ въ латинскія божницы, и тѣхъ пѣнія слушахъ, и срѣтася, и стоя, и глаголахъ *съ латыны и со армены и съ жиды*, въ забвенія миръ и благословіе имъ рекохъ и руку давахъ правую и по отхожденіи прощеніе имъ глаголахъ въ забытьи, и отъ нихъ слышахъ такожде. Прости мя отче!»[5]). Такимъ образомъ, на неправославныхъ и нерусскихъ русскіе смотрѣли какъ на нечистыхъ, поганыхъ, съ которыми грѣшно не только какое либо тѣсное сближеніе, но даже *прикосновеніе къ нимъ*, малѣйшій разговоръ съ ними въ родѣ обычныхъ привѣтствій и пожеланій и то считалось оскверненіемъ. Поэтому наши великіе

---

1) Ист. р. ц. преосв. Макарія т. II, примѣч. 221, стр. 298.

2) Матѳ. Прозорливому. Изъ Патерика печерскаго въ Полн. собр. рус. лѣт. I, 259.

3) Прав. Обозр. 1862 г. т. VIII. Ересь жидовств. стр. 205.

4) Сѣв. рус. народоправства т. II, 390 — Костомарова.

5) Прав. Соб. 1859, II, 425, примѣч. Взглядъ др. рус. лѣт. на событія міра.

князья и цари послѣ торжественныхъ пріемовъ иностранныхъ пословъ обыкновенно умывали руки, которые во время этихъ пріемовъ цѣловали послы, и которые считались оскверненными такимъ прикосновеніемъ; для этого въ пріемной палатѣ подлѣ трона нарочно стоялъ сосудъ съ водою. Объ этомъ обычаѣ нашихъ царей упоминаютъ почти всѣ иностранные писатели, которые въ своихъ описаніяхъ касаются способа пріемовъ у насъ иностранныхъ пословъ [1]). Если такъ обращались съ иностранцами на самомъ верху русскаго общества, то чего можно было ожидать отъ необразованной толпы, почитавшей иностранцевъ хуже собакъ! При въѣздѣ иностранныхъ пословъ въ Москву она крестилась и запиралась въ избы, бѣжала отъ нихъ, «якоже отъ гагрены и злѣйшей корости».

Таковы были чувства и отношенія русскихъ къ иностранцамъ! Выяснить ихъ болѣе или менѣе опредѣленно мы сочли не неумѣстнымъ въ виду мнѣній, подобныхъ мнѣнію Карамзина, утверждающаго, что «искусства европейскія съ удивительною (sic) легкостію переселялись къ намъ»... что вообще «Россія и въ XVI вѣкѣ слѣдовала правилу: хорошее отъ всякаго хорошо, и никогда не была вторымъ Китаемъ въ отношеніи къ иноземцамъ» [2]).

Оканчивая рѣчь о состояніи просвѣщенія на Руси (сѣверовосточной) въ XVI вѣкѣ, мы должны заключить, что условій для его процвѣтанія тогда не существовало, а потому просвѣщенія въ томъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно понимается теперь, у насъ вовсе не было въ XVI вѣкѣ. Книжная начитанность, конечно, существовала, но развита была сравнительно среди очень немногихъ; громадное же большинство не знало никакой грамотности, въ полномъ смыслѣ было невѣжественно. Это невѣжество было удѣломъ всѣхъ слоевъ тогдашняго общества, не исключая даже самыхъ высшихъ. Такъ, дѣти боярскіе, даже нѣкоторые вельможи и князья въ этотъ вѣкъ были положительно безграмотны. Въ тогдашнихъ записяхъ и грамотахъ встрѣчается иногда, что дѣти боярскіе, вельможи и князья

---

[1]) Объ этомъ и вообще объ отношеніи русскихъ къ нерусскимъ очень подробно можно читать въ статьѣ Рущинскаго «Религіозн. бытъ русск. у иностр. XVI и XVII вв.» стр. 196—228—236.

[2]) Истор. госуд. россійск. т. VII, стр. 135—136.

потому не приложили къ нимъ рукъ своихъ, что «грамотѣ не умѣютъ»[1]). Тоже, въ меньшей мѣрѣ, можетъ относиться и къ представителямъ церкви: напр. Акакій, епископъ Тверской, покровитель Максима Грека «мало ученъ бѣ грамотѣ»[2]). Самъ Максимъ Грекъ говоритъ, что при немъ не только низшій клиръ, но духовныя *власти* знали писанія только «по чернилу»[3]). Что же касается простаго народа, то тамъ грамотный человѣкъ былъ величайшею рѣдкостію. Іоаннъ Кобенцель сомнѣвался, чтобы у насъ въ XVI вѣкѣ изъ тысячи людей нашелся одинъ умѣющій читать или писать[4]). «Едва-ли и на двѣ тысячи приходился одинъ умѣющій писать», замѣчаетъ по поводу этого свидѣтельства пр. Филаретъ[5]).

Какое же ближайшее слѣдствіе такого печальнаго состоянія просвѣщенія по отношенію къ религіи? То, что русскіе въ разсматриваемый періодъ не имѣли возможности знать и понимать свою вѣру основательно, надлежащимъ образомъ.

Чтобы судить о томъ, насколько сильны, или вѣрнѣе — безсильны были въ Богословіи нѣкоторые изъ нашихъ даже архипастырей, приведемъ свидѣтельство Флетчера. Этотъ иностранецъ, между прочимъ, передаетъ вотъ какой разговоръ свой съ однимъ нашимъ епископомъ въ Вологдѣ[6]). «Желая испытать его (епископа) познанія, я, говоритъ Флетчеръ, предложилъ ему Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ и указалъ ему на первую главу евангелія св. Матѳея. Онъ сталъ читать очень бѣгло. Тогда я спросилъ: какую часть

---

¹) Сбор. госуд. грам. I, № 184, 556, см. Ист. Рос. Сол. т. 7, 240.

²) Сказаніе о приходѣ М. Грека на Русь. Опис. Рукоп. Синод. библ. II, 580.

³) Сочин. М. Грека т. III, стр. 165.

⁴) Ист. р. ц. пр. Филарета ч. III, ст. 95, прим. 233.

⁵) Ibid.

⁶) Флетчеръ былъ посломъ англійской королевы Елизаветы къ царю Ѳеодору Іоанновичу въ 1588 г., а въ этомъ году въ Вологдѣ епископомъ былъ Антоній I, хиротонисанный 1586 г. изъ игуменовъ Троицкаго Болдина монастыря. Умеръ Антоній 26 Окт. 1588 г. Значитъ, съ нимъ разговаривалъ Флетчеръ. Преемникомъ Антонія былъ Іона, хиротон. уже 1589 г. сначала во епископа, а потомъ въ томъ же году пожалованъ архіепископомъ. См. Ист. рос. іерарх. Амвросія ч. I, изд. 2, стр. 185.

Священнаго Писанія прочелъ онъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не можетъ отвѣчать точно.—Сколько же евангелій въ Новомъ Завѣтѣ?—Онъ отвѣчалъ, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ.—А сколько апостоловъ?—И онъ даже заподозрилъ, что ихъ было двѣнадцать.—Какъ же можетъ онъ спастись, спросилъ я? На это онъ отвѣчалъ мнѣ однимъ доводомъ изъ русской теологіи, говоря, что онъ не знаетъ—будетъ ли онъ спасенъ, или нѣтъ; но если Господь помилуетъ и сжалится надъ нимъ, то, конечно, онъ будетъ въ восторгѣ; въ противномъ случаѣ, какое остается средство?—прибавилъ онъ.—Наконецъ я его спросилъ: почему онъ сдѣлался монахомъ?—и онъ мнѣ отвѣтилъ: для того, чтобы ѣсть хлѣбъ въ покоѣ... Таковы, заключаетъ Флетчеръ, познанія русскихъ монаховъ. И хотя не слѣдуетъ судить только по этому примѣру, но, по крайней мѣрѣ, по невѣжеству этого человѣка можно заключить о томъ, что знаютъ другіе»[1]). Это заключеніе едва ли будетъ крайнимъ, если припомнимъ то, что въ разсматриваемое время не было на Руси ровно никакого образованія.

Если таковы были высшіе пастыри, то чего можно было ожидать отъ простыхъ сельскихъ священниковъ? Они, какъ извѣстно[2]), поставлялись у насъ безъ большаго испытанія и потому неудивительно, если бесѣдуя съ Поссевиномъ о Богѣ, не могли представить изъ Св. Писанія ни одного мѣста въ подтвержденіе своего ученія о Святой Троицѣ. Поссевина поражало крайнее невѣжество нашего духовенства. Онъ не находилъ у насъ ни одного (?) кто бы зналъ полатыни и погречески, былъ знакомъ съ основаніями Богословія, зналъ Церковную исторію и Соборныя правила. Тотъ же Поссевинъ о нашихъ монахахъ говоритъ, что нѣкоторые изъ нихъ не знали даже того, какой у нихъ въ употребленіи монашескій уставъ[3]). Олеарій пишетъ, что въ его время изъ монаховъ едва 10-й зналъ наизусть молитву Господню. Онъ приводитъ одинъ любопытный разсказъ, какъ монахи поплатились однажды за свое невѣжество

---

[1]) Чт. Общ. Ист. 1871 г. III, с. 170. «Религ. бытъ руск.»
[2]) Посл. арх. Генн. Акты истор. I, № 104. Стогл. гл. 25, 26.
[3]) Anton. Possevin. De rebus Moskovit. apud Starczewsk. vol. II, pp. 276, 279, 282, 329.

во времена Ивана Грознаго. Царь пригласилъ нѣсколькихъ монаховъ участвовать при бракосочетаніи Датскаго принца, Магнуса, которое совершалось въ Новгородѣ. Оказалось, что эти монахи по книгѣ не могли такъ твердо прочитать символъ св. Аѳанасія [1]), какъ царь зналъ его наизусть. Раздраженный царь тутъ же нанесъ монахамъ нѣсколько ударовъ по головѣ тѣмъ посохомъ, который держалъ въ своихъ рукахъ. Эти свидѣтельства иностранцевъ не должны казаться намъ преувеличенными и невѣроятными. Далѣе мы увидимъ изъ отечественныхъ памятниковъ, въ какомъ печальномъ состояніи находилось у насъ религіозное просвѣщеніе.

Отъ XVI вѣка сохранился важнѣйшій отечественный памятникъ— дѣянія Стоглаваго собора, по которому всего вѣроятнѣе судить о богословскихъ и другихъ познаніяхъ нашей высшей духовной іерархіи. Мы не раздѣляемъ мнѣнія нѣкоторыхъ до крайности строгихъ судей отцовъ Стоглаваго собора, которые, при оцѣнкѣ ихъ дѣяній, упускаютъ изъ виду то время, когда происходилъ соборъ. Время то не давало собору средствъ сдѣлать что либо лучшее, чѣмъ то, что онъ сдѣлалъ. Но можно ли осуждать кого либо за то, что онъ, при всемъ своемъ желаніи сдѣлать хорошее не дѣлаетъ хорошаго только потому, что не можетъ сдѣлать по недостатку средствъ. Въ этомъ случаѣ можно сожалѣть; иногда, пожалуй, даже досадовать, но уже никакъ не обвинять. Отцы Стоглаваго собора съѣхались за тѣмъ, чтобы исправить неправое, искоренить вредное: они хотѣли составить и дѣйствительно составили извѣстныя опредѣленія въ руководство для всего православнаго отечества. Опредѣленія эти, какъ тоже извѣстно, во многихъ случаяхъ далеко неудовлетворительны. Отчего это?—Только отъ того, что отцамъ собора свойственны были предразсудки, общіе съ народомъ,—отъ того, что они не были люди образованные. Людямъ же недостаточно просвѣщеннымъ, не обладающимъ научною критикою,—какимъ и былъ митрополитъ Макарій, главнѣйшій дѣятель собора,—весьма

[1]) Чт. Общ. Истор. 1871 г. III, 173. Религ. бытъ русск. Олеарій ошибочно выставляетъ здѣсь символъ св. Аѳанасія на мѣсто Никейскаго. Иностранцы весьма часто впадаютъ въ эту ошибку, вставляя на мѣсто Никейскаго символа еще апостольскій и утверждая, что русскіе отвергали десятословіе. (Замѣч. Рущинскаго при 506 примѣч.).

возможно обманываться ложными сочиненіями, испорченными книгами, излишнимъ неосторожнымъ довѣріемъ къ какому либо мнимому знатоку отеческихъ писаній и церковныхъ правилъ и такимъ образомъ, совсѣмъ не думая намѣренно утверждать какой либо лжи, утвердить ее, принявъ за истину. Необходимо предполагать, что отцы Стоглаваго собора, составляя свои опредѣленія, имѣли подъ руками, напр., Кормчую книгу. И, вотъ, ошибки, существовавшія въ *тогдашней* Кормчей, составили неправильности Стоглавника. У отцовъ собора было въ рукахъ житіе Евфросина; почему бы они не могли довѣриться этому свидѣтельству? Не обрати на себя особеннаго вниманія церкви, житіе Евфросина, можно сказать со всею увѣренностію, гораздо долѣе принималось бы у насъ за обыкновенное житіе съ содержаніемъ нисколько не вреднымъ для церкви.— Соборъ призналъ недостойнымъ христіанина брить бороду и усы и опредѣлилъ за бритье бороды и усовъ строжайшее наказаніе: «аще кто браду брѣетъ, и преставится тако, недостоитъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просфоры, ни свѣчи по немъ въ церковь приносити; съ невѣрными да причтется» [1]). Оправдывая строгость своего постановленія, соборъ ссылается на апостольскія и отеческія правила. Приведенное постановленіе собора начинается такъ: «правило св. Апостолъ сице глаголетъ: аще кто браду брѣетъ» и т. д. Далѣе соборъ указываетъ 11 правило VI вселенскаго собора, не излагая впрочемъ его содержанія. Строгій судья дѣяній Стоглаваго собора беретъ правила апостольскія, справляется и, конечно, не находитъ означеннаго правила между апостольскими; не находитъ также ничего о брадобритіи и въ 11 правилѣ VI вселенскаго собора. Но вѣдь онъ не находитъ въ книгѣ правилъ, изданной, напр., въ Москвѣ 1874 года. А соборъ въ тѣхъ правилахъ, которыя были у него, можетъ быть находилъ такое правило. Но почему же соборъ не справился съ греческими рукописями? Потому главнымъ образомъ, что греческимъ книгамъ перестали тогда у насъ вѣрить, потому что авторитетъ греческой церкви тогда колебался и начиналъ уже падать въ глазахъ русскихъ (Объ этомъ

---

[1]) Стогл. гл. 40.

будетъ у насъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ). Относительно брадобритія необходимо замѣтить еще вотъ что. *Самое опредѣленіе* собора о небритіи бороды и усовъ (не говоримъ теперь о томъ, какъ оправдывалъ соборъ свое опредѣленіе) могло быть вполнѣ извинено обычаями и понятіями времени, а также нѣкоторыми другими обстоятельствами [1]). Итакъ, недостатокъ просвѣщенія былъ причиною по-

[1]) Борода, особенно длинная, была въ большомъ почитаніи у русскаго народа. Ни молодежь, ни взрослые, обыкновенно, не брили бородъ и усовъ. Но что особенно замѣчательно, уваженіе русскихъ къ бородѣ отмѣчено было религіознымъ свойствомъ. Борода отличала русскихъ отъ иностранцевъ, которыхъ, какъ уже мы знаемъ, русскіе чуждались и презирали отъ всей души. По этой послѣдней причинѣ для русскихъ ненавистно было все то, что напоминало иностранцевъ и приближало къ нимъ и, наоборотъ, всякое отличіе отъ послѣднихъ, хотя бы и несущественное, пріобрѣтало особенный вѣсъ и почиталось драгоцѣнностію; и такъ какъ борода служила именно таковымъ отличительнымъ признакомъ, то и получила весьма важное значеніе въ глазахъ русскаго человѣка. Но поелику вмѣстѣ съ иностранцемъ мыслился иновѣрецъ, то борода, отличая русскаго отъ иностранца, въ то же время отличала его и отъ иновѣрца. Служа такимъ образомъ признакомъ національнымъ, борода мало по малу пріобрѣтала значеніе въ смыслѣ отличительнаго признака православія, съ которымъ она съ тѣхъ поръ стала отождествляться. — Но этого мало. Борода и потому еще пользовалась особеннымъ уваженіемъ и имѣла неприкосновенный, такъ сказать, священный знакъ въ глазахъ русскаго народа, что въ церковной иконописи она составляла всегда необходимую принадлежность внѣшняго вида святыхъ. Отсюда у насъ сложилось убѣжденіе, что борода не только освящена примѣромъ древности, но и составляетъ одну изъ принадлежностей святой и богоугодной жизни. Русскіе такъ сроднились съ бородой, что отнятіе ея считали искаженіемъ образа Божія въ мужчинѣ (Посл. митр. Макар. въ Свіяжскъ, въ VII т. Ист. русск. церк. преосв. Макарія на 414 стр.). Извѣстно, съ какою глубокою скорбію разставались впослѣдствіи русскіе съ своими бородами, когда указами Петра I вынуждены были къ этому. Особенно раскольники, которые крѣпче удержали у себя старинные народные взгляды и обычаи, противились указамъ императора. «Не брить бороды и усовъ» — они возвели для себя на степень *догмата*, отстаивая который, готовы были на всякія лишенія. Волненія раскольниковъ изъ-за бороды по мѣстамъ доходили до гражданскаго бунта. Наприм. астраханскій бунтъ стрѣльцовъ въ 1705 году (Ист. р. ц. пр. Филарета ч. 4, стр. 192 и прим. 452). — Было и еще обстоятельство, которое оправдывало постановленіе собора о брадобритіи. Послѣднее, по всей вѣроятности, стояло въ связи съ сильно развившемся въ то время содомскимъ грѣхомъ. Объ этомъ можно догадываться изъ тѣхъ пріемовъ, которые употреблялись нѣкоторыми для уничтоженія бороды и усовъ. Вотъ, напр., какъ митр. Даніилъ обличаетъ современныхъ ему ненавистниковъ бороды: «*Яко блудницамъ обычай есть*, сицевъ нравъ твой уставляеши. Власы же твоя не точію бритвою и съ пло

грѣшностей въ постановленіяхъ Стоглаваго собора и, наоборотъ, погрѣшности въ постановленіяхъ Стоглаваго собора служатъ яснымъ доказательствомъ того, что наша даже высшая духовная іерархія

тію отъемлеши, но и щипцами изъ корене исторгати и щипати не стыдишися; позавидовавъ женамъ, мужеское свое лице на женское претворяеши. *Или весь хощеши жена быти?*.. Не хощу, рече, жена быти, но мужъ, яковъ же и есмь. *Если же ты мужъ, и не хощеши жена быти*, то зачѣмъ волосы бороды твоей или и ланитъ твоихъ щиплешь и изъ корене исторзати не срамляешися; лице же твое много умываеши и натираеши, ланиты червлены красны свѣтлы твориши? Яко же нѣкое брашно дивно сотворенное на снѣдь готовишися; устнѣ же свѣтлы, чисты и червлены зѣло дивно уставивъ, *якоже нѣкіимъ женамъ обычай есть* козпію нѣкоею ухищряти себѣ красоту, сице же *подобно имъ* ты украсивъ, натеръ, умызгавъ, благоуханіемъ помазавъ, мягци зѣло уставляеши, якоже сими возмощи многихъ прельстити». (Сборн. м. Даніила листъ 409. Сн. листъ 461. Здѣсь Даніилъ говоритъ, что блудные юноши украшались *больше женъ* «умываніи различными и натираніи хитрыми», сн. также листъ 457). Нельзя не замѣтить, что м. Даніилъ, обличая современныхъ ему волокитъ, преслѣдуетъ ихъ главнымъ образомъ за то, что они усиливались всячески уподобляться женщинамъ. «Или ты весь хощешь быть женою?» спрашиваетъ обличитель юношу. Если не хочешь, продолжаетъ онъ, то зачѣмъ же стараешься имѣть видъ ея? Дѣйствительно, тѣ средства нравиться, къ которымъ прибѣгали обличаемые, и которыя свойственны женщинамъ, едва ли были разсчитаны на прельщеніе послѣднихъ. По крайней мѣрѣ, это было бы болѣе, нежели странно. Скорѣе здѣсь имѣлись въ виду мужчины, извращенный вкусъ которыхъ все-таки склонялся на сторону юношей голоусыхъ съ червлеными ланитами, мягкимъ и нѣжнымъ тѣломъ, сколько нибудь напоминающимъ женщину. Митр. Даніилъ прямо свидѣтельствуетъ, что «лице *женовидно* краснѣющеся» съ особенною силою возбуждало грубые инстинкты похотливыхъ мужчинъ (Сборн. м. Даніила л. 408 Сн. л. 457). Въ этомъ отношеніи и Максимъ Грекъ также ставитъ на ряду видѣніе жены и «доброличнаго отрочища» (Его сочин. т. II, стр. 141). Укоръ Даніила развращенному юношѣ: «*сыне*, присно къ блудницамъ зря, и самъ себѣ многимъ блудницу сотвори (Сборн. м. Даніила, л. 411), какъ нельзя болѣе подтверждаетъ нашу догадку. Подтвержденіе того же предположенія можно находить и въ посланіи митр. Макарія въ Свіяжскъ къ царскому войску. Здѣсь брадобритіе и содомскій грѣхъ поставлены также въ связи. «Накладываютъ бритву на брады свои, говорится въ этомъ посланіи, творяще угодіе женамъ, увы, забывъ страхъ Божій... Творящій это поругается образу Бога, создавшаго его по Своему образу, и *сице* безуміемъ своимъ и законопреступленіемъ безстрашно и безстудно *блудъ содѣвающе съ младыми юношами*, содомское злое, скаредное и богомерзкое дѣло» (Акт. истор. I. № 159; сн. выдержку изъ Никонов. лѣтоп. VII, 108 у преосв. Макар. въ Истор. р. церк. т. VII, стр. 414). Видимъ и по этому памятнику, что брадобритіе и содомскій грѣхъ стояли другъ къ другу въ извѣстномъ отношеніи, находились, стало быть, въ той или другой связи. — Далѣе, при предположеніи этой связи для насъ

не была просвѣщенною, образованною. Нечего удивляться поэтому, если Максимъ Грекъ принужденъ былъ объяснять русскому митрополиту или епископу различіе словъ *міръ* и *миръ*, такъ какъ нѣкоторые думали, будто бы въ извѣстномъ возгласѣ эктеніи: «о свышнемъ мирѣ» слѣдуетъ молиться *о мірѣ* ангеловъ, за разрѣшеніемъ чего самъ владыка счелъ нужнымъ обратиться къ Максиму Греку [1]).

О надлежащемъ пониманіи религіи христіанской низшимъ духовенствомъ мы не будемъ распространяться. То обстоятельство, что почти всѣ наши священники не только сельскіе, но и городскіе были едва грамотные, малообразованнные или вовсе необразованные и круглые невѣжды, достаточно уже свидѣтельствуетъ о полномъ ихъ невѣдѣніи въ области вѣры и богословія. Противнаго, впрочемъ, отъ нихъ нельзя было и ожидать.

При такомъ жалкомъ состояніи у насъ *религіознаго* просвѣщенія весьма естественно, что наши пастыри, не исключая опять и высшихъ, не умѣли различать существеннаго въ дѣлахъ вѣры отъ несущественнаго, болѣе важнаго отъ менѣе важнаго и совсѣмъ неважнаго, часто ставили букву выше духа, обрядъ выше вѣры [2]). Нѣкоторые, напр., изъ нашихъ ревнителей православія описываемаго времени, обзывали латинскую церковь еретическою преимущественно за опрѣсночное служеніе, выставляя это служеніе на видъ, какъ самое главное изъ главныхъ заблужденій латинянъ. Такъ, старецъ псковскаго Еліазарова монастыря, Филоѳей, въ своихъ посла-

---

будетъ гораздо понятнѣе та нещадная строгость, съ какою соборъ преслѣдуетъ брадобритіе. Повторимъ его постановленіе по этому предмету: «аще кто браду брѣетъ и преставится тако, недостоитъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просфоры, ни свѣчи по немъ въ церковь приносити; съ невѣрными да причтется». — Итакъ, принимая во вниманіе понятія, обычаи и обстоятельства времени, мы должны признать, что самое опредѣленіе собора о брадобритіи вызвано было важными причинами и потому вполнѣ извинительно.

1) Соч. М. Грека т. III, ст. 92.

2) Вспомнимъ горячіе споры въ Москвѣ при Иванѣ III «о хожденіи посолонь». Вел. князь, гнѣваясь на митр. Геронтія за хожденіе вокругъ Успенскаго собора (при его освященія) со крестами не по солнцу, сказалъ, что за *такія дѣла* приходитъ гнѣвъ Божій. Упомянутый же митр. Геронтій приказалъ сковать и посадить въ ледникъ подъ палату чудовскаго архимандрита Геннадія за то, что онъ разрѣшилъ своей братіи пить богоявленскую воду, поѣвши. (Полн. собр. лѣтоп. VI, 234).

ніяхъ къ государеву дьяку, Михаилу Мунехину[1]), между прочимъ, пишетъ: «Воистину они (латиняне) суть еретицы, своею волею отпадше православныя христіанскія вѣры, *паче же* опрѣсночнаго служенія ради»[2]). Въ другомъ мѣстѣ: «Если стѣна великаго Рима еще не плѣнена до сихъ поръ, зато души ихъ плѣнены отъ діавола, *опрѣснокові ради*»[3]). Та же любовь и уваженіе къ церковнымъ обрядамъ сказались и у отцовъ Стоглаваго собора. Въ точномъ исполненіи церковныхъ обрядовъ и уставовъ они видѣли существенный признакъ истинно христіанской жизни и, наоборотъ, уклоненіе отъ тѣхъ и другихъ почитали несомнѣннымъ доказательствомъ жизни богопротивной, грѣховной.

Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на это обрядовое пониманіе религіи, такъ какъ оно было однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ общественной и семейной жизни того времени, — подъ его именно могущественнымъ вліяніемъ вырабатывались всѣ тѣ отличительныя и выдающіяся черты, съ которыми выступаетъ религіозный бытъ и благочестіе русскаго народа. Упустивъ изъ виду эту основную пружину въ механизмѣ тогдашней жизни, мы не поймемъ, почему Россія XVI вѣка представляла страну по преимуществу *внѣшняго* благочестія, гдѣ было много иконъ, церквей, колоколовъ, гдѣ почти на каждомъ шагу можно было встрѣтить человѣка, кладущаго низкіе поклоны предъ многочисленными церквами и часовнями, гдѣ гулъ отъ колокольнаго звона заглушалъ слухъ, гдѣ нравственность человѣка отождествлялась съ наружною набожностію (религіозностію)[4]). Впослѣдствіи мы подробнѣе и обстоятельнѣе разберемъ, каково было благочестіе русскихъ.

---

[1]) Прав. Соб. 1861 г. II, 78—96.

[2]) Ibid. 90.

[3]) Пр. Соб. 1861 г. II, 82. Греки, какъ извѣстно, служеніе на опрѣснокахъ считали однимъ изъ главныхъ отступленій латинянъ, но они едва ли обзывали латинскую церковь еретическою *преимущественно* за опрѣсночное служеніе.

[4]) Должно замѣтить, что древняя Россія вообще представляла страну по преимуществу внѣшняго благочестія. Въ разсматриваемый нами XVI вѣкъ это внѣшнее благочестіе дошло до крайности. Впрочемъ и у всѣхъ народовъ, у которыхъ нѣтъ настоящаго просвѣщенія, религія должна являться въ такомъ видѣ, чтобы внѣшнее преобладало надъ внутреннимъ, — условно-формальная обрядность надъ истинною вѣрою и наруж-

Укажемъ здѣсь же на другой не менѣе важный факторъ общественной и семейной жизни XVI вѣка, чтобы такимъ образомъ сразу установить ту точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть и оцѣнивать нравственную жизнь того времени. Этимъ другимъ факторомъ было крайнее развитіе аскетическихъ воззрѣній, проводникомъ которыхъ, какъ вообще и многаго другаго, была та же византійская литература, примѣру которой слѣдовала и русская письменность.

Еще на первыхъ порахъ существованія христіанства на Руси, наши моралисты и блюстители нравственной чистоты въ своихъ поученіяхъ и посланіяхъ одинаково ратовали какъ противъ уклоненій отъ нравственнаго закона, суевѣрій и предразсудковъ, такъ и противъ гуслей, сопелей, всякихъ игръ, противъ всякаго вообще веселія, хотя бы оно выражалось въ формѣ самыхъ невинныхъ забавъ и развлеченій [1]). Обличители аскеты, сами отказавшись добровольно отъ міра и «яже въ мірѣ», старались правила аскетизма перенести въ общественную жизнь, хотѣли заставить и мірянъ смотрѣть на міръ такими же глазами, какими они сами смотрѣли. Вслѣдствіе этого все выходившее изъ круга ихъ запретной жизни, всякое проявленіе веселаго настроенія духа казалось имъ бѣсовскимъ прельщеніемъ. «Идѣже есть играніе, тамо есть діаволъ, говоритъ митр. Даніилъ, а идѣже есть плясаніе, тамо есть сатана» [2]). Поэтому увеселенія они называли обыкновенно «проклятыми», игры «сатанинскими», пѣсни «бѣсовскими». По взгляду духовенства «таковая творящи діаволу работаютъ» [3]). Впрочемъ,

---

ная набожность (религіозность) надъ истиннымъ благочестіемъ (нравственностію, — какъ это и у всѣхъ образованныхъ народовъ въ низшихъ необразованныхъ классахъ). Такъ это было и у насъ до появленія просвѣщенія. Ставъ характеристической чертой въ развитіи нашего христіанства, это преобладаніе имѣло у насъ свою исторію, состоящую въ томъ, что въ продолженіе извѣстнаго времени оно держалось мѣры или не выступало изъ нея, а затѣмъ впало въ крайность. Время мѣры и время крайности составляли періоды Кіевскій и Московскій.

[1]) Сочин. Өеодосія въ учен. Зап. Акад. Наукъ II, отд. II, выпускъ 2, 195. Слово о постѣ, въ Прав. Соб. 1858 г. Янв. 168 стр. Прав. Соб. 1854 г. Янв. стр. 143.

[2]) Собр. м. Дан. л. 458.

[3]) Прав. Соб. 1859 г. Янв. стр. 143.

подобный взглядъ нашихъ моралистовъ на народныя игрища обусловливался еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что народъ, какъ свидѣтельствуютъ древніе наши писатели, своего веселья, своего поэтическаго досуга, своихъ языческихъ забавъ не искупалъ ревностію къ тому высокому ученію, которое проповѣдывалось лучшими умами той эпохи. Плясать, пѣть пѣсни, участвовать въ игрищахъ, по взгляду строгихъ моралистовъ, всегда, безъ исключенія, значило вспоминать языческую старину, или прямо почиталось дѣломъ языческимъ. Особенно грѣховною казалась духовенству женская пляска. «О, лукавыя жены многовертимое плясаніе!» восклицаетъ одинъ строгій обличитель,—«пляшуща бо жена любодѣйца діавола, супруга адова, невѣста сатанина». Православному человѣку запрещалось даже смотрѣть на пляски: «не зрите плясанія и иныя бѣсовскихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, да не прельщены будете, зряще и слушающе игоръ всякихъ бѣсовскихъ; таковыя суть нарекутся сатанины любовницы». Что же касается скомороховъ, то существовало мнѣніе, что въ образѣ ихъ странствуютъ бѣсы, а монахи духовидцы даже видѣли, какъ лукавые бѣсы невидимо били христіанъ желѣзными палицами, отгоняя ихъ отъ Божьяго храма къ играмъ, и «ужами за сердце почепивше влечаху». Блюстители нравственности были иногда настолько строги, что угрожали будущимъ судомъ за всякіе разсказы, выходившіе изъ круга благочестивыхъ размышленій [1]).

Не чуждъ былъ аскетическихъ воззрѣній и препод. Максимъ Грекъ. Онъ, подобно всѣмъ древнимъ обличителямъ, къ числу пороковъ, влекущихъ за собою общественныя бѣдствія, какъ наказанія Божія (лихоимство, блудъ, содомство и т. п.), присоединяетъ «игры и пѣсни сатанинскія, отлучающія божіяго страха и памяти смертныя, ихъ же ради всѣхъ грядетъ гнѣвъ Божій на сыны непокорныя» [2]). А вотъ его аскетическое, крайне печальное воззрѣніе на жизнь, въ которой онъ не находитъ ничего отраднаго. «Здѣшняя жизнь непостоянна, въ ней нѣтъ ничего вѣрнаго, все испол-

[1]) Костомар. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа XVI и XVII вв. стр. 141 — 142.

[2]) Сочин. М. Грека т. III, стр. 177.

нено скорбей и прелести (обманчиво). Слава и всякая пища, богатство, доброта желаема, аки цвѣтъ весенній временамъ мимоидутъ, исчезающа вся. Вознесена была еси (душа), питалася, насладилася, побѣды пресвѣтлы побѣдила еси, живеши многія десятки лѣтъ, а потомъ что?—червь и согнитіе и смрадъ гнусенъ и лютыхъ множество преисподнихъ мукъ. Какую ты ожидаешь отъ земныхъ благъ пользу?—чрезъ нихъ мы погибаемъ. Не такъ ли какъ дымъ и сонъ, все исчезаетъ и разсыпается, точно вѣтромъ?...[1]). Для полнаго усовершенствованія Максимъ совѣтуетъ употреблять и «худое ядѣніе», какъ «бразду бѣсящіяся плоти»[2]). Наконецъ, выражается такъ: «вся елика красна на земли, гнояще есть и ложна отнюдъ и суетна и неприбытна»[3]).

Относительно митр. Даніила замѣтимъ, что и онъ, какъ всѣ вообще древніе наши моралисты, проникнутъ былъ аскетическими началами. Впрочемъ «худаго ядѣнія»—этой, по выраженію М. Грека, «бразды бѣсящейся плоти», онъ не рекомендуетъ своимъ современникамъ, какъ средство нравственнаго усовершенствованія, а напротивъ, чрезмѣрное пощеніе считаетъ дѣломъ безразсуднымъ. «Не должно, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, безразсудно устроять себя въ скудости пищи и питія, и разслабляться, дѣлаться безчувственнымъ и немощнымъ для подвиговъ; но должно, по силѣ тѣлесной, умѣрять воздержаніе, воздерживаться не отъ пищи, а отъ объяденія, и не отъ вина, а отъ пьянства»[4]).

Какъ ни строги начала аскетизма, тѣмъ не менѣе аскетизмъ нашелъ для своего развитія въ русскомъ народѣ весьма удобную и плодотворную почву. Причина этого явленія заключалась въ томъ, что христіанство, а вмѣстѣ съ нимъ воззрѣнія аскетизма, выработавшіяся и развившіяся на греческомъ востокѣ, застали русскій народъ еще на самой первой ступени его исторической жизни. Мо-

---

1) Соч. М. Грека т. II, стр. 8.

2) Ibid. ст. 17.

3) Ibid. ст. 11. Ср. Поученіе м. Даніила, напечатанное въ Памятн. стар. русск. литератур. т. IV, стр. 200—204, изд. Кушел.-Безбор. Въ этомъ поученіи м. Даніилъ высказываетъ тотъ же грустный взглядъ на жизнь, на ея скоротечность, напоминаетъ страшный день судный, призываетъ слушателей пролить источники слезъ о грѣхахъ.

4) Сборн. м. Дан. л. 484.

подобный взглядъ нашихъ моралистовъ на народныя игрища обусловливался еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что народъ, какъ свидѣтельствуютъ древніе наши писатели, своего веселья, своего поэтическаго досуга, своихъ языческихъ забавъ не искупалъ ревностію къ тому высокому ученію, которое проповѣдывалось лучшими умами той эпохи. Плясать, пѣть пѣсни, участвовать въ игрищахъ, по взгляду строгихъ моралистовъ, всегда, безъ исключенія, значило воспоминать языческую старину, или прямо почиталось дѣломъ языческимъ. Особенно грѣховною казалась духовенству женская пляска. «О, лукавыя жены многовертимое плясаніе!» восклицаетъ одинъ строгій обличитель,—«плящуща бо жена любодѣйца діавола, супруга адова, невѣста сатанина». Православному человѣку запрещалось даже смотрѣть на пляски: «не зрите плясанія и иныя бѣсовскихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, да не прельщены будете, зряще и слушающе игоръ всякихъ бѣсовскихъ; таковыя суть нарекутся сатанины любовницы». Что же касается скомороховъ, то существовало мнѣніе, что въ образѣ ихъ странствуютъ бѣсы, а монахи духовидцы даже видѣли, какъ лукавые бѣсы невидимо били христіанъ желѣзными палицами, отгоняя ихъ отъ Божьяго храма къ играмъ, и «ужами за сердце почепивше влечаху». Блюстители нравственности были иногда настолько строги, что угрожали будущимъ судомъ за всякіе разсказы, выходившіе изъ круга благочестивыхъ размышленій [1]).

Не чуждъ былъ аскетическихъ воззрѣній и преп. Максимъ Грекъ. Онъ, подобно всѣмъ древнимъ обличителямъ, къ числу пороковъ, влекущихъ за собою общественныя бѣдствія, какъ наказанія Божія (лихоимство, блудъ, содомство и т. п.), присоединяетъ «игры и пѣсни сатанинскія, отлучающія божіяго страха и памяти смертныя, ихъ же ради всѣхъ грядетъ гнѣвъ Божій на сыны непокорныя» [2]). А вотъ его аскетическое, крайне печальное воззрѣніе на жизнь, въ которой онъ не находитъ ничего отраднаго. «Здѣшняя жизнь непостоянна, въ ней нѣтъ ничего вѣрнаго, все испол-

---

[1]) Костомар. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа XVI и XVII вв. стр. 141 — 142.

[2]) Сочин. М. Грека т. III, стр. 177.

на современные недуги и явились бы какъ плодъ живаго и самостоятельнаго развитія духовно-религіозной жизни пастырей и пасомыхъ. Иностранцы, посѣщавшіе Россію въ XVI вѣкѣ, прямо свидѣтельствуютъ, что живой проповѣди у насъ не было. «Проповѣдей никогда не говорятъ, говоритъ Яковъ Ульфельдъ, бывшій въ Москвѣ при Грозномъ царѣ [1]). Они (русскіе пастыри) не имѣютъ ни обыкновенія, ни способности, чтобы говорить проповѣди и наставлять свою паству, потому что весь клиръ погруженъ въ глубокое невѣжество... въ отношеніи слова Божія» [2]). «Проповѣдниковъ у нихъ нѣтъ» говоритъ Герберштейнъ и указываетъ другую причину, почему ихъ у насъ не было: «думаютъ, что достаточно присутствовать при богослуженіи и слышать евангеліе, посланія и слова другихъ учителей, которыя читаетъ священнослужитель на отечественномъ языкѣ. Сверхъ того, они думаютъ этимъ избѣжать различныхъ толковъ и ересей, которыя большею частію раждаются отъ проповѣдей» [3]). А Павелъ Іовій писалъ, что москвитяне не позволяютъ говорить въ церквахъ проповѣдей [4]). Эти свидѣтельства иностранцевъ ничуть не преувеличены. Даже свидѣтельство Іовія не грѣшитъ противъ исторической правды. Лучшіе и просвѣщеннѣйшіе пастыри XVI вѣка, съ одной стороны, хорошо зная, какъ невѣжественно было духовенство въ области вѣры, съ другой, — справедливо опасаясь, чтобы духовенство при своемъ невѣжествѣ не увлеклось еретическими заблужденіями и само не посодѣйствовало такимъ образомъ ихъ распространенію, уже не требовали отъ него самостоятельной проповѣди, а обязывали только читать въ церквахъ «божественныя книги — евангеліе толковое, и Златоуста, и житія святыхъ, и прологъ, и прочія душеполезныя книги на поученіе, и на просвѣщеніе, и на истинное покаяніе, и на добрыя дѣла всѣмъ православнымъ христіанамъ въ душевную пользу» [5]). Конечно, отеческія творенія и житія святыхъ представляли собою обильную

---

[1]) См. у Филарета, Ист. р. ц. ч. III, стр. 99.

[2]) Флетчеръ — О русск. госуд. гл. 21, ст. 75.

[3]) Записки о Московіи ст. 67.

[4]) Библ. ин. писат. о Россіи кн. I, отд. 4, стр. 43.

[5]) Наказн. грам. м. Макар. Прав. Соб. 1863 г. I, ст. 103. Сн. 6 гл. Стоглава.

лодыя непочатыя силы народнаго духа, для котораго не было твердаго основанія въ самомъ себѣ и въ предыдущемъ развитіи, легко поддавались вліянію моралистовъ-аскетовъ, усердно и настойчиво проводившихъ аскетическія начала. Какъ печать легко и отчетливо дѣлаетъ свои оттиски на мягкомъ воскѣ, такъ точно и монашеская аскетическая дисциплина, поставленная въ образецъ древне-русскаго воспитанія, клала глубокіе слѣды на молодой, еще неокрѣпшей духовно жизни русскаго народа. Далѣе мы увидимъ какъ иногда подъ вліяніемъ аскетическаго воспитанія забывались у насъ семейныя и общественныя обязанности, какъ многіе, руководимые желаніемъ только по-ту-сторонней жизни, подрывали даже, основы той религіи, которой хотѣли служить; у многихъ подъ вліяніемъ аскетизма явилось убѣжденіе о невозможности спасенія въ мірѣ, внѣ монастыря. Самая бытовая обстановка жизни тогдашняго русскаго общества носила на себѣ яркій отпечатокъ аскетическихъ воззрѣній.

Установивъ точку зрѣнія, которая могла бы уяснить съ нравственной стороны общественную и семейную жизнь русскаго общества въ данное время, продолжимъ доказательства той мысли, что религіозное просвѣщеніе находилось у насъ въ самомъ жалкомъ состояніи.

Изъ новыхъ доказательствъ мы укажемъ самыя рѣшительныя и очевидныя, касающіяся ближайшимъ образомъ низшаго духовенства и мірянъ.—Что наше духовенство лишено было богословскаго образованія,—этому очевиднѣйшее доказательство—отсутствіе у насъ въ разсматриваемое время церковной проповѣди. Нельзя однакожъ сказать, чтобы у насъ вовсе не было церковнаго проповѣдничества: съ церковной каѳедры у насъ часто читались поученія; но то, что читалось и говорилось, не было плодомъ самостоятельныхъ трудовъ самихъ пастырей. Это было наслѣдіемъ древнихъ временъ христіанской письменности. Но у насъ, говоримъ вообще, не имѣя въ виду исключеній, не было живой устной проповѣди, которая была бы принаровлена къ современнымъ потребностямъ общества; не было поученій, самостоятельныхъ по складу и содержанію, такихъ поученій, которыя служили бы отзывомъ духовныхъ пастырей

ьной дѣятельности. Вслѣдствіе крайняго своего невѣжества въ об-
ти христіанскаго богословія они безмолвствовали, не учили народъ
инамъ вѣры и нравственности, не приводили его въ познаніе
инъ ученія церкви, — и вотъ масса народная волновалась вся-
въ вѣтромъ ученія, скиталась во лжи человѣчестей, въ ковар-
козней лщенія, принимала и слушала съ простосердечнымъ
ріемъ всякаго учителя, приходившаго къ ней съ словомъ Бо-
и во имя Христово, хотя бы учитель этотъ былъ самъ не-
да и проповѣдывалъ ей суевѣрно, нелѣпо, противно слову Бо-
и недостойно имени Христа.

Мы имѣли случай замѣтить, что у насъ были и, можетъ быть, достаточномъ количествѣ люди «тщаливіи къ наупѣ, желавшіе кати писанія»[1]). Эти люди, конечно, чувствовали глубокую ребность въ церковномъ ученіи и назиданіи, весьма желали по-
ія истинъ вѣры и благочестія, а между тѣмъ пастыри церкви могли удовлетворить и не удовлетворяли этой благороднѣйшей, ховно-нравственной потребности ихъ. Что имъ оставалось послѣ го дѣлать? Читать, если есть возможность, книги и въ «по-
таніи книжномъ» удовлетворять свой «гладъ духовный». Но мы дѣли также, какія великія затрудненія долженъ былъ встрѣчать якій, кто желалъ самопросвѣщаться чрезъ чтеніе книгъ. Необра-
ованнымъ людямъ очень возможно было зачитываться и такими нигами, какъ «Рафли, Шестокрылъ, Воронограй, Остромій, Задѣй, Алманахъ, Звѣздочетьи, Аристотель, Аристотелевы врата, и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскіе»[2]), разумѣется, не просвѣщавшіе, но помрачавшіе духовное сознаніе читателей, от-
лучавшіе ихъ отъ Бога и погублявшіе ихъ. Стоглавый соборъ понималъ, какъ вредны и пагубны были подобныя книги и потому просилъ царя издать въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ грозную царскую заповѣдь, а всѣмъ святителямъ повелѣлъ запретить каждому въ своемъ предѣлѣ, съ великимъ духовнымъ запрещеніемъ, «чтобы православные христіане богоотреченныхъ, святыми отцами отверженныхъ и еретическихъ книгъ у себя не держали и не чи-

---

1) Опис. рукоп. Рум. м. ст. 557.
2) Стогл. гл. 41, вопр. 22.

пищу для ума и сердца, служили полезнымъ средствомъ для назиданія въ вѣрѣ и благочестіи, но безъ живой устной проповѣди средство это было далеко недостаточнымъ. «Поученія, составленныя для древняго времени и для странъ другихъ, не могли рѣшать всѣхъ вопросовъ новаго времени и земли русской»[1]). Это понимали тогда лучшіе люди и потому старались написать поученія частнымъ лицамъ на разные случаи жизни. Напр. поученіе князьямъ, коли пойдутъ на войну; поученіе княземъ, не слушающимъ матери; посланіе отъ митрополита, чтобы отца духовнаго слушали; посланіе о утѣшеніи женѣ о мужѣ умершемъ и проч.[2]). Если и дѣйствительно многія изъ этихъ поученій и посланій писались по извѣстнымъ случаямъ и для извѣстныхъ лицъ, то впослѣдствіи они обращены были въ общія формы частныхъ поученій и читались при подобныхъ же случаяхъ. Но, конечно, подобныя поученія и посланія ни въ какомъ случаѣ не могли замѣнить живой проповѣди, ибо нельзя же написать столько формъ, сколько можетъ быть нуждъ духовныхъ. Какъ бы ихъ много ни было, они все таки были весьма недостаточны и далеко не повсемѣстны.

Прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ отсутствія церковнаго ученія и проповѣдыванія народу слова Божія было то, что народъ коснѣлъ въ невѣдѣніи спасительныхъ истинъ христіанскаго ученія. Говорятъ, — и намъ кажется совершенно справедливо, — что главная просвѣтительная сила *для народа* заключается въ духовенствѣ и именно низшемъ духовенствѣ, такъ какъ это послѣднее всегда стояло съ нимъ (народомъ) въ непосредственномъ соприкосновеніи. Въ вопросѣ о народномъ образованіи нужно брать во вниманіе именно это низшее духовенство, а не высшую правящую іерархію, которая вращалась среди высшихъ классовъ и во всѣ времена была болѣе или менѣе далека отъ народа, имѣла мало просвѣтительнаго вліянія не только на народъ, но даже на низшее духовенство.

Но мы уже знаемъ, каковы были ближайшіе просвѣтители народа, насколько они были способны и подготовлены къ просвѣти-

[1]) Слова пр. Филарета; — его исторіи часть III, ст. 100.
[2]) См. въ Ист. р. ц. пр. Филар. ч. III, ст. 100, примѣч. 249.

тельной дѣятельности. Вслѣдствіе крайняго своего невѣжества въ области христіанскаго богословія они безмолвствовали, не учили народъ истинамъ вѣры и нравственности, не приводили его въ познаніе истинъ ученія церкви, — и вотъ масса народная волновалась всякимъ вѣтромъ ученія, скиталась во лжи человѣчестей, въ коварствѣ козней лщенія, принимала и слушала съ простосердечнымъ довѣріемъ всякаго учителя, приходившаго къ ней съ словомъ Божіимъ и во имя Христово, хотя бы учитель этотъ былъ самъ невѣжда и проповѣдывалъ ей суевѣрно, нелѣпо, противно слову Божію и недостойно имени Христа.

Мы имѣли случай замѣтить, что у насъ были и, можетъ быть, въ достаточномъ количествѣ люди «тщаливіи къ науцѣ, желавшіе навыкати писанія»[1]). Эти люди, конечно, чувствовали глубокую потребность въ церковномъ ученіи и назиданіи, весьма желали познанія истинъ вѣры и благочестія, а между тѣмъ пастыри церкви не могли удовлетворить и не удовлетворяли этой благороднѣйшей, духовно-нравственной потребности ихъ. Что имъ оставалось послѣ этого дѣлать? Читать, если есть возможность, книги и въ «почитаніи книжномъ» удовлетворять свой «гладъ духовный». Но мы видѣли также, какія великія затрудненія долженъ былъ встрѣчать всякій, кто желалъ самопросвѣщаться чрезъ чтеніе книгъ. Необразованнымъ людямъ очень возможно было зачитываться и такими книгами, какъ «Рафли, Шестокрылъ, Воронограй, Остромій, Задѣй, Алманахъ, Звѣздочетьи, Аристотель, Аристотелевы врата, и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскіе»[2]), разумѣется, не просвѣщавшіе, но помрачавшіе духовное сознаніе читателей, отлучавшіе ихъ отъ Бога и погублявшіе ихъ. Стоглавый соборъ понималъ, какъ вредны и пагубны были подобныя книги и потому просилъ царя издать въ Москвѣ и по всѣмъ городамъ грозную царскую заповѣдь, а всѣмъ святителямъ повелѣлъ запретить каждому въ своемъ предѣлѣ, съ великимъ духовнымъ запрещеніемъ, «чтобы православные христіане богоотреченныхъ, святыми отцами отверженныхъ и еретическихъ книгъ у себя не держали и не чи-

---

1) Опис. рукоп. Рум. м. ст. 557.

2) Стогл. гл. 41, вопр. 22.

тали... «а которые люди отнынѣ и впредь учнутъ таковыя еретическія книги у себя держати и чести, или начнутъ иныхъ прельщати и учити... тѣмъ быти отъ благочестиваго царя въ *великой опалѣ*, а отъ святителей въ *конечномъ отлученіи*»[1]). Но и такая строгая мѣра не въ состояніи была поправить дѣло. Ложныя, отреченныя апокрифическія сочиненія и послѣ Стоглаваго собора продолжали умножаться и распространяться.

Ложная отреченная письменность существовала у насъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, была весьма любима русскими и занимала важное мѣсто въ исторіи книжнаго дѣла на Руси. Вѣроятно, вскорѣ послѣ введенія христіанства вмѣстѣ съ каноническими книгами стали распространяться у насъ и нѣкоторыя апокрифическія сочиненія. Шли они къ намъ, подобно богослужебнымъ книгамъ, изъ Византіи и отъ южныхъ славянъ. Вѣроятно также, что Болгарія была главнымъ мѣстомъ, откуда шли къ намъ апокрифы, и Курбскій ихъ прямо называетъ «болгарскими баснями»[2]). Въ одномъ спискѣ апокрифическихъ книгъ, между прочимъ, сказано: «кануновъ много лживыхъ, и молитвы составлены лживые отъ трясавицы, Еремея попа *болгарскаго* басни»...[3]). Объ Еремеѣ попѣ болгарскомъ упоминаетъ и Курбскій въ своемъ посланіи къ одному старцу въ Печерскій монастырь[4]). Догадка, что Болгарія по преимуществу снабжала насъ апокрифами, подтверждается и тѣмъ, что существовавшіе у насъ апокрифы своимъ содержаніемъ много напоминаютъ ученіе гностико-богомиловъ. А это ученіе, какъ извѣстно, весьма сильно распространено было въ Болгаріи[5]). Изъ Византіи апокрифы могли доставляться въ Россію нашими паломниками-книжниками и греческими путешественниками по Россіи.

Апокрифическія сочиненія, надо полагать, пользовались у нашихъ грамотѣевъ уваженіемъ и были читаемы ими не безъ охоты. Это потому, что содержаніе ихъ было по преимуществу религіозное,

---

1) Стогл. гл. 41, вопр. 22.
2) Опис. рукоп. Рум. муз. ст. 242.
3) Прав. Соб. 1861 г. I, ст. 280.
4) См. въ Ист. р. ц. пр. Макар. VIII т. стр. 117, прим. 141.
5) Смѣсь христіанства съ язычествомъ и ересями. Пр. Соб. 1861 г. Мартъ.

и происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ приписывалось отцамъ церкви. Нѣкоторые составители апокрифовъ, желая придать большій авторитетъ своимъ баснямъ и бреднямъ, надписывали ихъ именами отцовъ и учителей церкви. Въ только что упомянутомъ посланіи князя Курбскаго къ старцу въ Печерскій монастырь читаемъ: «Противлюся лжесловесникомъ, преобразующимся въ истовые учители, и пишутъ повѣсть сопротивъ евангельскимъ словесемъ, и имена свои скрывше, да не обличены будутъ, и *подписуютъ ихъ на святыхъ имена*, да удобно ихъ писаніе пріемлется простыми и ненаучеными»... И далѣе: «Стада вѣрныхъ нещадно расточаютъ и апостольская словеса превращаютъ, развращеннѣ толкуютъ и на святыхъ хулу возлагаютъ, паче же на Златоуста клеветами ополчаются, и отъ книгъ русскихъ еилючи словеса развращены отъ Еремея попа болгарскаго и инѣхъ таковыхъ, на *Златоустово имя подписано и на иныхъ святыхъ, яко щиты себѣ носятъ*... И вѣрныхъ, тяжущихся съ ними по невѣдѣнію, они, за словеса святыхъ, удобно одолѣваютъ, яко безотвѣтныхъ, и отъ истиннаго пути на прелесть свою возводятъ» [1]).

Ко времени Максима Грека для Россіи открылся новый источникъ апокрифовъ: они стали заходить съ Запада. Такъ при Максимѣ Грекѣ появился Луцидаріусъ, который, вѣроятно, переведенъ съ нѣмецкаго языка. Это подтверждается обиліемъ въ немъ германизмовъ [2]). Апокрифы съ Запада могли доставляться въ Россію чрезъ русскихъ, бывшихъ тамъ по дѣламъ посольскимъ, и чрезъ иностранцевъ, проживавшихъ въ Россіи, потому что, по свидѣтельству Контарини, въ Москву во время зимы съѣзжалось множество купцовъ изъ Германіи и Польши для покупки различныхъ мѣховъ, какъ-то: соболей, волковъ, горностаевъ, бѣлокъ и рысей [3]).

Необходимо познакомиться съ содержаніемъ нашей апокрифической и вообще отреченной письменности, чтобы видѣть, какъ скудно, а во многихъ отношеніяхъ даже совершенно ложно было христіанское умственное развитіе нашего простаго народа въ данный пе-

---

[1]) См. у пр. Макар. въ его истор. р. ц. VIII т. стр. 117, прим. 141.
[2]) Лѣтоп. русск. литер. Тихонравова т. I, стр. 37.
[3]) Библ. иностр. писател. о Россіи т. I, стр. 111.

ріодъ, какъ мало зналъ онъ истинное ученіе христіанства и подлинныя сказанія Священнаго Писанія, и какъ между тѣмъ много усвоилъ понятій ложныхъ, превратныхъ и совершенно нелѣпыхъ. Для насъ необходимо возможно полное знаніе содержанія и характера русской апокрифической, отреченной письменности еще и потому, что это знаніе впослѣдствіи дастъ намъ право сдѣлать особенный, въ нашихъ цѣляхъ важный выводъ относительно религіозной жизни нашихъ предковъ въ описываемое время.

Изъ множества апокрифовъ, существовавшихъ на Руси въ XVI вѣкѣ, особенно характеристична и интересна такъ называя «Бесѣда трехъ святителей». На нее прежде другихъ мы и обратимъ вниманіе.

Бесѣда трехъ святителей — Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго — состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ о разныхъ священныхъ предметахъ. Вотъ, напр., какіе предлагаются и рѣшаются вопросы въ Бесѣдѣ: «Григорій рече: кто первѣе Бога нарече? Иванъ рече: сатана, иже сверженъ бысть съ небеси прежде созданія Адамля, за гордость наречеся сатана дьяволъ... Василій рече: повелѣ Господень ангелъ согнати пену морскую и сотворити землю *на трехъ китехъ великихъ*, на тридцати малыхъ заляжетъ 30 околъ морскихъ... глубина моря великаго 5 ротогъ (?), толщина, какъ земля толста. Того же моря дно стоитъ на семи тысещахъ столпѣхъ. Туто же есть и адово жилище, тутожь и антихристъ связанъ... того моря столпіе стоитъ на огнѣ неугасимомъ, подъ тѣмъ огнемъ туто же есть десница, яже прежде солнца сотворена. И ту есть людіе крилати, летаютъ яко паутина мыслію, а смерти нѣту имъ... Василій рече: гдѣ первѣ Богъ былъ, иже не бѣ свѣта? Иванъ рече: суть *три комары* на небесѣхъ, ту бяше Господь *въ тѣхъ комарехъ агнцемъ*. Григорій: протолкуй ми Троицу? Иванъ рече: въ тѣхъ комарехъ Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, свѣтъ есть, а другій свѣтъ *огнь есть*. Василій рече: отъ чего суть ангелы сотворены? Григорій рече: отъ Духа Господня, отъ свѣта и отъ огня. Иванъ рече: отъ чего солнце сотворено есть? Василій рече: отъ нутреннія ризы Господня. Григорій рече: отъ чего луна сотворена бысть? Василій рече: отъ аера,

отъ престола Господня и отъ воздуха. Василій рече: еста *ангела іромная еленскій старецъ Перунъ, Нахоръ* (по друг. Хорсъ) *есть жидовинъ, а два еста ангела молніина...* Василій рече: посла Господь ангела и взя единаго на востоцѣ *а*, на западѣ *д*, на сѣверѣ *а*, на юзѣ *м*: то-есть Адамъ[1]). Григорій рече: отъ коликихъ частей Адамъ сотворенъ бысть? Василій рече: отъ осьми частей: первое отъ земли, второе отъ моря, третіе отъ солнца, четвертое отъ камени, пятое отъ облака, шестое отъ огня, седьмое отъ вѣтра, восьмое отъ свѣта: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ камени кости, отъ облака мысли, отъ огня теплота, отъ вѣтра дыханіе, отъ свѣта свѣтъ, а духъ самъ Господь вдохнулъ»[2]). Изъ приведенной бесѣды мы видѣли, что очи Адама сотворены отъ солнца. Но когда Богъ пошелъ за этимъ матеріаломъ «и остави Адама единаго лежаща на земли, пріиде окаянный сатана ко Адаму и измаза его каломъ и тиною и возгрями». Возвратившись, Господь видитъ Адама «измазанна» и въ гнѣвѣ говоритъ діаволу: «окаянне діаволе, проклятый... Что ради человѣку сему сотворилъ есть пакость, намаза его? проклятъ ты буди»,—и діаволъ исчезъ, какъ молнія. «Господь же, снемъ съ Адама пакости сотонины, и въ томъ сотвори собаку» и заставилъ эту собаку стерещи Адама, а самъ ушелъ въ горній Іерусалимъ «по дыханіе Адамлево». Пришелъ другой сатана и захотѣлъ на Адама «напустити злую скверну», но увидавъ лежащую у ногъ Адама собаку, очень испугался. «Собака начала зло лаяти на діавола, окаянный же сатана埋 вземъ древо, и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недуговъ. И пріиде Іесусъ изъ горнево Іерусалима, и виде Адама древомъ исколота», спросилъ діавола, зачѣмъ онъ изранилъ Адама? Сатана отвѣтилъ, чтобы въ «недузехъ сихъ» онъ призывалъ тебя на помощь[3]).

Исторія паденія первыхъ людей въ апокрифахъ излагается съ большими и любопытными подробностями. Между прочимъ, въ «Повѣ-

---

[1]) Расколъ старообрядчества, Щапова — 453—454.

[2]) Прав. Соб. 1861, I, стр. 254—255. Сн. Пам. стар. русск. литер. Изд. Кушел.-Безбор. т. III, стр. 12.

[3]) Ibid. т. III, стр. 13.

данiи Евы» предъ 6000 домочадцевъ, собравшихся около умирающаго Адама (онъ впалъ въ болѣзнь чревную), вотъ что разсказывается о прежней ихъ жизни въ раю и по изгнанiи изъ него. Сначала коротко говорится о томъ, какъ Богъ сотворилъ рай, поручилъ его на храненiе имъ — Адаму восточную и сѣверную страну, а Евѣ — западную и южную, какъ Богъ заповѣдалъ имъ не ясти отъ одного древа, какъ дiаволъ искусилъ ихъ, и они поѣли и пали. Когда же они пали, всѣ деревья въ раю *сложили* съ себя листья, только одна смоковница «*не поверже листьевъ*». Они вошли подъ это дерево и сшили изъ ея листьевъ себѣ одежду. Тогда послышался гласъ архангела, призывающiй ангеловъ съ неба. Сошелъ Господь съ ангелами; поставили престолъ посреди рая; начали судить и осудили Адама и Еву, и ангелы, «злѣ бiюще», изгнали ихъ изъ рая. По изгнанiи, Адамъ и Ева сѣли противъ рая, и, приникнувъ къ землѣ, стали плакать и плакали 15 дней. «*Находитъ на сердце мое*», говорилъ Адамъ Евѣ, «*да разорю икону твою, но боюся Бога и не имамъ съ кѣмъ быти*». «Изнемогла душа моя отъ голода, сказала Ева, пойдемъ поищемъ снѣднаго»; возвратились къ Эдему и опять начали плакать: «раю мой, раю, взывалъ Адамъ, пресвѣтлый раю, красота неизреченная, меня ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ есть; милостиве, помилуй мя падшаго». Тогда умилосердился Господь и послалъ ангела Iоила, который отдѣлилъ имъ седьмую часть рая; они поѣли сперва плода терноваго. Потомъ явился архангелъ Михаилъ, принесъ пшеницы и меду и сталъ наставлять Адама на *дѣла ручная*. — Адамъ началъ землю дѣлати; дiаволъ пришелъ и говоритъ: небеса и рай суть Божiи, а земля моя; если хочешь быть Божiй, иди въ рай, а если хочешь быть моимъ, дѣлай землю, но для этого дай мнѣ *рукописанiе* на себя. Адамъ сказалъ: чья земля, того и я, и далъ *рукописанiе*. Дiаволъ взялъ рукописанiе Адама и скрылъ его во Iорданѣ подъ камнемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ крестился [1]). Далѣе разсказывается, какъ Адамъ и Ева каялись 40

---

[1]) Замѣтимъ, что Максимъ Грекъ написалъ особое сказанiе о рукописанiи грѣховномъ, гдѣ доказываетъ всю нелѣпость приведеннаго разсказа о рукописанiи (I, стр. 533—541).

дней, Адамъ стоя въ рѣкѣ Іорданѣ, Ева — въ Тигрѣ, потомъ какъ они поселились въ Мадіамѣ, какъ родился Каинъ и Авель, какъ Каинъ убилъ Авеля, какъ родился Сиѳъ. Въ то время, какъ Ева говорила объ этомъ, Адамъ позвалъ ее и сказалъ ей, что душа его исходитъ отъ него. Сиѳъ вздумалъ сходить въ рай и принести что нибудь для успокоенія Адама; Адамъ пожелалъ получить вѣтвь масличнаго дерева. Сиѳъ съ матерью отправились въ рай. Пришедши къ нему, они увидѣли Ангела, который спросилъ ихъ: зачѣмъ они пришли? Сиѳъ сказалъ, что отецъ его Адамъ боленъ и проситъ вѣтвь отъ масличнаго дерева. Для болѣзни отца твоего, отвѣчалъ ангелъ, нѣтъ лекарства, потому что приблизилась смерть его, и отломилъ вѣтвь отъ того древа, изъ-за котораго Адамъ изгнанъ изъ рая. Когда принесли вѣтвь Адаму, онъ узналъ древо и, сдѣлавъ изъ вѣтви вѣнецъ, возложилъ его на голову. Тогда онъ увидѣлъ руку Господню, пріемлющую его душу. Господь повелѣлъ, чтобы духъ Адама пребывалъ на третьемъ небѣ, а тѣло отнесено въ рай. Когда понесли тѣло Адама, съ неба послышался гласъ Божій: «*земля еси и въ землю пойдеши*». Вскорѣ послѣ погребенія Адама умерла и Ева. Архангелъ Михаилъ научилъ Сиѳа похоронить Еву тамъ, гдѣ тѣло Адама и Авеля. «И ту израсте древо изъ вѣнца Адамова, иже на главѣ Адамовѣ»[1]). «Отъ того древа и крестъ Христовъ, на немъ же распятся»[2]).

Такими сказочными подробностями обставляли апокрифы библейскую исторію. Всѣ почти великія событія священной исторіи и великіе дѣятели ветхозавѣтной церкви подверглись этой участи. Такъ, въ апокрифахъ чрезвычайно подробно разсказывается о потопѣ, о Ноѣ, Энохѣ, Мелхиседекѣ, Моисеѣ, царѣ Соломонѣ и проч. [3]). Новозавѣтная священная исторія въ апокрифахъ также искажена до неузнаваемости. Остановимся для примѣра на сказаніи Афродитіана о чудѣ въ персидстѣй землѣ [4]). Это сказаніе такъ было

---

[1]) Памятн. стар. русск. литерат., изд. Кушел.-Безбородко; вып. III, ст. 1—7, —«Сказаніе объ Адамѣ» по обоимъ варіантамъ.

[2]) Ibid.,—«Сказаніе о древѣ крестномъ», стр. 81.

[3]) Ibid., выпускъ III.

[4]) Отречен. книги т. II, стр. 1—4.

распространено въ древнихъ рукописяхъ, что на него обратилъ вниманіе Максимъ Грекъ. Въ предисловіи къ его разбору онъ замѣчаетъ, что оно у православныхъ «честно и прелюбимо»[1]).

Въ сказаніи Афродитіана излагается исторія поклоненія восточныхъ волхвовъ Спасителю. Въ Персіи, говорится въ этомъ сказаніи, была знаменитая кумирница, наполненная разными золотыми и серебряными идолами. Пришелъ въ нее однажды царь, чтобы узнать смыслъ видѣннаго имъ сна. Жрецъ Прунъ сказалъ ему, что въ прошедшую ночь всѣ боги ликовали и говорили, что «*Ира* съ этого времени наречется Ураніей, потому что ее возлюбило великое солнце, что она обѣщана за дроводѣля: имя ей Марія». Царь остался въ кумирницѣ до вечера и дѣйствительно увидѣлъ, какъ всѣ идолы, при наступленіи ночи, начали пѣть и играть. Онъ ужаснулся и хотѣлъ уйти, но жрецъ остановилъ его, сказавши: «Пожди, царю, приспѣло бо есть конечное явленіе, еже Богъ всѣхъ изволилъ есть явити намъ». При этихъ словахъ вдругъ раскрылась кровля кумирницы, и въ нее вошла свѣтлая звѣзда и стала «надъ кумиромъ источника». Всѣ кумиры пали ницъ, кромѣ одного источника; въ немъ показался славный вѣнецъ изъ анфракса и измарагда, а надъ нимъ стояла звѣзда. Мудрецы, объясняя царю это знаменіе, сказали: «корень божескій и царскій восклонился есть, небеснаго и земнаго царя образъ принося; источникъ бо виѳлеемскія земли есть дщи, вѣнецъ же образа царскаго есть проповѣданіе на землѣ чудотворимо, а еже бози падоша, скончаніе чести ихъ приспѣло. Нынѣ убо, о царю, посли въ Іерусалимъ и обрящеши Сына Вседержителя тѣломъ, тѣлесными руками женскими держима». Царь немедленно отправилъ волхвовъ съ дарами. Сопутствуемые звѣздою, волхвы пришли въ Іерусалимъ, нашли матерь съ младенцемъ. О нихъ они разсказывали: «Отроча же сѣдяше на земли, яко второе лѣто ему, якоже самъ глаголаше, малъ приклaдъ (подобіе) иный образъ родившія; сама же бяше высока тѣломъ, смаглъ блескъ имущи, кругловатымъ лицемъ, а власы увясты имущи; мы обою обличье имуще, въ страну свою занесохомъ, и

[1]) Соч. Макс. Грека т. III, стр. 125—149.

бысть положено нашими руками... въ діоптовѣ кумирницѣ... И взя отроча кождо насъ и подержа на руку. И поклоншеся ему и цѣловавше дахомъ ему злато и ливанъ и смирну... отроча же смѣяшеся и плескаше, хваленіе имѣя словесъ нашихъ». По возвращеніи изъ Іерусалима, волхвы разсказали царю обо всемъ видѣнномъ, а потомъ записали на золотой доскѣ.

Съ такимъ же сказочнымъ характеромъ являются и всѣ другіе апокрифы. «Проповѣдуемое» въ нихъ было «сопротивъ всякой евангельстѣй и апостольстѣй и отечестѣй истинѣ и преданію»[1]), поэтому церковь и духовенство увѣщавали и запрещали читать апокрифическія сочиненія. Это запрещеніе, кромѣ другихъ сочиненій, выражалось въ спискѣ книгъ каноническихъ и апокрифическихъ, гдѣ послѣднія называются «ложными, богоотметными, отреченными»[2]). Въ одномъ изъ словъ противъ жидовствующихъ Іосифъ Волоколамскій пишетъ: «отреченныхъ (книгъ) отнюдь не чти... да будетъ тебѣ горько слушаніе неполезныхъ повѣстей»[3]). Намъ уже извѣстно строгое запрещеніе отцовъ Стоглаваго собора читать отреченныя книги. За ослушаніе грозила отъ царя великая опала, а отъ святителей конечное отлученіе[4]). Но не смотря на строгія запрещенія и преслѣдованія, апокрифическія писанія были весьма распространены въ древней Руси. Ихъ читали съ большею охотою и любовію, чѣмъ хорошія позволенныя книги. Князь Курбскій съ скорбію писалъ: «мнимые учители нынѣшняго вѣка, грѣхъ ради нашихъ, чаще занимаются болгарскими баснями, или, точнѣе бабьими бреднями, чѣмъ услаждаются разумѣніемъ великихъ учителей»[5]). Откуда, какъ не изъ апокрифовъ получали наши предки тѣ грубыя и нелѣпыя представленія о предметахъ религіи, которыя удивляли, поражали иностранцевъ? И это удивленіе тѣмъ понятнѣе, что даже люди, возвышающіеся надъ другими по своему положенію, раздѣляли мнѣнія толпы. Вотъ,

---

1) Соч. М. Грека т. III, стр. 166.

2) Такой списокъ появился въ XIV в. и до конца XVII постоянно переписывался въ рукописяхъ и наконецъ былъ напечатанъ въ извѣстной Кирилловой книгѣ.

3) Просвѣтитель, въ Прав. Соб. 1856 г. кн. 4, стр. 366.

4) Стогл. гл. 41, вопр. и отв. 22.

5) Опис. рукоп. Румянц. муз. стр. 242.

напр., какое событіе, интересное въ этомъ отношеніи, приводитъ Ульфельдъ въ описаніи своего путешествія. При этомъ иностранцѣ находился приставъ, почтенный старикъ, Ѳеодоръ. Однажды Ульфельдъ завелъ съ этимъ приставомъ рѣчь о дѣлахъ, касающихся религіи и, между прочимъ, заговорилъ о грѣхахъ противъ Духа Святаго. Приставъ утверждалъ, что всякій можетъ спастись, хотя бы онъ каждодневно прибавлялъ новые грѣхи къ старымъ, лишь бы только у него явилось чувство раскаянія во грѣхахъ. Ульфельдъ отвергалъ значеніе такого покаянія и требовалъ отъ кающагося постояннаго улучшенія и исправленія нравственности; въ противномъ случаѣ, говорилъ онъ, будетъ грѣхъ противъ Духа Святаго, который никогда не простится. Приставъ напротивъ утверждалъ, что всякій грѣхъ можетъ быть прощенъ и, въ подтвержденіе своей мысли, привелъ слѣдующій разсказъ изъ жизни Маріи Магдалины. Однажды на пути попался этой грѣшницѣ человѣкъ, который обратился къ ней съ сластолюбивымъ предложеніемъ. Она сначала отказалась, но мужчина настаивалъ на своемъ и во имя Бога (!) просилъ удовлетворить его страсти. Магдалина, наконецъ, склонилась; но такъ какъ она это сдѣлала во имя Божіе, то не только получила прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ, но ея имя даже красными чернилами занесено въ число святыхъ[1]). Что апокрифическія сказанія читались и перечитывались нашими предками, лучшимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ складъ религіозныхъ понятій и представленій, который выразился въ религіозной народной поэзіи— въ такъ называемыхъ духовныхъ стихахъ и легендахъ[2]).

Причины, почему апокрифическія писанія были распространены у насъ и пользовались большимъ уваженіемъ, заключались въ слѣдующемъ. Во 1) древне-русское образованіе и древне-русская жизнь

---

1) Чт. Ист. общ. 1868 г. IV, 327—328. — Путешествіе Адама Олеарія въ Москву.

2) Наприм. легенды: объ умерщвленномъ младенцѣ (117), о происхожденіи винокуренія (137), объ игрокѣ (145), о пляшущемъ бѣсѣ (202), о бѣсѣ Зереферѣ (203), также: Пророчество св. Варлаама (277), Видѣніе пономаря Тарасія, Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ (287) (Пам. стар. русск. литер. вып. I).

имѣли основу религіозную; на той же основѣ возникли и развились и апокрифическія сказанія. Слѣдовательно, съ этой стороны они ничѣмъ не менѣе должны были приходиться по вкусу древнимъ русскимъ читателямъ писаній неапокрифическихъ, имѣвшихъ туже религіозную основу. А тѣхъ ошибокъ и невѣроятностей, того страннаго смѣшенія вымысла съ истиной, христіанскихъ понятій съ языческими представленіями, какія насъ поражаютъ въ апокрифахъ, древніе читатели, при своемъ скудномъ образованіи, не могли и сознавать. Во 2) апокрифы для неразвитой и наивной массы имѣли то преимущество предъ настоящей церковной литературою, что представляли собою книги довольно фантастическія по содержанію и сказочныя по формѣ. А такого сорта книги составляютъ наиболѣе любимое чтеніе необразованныхъ людей. Церковная же литература, появившаяся у насъ со введеніемъ христіанства, состояла большею частію изъ слишкомъ буквальнаго перевода греческихъ писателей, у которыхъ ученіе о вѣрѣ и нравственности предлагалось часто въ формахъ отвлеченныхъ, а потому трудныхъ для пониманія неразвитаго народа. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ апокрифахъ, кромѣ простоты содержанія, сказочной или загадочной формы, встрѣчаются иногда глубоко трогательныя и въ высшей степени поэтическія картины. Въ этомъ отношеніи замѣчательны: «Хожденіе Богородицы по мукамъ» и «Видѣніе апостола Павла»[1]). Читая эти послѣднія, становится вполнѣ понятнымъ, почему христіанскіе художники въ средніе вѣка такъ часто обращались къ апокрифическимъ сочиненіямъ за сюжетами для своихъ произведеній[2]);

---

[1]) Пам. стар. русск. литер. Кушел.-Безбор. т. III, стр. 118 — 124 и 129 — 133.

[2]) Въ средніе вѣка, какъ извѣстно, апокрифы имѣли весьма сильное вліяніе на развитіе духовной поэзіи, церковной живописи и скульптуры, давая художникамъ для ихъ изображеній прекрасные сюжеты. Особенно западныя духовныя драмы или, такъ называемыя, «мистеріи» обязаны апокрифамъ и своимъ происхожденіемъ и своимъ развитіемъ. Напр., знаменитая католическая мистерія «Страданія Спасителя» взята изъ евангелія рождества Пресв. Дѣвы и евангелія Никодима. Слѣды апокрифическихъ сказаній ясно усматриваются даже въ позднѣйшихъ произведеніяхъ европейскихъ литературъ, напр., въ «Потерянномъ раѣ» Мильтона и «Мессіадѣ» Клопштока.

въ нихъ дѣйствительно много истинно художественныхъ элементовъ. Съ этой стороны апокрифы замѣняли для древне-русскаго человѣка произведенія искусства поэтическаго, котораго въ древней словесности не было. Удовлетворяя чувству религіозному, они въ тоже время удовлетворяли и чувству поэтическому, и тѣмъ лучше, что удовлетворяли изъ одного и того же религіознаго источника, который, какъ видѣли мы, признавался у насъ единственно законнымъ въ силу изначала установившагося склада русской жизни. Въ 3) апокрифы удовлетворяли самому смѣлому любопытству, самой требовательной любознательности; они сообщали свѣдѣнія, какихъ не могла дать ни одна книга. Апокрифы старались разъяснить самымъ обстоятельнымъ образомъ именно тѣ предметы, о которыхъ молчитъ церковное ученіе, предоставляя ихъ вѣрѣ, и для которыхъ масса тѣмъ не менѣе всегда старается найти точное, положительное объясненіе. — Изъ сочиненій Максима Грека видно, что его современниковъ весьма интересовали вопросы, напр., о томъ, въ какомъ видѣ и возрастѣ возстанутъ на судѣ умершіе? Одни утверждали, что воскреснувшіе всѣ будутъ въ образѣ мужчинъ, «понеже Богъ мужа точію созда»... «а жену отъ ребра мужа ея», другіе — что будетъ два пола: мужескій и женскій [1]); узнаютъ ли умершіе на томъ свѣтѣ другъ друга и будутъ ли имѣть общеніе между собою родственники? какимъ образомъ размножался бы родъ человѣческій, если бы не палъ человѣкъ? [2]). Изъ апокрифовъ же читающіе могли съ большою легкостію получать свѣдѣнія о землѣ, о стихіяхъ, физическихъ явленіяхъ, народахъ, планетахъ, островахъ, рѣкахъ и проч. Напр., Луцидаріусъ, который опровергалъ Максимъ Грекъ [3]), Бесѣда трехъ Святителей и т. п. — Наконецъ въ 4) апокрифы читались тѣмъ съ большею охотою, что за прочитаніе ихъ обѣщались всякія блага и спасеніе, въ родѣ, напр., благъ за храненіе и чтеніе «Сна Пресвятыя Богородицы» [4]).

Усердное чтеніе отреченной письменности, кромѣ того что ис-

---

1) Сочин. Максима т. III, стр. 223.
2) Ibid. т. I, стр. 541.
3) Ibid. т. III, стр. 226 — 236.
4) Пам. стар. русск. литер. вып. III, стр. 126 — 127.

кажало и затемняло христіанскія истины, сообщало читающимъ множество понятій ложныхъ, грубыхъ и нелѣпыхъ, было вредно въ религіозномъ отношеніи еще потому, что воспоминало и утверждало въ умахъ читателей тѣ языческія понятія и представленія, съ которыми постоянно и съ такою энергіею боролись представители религіи христіанской. Въ приведенной «Бесѣдѣ трехъ Святителей» упоминается о Перунѣ, хотя уже только какъ о «старцѣ эллинскомъ», и какъ «ангелѣ громномъ и молнійномъ», а не верховномъ богѣ. Богъ, въ Троицѣ возвѣщаемый христіанствомъ, еще представляется въ бесѣдѣ, какъ стихійный свѣтъ и огнь, что указываетъ на существованіе и въ описываемую эпоху суевѣрія тѣхъ двоевѣрно жившихъ христіанъ, которые въ XIII вѣкѣ, по слову Христолюбца, «огневи молились, звали его огнемъ сварожичемъ»[1]). Далѣе, въ бесѣдѣ говорится объ ангелахъ, какъ созданіяхъ стихійнаго неба, воздуха, вѣтра. Человѣкъ производится не всецѣло отъ Бога, какъ учитъ Св. Писаніе, а отъ осьми стихійныхъ, физическихъ частей или элементовъ. Христіанство, такимъ образомъ, въ XVI вѣкѣ оказывается еще непонятымъ въ его возвышенномъ ученіи,—наряду съ нимъ существуютъ языческія воззрѣнія.

Необходимо уяснить это послѣднее явленіе, такъ какъ впослѣдствіи, при изображеніи нравственнаго состоянія русскаго общества въ XVI вѣкѣ, мы встрѣтимся съ фактами не только нравственно безобразными, но съ чисто языческимъ характеромъ. Не зная основы этихъ фактовъ, мы не поймемъ ихъ и не оцѣнимъ по достоинству.

Въ общемъ вопросѣ объ остаткахъ язычества на Руси въ XVI вѣкѣ невольно возникаетъ предварительный вопросъ о причинѣ такой живучести у насъ язычества. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не смотря на заботы и стараніе въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ духовной и свѣтской власти искоренить язычество, послѣднее всетаки такъ долго не уничтожалось?

Главная тому причина въ отсутствіи образованія, вслѣдствіе чего древняя Русь представляла для насажденія и развитія христіан-

[1]) Опис. Рум. муз. стр. 228.

ства почву весьма неудобную, неочищенную отъ укоренившихся на ней сорныхъ произрастеній, которыя и заглушали сѣмена христіанскаго ученія. — Немаловажною причиною живучести язычества на Руси былъ самый способъ обращенія у насъ язычниковъ въ христіанство. То весьма выразительное обстоятельство въ первоначальной исторіи христіанства на Руси, что народъ принималъ христіанство скоро и съ покорностію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была сильна княжеская власть, а гдѣ власть эта была не такъ страшна, тамъ мы и въ XII в. видимъ, съ одной стороны, проповѣдниковъ-мучениковъ, съ другой же — толпы волхвовъ, — это обстоятельство даетъ намъ право предположить, что новопросвѣщенная власть усердно помогала дѣятельности пастырей церкви болѣе свойственными ей внѣшними мѣрами: принужденіями, угрозами и наказаніями. Если, благодаря этому, понятно, почему такъ быстро распространялось христіанство на Руси, то благодаря этому же, очень понятно, почему такъ непрочно распространялось оно. Въ вопросѣ о распространеніи христіанства важно не столько мѣсто и число вѣрующихъ, сколько степень усвоенія послѣдними христіанскаго ученія. При той же быстротѣ, съ какою возрастало число обращенныхъ, нельзя и предполагать нравственнаго перевоспитанія новопросвѣщеннаго общества: не могъ же вдругъ весь народъ, тотчасъ послѣ крещенія, познать все христіанское ученіе. Въ его памяти во всей своей свѣжести оставалось старое язычество. Это было самое грубое двоевѣріе, состоявшее только во внѣшнемъ механическомъ соединеніи двухъ вѣръ. Христіанство и язычество стояли рядомъ, существовали самостоятельно. Было еще одно весьма важное обстоятельство, которое не могло не служить причиною долгаго существованія язычества на Руси. Имѣемъ въ виду характеръ той борьбы, которую вела духовная и свѣтская власть противъ язычества. Эта борьба направлялась главнымъ образомъ противъ внѣшней стороны язычества: его обрядовъ, общественнаго богослуженія, что болѣе всего бросалось въ глаза и было доступнѣе для внѣшнихъ запретительныхъ мѣръ. Но ни мѣры правительства, ни дѣятельность церкви не коснулись, или слегка коснулись, сущности языческаго міросозерцанія, которое требовало для

своего уничтоженія не угрозъ, обличеній и наказаній, а свѣта христіанскаго просвѣщенія. Между тѣмъ, этого-то самаго главнаго оружія для борьбы съ язычествомъ въ древней Руси, какъ извѣстно, и не было. Таковы главнѣйшія причины, почему такъ долго не уничтожалось у насъ язычество.

Намъ слѣдовало бы теперь опредѣлить, насколько свѣжо еще помнилось язычество на Руси въ XVI вѣкѣ. Но такъ какъ важнѣйшіе историческіе документы, относящіеся къ описываемому времени, необходимыя для этого опредѣленія поученія, пастырскія посланія и граматы, обличенія и запрещенія языческихъ суевѣрій и предразсудковъ — находятся въ самой тѣсной и неразрывной связи съ обличеніями языческихъ обрядовъ, игрищъ и празднествъ, то становится весьма труднымъ дѣломъ уловить въ нихъ раздѣлительную черту между обличеніемъ язычества и обличеніемъ чисто нравственнаго безобразія того или другаго обряда. Поелику же, съ другой стороны, эти памятники преимущественно бьютъ на нравственную сторону обряда, преслѣдуютъ главнымъ образомъ нравственное безобразіе того или другаго праздника, или игрища, то мы сочли болѣе удобнымъ и, во избѣжаніе повтореній, рѣчь о свѣжести языческихъ понятій, суевѣрій, примѣтъ и привычекъ на Руси въ XVI вѣкѣ оставить до слѣдующихъ главъ, въ которыхъ будетъ изображено нравственное состояніе русскаго общества за означенный вѣкъ.

Въ заключеніе настоящей главы скажемъ нѣсколько словъ о ересяхъ, волновавшихъ русскую церковь преимущественно въ первой половинѣ XVI вѣка. Въ этихъ ересяхъ есть пункты, близко касающіеся интересующаго насъ предмета. Вотъ на эту-то сторону ересей, обращенную къ нравственности русскаго общества, и нужно обратить вниманіе. Ересь жидовствующихъ, также послѣдователи Башкина и Косаго, отвергая догматическое ученіе православной церкви, отвергали и обряды христіанскаго богослуженія. Уже съ точки зрѣнія жида Схарія, считавшаго Іисуса Христа простымъ человѣкомъ, а не Сыномъ Божіимъ, необходимо вытекало, что Пресв. Матерь Его не есть Богородица, что не должно почитать ни Его, ни Ее, ни вообще всѣхъ святыхъ христіанскихъ; не должно чтить

самыхъ ихъ изображеній или св. иконъ, ни крестовъ и другихъ священныхъ для христіанъ предметовъ. Развивая послѣдовательно начала ереси жидовствующихъ, Косой уже прямо крестъ Христовъ и святыя иконы называлъ кумирами или идолами, христіанскія церкви — кумирницами, христіанское богослуженіе — идольскою службою, епископовъ и священниковъ — идольскими жрецами[1]). Поэтому, онъ училъ — въ церкви не ходить и не носить въ нихъ просфоръ и свѣчей, церковныхъ службъ и молитвъ бѣгать, священниковъ и епископовъ не слушать. Всѣ вообще еретики отвергали таинства, посты, праздники, монашество и другія церковныя установленія. Нѣтъ нужды доказывать, что еретики, отвергая означенные пункты христіанскаго ученія, вредно вліяли на нравственность общественную и своими примѣрами содѣйствовали ея порчѣ. Преп. Іосифъ Волоколамскій въ своемъ посланіи къ Нифонту, епископу Суздальскому[2]), изложивъ теоретическую сторону ереси жидовствующихъ, указавъ на поразительную безнравственность митроп. Зосимы, непосредственно продолжаетъ: «отступиша бо человѣцы отъ истины и отъ правды, отступиша братолюбія и нищелюбія, отступиша цѣломудрія и чистоты и на сласти совратишася, зряще на сквернаго пастыря, всегда сквернящагося мірскими сквернами». Относительно Косаго извѣстно еще, что онъ возставалъ противъ нѣкоторыхъ началъ быта семейнаго и общественнаго. Не должно, училъ онъ, почитать родителей и именовать отцовъ, ибо сказано: «не нарицайте себѣ отца на земли, единъ есть отецъ вашъ Богъ». Не должно повиноваться никакимъ земнымъ властямъ и начальствамъ... Не должно помогать бѣднымъ, сирымъ и вдовицамъ, хромымъ, слѣпымъ и вообще нищимъ: ибо нищіе — псы, а написано: «нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псамъ»[3]). Мы уже имѣли случай говорить о томъ, какъ, при тогдашнемъ жалкомъ состояніи

---

1) Ист. р. ц. пр. Макарія, VI т. ст. 273.

2) Чтеніе общ. ист. 1847 г. № 1, ст. 6.

3) Ист. р. ц. преосв. Макарія, VI т. ст. 273 — 274. Хотя, какъ извѣстно, эти послѣдніе пункты своей ереси Косой проповѣдывалъ уже въ Литвѣ, но тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія думать, чтобы онъ, живя въ Россіи, благоговѣлъ предъ означенными священными началами быта семейнаго и общественнаго.

просвѣщенія на Руси, народъ былъ склоненъ довѣрчиво слушать всякаго, кто приходилъ къ нему во имя Божіе и говорилъ съ нимъ словомъ Божіимъ — отъ книгъ Свящ. Писанія. А таковы и были всѣ русскіе еретики, въ частности и Косой[1]). Поэтому есть вся вѣроятность думать, что этотъ еретикъ съ своими крайними выводами имѣлъ немало послѣдователей. Что же касается до ереси жидовствующихъ, то есть прямое свидѣтельство, что она сильно волновала умы русскихъ. Іосифъ Волоколамскій въ упомянутомъ посланіи къ Нифонту, епископу Суздальскому, между прочимъ пишетъ: «отступиша мнози отъ православныя и непорочныя Христовы вѣры и жидовствуютъ втайнѣ... Нынѣ и на путѣхъ, и на торжищахъ иноцы и мірстіи и вси сомнятся, вси о вѣрѣ пытаютъ... отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ... и съ ними дружатся, и піютъ, и ядятъ, и учатся отъ нихъ жидовству»[2]). Конечно, при такомъ близкомъ общеніи съ еретиками, колебавшими и основы нравственности, не могло не происходить вреда для нравственности. Справедливо замѣчаютъ, что примѣръ заразителенъ, и нужно сознаться, это замѣчаніе болѣе справедливо относительно дурныхъ примѣровъ, потому что подражать дурному, по врожденной человѣку склонности грѣшить, преступать законы и легче и удобнѣе.

Бросая послѣдній взглядъ на печальное состояніе просвѣщенія на Руси за XVI вѣкъ и въ частности религіознаго просвѣщенія, мы испытываемъ грусть, которая невольно закрадывается въ душу. Но еще грустнѣе становится на душѣ, когда представишь себѣ, какова должна быть въ это время нравственность русскаго общества. Недостатокъ образованія, отсутствіе, вслѣдствіе этого, здравыхъ понятій о жизни и ея назначеніи, незнаніе самыхъ основныхъ началъ вѣры и нравственности, — господство, вмѣсто этого, многихъ поня-

[1]) Клирошане сочли еретика Косаго за истиннаго учителя и вняли его ученію именно потому, что Косой, когда училъ, всегда держалъ въ рукахъ книги и, разгибая ихъ, давалъ каждому прочитать написанное и затѣмъ толковалъ. На это есть прямое свидѣтельство. На вопросъ Зиновія Отенскаго: «како увѣриться, что Косой истиненъ учитель?» — Клирошане отвѣчали: «Косой посему истинна учителя себе сказуетъ, понеже въ руку имѣя книги и тыя разгибая, комуждо писанная дая самому прочитати, и сія книги разсказуетъ» (Инока Зиновія «Истин. Показан.», 42 с.).

[2]) Чт. общ. ист. 1847 г. № 1, ст. 6.

тій совершенно ложныхъ и превратныхъ, даже грубыхъ и нелѣпыхъ языческихъ представленій и, ко всему этому, вредныя для нравственности еретическія заблужденія — какой широкій просторъ для разгула страстей самыхъ дикихъ и необузданныхъ, — какая благопріятная почва для развитія пороковъ самыхъ гнусныхъ и отвратительныхъ!!...

II.

Преподобный Максимъ Грекъ въ одномъ изъ своихъ словъ[1]) представляетъ самого Бога такъ говорящимъ къ нашему духовенству: «Священницы Мои и Моего новаго Израиля наставницы и иже *свѣтъ* убо честнымъ житіемъ, *соль-же* учительнымъ поученіямъ, и *образъ* цѣломудреннаго житія должни суще быти равнѣ вѣрнымъ и невѣрнымъ, вы нынѣ, оле студа неизглаголаннаго! предлежите *наставницы всякаго бесчинія* и претыканіе соблазна вѣрнымъ и невѣрнымъ равнѣ бо простымъ и бесчиннымъ людемъ».

Всматриваясь ближе въ нравственное состояніе нашего духовенства за XVI вѣкъ, мы должны будемъ признать, что Максимъ Грекъ имѣлъ довольно основаній такъ неблагопріятно отзываться о нашемъ духовенствѣ. Въ разсматриваемое время между самыми высшими іерархами церкви бывали лица, далеко несоотвѣтствовавшія своему высокому призванію. Не говоримъ уже о м. Зосимѣ, открытомъ еретикѣ, предававшемся чревоугодію, пьянству и содомству, — этомъ, по выраженію Іосифа Волоколамскаго, «сосудѣ сатаны и діавола»[2]). И между православными епископами были такіе, которые безчестили свой санъ разными пороками. При м. Даніилѣ былъ епископъ настолько преданный сребролюбію, чревоугодію и пьянству, такъ былъ нерадивъ къ своему пастырскому долгу, что заставилъ означеннаго м. Даніила писать къ нему два особыхъ посланія съ обличеніями его пороковъ и увѣщаніями оставить ихъ. О двухъ дѣятеляхъ Стоглаваго собора также извѣстно, что они положительно были нечисты по своей жизни. Одного изъ нихъ, архіепископа Ростовскаго Никандра, Курбскій называетъ пьяницею,

---

[1]) «Слово о томъ, какія рѣчи реклъ убо къ Содѣтелю всѣхъ еписк. Тверской, сожжену бывшу соборному храму»... (II т. XX сл.).

[2]) Посл. І. Волокол. къ Нифонту. Чт. общ. ист. 1847 г. № 1, ст. 6.

другаго — епископа Суздальскаго Аѳанасія — пьяницею и сребролюбцемъ. Послѣдняго, между прочимъ, Ѳеодоритъ, будучи архимандритомъ Суздальскаго Евфиміеваго монастыря, обличалъ въ его порокахъ; за это Аѳанасій на соборѣ возвелъ на обличителя ересь и тѣмъ способствовалъ его заточенію [1]). Послѣ подобныхъ примѣровъ, неудивительно замѣчаніе Максима Грека, что у насъ старались о пріобрѣтеніи высшихъ іерархическихъ степеней не для того, чтобы «наставляти иныхъ ко спасенію», а чтобы самимъ «въ отрадѣ и славѣ и всякомъ покоѣ всегда жить» [2]). Неудивительно также, если подобные пастыри «тщались взыти на нѣкій санъ церковный не точію лицемѣрствующе житіе благоговѣйно и дружбы составляюще съ сущими во властѣхъ, и всякимъ образомъ угождающе имъ и ласкающе, но многажды и дары, ова приносяще имъ, оваже и обѣщавше, аще довершатъ искомое и желаемое» [3]). Конечно достигнувъ подобными путями высшаго церковнаго сана, эти представители духовенства не упускали случая вознаградить временное смиреніе и нѣкоторыя пожертвованія съ лихвою. Они начинали пріобрѣтать «стяжанія всякія и стада скотскія и всякія сладкія пищи» [4]). Для этой цѣли не стыдились рѣшаться даже на такіе проступки, какъ поставленіе священниковъ на мздѣ и продажа антиминсовъ. Противъ перваго зла, какъ извѣстно, возставали еще стригольники. Съ цѣлію уврачевать между прочимъ это же зло въ Москвѣ собранъ былъ соборъ въ 1503 году. Отцы Стоглава въ свою очередь постановили не брать съ ставленниковъ ничего «кромѣ благословенной гривны». По поводу антиминсовъ на Стоглавомъ соборѣ было замѣчено, что ихъ обращаютъ въ продажу и предметъ неумѣренной корысти [5]). Соборъ, ограничивая эту неумѣренную корысть, постановилъ не брать лишней цѣны, и даже не требовать платы, а принимать даемое по силѣ и усердію [6]). По той же страсти къ на-

---

[1]) Сказ. кн. Курбскаго, стр. 135—137.

[2]) Соч. М. Грека, т. I, стр. 140.

[3]) Ibid. т. II, ст. 127. Сн. Чт. общ. ист. 1859 г. III, стр. 13. Разсужд. Вассіана.

[4]) Ibid. стр. 230.

[5]) Глав. 5, вопр. 2.

[6]) Глава 44.

живѣ, «ради прибытковъ», наши владыки, какъ замѣтилъ имъ прямо въ глаза ростовскій попъ Скрипица,— назирали за священниками своихъ епархій, «по царскому чину», чрезъ бояръ дворецкихъ, недѣльщиковъ, тіуновъ, доводчиковъ, которые иногда, желая, съ одной стороны, выслужиться предъ своими корыстолюбивыми владыками, а съ другой — помня и свой карманъ, до того притѣсняли низшее духовенство своимъ неправымъ судомъ, своимъ вымогательствомъ, взяточничествомъ, грабительствомъ, что «отъ ихъ великихъ продажъ», какъ сознались на Стоглавомъ соборѣ вмѣстѣ съ царемъ сами архіереи, многія церкви стояли пусты и безъ поповъ [1]). На такія притѣсненія своихъ намѣстниковъ и чиновниковъ многіе изъ нашихъ пастырей, заботившихся только о личныхъ выгодахъ, и которые, по выраженію Максима Грека, изъ за страсти къ стяжанію «безчувственнѣйши каменій устроишася» [2]), конечно смотрѣли сквозь пальцы. Разбогатѣвъ всякими неправдами, пріобрѣтши «стяжанія всякая», эти представители духовенства, дѣйствительно, начинали жить «въ отрадѣ и славѣ и всякомъ покоѣ», знали только пиры и увеселенія, смѣхъ и шутовство, а о церкви и истинѣ, о вразумленіи и наставленіи пасомыхъ и думать не хотѣли. Они, по словамъ М. Грека, «свѣтло и обильно напивались по вся дни и пребывали въ смѣсѣхъ и пьянствѣ и всяческихъ играніяхъ, тѣшили себя гуслями и тимпаны и сурнама и воровъ студными бляденіи», а сиротъ и вдовицъ «безщадно и безмилостивно расхищали». Тѣ дары и вклады, которые назначались на церкви, для употребленія въ пользу бѣдныхъ «они брали себѣ» «въ различна наслажденія душъ и украшеніе ризное и свѣтло пированія». Они призывали на пиры богатыхъ и удовлетворяли во всемъ своихъ родственниковъ, а «нищихъ и сиротъ *мразомъ и гладомъ* тающихъ и внѣ вратъ стоящихъ и горько плачущихъ *своея скудости* (ради), прежде обложивше горкими лайбами (ругательствами), отгоняли кинувше кусокъ *хлѣба гнилаго*» [3]). Согласно съ Максимомъ Грекомъ отзывается

---

1) Стогл. гл. 5, вопр. 7; гл. 68, 69. Наказн. грамата Макарія по Стогл. собору, Пр. Соб. 1863, I, ст. 98—99.

2) Соч. М. Грека т. I, стр. 140.

3) Соч. М. Грека т. II, стр. 260—276 и 174—175.

о нашемъ высшемъ духовенствѣ и м. Даніилъ. «Почто, братіе, спрашиваетъ онъ, гордимся и возносимся, и сами себя прельщаемъ, ища власти игуменства или епископства, страстни суще и немощни на таковая величества восходити? Для чего мы этого ищемъ? Для того ли, чтобы ѣсть и пить многоразличная и драгая и сладостнѣйшая; или злата и сребра и многая богатства и имѣнія собирати; или веселиться и прохлаждаться, и возноситься, составлять пиры и созывать на обѣдъ славныхъ и богатыхъ, и напрасно истощать на тунеядцевъ церковные доходы, яже церкви и церковнымъ потребна бѣ и страннымъ и нищимъ. Мы презираемъ это, и церковные доходы изъѣдаемъ со славными, и богатыми, и тунеядцами, надмеваясь гордостію и тщеславіемъ и заботясь всею душею только о настоящемъ. И думаемъ, что мы пастыри и учители, что истинно правимъ слово Божіе и наставляемъ родъ человѣческій ко спасенію. Нѣтъ, братіе, нѣтъ» [1])... А вотъ что еще пишетъ Максимъ Грекъ объ одномъ духовномъ лицѣ, несомнѣнно высшаго сана: «Ты же, треокаянный, кровей убогихъ безщадно испиваеши, лихвами и всякимъ дѣломъ неправеднымъ и себѣ оттуду преобильно приготовляеши вся твоя угодная, *егда же, и якоже хощеши, во градѣхъ же ѣздити* на конехъ благоугодныхъ со многими, овѣмъ убо вослѣдующимъ, овѣмъ же напередъ воплемъ и бичію разбивающимъ, срѣтающи или *стѣсняющи тя народы*. Угодна ли творити мниши своими долгими молитвами и *чернымъ симъ власянымъ образомъ*, Христу любящу милость паче жертвы, и осуждающа всякаго нищенавидца?» Такой, замѣчаетъ Максимъ, «аки нѣкій кровопійца звѣрь отъ сухихъ костей тщался ссати мозги, якоже и родъ псовъ и врановъ», и «обоима рукама нещадно истощалъ имѣнія нищихъ въ наслажденіихъ всяческихъ сердца своего. Самъ убо свѣтло всегда веселящися, а о нищихъ погибающихъ бѣднѣ гладомъ и мразомъ небрегущи, самъ же грѣемъ нарочитыми соболіи и свѣтло и прекрасно во вся дни питающися, премногимъ рабомъ и слугамъ предстоящимъ ему, божественному же закону повелѣвающу кормити вдовы и сироты и убоги, аки нарокомъ противяся» [2]).

---

[1]) Сборникъ м. Даніила, л. 60.

[2]) Соч. Макс. Грека, т. II, первое сл. — Бесѣда ума съ душею.

Согласно съ Максимомъ отзывается о нашихъ архіереяхъ и его современникъ князь-инокъ Вассіанъ: «Нынѣшніе святители, говоритъ онъ, владѣющіе столькими имѣніями и богатствами (стяжаніи) сами убо себѣ безчисленыхъ образовъ одежь и пищь умышляютъ несытно, о погибающихъ же христіанъ братій мразомъ и гладомъ ни едино творятъ попеченіе. И наипаче божественнымъ правиломъ величайшу нужу имъ налагающимъ и изверженіе прѣтящимъ, аще церковная имѣнія въ потребахъ нищихъ и приходящихъ убогихъ братій добрѣ изнуряютъ (по друг. списку «не добрѣ изнурятъ»). Они же не токмо божественная повелѣнія и отеческія уставы презираютъ въ сіе, но церковное сребро въ лихву дающе нищимъ и богатымъ, аще кто изнемогаетъ къ отданію лихвъ не милость показаша бѣдному, но конечнѣ того истребиша. О коликимъ слезамъ и рыданіемъ достойна суть сія!» — восклицаетъ Вассіанъ. А немного ниже спрашиваетъ: «Дроченіе же (роскошь) и украшеніе нынѣшнихъ архіереевъ кто достойнѣ исповѣсть?»... И сколько предъ ними стоитъ богато-убранныхъ слугъ, готовыхъ на всяко мановеніе владыкъ своихъ! Не токмо же сіе, но (эти святители) и множество *батогоносныхъ* не мало себѣ учинивше, тѣми биваютъ, мучатъ и различнѣ досаждаютъ прящимся предъ ними священникомъ же и міряномъ» (т. е. священникамъ и мірянамъ, ищущимъ суда у своихъ владыкъ [1]). Вотъ еще одно свидѣтельство Максима Грека о томъ, что наши архипастыри любили удовлетворять свое самолюбіе «славою яже отъ человѣкъ». Имъ нравилось, какъ видно изъ свидѣтельства Максима Грека, когда льстецы начинали «всяческими хваленіи и ласканіи обливать» ихъ, а «предстоящіи» въ тоже время увеселять ихъ, украшенныхъ «многоцѣнными шелковыми ризами и златомъ и сребромъ, смѣхотвореніи и кощуны различными» [2]).

---

[1]) Полемич. сочин. Вассіана, Прав. Собес. 1863 г., т. III, с. 194, 195, 196 и 193.

[2]) Соч. Макс. Грека, т. II, стр. 128. Какъ богато было наше высшее духовенство, объ этомъ можно судить изъ граматы Тверскаго епископа Нила къ Василію Коробову, въ которой онъ перечисляетъ вещи, отправленныя чрезъ послѣдняго въ даръ Византійскому патріарху. Тутъ упоминаются и ризы и епитрахили камчаты, шитыя золотомъ, серебромъ и саженыя жемчугомъ... Да 40 соболей, да 740 горностаевъ, 2000 бѣлокъ дѣланыхъ, 440 хомяковъ, да рыбья зуба большихъ 15, да чара серебряна

Такова была въ нравственномъ отношенiи значительная часть нашего высшаго духовенства ва XVI вѣкѣ. Оно, заботясь только о личныхъ выгодахъ, совершенно забывало даже о прямыхъ своихъ обязанностяхъ. Съ чувствомъ глубокой скорби взывалъ Максимъ Грекъ о печальной дѣйствительности: «нѣсть ни единъ, учай *прилежнѣ*, ни наказуя безчинныя, никто же утѣшая малодушныя, никто же заступаяй и прилежа о немощныхъ, никто же обличаяй противящихся слову благочестiя, никто же запрещаяй безстуднымъ, никто же обращаяй заблудшихъ отъ истины и честнаго житiя христiанскаго, никто же за совершенное смиренномудрiе отбѣгаетъ священническихъ санъ, ниже по божественной ревности взыщетъ ихъ; да люди беззаконнующiя и безчинствующая исправитъ. Но сопротивное паче обрящеши нынѣ дерзаемо: *вси готови дары великими сихъ купити, да въ отрадѣ* (повторимъ уже разъ приведенное нами мѣсто) *и славѣ и всякомъ покоѣ всегда живутъ*.... вси уклонишася отъ спасительнаго пути евангельскихъ заповѣдей.... вкупѣ не потребни быша рекше и житiемъ, и словомъ, и дѣломъ, а еже по сихъ вслѣдуетъ, *молчанiемъ миную, щадя негодующихъ слову же и дерзновенiю и ревности*, яже по истинѣ. *О како*, восклицаетъ Максимъ, *о како кто достойнѣ восплачетъ достигшую нынѣ родъ нашъ тьму!*»[1]). Въ томъ же нерадѣнiи о спасенiи пасомыхъ укорялъ нашихъ архипастырей и м. Данiилъ: «Устремилися, говоритъ онъ, только на славу, и честь, и упокоенiе, и чтобы ѣсть и пить сладкое, дорогое и лучшее, и на тщеславiе и презорство, и на воспрiятiе мзды, а душеполезнаго ученiя и врачеванiя *не сотворили овцамъ*»[2]).

Если уже таковы были наши архипастыри, если и они «тщались на большiя степени взыти, не за еже прославити Бога больши честнымъ житiемъ и возвращенiемъ людей къ совершенiю заповѣдей, но да сокровища большая себѣ скопити и отъ человѣкъ боль-

---

(а тянетъ въ ней семь гривенокъ)... Да шуба соболья, подъ чернымъ бархатомъ... и мног. друг. очень дорогiя вещи. (См. Ист. Рос. Соловьева V, ст. 384—385).

[1]) Соч. Макс. Грека, т. II, стр. 139—140.

[2]) Сборникъ митр. Данiила, л. 54.

шую славу получить,—если, повторяемъ, таковы были наши архипастыри, то чего же можно были ожидать отъ низшаго духовенства?—Мы уже видѣли, что наши священники не только сельскіе, но и городскіе были едва грамотные, мало образованные или вовсе необразованные и круглые невѣжды; они не понимали, какъ слѣдуетъ, ни той вѣры, которой должны были учить народъ, ни священнодѣйствій, которыя должны были совершать, ни уставовъ и узаконеній церкви, ни самой важности своего пастырскаго служенія. А съ другой стороны нужно помнить и то, что это были люди, большею частію, бѣдные, удрученные нуждою[1]), всегда зависимые отъ своихъ прихожанъ, люди тяглые на своихъ архіереевъ, находившіеся подъ гнетомъ архіерейскихъ чиновниковъ. Ко всему этому присоединялось еще одно очень большое зло—своеволіе мірянъ въ избраніи священнослужителей, которое смотрѣло не на способности ставленниковъ, а на деньги. Такъ, напр., въ Новгородѣ, по замѣчанію Стоглаваго собора, все духовенство избираемо было прихожанами «уличанами», которые брали за то «деньги великіе»; а «только владыка попа пришлетъ къ которой церкви хотя грамоте гораздъ и чувственъ, а только многихъ денегъ уличаномъ не дастъ и они его не примутъ»[2]). Также «дворецкіе и дьяки сами ставили поповъ и брали съ нихъ и со всего причта церковнаго большія деньги. А того не пытали, который грамоте гораздъ и чувственъ и достоинъ священническаго чину. Только того и пытали, кто имъ больше денегъ дастъ»[3]). Итакъ, чего же, въ самомъ дѣлѣ, можно ожидать отъ такихъ пастырей?—Прежде всего, вслѣдствіе полнаго отсутствія или неразвитости живаго нравственнаго сознанія пастырскихъ обязанностей, вслѣдствіе гнетущей бѣдности, стремленія матеріальныя въ самой большей части священниковъ преобладали надъ духовно-нравственными стремленіями, и не только убивали въ нихъ

[1]) Что наше низшее духовенство, особенно сельское, было крайне бѣдно, это не требуетъ особыхъ доказательствъ. Замѣтимъ только, что иностранцы поражались нищетою нашего низшаго духовенства. По словамъ Петрея, сельскіе священники были такъ бѣдны и жалки, что они едва имѣли насущный хлѣбъ для утоленія голода. (См. Чт. ист. общ. 1871, III, стр. 138. Рел. бытъ рус. у иностр.).

[2]) Стогл. Соборъ, гл. 41, вопр. 14.

[3]) Ibid. вопр. 15.

всякую мысль о развитіи и распространеніи христіанскихъ началъ вѣры и нравственности, но погружали ихъ въ крайнюю лѣность и безпечность объ исполненіи даже положительныхъ уставовъ церкви — прямыхъ обязанностей ихъ служенія.

Съ горечью замѣчалъ Стоглавый соборъ о невниманіи и лѣности духовныхъ, объ ихъ небрежности и упущеніяхъ въ отправленіи своихъ священныхъ обязанностей, объ ихъ крайнихъ безчиніяхъ въ самыхъ храмахъ. «Коея ради вины, спрашивалъ царь у отцовъ собора, нецыи священницы и дьяконы во святыхъ Божіихъ церквахъ божественные литоргии не служатъ недѣль въ пять и въ шесть а инде и въ полгода?»[1]) Въ другомъ мѣстѣ царь замѣчалъ, что ружные священники, исправно получая отъ казны свое годовое содержаніе, также деньги молебныя, панихидныя, праздничныя, пшеницу на просфоры, воскъ на свѣчи и вообще все нужное для богослуженія, а между тѣмъ, «только у своего храму на праздникъ обѣдню *одинова въ годъ поютъ,* и ни въ субботу за упокой, ни въ недѣлю за здравіе, ни въ великіе Господскіе и святыхъ праздники, обѣдни *не служатъ,* панихидъ и молебновъ не отправляютъ, ни утрени, ничего не поютъ»[2]). Даже въ соборныхъ церквахъ, гдѣ былъ не одинъ священникъ «соборомъ отнюдь не знаютъ служити литоргии о здравие и за упокой»[3]). По этой же лѣности, ружные и приходскіе священники не ходили въ соборъ «на похрестья и къ царскимъ молебнамъ»[4]). Когда же священнослужители приступали къ совершенію божественныхъ службъ, то невѣжественное нерадѣніе ихъ допускало множество опущеній, вольности, безчинія. «Нынѣ видимъ и слышимъ, говорилъ царь, кромѣ божественнаго устава многия церковныя чины не сполна совершаются не посвященнымъ правиломъ и не по уставу»[5]). Такъ въ частности священнослужители опускали воскресныя, праздничныя и заупокойныя литіи, не пѣли поліелея, положеннаго въ уставѣ отъ Воздвиженія Честнаго Креста до сырной недѣли, не пѣли псалма «на рѣкахъ

1) Стогл. гл. 41, вопр. 31.
2) Ibid. гл. 5, вопр. 30.
3) Ibid. гл. 41, вопр. 32.
4) Ibid. гл. 30.
5) Ibid. гл. 5, вопр. 1, и гл. 6.

вавилонскихъ» (въ извѣстныя три недѣли)[1]; на утреняхъ воскресныхъ и праздничныхъ великое словословіе не пѣли, а говорили рѣчью[2]). Были и такіе священнослужители, которые «отъ невѣдѣнія или отъ неразумія совокупляли многія кресты и иконы съ мощами и тѣми крестили воду» (т. е. святили)[3]), — вмѣсто проскомисанія, дозволяли просфирнямъ нашептывать надъ просфорами, которыя дѣйствительно и приговаривали «надъ проскурою, якоже арбуи въ чуди»[4]); терпѣли страшное безчинство въ бракахъ, которое такъ описываетъ соборъ: «въ мирскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и органники и смѣхотворцы и гусельники и бѣсовскіе пѣсни поютъ, и какъ къ церкви вѣнчатися поѣдутъ, *священникъ со крестомъ ѣдетъ,* а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ, а священницы имъ о томъ не возбраняютъ»[5]). Непонимавшіе ни святости своего служенія, ни святости храмовъ Божіихъ и ихъ принадлежностей, священнослужители дозволяли себѣ не только небрежное обращеніе со святыней, но и страшныя безчинія въ храмахъ Божіихъ. Не говоримъ уже, что они принимали отъ неучей иконописцевъ иконы, написанныя «самовольствомъ и самоволокою и не по образу»[6]), позволяли вносить во святой алтарь, вмѣстѣ съ ладономъ, свѣчами, просфорами «кутью и канунъ за здравіе и за упокой, и на великъ день пасху, сыръ, яйца и ряби (мясо) печены и во иные дни калачи и пироги и блины и короваи и всякіе овощи»[7]). Не говоримъ также и о томъ, что «попы по своимъ церквамъ пѣли безчинно вдвое и втрое», читали поспѣшно, не вникая въ смыслъ прочитаннаго, а имѣя въ виду только, какъ бы поскорѣе уйти изъ церкви[8]). Все это еще могло проис-

---

1) Ibid. гл. 41, вопр. 9 и 10.
2) Ibid. гл. 5, вопр. 33.
3) Ibid. гл. 41, вопр. 5.
4) Ibid. гл. 5, вопр. 11.
5) Ibid. гл. 41, вопр. 16.
6) Ibid. гл. 43.
7) Ibid. гл. 5, вопр. 35.
8) Ibid. гл. 5, вопр. 22. Ср. Чт. общ. ист. 1859, III, ст. 15. — Разсужд. инока Вассіана. Также Чт. ист. общ. 1871, III, ст. 41—44, — свидѣт. иностранцевъ о нашемъ церков. чтеніи и пѣніи, въ статьѣ — Религіозный бытъ русск....

въ извѣстномъ намъ словѣ его по случаю Тверскаго пожара) священницы Мои, вы (вмѣсто того, чтобы быть свѣтомъ міру, солію земли, образцами цѣломудреннаго житія, сдѣлались наставниками всякаго безчинія) и объѣдаетеся и упиваетеся невоздержно и зѣльною яростію другъ другу досаждаете, суетному спору отъ многаго винопитія воздвигшуся и зѣльнѣ избѣсившу васъ, да аще во дни божественныхъ праздникъ Моихъ, егда подобаше наипаче трезвитися и благочинно жити и иныя такожде въ туже ревность спасенную привлачити, образомъ трезвенія вашего; вы же учиненныя Моимъ мановеніемъ праздники во славу убо и въ честь Мою, вамъ же во святыню и житія добраго исправленіе, піянству и безчинію вины творите, *зѣло нелѣпотно безчинствующе въ нихъ*... Моя вѣра и божественная слава смѣхъ широкъ вмѣняется у языцѣхъ, зрящихъ нравовъ вашихъ и житіе не по Моимъ заповѣдемъ совершаемое»...[1]) И Стоглавый соборъ также признавалъ, что мірскіе попы пьянствовали, жили «въ упиваніи безмѣрномъ»[2]).

Согласно съ нашими отечественными свидѣтельствами отзываются и иностранцы о русскомъ приходскомъ духовенствѣ. Пьянство, невѣжество, грубость нравовъ, вотъ отличительныя черты, которыя они приписываютъ нашему духовенству. Многіе изъ священниковъ, говоритъ сочинитель посланія къ Хитрею[3]), ведутъ такую неблаговидную и пошлую жизнь, что подумаешь, что они достойны быть не служителями храма, а работниками на какомъ нибудь заводѣ. Случится ли свадьба: за священникомъ посылаютъ разъ, другой, потому что несчастный попъ спитъ пьяный. Наскучивъ ожиданіемъ, родственники жениха отправляются къ священнику, приносятъ ему въ подарокъ водку и насильно уводятъ въ церковь: но онъ не можетъ твердо держаться на ногахъ и часто падаетъ. Въ церкви подымается такой хохотъ, что съ нимъ едва ли могло сравниться языческое богослуженіе, совершавшееся въ капищахъ Венеры (?!!). Чтобы священникъ не упалъ, его нарочно поддерживаютъ и, по со-

---

[1]) Соч. Макс. Грека, т. II, 269—270.

[2]) Стогл. гл. 5, вопр. 17.

[3]) Это свидѣтельство относится къ XVI в. Сочинитель посланія былъ современникъ Ульфельда и Поссевина. См. объ этомъ замѣтку въ Чт. общ. ист. 1871 г. III, ст. 174. Религіозн. бытъ русск.

вершеніи таинства, его обратно отводятъ домой [1]). Какъ ни рѣзокъ этотъ отзывъ иностранца о нашемъ низшемъ духовенствѣ, тѣмъ не менѣе, припомнивъ свидѣтельство самого Стоглава, что наши попы въ церквахъ «и лаялися, и сквернословили, и до кровопролитія билися» [2]),—этотъ отзывъ, не смотря на всю свою рѣзкость, едва ли есть клевета на наше духовенство.

Какъ неприглядно было внѣшнее поведеніе нашего низшаго духовенства, это видно и изъ тѣхъ строгихъ мѣръ, которыя употребляло духовное начальство къ его пресѣченію. Стоглавый соборъ приложилъ особенное стараніе о мѣрахъ къ соблюденію благочинія въ духовенствѣ. Учреждены были, какъ извѣстно, поповскіе старосты для надзора за благочиніемъ въ духовенствѣ, имъ дана была опредѣленная инструкція, а за нерадивое исполненіе возложенной на нихъ обязанности они сами подвергались наказанію [3]). О священникахъ, которые «учнутъ жити въ слабости и пьянствѣ и въ прочихъ неподобныхъ дѣлахъ, или учнутъ глумиться мірскими кощунами и ходить на мірская позорища, или въ корчмы ходити, а о Церкви Божіей небрещи», о такихъ священникахъ, требовалъ Стоглавъ, должно быть извѣстно протоіерею и старостамъ, которые бы доносили о нихъ архіерею, а этотъ послѣдній, если безчинники «не учнутъ слушати (его) святительскаго наказанія», долженъ отлучать ихъ *навсегда* отъ священства и *предавать церковному суду* [4]). Но если и *сами* протоіереи «начнутъ пренебрегать церковными правилами, *упиваться и безчинствовать*, то священникамъ соборныхъ церквей доносить о такихъ протоіереяхъ архіереямъ, которые, по священнымъ правиламъ, подвергаютъ ихъ наказанію» [5]). Духовное начальство прибѣгало даже

---

[1]) Чт. общ. ист. 1871, III, стр. 118. Религіозн. бытъ русск.

[2]) Стогл. гл. 29.

[3]) Впрочемъ учрежденіе поповскихъ старостъ, для надзора за благочиніемъ въ духовенствѣ, примѣчается у насъ еще за долго прежде Стогл. собора. См. Акты Арх. Экспед. т. I, ст. 81, 176

[4]) Стогл. гл. 34.

[5]) Ibid. гл. 29. Къ правиламъ, постановленнымъ «бреженія ради церковнаго» (гл. 5, вопр. 1), т. е. для утвержденія благочинія духовенства и въ храмахъ, при богослуженіи, и внѣ храмовъ, относятся напр. гл. 6, 29, 34, 69 и др.

къ помощи свѣтской власти, чтобы обуздать безчинныхъ священно-служителей. Въ 1552 году изданъ былъ дополнительный указъ къ судебнику, съ выпискою изъ *соборнаго уложенія,* между прочимъ, о благочиніи духовенства. Эта выпись дана была Берсеневу и Тютину. Въ ней говорится: «Не велѣно священническому (и иноческому) чину по священнымъ правиламъ и соборному уложенію въ корчмы входить, упиваться, празднословить, браниться: и которые священники и дьяконы станутъ по корчмамъ ходить, упиваться, по дворамъ и улицамъ скитаться пьяные, сквернословить, непристойными словами браниться, драться: такихъ безчинниковъ хватать и заповѣдь на нихъ царскую брать, по земскому обычаю, какъ съ простыхъ людей бражниковъ берется.... и отсылать поповъ и дьяконовъ къ поповскимъ старостамъ, которые объявляютъ о нихъ святителямъ, и святители исправляютъ ихъ по священнымъ правиламъ»[1]).

Съ «безмѣрнымъ упиваніемъ», бывшимъ источникомъ многихъ пороковъ, соединялось еще распутство вдовыхъ священниковъ и діаконовъ. Многіе изъ нихъ открыто держали у себя наложницъ и вообще вели такую безчинную и зазорную жизнь на соблазнъ міру, что въ Псковѣ, напримѣръ, сами священники сочли нужнымъ удалить ихъ отъ совершенія церковныхъ службъ[2]).

Безнравственное состояніе нашего вдовствующаго священства было причиною многихъ соблазновъ для народа и должно было вызывать со стороны Церкви рядъ особыхъ строгихъ мѣръ. «Въ домѣхъ своихъ зазорная лица, яко безстрастны (вдовые священно-служители) незазорно имѣяху живущихъ, овіи ближніи, иже суть матери, и дщери и сестры, и сродницы дѣвыя и вдовыя, иніи же служащія имъ вдовицы и жены мужатыя, иже чада имущи не отъ законныхъ мужей, и прочая подобная симъ; таковыхъ лицъ іереямъ и діаконамъ вдовственнымъ въ домѣхъ своихъ не подобаетъ имѣти; — и того ради, да несоблазненно будетъ міру, иже убо отъ таковыхъ кто не возможетъ извести изъ дому своего прежеречен-

---

1) Акты историч. т. I, стр. 251.
2) Стогл. гл. 5, вопр. 98.

ныхъ зазорныхъ лицъ, — таковому не повелѣти служити» [1]). Митрополиты Фотій и Ѳеодосій, какъ извѣстно, съ ревностію заботились о пресѣченіи этого зла [2]). Потомъ особенно дѣятельную ревность въ исправленіи духовенства показалъ Геннадій, знаменитый архіепископъ Новгородскій, который въ своихъ церквахъ запрещалъ лицамъ неоднобрачнымъ отправлять даже низшія церковныя должности и митр. Симону предлагалъ тоже сдѣлать во всей русской Церкви [3]). Въ 1503 году учрежденъ былъ Соборъ въ Москвѣ, на которомъ разсуждали о принятіи необходимыхъ мѣръ къ прекращенію безпорядковъ между вдовыми священниками и діаконами [4]). На этомъ Соборѣ было положено вдовымъ священникамъ и діаконамъ не священнодѣйствовать «мірскаго ради соблазна» [5]); обличенныхъ или сознавшихся въ незаконномъ сожитіи съ женскимъ поломъ лишать сана и обращать въ мірскія званія, а упорныхъ въ такомъ сожитіи предавать суду гражданскому. Видно, что зло было слишкомъ распространено, когда Церковь *вынуждена* была употребить такія строгія мѣры.

Съ этихъ же поръ и по тѣмъ же причинамъ—замѣтимъ кстати—нѣкоторые полагаютъ, произошли обычаи въ нашей церкви не рукополагать въ священство вдовыхъ діаконовъ и не иначе производить достойныхъ во священнослужители, какъ по вступленіи въ законный бракъ [6]). (Впрочемъ въ настоящее время существуютъ извѣстныя изъ сихъ обычаевъ исключенія). Распоряженія Стоглаваго

---

1) Книг. Степен. ч. II, стр. 166. Сн. Акты Собора 1503 г. о вдовыхъ священнослужителяхъ въ Актахъ Экспед. т. I, ст. 485—486.

2) М. Ѳеодосій (1461—1465), какъ уже упоминали мы въ своемъ мѣстѣ, своими заботами о исправленіи нравственной жизни духовенства возбудилъ такой ропотъ со стороны послѣдняго, что рѣшился даже оставить митрополію (1465 г.).

3) Посл. Геннадія къ митр. Симону въ Акт. Ист. т. I, стр. 147.

4) На этотъ соборъ указываетъ царь въ вопросѣ, предложенномъ собору Стоглавому: «о вдовыхъ священникахъ соборъ былъ у всѣхъ епископовъ при дѣдѣ моемъ» (вел. кн. Иванѣ Васильевичѣ III). Гл. 5. вопр. 18.

5) Акты Арх. Экспедиціи т. I, стр. 485 — 486. Сн. Грамат. митр. Симона во Псковъ (Ibid. стр. 487—488).

6) Христ. Чт. 1852 г., II, 17. Свѣдѣнія о соборахъ, бывшихъ въ русск. церкви въ первой половинѣ XVI в.

собора относительно вдовыхъ священно- и церковнослужителей почти тѣже, что и собора 1503 года [1]).

Стоглавый соборъ упоминаетъ еще вотъ о какихъ безпорядкахъ священнослужителей, которые совершались въ самой Москвѣ, на глазахъ митрополита. «Изъ всѣхъ городовъ русскія митрополія (архимандриты и игумены) и протопопы, и священники и дьяконы приѣдутъ по своей воли своими дѣлы. Иные же отъ нихъ за поруками приѣдутъ въ духовныхъ дѣлехъ, овіи же за приставомъ по кабаламъ и по срочнымъ *въ боехъ и въ грабежехъ* и въ прочихъ различныхъ дѣлехъ, да живучи въ Москвѣ сходятся на крестецъ въ торгу на ильинской улицѣ, да наймутся у московскихъ священниковъ по многимъ святымъ церквамъ обѣдни служити, да о томъ митрополичю тиуну являются и *знамя у него емлютъ* овіи на мѣсяцъ иніи же на два друзіи же множае, и пошлину ему отъ того даютъ на мѣсяцъ по десяти денегъ овіи же по два алтына, а которые не доложа тиуна начнутъ служити, и онъ на нихъ емлетъ промыты по два рубля, а о томъ не обыскиваетъ есть ли у нихъ ставленные и отпустные грамоты или нѣтъ» [2]).—Подобные же безпорядки происходили и въ Новгородѣ. Въ 1545 году десятильники жаловались Новгородскому архіепископу Ѳеодосію, что «многіе игумены и попы приходятъ изъ митрополіи и отъ иныхъ владыкъ, и служатъ въ Новгородской архіепископіи, въ Устюжской десятинѣ, безъ вѣдома и благословеніе владыки Новгородскаго; а иные вновь ставятся въ попы и дьяконы у митрополита и другихъ владыкъ въ Устюжскую десятину, безъ совѣта, повелѣнія и безъ протропи владыки Новгородскаго, ставятся въ попы и дьяконы *хитростію,* грамоты отпускныя себѣ вымогаютъ у митрополита и владыкъ, и этихъ ставленныхъ и отпускныхъ грамотъ архіепископу Новгородскому и его десятильникамъ не являютъ; а

[1]) Глав. 81. Стоглавый соборъ присовокупилъ отъ себя распоряженія о *эпитрахильныхъ и орарныхъ* граматахъ. Еще: на прежнемъ соборѣ постановлено было «вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, которые, не отдавъ своихъ ставленныхъ грамотъ епископамъ, пойдутъ въ дальнія мѣста, возьмутъ себѣ наложницу и станутъ священнодѣйствовать, тѣхъ предавать гражданскому суду». Въ Стоглавѣ этого не примѣчается.

[2]) Глав. 69.

иные и безъ ставленныхъ и безъ отпускныхъ грамотъ служатъ. Случится попу или діакону овдовѣть, и они, постригшись въ чернецы, служатъ у церквей литургію самовольно, безъ свидѣтельства, безъ обыску, безъ вѣдома и благословенія владыки. Если за подобныя дѣла десятильникъ станетъ игуменовъ, поповъ и дьяконовъ на поруки давать и назначать срокъ, когда имъ явиться на судъ архіепископскій (срочить), то они на судъ не являются, на поруки не даются, *десятильниковъ бьютъ и злословятъ неподобною бранью*»[1]). — По другимъ городамъ, особенно по селамъ, еще чаще бывало то, что попы переходили съ мѣста на мѣсто, оставляя прежніе приходы, отъ чего церкви стояли безъ пѣнія, или собирали на сооруженіе и строили себѣ новыя церкви безъ благословенія епископовъ, какъ видно это изъ неоднократныхъ предписаній собора поповскимъ старостамъ и десятскимъ осматривать у поповъ и діаконовъ ставленныя и отпускныя и перехожія грамоты[2]), изъ прямыхъ замѣчаній его, что церкви построенныя безъ благословенія епископовъ и не снабженныя всѣмъ нужнымъ, оставались безъ пѣнія пусты[3]), а при другихъ церквахъ, вмѣсто ушедшихъ поповъ, «жили въ попахъ чернцы, а въ проскурняхъ черницы, миру на соблазнъ, а душамъ ихъ на погибель»[4]).

Къ числу важныхъ пороковъ нашего духовенства нужно отнести вымогательство за совершеніе таинствъ и исправленіе церковныхъ требъ, за крещеніе, покаяніе, причащеніе, за отпѣваніе умершихъ и за браки, о чемъ нерѣдко говоритъ соборъ. Это было тѣмъ непростительнѣе, что, какъ часто бывало, священнослужители, получая деньги и разныя приношенія, не совершали однако таинствъ и не исправляли церковныхъ требъ[5]). Изъ наказной граматы митрополита Макарія по Стоглавому собору видно, что протопопы и священники брали посулы «отъ проскурницъ и отъ пономарей, и отъ церковныхъ сторожей, и всѣхъ прихожанъ»[6]).

---

1) См. у Солов. Ист. Рос. т. VII, ст. 90.
2) Глав. 69.
3) Главы 70 и 84.
4) Глав. 5, вопр. 9.
5) Глав. 43—47. Гл. 5, вопр. 4, 30 и др.
6) См. Пр. Соб. 1863 г. стр. 210.

Въ связи съ корыстолюбіемъ, невѣжествомъ, крайнимъ нерадѣніемъ о своихъ пастырскихъ обязанностяхъ, нужно полагать слѣдующіе весьма значительные безпорядки священнослужителей Новгородской епархіи по дѣламъ брачнымъ. Въ извѣстной уже намъ жалобѣ новгородскихъ десятильниковъ своему архіепископу Θеодосію говорится, что «игумени и священники Устюжны Желѣзопольской пренебрегаютъ церковнымъ строеніемъ и службою, вѣнчаютъ первобрачныя свадьбы и двоеженцевъ и троеженцемъ молитвы говорятъ безъ десятильничья знамени и докладу, пошлинъ десятильникамъ не платятъ; а иные, *крадучи законное уложеніе,* многимъ людямъ молитвы говорятъ *четвертымъ и пятымъ* (!) бракомъ, выставляя ихъ другоженцами и троеженцами; а иныхъ вѣнчаютъ въ роду и племени, въ кумовствѣ, сватовствѣ и законныхъ роспускахъ (разводахъ): мужья неповинно женъ своихъ законныхъ отпускаютъ и берутъ, а пущеницы ихъ выходятъ за другихъ мужей, священники же такія свадьбы вѣнчаніемъ и молитвою случаютъ законопреступно, отъ безстрашія Божія»[1]).

Намѣреваясь далѣе показать, какое грубое суевѣріе господствовало въ массахъ нашего духовенства, намъ необходимо предпослать этому замѣчаніе о томъ, изъ какой среды происходило русское духовенство. Мы увидимъ тогда, что наше низшее духовенство, мало того, что не искореняло суевѣрій въ массахъ народныхъ, а, пожалуй, содѣйствовало ихъ распространенію и укорененію.

Наше низшее духовенство было, такъ сказать, плоть отъ плоти и кость отъ костей простонародья. Когда приходская церковь разсуждала о томъ, кого послать ко владыкѣ для посвященія въ попы, ея выборъ падалъ, разумѣется, на лучшаго человѣка, болѣе сроднаго съ избирательною общиною по духу, грамотѣя извѣстнаго по всему околодку. Это былъ, такимъ образомъ, не просвѣтитель народа, который распространялъ бы около себя новыя лучшія понятія, а скорѣе *представитель* тѣхъ вѣрованій и понятій, которыя были распространены въ массѣ и которыя онъ усвоилъ лучше всѣхъ. Теперь неудивительно, если такіе священнослужители, воспитанные

---

1) Исторіи Россіи Соловьева VII т., стр. 92—93. Акты Истор. I, 543.

въ народномъ суевѣріи, не только сами не освобождались отъ него, но допускали его даже во святилище и такимъ образомъ освящали его своими дѣйствіями. Были «нѣкоторые невѣгласы попы», читаемъ въ Стоглавѣ, которые «въ великій четвергъ соль подъ престолъ клали и до седьмаго четверга по велицѣ дни тамъ держали и ту соль давали на врачеваніе людямъ и скотомъ»[1]); принимали, по желанію прихожанъ, мыло, которое они приносили на освященіе церкви, и держали его на престолѣ до шести недѣль[2]); брали тѣ сорочки, въ которыхъ дѣти родятся, и клали ихъ *на престолѣ* (!) на шесть недѣль, такъ что нужно было особое предписаніе собора «впредь таковыя нечистоты и мерзости во святыя церкви не приносити и на престолѣ до шести недѣль не класти»[3]).

Для полноты картины нравственнаго состоянія нашего духовенства въ XVI в. припомнимъ способъ надзора за нашимъ духовенствомъ, существовавшій въ разсматриваемое время.

Выше мы упоминали, что Ростовскій попъ Георгій Скрипица упрекалъ нашихъ епископовъ за то, что они нерадиво слѣдили за поведеніемъ духовенства. «Вы, говорилъ Скрипица епископамъ, ни сами, ни чрезъ избранныхъ священниковъ, не наблюдаете за священниками и не посылаете въ города и села испытывать, кто какъ пасетъ Церковь Божію; но назираете за священниками «по царскому чину, чрезъ бояръ, дворецкихъ, недѣльщиковъ, тіуновъ, доводчиковъ, ради своихъ прибытковъ»[4]). Мы отчасти также видѣли, каковы были эти архіерейскіе чиновники. Вотъ болѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ по Стоглавому собору. Были «десетинники и заѣзщики», говоритъ Стоглавъ, которые «збирали на святителей дань по книгамъ; и свои пошлины по грамотамъ и по книгамъ»; но отъ этихъ «десятильниковъ и отъ заѣзщиковъ священникомъ и дьякономъ была нужда и продажа велика»[5]), слѣдовательно, эти духовныя власти подавали только худой примѣръ вымогательства.

---

1) Глав. 41, вопр. 26.
2) Глав. 41, вопр. 3.
3) Глав. 41, вопр. и отв. 2.
4) См. у преосв. Мак. въ Ист. рус. церк. т. VI, ст. 124.
5) Глав. 68.

Добросовѣстнаго же попеченія о благочиніи духовенства отъ нихъ ждать было нечего. Были у святителей «бояре и дьяки и тиуни и десятильники и недѣльщики» не для надзора, а для суда надъ виновными изъ духовенства; но и они дѣйствовали такъ, что не могли исправлять духовенства, потому что «судили и управу чинили не прямо, и волочили, и поповъ по селамъ продавали *безъ милости,* и дѣла составляли съ ябедники; по зговору съ жонками (разумѣется, блудницами, какъ и значится въ наказной граматѣ митр. Макарія по Стоглавому собору) [1]) и дѣвками на чернцехъ и на попехъ и на мірянехъ силы искали и соромоты [2]).

Съ такими нерадивыми, безчестными и продажными помощниками трудно было слѣдить за чистотою нравственности духовенства святителямъ самымъ ревностнымъ, одушевленнымъ самыми благими намѣреніями.

И вотъ, дѣйствительно, не смотря на такихъ ревностныхъ пастырей, на такихъ строгихъ ревнителей нравственной чистоты духовенства, каковы были новгородскіе архіепископы — Геннадій и Ѳеодосій и митрополиты Московскіе — Даніилъ и Макарій, Іоаннъ Грозный на Стоглавомъ соборѣ, обращая вниманіе на нравственность духовенства, просилъ Отцевъ собора: «Бога ради о семъ разсудите, *чтобы въ своихъ порокахъ пастыри не погибли,* и другіе, на нихъ зря такожде [3]).

Изъ того краткаго очерка нравственнаго состоянія нашего духовенства въ данный періодъ, какой сдѣланъ въ настоящей главѣ, можно заключить, что означенная просьба царя вызвана была дѣйствительными важными причинами.

---

1) Прав. Соб. 1863 г. I, стр. 98.
2) Глав. 5, вопр. 7.
3) Гл. 5, вопр. 17.

III.

Мы видѣли, какъ много дурнаго представляла въ себѣ жизнь духовенства, обязаннаго быть «свѣтомъ міру, солію земли, примѣромъ религіозно-нравственной жизни». При томъ вліяніи и значеніи, какое имѣло духовенство въ древней Руси, извѣстное уже намъ замѣчаніе Максима Грека, что духовныя лица были «наставницы всякаго безчинія и претыканіе соблазна вѣрнымъ и невѣрнымъ равнѣ бо простымъ и безчиннымъ людемъ» [1]),—это замѣчаніе было весьма основательно. Нѣтъ нужды доказывать, какъ много народъ зависитъ въ своемъ поведеніи отъ добраго или худаго вліянія на него духовенства. Поэтому, если духовенство нарушало христіанское благочиніе, не соблюдало нравственной чистоты, то народъ «зря на ихъ безчиніе», еще менѣе заботился о благочиніи, еще болѣе погрязалъ въ нравственной нечистотѣ.

Безпорядки въ нравственной жизни русскаго свѣтскаго общества увеличивались еще отъ того, что оно (общество) въ ту эпоху, о которой идетъ у насъ рѣчь, по своему строю давало высшему правительствующему классу широкій просторъ къ своеволію въ жизни, къ разнаго рода вымогательствамъ, притѣсненіямъ, несправедливостямъ по отношенію къ низшему подчиненному классу.

Необходимо сдѣлать здѣсь хотя самый краткій очеркъ того общественнаго неустройства, которымъ такъ сильно страдало русское государство XVI вѣка. Это облегчитъ намъ пониманіе тѣхъ мѣстъ въ сочиненіяхъ Максима Грека, гдѣ онъ имѣетъ въ виду предержащую власть и недостатковъ которой касается. Иначе мѣста эти будутъ казаться не особенно выразительными, такъ какъ они имѣютъ характеръ не обличительный, а учительный [2]). Къ тому же самый

---

[1]) Соч. М. Грека т. II, стр. 269.

[2]) Извѣстно одно только обличительное сочиненіе Максима «излагаю-

предметъ такого рода сочиненій требуетъ особенной осторожности и сдержанности въ словахъ и выраженіяхъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ золъ, которымъ страдало древне-русское общество, была крайняя юридическая неопредѣленность въ отношеніяхъ судей, властей и подданныхъ. Этимъ обусловливался деспотизмъ и произволъ правителей. Вотъ что говоритъ Флетчеръ о тогдашнемъ правленіи въ Россіи. Правленіе въ Россіи почти турецкое. Русскіе стараются подражать туркамъ настолько, насколько позволяютъ имъ это природа страны и ихъ политическая способность. Ихъ правленіе чистая тираннія, потому что все самымъ варварскимъ и открытымъ образомъ приносится въ жертву интересамъ правителя. Это можно заключить какъ по тому униженію, въ какое повергнуты дворянство и народъ, которые не могутъ противодѣйствовать власти, такъ и по тѣмъ чрезмѣрнымъ налогамъ и поборамъ, которые безъ различія поражаютъ и дворянство и народъ. Правительство вручаетъ дворянамъ несправедливую и безграничную власть надъ средними и низшими классами народа, которыхъ они лишаютъ свободы и подвергаютъ поборамъ вездѣ, гдѣ только находятся, а особенно въ своихъ помѣстьяхъ и въ областяхъ, ввѣренныхъ имъ царемъ.... Дворянство и средній классъ сами не болѣе какъ деньги царскихъ казначеевъ, потому что все, что они имѣютъ, оканчивается тѣмъ, что переходитъ въ сундуки царя [1]).

О земскомъ нестроеніи въ древней Россіи, о безпощадномъ угнетеніи народа правительствомъ свидѣтельствуетъ и князь Курбскій: «Державные, призванные и на власть отъ Бога поставленные, пишетъ онъ, да судомъ праведнымъ, и въ кротости и въ милости державу управятъ, грѣхъ ради нашихъ вмѣсто кротости свирѣпѣе звѣрей кровоядцевъ обрѣтаются, яко ни отъ естества подобново пощадѣти попустиша, неслыханныя смерти и муки на доброхотныхъ своихъ умыслиша. О нерадѣніи же державы и *кривдѣ суда и о несытствѣ грабленій чужихъ имѣній* ни изрѣщи ритор-

---

щее, съ жалостію, нестроенія и безчинія *царей и властей* послѣдняго житія» (II т., ст. 319). Ниже мы коснемся этого сочиненія.

1) Флетчеръ о Россіи, ч. I, стр. 64.

скими языки седнешнія бѣды возможно.... Воинской же чинъ нынѣ худѣйшій строевъ обрѣтеся, яко многимъ не имѣти не токмо коней, къ бранемъ уготованныхъ, или оружій ратныхъ, но и дневныя пищи, ихже недостатки и убожества и бѣды и смущенія всяко слово превзыде. Купецкій чинъ и земледѣлецъ весь день узримъ, како стражутъ, безмѣрными даньми продаваеми и отъ немилостивыхъ приставовъ влачимы и безъ милосердія біеми, *и овы дани вземше, овы взимающе, о иныхъ помышляюще и иныя умышляюще.* Бѣдно видѣніе и умиленъ позоръ! Таковыхъ ради нестерпимыхъ мукъ овымъ безъ вѣсти бѣгуномъ отъ отечества быти, овымъ любезныя дѣти своя и исчадія чрева своего въ вѣчныя работы продавати, и овымъ своими руками смерти себѣ умышляти, удавленію и быстриномъ рѣчнымъ и инымъ таковымъ себе предавати, отъ многія горести душамъ помрачатися естественному ихъ бытству.... Но горе грабящимъ и кровь проливающимъ и милости и суда не имущимъ во властехъ своихъ [1]).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ ясно видно, что на Руси народъ въ собственномъ смыслѣ существовалъ только для правительства. Для послѣдняго, такимъ образомъ, все считалось позволеннымъ. Оно безъ всякаго контроля, совершенно произвольно, могло распоряжаться не только имуществомъ, но иногда и самою жизнію подчиненныхъ. О Василіи Іоанновичѣ существуетъ, напримѣръ, такое замѣчаніе у лѣтописца, сдѣланное по случаю смерти псковскаго дьяка Мисюра Мунехина (1528 г.): «и нача князь великій животъ его сыскивати, а на его мѣсто прислалъ Володимера Племянникова и найдоша въ его казнѣ книги вкратцѣ написаны, кому, что далъ на Москвѣ бояромъ или дьякомъ или дѣтемъ боярскимъ, и *князь великій все то выискивалъ на себя,* а иныя его племянники и подьячей Ортюша псковитинъ, любезный его на Москвѣ и на пыткѣ былъ; и бысть въ людехъ мятежъ великъ о его животахъ и взысканіе веліе. И быша по Мисюри дьяки частные.... и быша дьяки мудры, а земля пуста; *и нача казна великаго князя множитися въ Псковѣ,* а сами ни одинъ не съѣхаша по здо-

---

[1]) См. Прав. Соб. 1863 г. I, стр. 315—316.

рону со Пскова къ Москвѣ другъ на друга вою» [1]). Подобно этому и Берсень жаловался Максиму, что великій князь у него отнялъ подворье и поставилъ на немъ Шемячичеву княгиню [2]). О крайнемъ деспотизмѣ Іоанна Грознаго едва ли нужно и говорить. Въ сказаніяхъ князя Курбскаго есть множество фактовъ, свидѣтельствующихъ о корыстолюбіи и жестокости этого царя, по которымъ онъ такъ произвольно и такъ безчеловѣчно распоряжался имуществомъ и жизнію своихъ подданныхъ, преимущественно бояръ. Если и не все переданное Курбскимъ исторически вѣрно, тѣмъ не менѣе, многое и очень многое изъ его (Курбскаго) исторіи Московскаго Грознаго царя подтверждается и другими свидѣтельствами отечественными и иностранными.

Но въ предѣлахъ нашего сочиненія очерчивать политическій характеръ Іоанна Грознаго, замѣтимъ только, что не смотря ни на какія старанія нѣкоторыхъ изслѣдователей оправдать во что бы то ни стало деспотизмъ Грознаго, умалить его силу и значеніе [3]), тѣмъ не менѣе, такія страшныя дѣла, какъ убіеніе св. митропол. Филиппа, сына Іоанна, брата Влад. Андр. Старицкаго, чернымъ пятномъ лежатъ на памяти Грознаго и смыть ихъ нѣтъ никакой возможности. Невозможно также отрицать ужасныхъ казней и преслѣдованій въ Москвѣ, Новгородѣ и Твери. Эти ужасы, пожалуй, преувеличены, но только преувеличены, а ни въ какомъ случаѣ не вымышлены. О нихъ свидѣтельствуетъ самъ Грозный [4]).

Что касается до времени между кончиною в. кн. Василія Іоанновича (1533 г.) и воцареніемъ Іоанна Грознаго (1547 г.) когда государствомъ за малолѣтствомъ Іоанна управляли бояре, то время это было самое удобное для всякаго рода своеволій, для господства страстей самыхъ дикихъ и необузданныхъ. И дѣйствительно,

---

1) Полн. Собр. русск. лѣтоп. IV, 297.

2) Акты Экспед. I, № 172 с. 148.

3) Эту мысль задался, напримѣръ, Сергѣй Горскій въ своемъ сочиненіи «Жизнь и историческое значеніе князя А. М. Курбскаго», Казань. 1858 г. Впрочемъ, это сочиненіе не отличается особенною оригинальностію, а есть развитіе положеній гг. Соловьева, Кавелина и другихъ, труды которыхъ авторъ полагаетъ въ основу своего сочиненія (стр. 15).

4) Сказ. Курбск. стр. 217; см. также Синодикъ Грознаго.

насиліе бояръ правителей въ это злополучное время не знало границъ. Вотъ какія есть объ этомъ свидѣтельства. Въ Псковской лѣтописи, подъ 1541 годомъ, по поводу насилій Андрея Михайловича Шуйскаго и Василія Ивановича Рѣпнина-Оболенскаго, говорится слѣдующее: «въ тыя лѣта быша намѣстники во Псковѣ свирѣпы, аки львове и люди ихъ, аки звѣри дивіи до крестьянъ; и начаша поклепцы добрыхъ людей клепати, и разбѣгошася добрые люди по инымъ городамъ, а игумены честные изъ монастырей избѣгоша въ Новгородъ... А князь Андрей Михайловичъ Шуйскій, а онъ былъ злодѣй; не судя его писахъ, но дѣла его зла на пригородѣхъ, на волостѣхъ, старыя дѣла исцы наряжая, правя на людехъ, ово сто рублей, ово болѣ, а во Псковѣ мастеровыя люди все дѣлали на него даромъ и большіе люди подаваша къ нему дары»[1]). Подобно князю Шуйскому поступали и другіе бояре. Самовластіе ихъ возрасло до того, что не только они сами, но и рабы ихъ сдѣлались владыками Россіи и не менѣе господъ своихъ угнетали народъ. Не было ни суда, ни расправы, никто не былъ увѣренъ въ собственности и личной безопасности. Вотъ какъ вообще описываетъ лѣтописецъ тогдашнее состояніе Россіи: «Тогда (т. е. по смерти Василія) княземъ, и бояромъ, и вельможамъ, и судіямъ градскимъ, самоволіемъ объятымъ, и въ безстрашіи живущимъ, и не право судящимъ, но по мздѣ, и насильствующимъ людемъ, и никого же боящимся, понеже бо великій князь бѣ юнъ, и ниже страха имущимъ и небрегущимъ отъ сопостатъ россійскія земли, тамо бо языцы поганіи христіанъ губяху и воеваху, здѣ же боляре и воеводы мздами и налогами и великими продажами христіанъ губяху. Такожде и обычные дворяне и дѣти боярскіе *и рабы* ихъ творяху, на господей своихъ зряще. Тогда же во градѣхъ и селѣхъ неправда умножися, и восхищенія и обиды, татбы и разбои умножишася, и буйства и грабленія многа». Результатомъ такого правленія были *«слезы, и рыданіе, и вопль многъ по всей русской землѣ»*[2]).

---

[1]) Полн. Собр. рус. лѣт. IV, 304.
[2]) Никон. Лѣтоп. VII, 48.

Составивъ себѣ понятіе о томъ соціальномъ злѣ, которое разъѣдало древне-русское общество въ самомъ его корнѣ, зная нѣкоторыя личныя свойства верховныхъ правителей русской земли, мы обращаемся къ тѣмъ сочиненіямъ Максима Грека, въ которыхъ онъ касается нравственной стороны современныхъ ему высшихъ властей. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ «главы поучительны начальствующимъ правовѣрно»[1]).

Въ этомъ сочиненіи Максимъ представляетъ образецъ царя и даетъ совѣты великому князю, которые, какъ увидимъ, были вызваны дѣйствительными происшествіями. Въ началѣ своего поученія Максимъ учитъ вел. князя, чтобы онъ считалъ того истиннымъ царемъ и самодержцемъ, который заботится устроить жизнь своихъ подданныхъ — правдою и хорошими законами, и старается побѣждать безсловесныя страсти души своей, т. е. злобу, гнѣвъ и беззаконныя плотскія похоти; потому что тотъ, кто подчиняется имъ, уже не можетъ назваться одушевленнымъ образомъ небеснаго владыки, но только человѣкообразнымъ подобіемъ безсловеснаго естества. Указывая, далѣе, назначеніе разума, украшающаго человѣка мудростію, кротостію и правдою, Максимъ прибавляетъ, что разумъ можетъ еще и внѣшніе члены направлять на правый путь. «Ниже бо велитъ ему (человѣку) очеса блудно наслажати чюжими красотами, ниже приклоняти слухъ къ пѣснемъ студнымъ... и клеветамъ яже по зависти, ниже языкъ удобь двизати въ досады и злословія и глаголы скверны, *ниже руцѣ вооружати на озлобленіе неповинныхъ и хищеніе чужихъ имѣній* (въ чемъ, какъ видѣли мы, можно было упрекнуть и Вас. Іоанновича).... Для царя самое потребнѣйшее и нужнѣйшее — *правда*. Мы, продолжаетъ Максимъ, всю надежду спасенія полагаемъ во единомъ лишеніи мясъ и рыбъ и елея во время постовъ, «а еже обидѣти и лихоимствовати бѣдныя подручники и въ судилища влачити ихъ и враждебнѣ ихъ ратовати и озлобляти различнѣ не престаемъ»[2]). Напомнивъ вел.

[1]) Т. II, стр. 157—185.

[2]) Этимъ, какъ догадывается пр. Филаретъ, указывалось на судьбу кн. Шемячича и его семейства, въ 1523 г. брошенныхъ невинно въ темницу. Карамз. т. VII, стр. 75, примѣч. 254—256. См. Москвитянинъ 1842 г. № 11, ст. 54.

князю, что только душевная красота, т. е. правда, имѣетъ значеніе, а внѣшняя и тѣлесная есть временная и ложная, которая затемняетъ душу и дѣлаетъ ее мерзкою, Максимъ заповѣдуетъ царю позаботиться «умную души доброту стяжати», которая нетлѣнна и которая стяжавшихъ ее дѣлаетъ истинными сынами Божіими. Самая свѣтлая планета — солнце, потому что оно одно освѣщаетъ вселенную, а ему подобна душа царя, украшенная правдою, кротостію, чистотою и щедростію. Добрый царь своимъ примѣромъ увлекаетъ къ добру и подданныхъ, подобно тому, какъ солнце своею теплотою оплодотворяетъ землю. Но какъ небольшое облако, заслонивъ собою солнце, лишаетъ землю прежняго свѣта, такъ и душа царя, подчинившись страстямъ, помрачается, а все подвластное царю колеблется и мутится бурею частыхъ волненій. Много трезвости требуетъ царскій умъ, чтобы богоугодно управлять врученнымъ ему царствомъ... *Мудрому царю отнюдь не прилично желать чужихъ имѣній*.... Ему слѣдуетъ удалять развратныхъ совѣтниковъ... Слѣдуетъ пріобрѣтать милостію и кротостію къ подручнымъ небесныя сокровища, а не земныя — *похищеніемъ чужихъ имѣній и богатствъ*. Царь! «утверди себя богомудренно, да не побѣжденъ будеши когда *страстію іудейскаго богомерскаго сребролюбія*, потому что такого ап. Павелъ называетъ кумирослужителемъ... Ничто такъ не утверждаетъ царскія державы, какъ попеченіе о нищихъ и милосердіе»...

Далѣе, анализируя человѣческія страсти, Максимъ Грекъ говоритъ: Душа и особенно царская смущается преимущественно тремя страстями: сластолюбіемъ, славолюбіемъ и сребролюбіемъ, послѣдствія которыхъ очень губительны. Отрасль сластолюбія есть «несытное угоженіе чреву и пищи всяческія наслаженіе гортани и подчревнымъ — скотолѣпнымъ похотемъ». Слѣдствіемъ славолюбія бываетъ то, что все дѣлаютъ изъ угожденія людямъ и, если удается желаніе, то всѣмъ благотворятъ, если же славолюбцы узнаютъ, что надъ ними насмѣхаются, то они начинаютъ мстить хуже всякаго дикаго звѣря. *Корень же всему злу — сребролюбіе* «еже безъ сытости собирати всякимъ образомъ богатство всяческо злата и сребра и велія сокровища себѣ сокрывати хищеніемъ, неправдою,

лихоимствомъ, и клеветами и еже обидѣти», при чемъ сребролюбецъ всю надежду возлагаетъ на свои богатства, а не на Бога. Побѣдившаго означенныя три страсти Максимъ считаетъ угодникомъ Троицы, а таковаго царя — истиннымъ самодержцемъ. Затѣмъ, обращаясь къ вел. князю, онъ говоритъ: «и что убо быти можетъ сего зазорнѣйшее, да не глаголю окаяннѣйшее, яко *мнящагося владѣти градовомъ преславнымъ и языкомъ неудобь счисляемымъ, самому владѣему* и водиму бывати безсловесными страстьми и рабу нарицатися отъ святыхъ устъ Спасовыхъ. *Разумѣваяй да разумѣетъ внятно глаголемая.*

Въ двухъ другихъ сочиненіяхъ, написанныхъ для верховной власти — *въ Посланіи* къ начальствующимъ правовѣрно[1]) (вѣроятно къ Васил. Іоанновичу) и *въ Посланіи* къ вел. князю Іоанну Васильевичу[2]), — Максимъ Грекъ учитъ нашихъ князей тому же гуманному отношенію къ своимъ подданнымъ, заповѣдуетъ имъ человѣколюбіе, благость, кротость, правосудіе, огражденіе вдовъ и сиротъ, бѣдныхъ и обидимыхъ.

Такимъ образомъ, тѣ рѣзкія черты въ характерѣ двухъ нашихъ великихъ князей, современныхъ Максиму Греку, въ отношеніяхъ ихъ къ подчиненнымъ не остались незамѣченными послѣднимъ и онъ, съ своей стороны, оставилъ историкамъ довольно матеріала для нравственной характеристики этихъ правителей русской земли.

Между обличительными сочиненіями Максима Грека есть весьма любопытное для насъ слово, относящееся ко времени малолѣтства Іоанна Грознаго[3]). Въ немъ Максимъ Грекъ съ замѣчательною живостію изображаетъ безпорядки боярскаго правленія, описываетъ своеволіе, лихоимство, жестокость, насиліе и другіе пороки властей этого времени. Сочиненіе это озаглавливается такъ: «Слово, пространнѣе излагающе, съ жалостію, нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія»[4]). Вотъ его содержаніе: Шолъ я по трудному и скорбному пути, говоритъ аллегорически Максимъ Грекъ,

---

[1]) Соч. Макс. Гр. II т., стр. 338 — 346.
[2]) Ibid. стр. 346 — 357.
[3]) Ист. Росс. Соловьева т. VI, стр. 193.
[4]) II т., стр. 319 — 338.

и увидѣлъ жену, сидящую при пути съ поникшею головою, горько сѣтующую и неутѣшно плачущую, одѣтую въ черныя ризы, приличныя вдовамъ; вокругъ нея было множество звѣрей: львовъ, медвѣдей, волковъ, шакаловъ. Я ужаснулся при этой странной и нечаянной встрѣчѣ; однакожъ дерзнулъ приступить къ женѣ съ вопросомъ: «кто она, и каково имя ей, и зачѣмъ она сидитъ при этомъ пути и плачетъ?» Дивная жена долго отказывалась отвѣчать мнѣ на эти вопросы, потому что боялась, чтобы я, предавъ услышанное отъ нея писанію, не подвергся гоненію отъ тѣхъ, которые отвращаются истины,—что̀, по ея словамъ, причиняетъ конечную погибель человѣческимъ начальствамъ и властямъ. Наконецъ, уступивъ моимъ усерднымъ просьбамъ, она отвѣчала: «я, о странникъ! одна изъ благородныхъ и славныхъ дочерей Царя небеснаго; мое имя *Василія*, что значитъ *царство*. Я получила это имя отъ Вышняго въ знакъ того, что владѣющіе мною должны служить крѣпостію и утвержденіемъ для своихъ подчиненныхъ, а не виною пагубы и смятенія». На вопросъ Максима о причинѣ ея печали и сидѣнія при пустынномъ пути, она отвѣчала: «къ прочимъ бо многимъ моимъ неисцѣльнымъ безгодіемъ *правящіи нынѣ мене*, отъ многія ихъ жестокости, ниже мало общеполезное совѣтованіе пріимаютъ доброхотныхъ ихъ, еже и паче иныхъ прозябшихся въ нихъ страстей, мене убо неключиму и поругаему сотворили, себѣ же самѣхъ удобь плѣняемыхъ показали (отъ) живущихъ окрестъ ихъ... Мене вси вкупѣ, продолжала дивная жена, елицы славолюбцы и властолюбцы суть нравомъ, *подручити себѣ тщатся*, мало же зѣло суть сущіи истиною мои рачители и украсителе, иже достойнѣ Отца моего и царскаго нареченія устрояющеи вещи живущихъ на земли человѣковъ, множайши бо подручниковъ моихъ, *сребролюбіемъ и лихоимствомъ одолѣваеми, лютѣйше морятъ подручниковъ всяческими истязаніи, денежными и нужными строеніи многоцѣнныхъ домовъ*, ничимъ же пособствующи ко утвержденію державы ихъ, но точію на излишнее угожденіе и веселіе блудливыхъ душъ ихъ... домы же ихъ — домы беззаконія, *аки отъ неправедныхъ истязаній устроены и исполнены всегда всякимъ лихоимствомъ и безчиніемъ...* Они (иже во власти) благочестный

санъ царскій растлѣваютъ всяческими своими неправдаваніи и лихоиманіи и богомерзкими блуженіи, ихъ же ноги скорѣйши въ еже изливати крови, по неправедному гнѣву своему и ярости звѣрской... ни священническое ученіе духовное пріемлютъ, ниже совѣтованіе много искусныхъ старцовъ, ниже прещеніемъ богодохновенныхъ писаній внимаютъ, но ко всѣмъ симъ глухуютъ, якоже аспиди глусіи, затыкающе ушеса своя, единымъ же играніемъ сатанинскимъ и пищѣ всяцѣ и піянству и подчревнымъ сластемъ поработившеся, оставляются убо отъ Бога, обладаемы же бываютъ прочее отъ лукавыхъ духовъ и бѣсы носими бываютъ»..... Поскорбѣвъ обо всемъ этомъ я, говоритъ Максимъ о себѣ, спросилъ еще благородную жену: «что значитъ этотъ пустынный путь и окружающіе тебя звѣри?» И она отвѣчала мнѣ: «этотъ пустынный путь есть образъ окаяннаго последняго сего вѣка, какъ уже лишеннаго благовѣрномудренныхъ царей, ревнителей Отца моего небеснаго».

Таковы были у насъ, по словамъ Максима Грека «сущіе во властехъ». Всѣ заботы ихъ, какъ видно, были направлены только къ тому, чтобы какъ можно больше собрать денегъ, хотя бы для пріобрѣтенія ихъ нужно было сдѣлать несправедливость, обидѣть подчиненнаго, обокрасть беззащитнаго, оправдать виновнаго, погубить невиннаго. А потомъ на собранныя деньги строили себѣ «драгоцѣнные домы» и въ нихъ предавались всѣмъ порокамъ сластолюбія, пировали, объѣдались, пьянствовали съ утра до вечера, сопровождая все это «гусльми и струнами и тимпаны и смѣхотвореніи всяческими, сквернословіи же и буесловіи себе обливающе», и въ тоже время «ничимъ же пособствующе ко утвержденію державы, но точію на излишнее угоженіе и веселіе блудливыхъ душъ ихъ». И пусть бы это дѣлалось въ опредѣленное время, въ урочные дни, при случаяхъ чѣмъ либо замѣчательныхъ и важныхъ, напр. въ праздники, при посѣщеніи друзей и родныхъ, когда, по словамъ преп. Максима, еще можетъ быть позволено «прохлаженіе нѣкое и веселіе житейское»[1]). Нѣтъ, пировали каждый день, цѣлую жизнь, до самой смерти. Не удивительно послѣ этого, если къ увеселеніямъ

---

[1]) Въ подобныхъ случаяхъ тоже «прохлаженіе» позволялъ и митр. Даніилъ. См. его сборникъ, лист. 454.

подобныхъ людей «прибывало безсмыслiе и безумiе и ума изступленiе».

Ближайшiе къ верховной власти слуги, правители областей, волостели и другiе начальники, не уступали въ порочной жизни высшимъ властямъ. Какъ извѣстно, въ древней Руси имѣло мѣсто такъ называемое «кормленiе», т. е. въ города и волости посылались изъ Москвы лица для управленiя, которымъ, обыкновенно, жалованiя изъ государевой казны не полагалось, а позволялось жить (кормиться) на счетъ того населенiя, управлять которымъ ихъ командировали. Этотъ родъ службы былъ однимъ изъ самыхъ лакомыхъ кусковъ и воспользоваться имъ желалъ всякiй, кто могъ. Добившись этой должности, служилый человѣкъ, очень часто раздѣтый и голодный, сваливался на народъ тяжелымъ бременемъ. Онъ всячески старался какъ можно болѣе извлечь выгоды изъ своего положенiя. Къ тому же, не надѣясь на продолжительное пребыванiе во ввѣренной ему должности, онъ старался пользоваться каждою минутою, а потому грабилъ народъ безъ суда и совѣсти. Что намѣстники и волостели смотрѣли на отправленiе своихъ должностей исключительно какъ на средство *кормиться,* быть сытыми, это ясно видно изъ нѣкоторыхъ ихъ просьбъ на имя самого вел. князя. Такъ бояринъ Яковъ Захарьичъ, назначенный въ Кострому намѣстникомъ вмѣстѣ съ литовскимъ выходцемъ, паномъ Иваномъ Судимонтомъ, билъ челомъ вел. князю, что имъ обоимъ на Костромѣ сытымъ быть не съ чего, Алексинскiй же воевода, Беклемишевъ, запросилъ у городскихъ жителей посула, и когда они дали ему пять рублей, то онъ запросилъ еще шестаго *для жены своей*[1]). Общественное зло, коренившееся въ *системѣ кормленiя,* господствовало и при Грозномъ. Недаромъ онъ говорилъ про своихъ намѣстниковъ и волостелей, что они «были для народа волками, гонителями и разорителями»[2]). И это неудивительно, если мы припомнимъ отзывъ Псковскаго лѣтописца о своихъ намѣстникахъ Шуйскомъ и Рѣпнинѣ-Оболенскомъ, какъ «о свирѣпыхъ львахъ» вслѣдствiе ихъ крайняго злоупотребленiя и насилiя[3]).

---

[1]) См. Ист. Россiи Соловьева т. V, стр. 296.

[2]) Свод. судеб. стат. 102; — въ Юридич. сбор. Мейера, 1855 г.

[3]) Полн. Собр. русск. лѣтоп. IV, 304.

Посмотримъ теперь, что пишетъ Максимъ Грекъ о своихъ современникахъ, имѣвшихъ право чинить судъ и расправу. Они, по его словамъ, часто гласно распускали слухи, что подсудимый можетъ быть и оправданъ и осужденъ, т. е. что надежда на правоту или опасеніе вины суть вещи сами по себѣ пустыя, а все дѣло въ томъ, кто принесетъ «множайшую мзду», тотъ будетъ и правъ. Вотъ его собственные слова: «Мы, елицы во властѣхъ и начальствѣхъ есме ниже правдою судимъ, ниже милость являемъ ко обидимымъ и требующимъ помощи, но приносящему намъ множайшу мзду, или обидя или обидимъ, *обои слухи даемъ ему*, волею преслушающе страшнаго судію».... Какъ ни дурно это, но были явленія еще болѣе возмутительныя. Многіе корыстолюбивые «судьи и анѳипаты», прибывъ на мѣсто своей службы, прежде всего старались узнавать не нужды подчиненныхъ имъ лицъ, а то, кто въ городѣ богатъ и кто бѣденъ. Собравъ нужныя свѣдѣнія, они приказывали своимъ слугамъ тайкомъ, ночью, бросать въ домы богачей какія либо непозволенныя вещи, а нерѣдко трупъ мертвеца, и потомъ начинали надъ мнимовиновными судъ и расправу, кончавшіеся, разумѣется, тѣмъ, что часть имѣнія мнимаго преступника обращалась въ *благо*пріобрѣтенное судьи. «Толико преодолѣла іудейскаго сребролюбія и лихоиманія страсть посылаемымъ отъ благовѣрнаго царя во градѣхъ судіямъ и анѳипатомъ, яко поволити своимъ слугамъ всякія неправедныя вины, замыслити явственнѣ и неявленнѣ на имущихъ имѣнія, или *пометаніемъ разнымъ въ домы ихъ въ нощи или мертваго человѣка трупъ пирвлекшимъ*. Это уже такое злодѣяніе, которому нѣтъ и не можетъ быть оправданія. Но бывали случаи еще болѣе поразительные. Представители правды приказывали бросать мертвый трупъ не въ домъ частнаго лица, богатство котораго всегда ограничено, но «посреди стогны», чтобы обвинить не частнаго домовладѣльца, даже не одну улицу, но цѣлую часть города и чрезъ это пріобрѣсть «сребро *много*». «Оле величества нечестія ихъ! восклицаетъ Максимъ Грекъ, говоря объ этомъ крайнемъ беззаконіи стражей закона, пометати посреди стогны (мертваго человѣка трупъ), да яко праведно бытто мстители убитаго извѣтъ имутъ *не едину улицу, но всю ону часть*

града истязати о убійствѣ ономъ и сребро много собирати отъ сицевыхъ корыстованій неправедныхъ и богомерзкихъ. Кто бо искони вѣка слышалъ дерзнути въ невѣрныхъ языцѣхъ толь богомерскій образъ лихоиманія, яковъ же нынѣ умыслися нашимъ *властелемъ?...* Христіане благовѣрные, богатствомъ и всякими имѣніи обливаеми, таже *власти получивше привременныя,* продолжаетъ Максимъ, неистовствомъ несытнаго сребролюбія разжигаеми, обидятъ, лихоимствуютъ, хитятъ имѣнія и стяжанія вдовицъ и сиротъ, *всякія вины замышляюще на неповинныхъ,* ни Бога боящеся... ниже человѣковъ срамляющеся, окрестъ себе живущихъ, ляховъ глаголю и нѣмцовъ, *иже* аще и *латина суть по ереси,* но всякимъ правосудіемъ и человѣколюбіемъ правятъ вещи подручниковъ по установленныхъ градскихъ законовъ... наши же властеліе и судіе, желаніемъ корыстованія, *аще и весь градъ предстанетъ вопіющъ* и свидѣтельствующъ на обидѣвшаго, никакоже внимаютъ имъ, но оружіи и браньми множайшими велятъ разсудитися[1]) обидящему и обидимому, и иже аще множайшими браньми побѣдитъ, той

---

[1]) Т. е. посредствомъ поединковъ. Судебные поединки въ древней Руси были въ ходу, какъ древній обычай; къ нимъ допускались даже женщины: «Жонки съ жонкою присужати поле», говорится въ одной судебной граматѣ XV в. (И. Г. Р. т. V, примѣч. 404, ст. 170). Иванъ Грозный своимъ Судебникомъ ограничивалъ это древнее обыкновеніе временъ варварства (Ibid. т. IX, ст. 266, прим. 803), быть можетъ подъ вліяніемъ голоса церкви. Церковные обличители не оставляли безъ вниманія судебныхъ поединковъ. Намѣревающемуся биться *на полѣ* отказывали въ св. Причастіи; убившаго въ поединкѣ считали *душегубцемъ* и на 18 л. лишали св. Причастія. Попа, схоронившаго убитаго въ поединкѣ, извергали изъ сана (Акты Экспед. I, № 369). Митр. Даніилъ и Максимъ Грекъ также вооружались противъ поединковъ: «Ты же, говорилъ первый, не точію симъ не повинуешься, но и слышати сихъ не хощеши, себѣ отмщевая сваришися, *поля сотворяеши,* убиваеши и како христіанинъ нарицаешися, супротивная творя обѣщанію твоему еже во святомъ крещеніи» (Сборн. лист. 406). И Максимъ на поединки смотритъ какъ на «преслушаніе и преступленіе божественнаго повелѣнія и суда», и указывая на иноземцевъ и притомъ *невѣрныхъ,* говоритъ, что у нихъ «ниже видихомъ, ниже слышахомъ таковъ безуменъ обычай, но или достовѣрными свидѣтели, или клятвою разрѣшается у нихъ всякая тяжба недоумѣнна и недобра» (II т. ст. 202). Впрочемъ нужно замѣтить, что для новгородцевъ Грозный разрѣшалъ особенно любимые ими поединки въ 1572 г. (Сол. VII, 158).

правѣ судится у нихъ, *аще и обидлвъ будетъ*[1]), т. е. оправдывается ими.

Такъ высшій правительствующій классъ угнеталъ беззащитный народъ, позволяя себѣ надъ нимъ всякія насилія и грабежи, совсѣмъ забывая, что такое милость и состраданіе, правда и братская христіанская любовь. Но еще грустнѣе и тяжелѣе становится на душѣ, когда возьмешь во вниманіе то обстоятельство, что этотъ разгулъ страстей не былъ сдерживаемъ ничѣмъ и никѣмъ, потому что не было въ то время «ни Самуила великаго, іерея Вышняго, противоополчившагося съ дерзновеніемъ Саулу преступнику», ни «Наѳана, исцѣлившаго благокозненою притчею Давида царя и отъ паденія онаго лютаго избавивша; ни ревнителей, подобныхъ Иліи и Елисею, не стыдившихся беззаконнѣйшія насильники царя Самарійскія», ни «Амвросія чуднаго, архіерея Божія, неубоявшагося высоты царства Ѳеодосія великаго», ни «Василія великаго, во святыни и во всякой премудрости возсіявшаго и премудрѣйшими ученіи ужасивша гонителя Уалента», ни «Іоанна великаго, златаго языкомъ, сребролюбиву и лихоимницу царицу Евдоксію изобличившаго, нестерпѣвша презрѣти теплыя слезы бѣдныя вдовы»[2]). Подобно этому и князь Курбскій уже не могъ найти у святителей и преподобныхъ (т. е. духовныхъ лицъ) ни помощи, ни утѣшенія бѣдамъ своимъ, и, какъ жена, представленная у Максима, жаловался, что уже нѣтъ Иліи, Елисея, Амвросія и Златоуста, которые бы обличали неправду[3]).

Прямымъ слѣдствіемъ такого жестокосердія и безчеловѣчія, своеволія и всякаго рода насилій высшаго правительствующаго класса надъ беззащитнымъ народомъ было то, что, какъ свидѣтельствуетъ

---

1) II т. стр. 185—201.

2) Сочин. Макс. II, ст. 336.

3) Посл. Курбск., издан. въ Прав. Соб. 1863 г. Іюль, 307. Замѣтимъ однако, что «печалованіе» духовенства о бѣдныхъ и угнетаемыхъ продолжалось и во времена Макс. Грека. Но это печалованіе въ это время стѣснялось сильно развившеюся государственною властію, которая видѣла въ немъ ограниченіе своихъ правъ. Иванъ Грозный даже требовалъ у духовенства отреченія отъ обычая печаловаться... Извѣстно также чѣмъ кончилось печалованіе м. Филиппа.

Флетчеръ, у насъ случались многія деревни и города, въ полмилю или цѣлую милю длины, совершенно пустые, потому что весь народъ разбѣжался по другимъ мѣстамъ отъ грабежа и насилій административныхъ и судебныхъ властей [1]). Объ этомъ запустѣніи *многихъ* селеній «отъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ и отъ доводчиковъ» извѣщали самого царя (Грознаго). Царь нашелъ наконецъ необходимымъ сколько нибудь облегчить участь народа. Какъ извѣстно, онъ сталъ дазать городамъ и волостямъ *откупныя* граматы, на основаніи которыхъ жители получали право, при посредствѣ избранныхъ ими же старшинъ или губныхъ старостъ, сами расправляться судебнымъ порядкомъ съ лихими людьми, не представляя ихъ намѣстникамъ и тіунамъ [2]). Псковичи до того обрадовались этому распоряженію, что, по свидѣтельству лѣтописца, «начали за государя Бога молить и Богородицу и святыхъ за его жалованье и изъявленіе милости до сиротъ своихъ» [3]). Но, къ сожалѣнію, такое важное учрежденіе не могло скоро и повсемѣстно привиться, потому что оно обусловливалось большими расходами, и это тѣмъ болѣе, что царь велѣлъ за откупныя граматы «пооброчить (населеніе) *деньгами*, которыя поселянамъ было платить гораздо труднѣе, чѣмъ *натурою* волостелямъ. Къ тому же самая *новость* учрежденія для народа всегда болѣе или менѣе консервативнаго, непривычка его и боязнь взять на себя какую либо общественную должность или порученіе, неразвитость гражданскихъ понятій у народа, все это заставляло послѣдній чуждаться откупныхъ граматъ и удерживало его при старомъ порядкѣ вещей.

Но лишь только намѣстники получили снова повсемѣстно силу — и все пошло по прежнему. Насилія властей и судей иногда заставляли несчастный народъ обращаться непосредственно къ царю съ просьбою охранить его и избавить отъ грабителей. Но и здѣсь самъ царь не всегда являлся строгимъ блюстителемъ правды. Въ 1547 году 70 псковичей пріѣхали къ Іоанну въ село Островку жаловаться на своего намѣстника, а онъ *вмѣсто упразы,* сталъ

---

[1]) О Госуд. Русскомъ, гл. 13, стр. 40.
[2]) Солов. Истор. Рос. т. VII, 37—40.
[3]) Полн. Собр. русск. лѣтоп. IV, 305.

правѣ судится у нихъ, *аще и обидъвъ будетъ*[1]), т. е. оправдывается ими.

Такъ высшій правительствующій классъ угнеталъ беззащитный народъ, позволяя себѣ надъ нимъ всякія насилія и грабежи, совсѣмъ забывая, что такое милость и состраданіе, правда и братская христіанская любовь. Но еще грустнѣе и тяжелѣе становится на душѣ, когда возьмешь во вниманіе то обстоятельство, что этотъ разгулъ страстей не былъ сдерживаемъ ничѣмъ и никѣмъ, потому что не было въ то время «ни Самуила великаго, іерея Вышняго, противоополчившагося съ дерзновеніемъ Саулу преступнику», ни «Наѳана, исцѣлившаго благокозненою притчею Давида царя и отъ паденія онаго лютаго избавивша; ни ревнителей, подобныхъ Иліи и Елисею, не стыдившихся беззаконнѣйшія насильники царя Самарійскія», ни «Амвросія чуднаго, архіерея Божія, неубоявшагося высоты царства Ѳеодосія великаго», ни «Василія великаго, во святыни и во всякой премудрости возсіявшаго и премудрѣйшими ученіи ужасивша гонителя Уалента», ни «Іоанна великаго, златаго языкомъ, сребролюбиву и лихоимницу царицу Евдоксію изобличившаго, нестерпѣвша презрѣти теплыя слезы бѣдныя вдовы»[2]). Подобно этому и князь Курбскій уже не могъ найти у святителей и преподобныхъ (т. е. духовныхъ лицъ) ни помощи, ни утѣшенія бѣдамъ своимъ, и, какъ жена, представленная у Максима, жаловался, что уже нѣтъ Иліи, Елисея, Амвросія и Златоуста, которые бы обличали неправду [3]).

Прямымъ слѣдствіемъ такого жестокосердія и безчеловѣчія, своеволія и всякаго рода насилій высшаго правительствующаго класса надъ беззащитнымъ народомъ было то, что, какъ свидѣтельствуетъ

---

1) II т. стр. 185—201.

2) Сочин. Макс. II, ст. 336.

3) Посл. Курбск., издан. въ Прав. Соб. 1863 г. Іюль, 307. Замѣтимъ однако, что «печалованіе» духовенства о бѣдныхъ и угнетаемыхъ продолжалось и во времена Макс. Грека. Но это печалованіе въ это время стѣснялось сильно развившеюся государственною властію, которая видѣла въ немъ ограниченіе своихъ правъ. Иванъ Грозный даже требовалъ у духовенства отреченія отъ обычая печаловаться... Извѣстно также чѣмъ кончилось печалованіе м. Филиппа.

При земскомъ нестроеніи древне-русскаго общества, при отсутствіи въ немъ или крайней слабости правосудія, при несовершенствѣ судопроизводства, при господствѣ повсюду права сильнаго, личнаго произвола, этотъ вопіющій порокъ — немилосердное притѣсненіе и угнетеніе бѣдныхъ и слабыхъ богатыми и сильными — былъ явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Поэтому, неудивительно, если этотъ порокъ въ древнѣйшей Руси по преимуществу обличался пастырями церкви. — Обличительныя поученія этого рода многочисленны и разнообразны. Въ XIII в., напр., самымъ сильнымъ и энергичнымъ обличителемъ его былъ знаменитый пастырь и проповѣдникъ того времени еписк. владимирскій Серапіонъ. Въ одномъ изъ своихъ словъ — «О мятежи житія сего» — онъ говоритъ: «Ничто не твердо въ людяхъ, но все безпорядочно: одинъ землю у другаго захватилъ, а другой имѣніе отнялъ; вотъ село слыло за тѣмъ, а нынѣ домъ другаго тамъ. Другіе, ненасыщаясь имѣніемъ, и свободныхъ сиротъ порабощаютъ и продаютъ. Иные крадутъ и грабятъ, стараясь собрать больше имѣнья.... Богатство намъ далъ (Богъ), дабы мы изъ него неимущимъ и убогимъ подавали, а мы еще обидимъ сиротъ, вдовицамъ причиняемъ насиліе и у бѣдныхъ отнимаемъ»[1]). Въ другомъ Словѣ читаетъ: «Злоба возобладала нами, ненасытимая любостяжательность поработила насъ; не даетъ намъ быть милостивыми къ сиротамъ, не даетъ сознавать *естество* человѣческое. И какъ звѣри алчутъ насытиться плотію, такъ и мы алчемъ и не престаемъ желать, какъ бы всѣхъ погубить, а горькое и кровію облитое ихъ (сиротъ) имущество захватить. Звѣри ядятъ и насыщаются, а мы не можемъ насытиться»[2]). Замѣчательно въ разсматриваемомъ отношеніи поученіе неизвѣстнаго по имени русскаго пастыря, помѣщенное въ «Измарагдѣ» (XV в.): «Яко безъ ума мятется всякъ богатый, читаемъ въ немъ, сей оному имѣніе исхити, а инъ другому землю отъялъ, и иже на ближняго злая мыслитъ въ сердци своемъ словомъ точію любятся; а иніи предѣлъ ради земныхъ[3]) біются и тяжутся, инъ же нѣсть далъ взяти дерзаетъ,

---

1) Прав. Собесѣд. 1861 г. I, 96.
2) Ibid. стр. 97.
3) Т. е. межи, границы земли. См. Правовыя граматы въ Акт. Юридич.

а инъ же есть взялъ не дати прится и иже умъ имѣя несытъ имѣнія не насыщается.... Богатыхъ бо ради жизнь мятежемъ ниспровержется. *Имѣнія ради свободныя человѣки порабощаютъ и продаютъ*, богатые мыслію растаются, должницы печалію увядаютъ, златолюбцы на судищи часто ходятъ и клеветницы лжами продаютъ. Имущіи имѣнія на прикупленія же даютъ, а убогимъ части не отлучаютъ; съ клятвою токмо Бога видятъ»[1]).

Въ томъ же родѣ и съ такою же энергіею вооружался и Максимъ Грекъ противъ ненасытнаго стремленія своихъ современниковъ къ пріобрѣтенію имѣній, противъ «богомерзкаго рѣзоиманія и лихоиманія», противъ жестокосердныхъ богачей, немилостивыхъ къ бѣднымъ и угнетеннымъ. Впрочемъ, за подобные пороки Максимъ Грекъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ монашествующее духовенство, что мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Тѣмъ не менѣе и въ свѣтскомъ обществѣ эти пороки онъ не оставилъ безъ обличеній. Мы видѣли уже, какъ строго онъ преслѣдовалъ за нихъ высшій правительствующій классъ. Къ остальному обществу можно отнести слѣдующія мѣста изъ его сочиненій. Напр., въ сочиненіи — «Словеса, аки отъ лица Пречистыя Богородицы къ лихоимцамъ»....[2]) — онъ говоритъ (отъ лица Богородицы): «Тогда мне, еже отъ тебе (христіанинъ) частѣ пѣваемое: радуйся, благопріятно будетъ, егда увижу тя дѣломъ совершающа Родившагося отъ мене заповѣди, и отступивша всякія вкупѣ злобы.... и хищенія неправеднаго чужихъ имѣній; ихъ же дондеже держишися и симъ радуяся пребываеши, *бѣдно живущихъ убогихъ кровьми веселяся сугубыми росты и трудовъ безчисленными нужами несытно ихъ испивая мозги*, ничимъ же мнѣ разликусти иноплеменника.... Ты (корыстолюбецъ), аки свинія всякаго студодѣянія несытнѣ насыщаешися, и аки хищникъ волкъ хищаеши чужая стяжанія и бѣдныя вдовицы лихоимствуеши». Въ другомъ мѣстѣ Максимъ отъ лица самого Бога объясняетъ тверитянамъ причину постигшаго ихъ несчастія, и здѣсь однимъ изъ важнѣйшихъ грѣховъ, навлекшихъ

---

1) Прав. Собесѣд. 1861 г., I, 93—94.
2) II т. стр. 241—244.

на несчастныхъ гнѣвъ Божій, представляетъ лихоимство, хищеніе и притѣсненіе вдовъ и сиротъ—«понеже убога возненавидѣша, и сира и вдову убиша». «Мнѣ, говоритъ Господь, заповѣдающу не скрывати себѣ на земли сокровища, злата и сребра.... вы убогія и сироты и вдовицы (аки отнюдъ не пекущуся Мнѣ о нихъ) *безщадно и безмилостивно расхищаете, обидите и убиваете всякимъ образомъ богомерзкаго лихоимства.* Мнѣ глаголющу (Псал. 11, 5) страсти ради нищихъ и воздыханія убогихъ отмстити ихъ возстану, вы же.... обидите ихъ и грабите несытно, нестыдящеся Мене, ниже боящеся»[1]). Какъ, въ самомъ дѣлѣ, жестокосердны были иногда современники Максима, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «сіе неложное прещеніе намъ наиваще касается, окаянная душе, много убо и всяческая стяжанія собирающимъ, а нищимъ ниже пуло[2]) дати произволяющимъ, *аще и со слезами припадаютъ и молятъ насъ, мы же приминуемъ ихъ, ниже зрѣти на нихъ ходяще*»[3]).—Эти слова Максима напоминаютъ намъ слѣдующія жалобы царя отцамъ Стоглаваго собора: «Милостыню и кормъ годовой, говорилъ онъ по вопросу «о богадѣльныхъ домахъ», и хлѣбъ, и соль, и деньги, и одежду отпускали по всѣмъ городамъ изъ царской казны; а (между тѣмъ) нищие и клосные и гнилые и престарѣвшіися въ убожествѣ, прокаженные, по улицамъ въ коробехъ лежащіе, и на телешкахъ и на санкахъ возимые, гладъ и празъ зной и наготу и всякую скорбь терпѣли, и не имѣли гдѣ главы подклонити. по миру скитались. вездѣ ихъ гнушались. отъ глада и отъ мраза въ недозорѣ умирали и безъ покаяния и безъ причастия никимъ не брегомы»[4]). Также жаловался царь собору на безпомощное состояніе русскихъ *плѣнныхъ,* привозимыхъ въ Москву изъ татарскихъ ордъ: ихъ привозятъ, говоритъ царь, на выкупъ, въ томъ числѣ многихъ бояръ и боярынь, а иные и сами выхо-

---

[1]) II т. Слово по случаю Тверскаго пожара, 260—276.

[2]) Старинная мелкая мѣдная монета, означающая въ древнихъ памятникахъ письменности иногда копѣйку, иногда полушку. Замѣч. Редакц. Казанской Дух. Акад., издавшей сочиненія Максима Грека.

[3]) II т. стр. 136.

[4]) Стоглавъ, гл. 5, вопр. 12.

дятъ изъ ордъ и пріѣзжаютъ въ Россію ограбленные, кругомъ въ долгу, съ одной надеждой на состраданіе соотечественниковъ; соотечественники же не только не оказывали никакой помощи несчастнымъ, не выкупали тѣхъ полоненниковъ, но съ холоднымъ равнодушіемъ дозволяли отвозить ихъ назадъ въ бесерменство, и здѣсь ругались надъ ними всякими сквернами богомерзкими[1]).

Изъ сказаннаго видно, что въ русскомъ обществѣ разсматриваемаго времени замѣчался крайній недостатокъ христіанской любви, милости и состраданія къ бѣдному и несчастному брату, въ замѣнъ этого господствовала нечувствительность и жестокосердіе.

Зачѣмъ же русскіе богачи копили себѣ многія сокровища, «смѣшана слезами сиротъ и вдовицъ умиленныхъ и кровьми убогихъ?» — Затѣмъ, чтобы безмѣрно роскошествовать въ жизни, постоянно пировать и щеголять драгоцѣнными одеждами и множествомъ слугъ, — чтобы не «прискорбнымъ и узкимъ путемъ ходити, водящимъ въ животъ воздержаніемъ и плачемъ, терпѣніемъ многихъ скорбей и напастей, по пространнымъ: свѣтло и преобильно и сладцѣ питатися и упиватися по вся дни, *освѣтляя* себя при этомъ различными одеждами и тѣшась всяческими играніями, гусльми и тимпаны и воровъ студными бляденіи и пѣніи»[2]). Эта привязанность къ роскошной и пышной жизни часто развивалась до того, что приводила многихъ къ окончательному разоренію. «Откуда бо, спрашиваетъ современниковъ м. Даніилъ, откуда многогубительныя расходы и долги? Не отъ гордости ли и безумныхъ проторовъ, и на жену и на дѣти кабалы, и поруки, и сиротство, и рыданіе, и мычаніе, и слезы? Всегда наслажденія и упитанія, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда празднество и безумная тасканія, якоже нѣкихъ мошенниковъ

---

1) Стоглавъ, гл. 5, вопр. 10. Замѣтимъ, что соборъ этотъ вопросъ царя рѣшилъ такъ, чтобы плѣнные выкупались изъ царской казны, и чтобы употребленная изъ казны на этотъ предметъ сумма вознаграждалась извѣстнымъ оброкомъ *съ землевладѣльцевъ* (гл. 72). Митр. Іоасафъ, проживавшій въ Сергіевой Лаврѣ на покоѣ, къ которому акты собора были посланы на разсмотрѣніе, нашелъ это постановленіе неправильнымъ и предложилъ не съ крестьянъ брать окупъ, а изъ епископской казны и монастырей (гл. 100). Этого замѣчанія духовенство, однако, не приняло.

2) II т. стр. 263, 264, 266.

и оманниковъ, демонскимъ наученіемъ»[1]). Насколько развито было чревоугодничество въ современникахъ м. Даніила, это видно изъ слѣдующихъ словъ его, замѣчательныхъ и по формѣ изложенія: «*Вчера и днесь*, говоритъ митрополитъ, повари въ поварню стекаются, и сію украшаютъ, и свиты измѣняютъ, и руцѣ простираютъ, и листы укрѣпляютъ, и ножи острятъ, и дрова накладаютъ, и огонь возжигаютъ, и котлы наставляютъ, и сковрады и горньцы поставляютъ, *къ насыщенію чрева* пищу готовятъ, и сими наслаждается тѣло ихъ.... Колико, замѣчаетъ онъ, тщаніе и подвигъ имать пища и питіе, колико же злата и сребра на сіе исчезаетъ, и колики подвиги и поты и труды и болѣзни пріемлютъ чреворабботницы»[2]).—А вотъ какъ м. Даніилъ изображаетъ тогдашнихъ волокитъ, щеголей и ихъ занятія[3]). «Велій подвигъ твориши, угождая блудницамъ, говоритъ онъ, ризы измѣняеши, хожденіе уставляеши, сапогы вельми червлены и малы зѣло, яко же и ногамъ твоимъ велику нужу терпѣти отъ тѣсноты и гнетенія ихъ. Сице блистаеши, еще скачеши, еще рыгаеши и рзаеши, уподобляся жребцу.... Власы же твоя не точію бритвою и съ плотію отъемлиши, но и щипцемъ изъ корени исторгати и щипати нестыдишись, женамъ позавидѣвъ мужеское свое лице на женское претворяеши, или весь хощешь жена быти.... лице же твое много умываеши и натираеши, ланиты червлены красны свѣтлы твориши, якоже нѣкая брашна дивно сотворена въ снѣдь готовишися, устнѣ же свѣтлы чисты и червлены зѣло дивно уставивъ, якоже нѣкіимъ женамъ обычай есть кознію нѣкоею ухищряти себѣ красоту. Сице же подобно имъ ты украсивъ, натеръ, умызгавъ, благоуханіемъ помазавъ, мягци зело уставляеши, якоже сими возмощи многихъ прельстити.... Желая блудныхъ сластей насыщатися и о сихъ весь умъ свой непрестанно имѣя, (ты) слугамъ своимъ на блудная сія бѣсовская дѣянія много сребра и злата истощеваеши. И что много исчитати?.... Ты, присно къ блудницамъ зря, и самъ себѣ многимъ

[1]) Сбор. м. Даніила, лист. 484.
[2]) Ibid., лист. 333.
[3]) Чтобы загладить излишнюю рѣзкость впечатлѣнія, мы не будемъ приводить нѣкоторыхъ, выдающихся по своей рѣзкости, мѣстъ, въ родѣ, напр., находящагося на 408 л.

блудницу сотвори»[1]). Въ другомъ мѣстѣ, обличая эти нравственные недостатки своихъ современниковъ, м. Даніилъ говоритъ съ укоризною: «Каа тебѣ нужа есть во вся дни свѣтлыми ризами украшатися, имѣмъ же и въ Господскія дни ниже обычныхъ одѣяній имущимъ довлетися?.... Каа жъ тебѣ нужа есть выше мѣры умыватися и натиратися.... и почто повѣшаеши подъ брадою твоею пуговицы сіяющія красны зѣло, и красишися тако, якоже и женамъ не лѣпо есть? Каа тебѣ нужа сапоги шелкомъ шитыя носити, или каа ти нужа есть не точію выше мѣры умывати руцѣ, но и перстни златыя и сребренныя на персты своя налагати? Кый ли прибытокъ ти есть надъ птицами дни изнуряти, каа жъ ти нужа есть псовъ множество имѣти, каа тебѣ похвала будетъ на позорища ходити, кое жъ ти любомудріе всуе претись?.... Господь убо ученикомъ ни худѣйшихъ сапоговъ имѣти повелѣ, ниже двою ризу; мы же не точію простыхъ сапоговъ чрезъ потребьство имѣемъ, *но и съ сребромъ и съ златомъ и бисеромъ*, и иная прочая одѣанія многоцѣнна имѣемъ, и сапоговъ шолкомъ премудростнѣ шитыхъ; и не точію же сія, *но и подъ срачицею,* иже никому же зрящу *нѣціи подвизаються препоясаніе имѣти* драга, сребромъ и златомъ утворенна»[2]). Такъ щеголяли волокиты XVI вѣка! Неудивительно, что для удовлетворенія своихъ потребностей, они искали многихъ доходовъ, а если всетаки ощущался недостатокъ, то прибѣгали къ безчестнымъ средствамъ: воровству, грабежу, ябедничеству и т. п. «Ради сихъ всѣхъ (выше перечисленныхъ нуждъ) мы многихъ доходовъ взыскуемъ, говоритъ обличитель, и аще ти не достанетъ что, якоже обыклъ еси отъ безумія твоего многа расхода имѣти, крадеши, насилуеши, грабеши, ябедничествуеши, заимоваеши, и неимѣа чѣмъ отдати, бѣгаеши, запираешися, клятвопреступаеши, и ина безчисленнаа злаа сдѣваеши»[3]). Перейдя отъ обличеній и

[1]) Сборникъ м. Даніила, л. 408—410.

[2]) Ibid. лист. 456—459.

[3]) Ibid. л. 459. Такъ какъ м. Даніилъ имѣетъ въ виду людей изъ высшаго общества, то, надо полагать, обличаемые пользовались нѣкоторыми изъ означенныхъ средствъ въ формѣ болѣе или менѣе подходящей къ ихъ положенію, т. е. едва ли они занимались простымъ личнымъ ночнымъ воровствомъ, грабежемъ, разбойничествомъ и т. п.

укоризнъ къ увѣщаніямъ и убѣжденіямъ, м. Даніилъ говоритъ юношамъ слѣдующее: «О юніи, къ вамъ ми слово: не уподобляйтесь блуднымъ юношамъ, иже всегда веленудрствуютъ о красотѣ тѣлеснѣй, всегда украшаются вящше женъ умываніи различными и натираніи хитрыми, и умъ ихъ всегда плаваетъ о ризахъ, о ожереліяхъ, о пугвицахъ, о иже подъ срачицею препоясаніи, о сапозехъ, о остриженіи главы, о повѣшеніи космъ, о намизаніи ока, и о киваніи главѣ, о уставленіи перстъ, о выставленіи ногъ, и иная многа понужаются творити[1]).

Одною изъ принадлежностей древне-русскаго богача и знатнаго человѣка считалось владѣніе рабами, челядью. При тогдашнихъ смутныхъ экономическихъ и общественныхъ условіяхъ, пріобрѣтеніе рабовъ было дѣломъ очень легкимъ. Угнетаемый высшимъ правительствующимъ классомъ, беззащитный народъ, терпѣвшій въ то же время отъ страшныхъ физическихъ бѣдствій — голода и мора, какъ извѣстно, посѣщавшихъ русскую землю въ XVI вѣкѣ, спѣшилъ закладываться за сильнаго и богатаго, потому что подъ защитою сильнаго еще можно было укрыться отъ «сосанія» разныхъ намѣстниковъ, волостелей, дьяковъ, приставовъ и ѣздоковъ; а богатый, по крайней мѣрѣ, могъ избавить отъ голодной смерти. Вслѣдствіе этого неудивительно встрѣчать извѣстія, что многіе изъ русскихъ рѣшались отдавать себя въ кабалу за три рубля на всю жизнь, иногда и со всѣмъ семействомъ. Пріобрѣтши многочисленныхъ слугъ, сильные и богатые, конечно, на нихъ возлагали всѣ тяжести такъ называемаго черннаго труда, а сами, пренебрегая и свойственнымъ высшему обществу трудомъ, со всею свободою пользовались удовольствіями праздной и безпечной жизни. Недаромъ м. Даніилъ говоритъ про такихъ современниковъ, что у нихъ «всегда наслаженіа и упитаніа, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда празднество и безумная тасканіа[2]). Презрѣніе къ труду въ выс-

---

[1]) Ibid. л. 461. Какъ драгоцѣнны были одежды, употреблявшіяся въ древней Россіи, можно видѣть изъ завѣщаній удѣльнаго князя Дмитрія Ивановича и одного купца (Сол. Ист. Рос. V, 403—404). Что подавалось на столъ въ богатыхъ домахъ, объ этомъ см. у Карамзина VII, 130.

[2]) Ibid. л. 484.

шемъ обществѣ было полнѣйшее. М. Даніилъ по этому поводу замѣчаетъ: «Всякъ лѣнится учиться художеству, вси бѣгаютъ рукодѣлія, вси щапятъ (пренебрегаютъ) торгованіи, вси поношаютъ земледѣлателемъ [1]).

Конечно, до тѣхъ поръ, пока у господина, не отличавшагося христіанскими качествами, доставало средствъ для удовлетворенія его прихотей, ему можно было оказывать, и онъ дѣйствительно оказывалъ, нѣкоторую снисходительность своимъ слугамъ. Но какъ скоро этихъ средствъ не оказывалось, тогда отношенія между господиномъ и его слугами измѣнялись. Первый, «взыскуя доходовъ многихъ», начиналъ грабить и насиловать [2]) прежде всего, разумѣется, своихъ *подручниковъ*. Тогда послѣдніе подвергались всѣмъ бѣдамъ ничѣмъ не сдерживаемаго личнаго произвола, «гладомъ таяли, наготою страдали, терпѣли тѣсноту и скудость въ тѣлесныхъ потребахъ» [3]). Этого мало, — часто произволъ владѣльцевъ въ отношеніи къ крестьянамъ и слугамъ доходилъ до того, что честь и жизнь послѣднихъ они ставили ни во что. Одно частное лице, впрочемъ уже позднѣйшаго времени, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, извиняясь за свои обиды предъ обиженными, говоритъ: «Крестьянъ моихъ и крестьянокъ, чѣмъ кого оскорбилъ въ своей кручинѣ, лаею и ударомъ и *продажею по винѣ и не по винѣ,* во всемъ предъ ними виноватъ.... также и сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и женъ и вдовъ и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбилъ въ своей кручинѣ, боемъ по винѣ и не по винѣ, *и къ женамъ ихъ и ко вдовамъ насильствомъ, дѣвственнымъ растлѣньемъ, а иныхъ* есьми грѣхомъ своимъ *и смерти предалъ* и предъ ними виноватъ» [4]).

Мы уже знакомы съ обличеніями Максима Грека, направленными противъ корыстолюбивыхъ богачей за ихъ безпощадное угнетеніе «бѣдныя подручники трудовъ безчисленными нужами и (вообще) многообразными нечистотами». — Очень естественно, что невыноси-

---

1) Ibid. л. 484.
2) Ibid. л. 459.
3) Ист. Рос. Солов. V, 300.
4) Акты, относящ. до юридич. быта Рос. Н. Калачева. Духовн. Пантелеймона 1621 г., № 86, стр. 558.

мая жизнь рабовъ вынуждала послѣднихъ выкупаться[1]). Но при выкупахъ владѣльцы обнаруживали тоже корыстолюбіе и тоже жестокосердіе. Они не удовлетворялись «цѣною уреченною» (законною), а брали сколько смогутъ, и, конечно, гораздо больше той цѣны, какую сами дали за нихъ. Но если рабъ и выплачивалъ какъ нибудь требуемое количество денегъ, то ему угрожали другія притѣсненія. Выкупившись самъ, онъ не могъ дѣтей своихъ считать свободными, и за нихъ, если они у него окажутся, господа снова требовали выкупа. Обличая такое безчеловѣчіе, древніе обличители говорили жестокосердымъ владѣльцамъ, что если они не отпускаютъ на свободу рабовъ иначе, какъ за непосильную для рабовъ сумму денегъ, то дадутъ за это отвѣтъ предъ Богомъ «*какъ торгующіе* (прасоля) *живыми душами*»[2]). Сравненіе мѣткое и вполнѣ справедливое!

Таковы были нравственныя отношенія богатаго владѣтельнаго класса къ подручному бѣдному классу! Жестокосердіе и всякаго рода насилія перваго по отношенію къ послѣднему — вотъ характеристическія черты этихъ отношеній. Неудивительно, что подъ вліяніемъ такихъ отношеній, длившихся цѣлые вѣка, въ народѣ сложилось понятіе, что господа и мужики сдѣланы изъ двухъ различныхъ матерьяловъ[3]). Конечно, такія противныя христіанской нравственности отношенія не могли не преслѣдоваться лучшими пастырями церкви. И мы видѣли, съ какою ревностію и силою древніе обличители преслѣдовали виновниковъ зла. Но виновники зла мало

---

[1]) Это явленіе тѣмъ болѣе поразительно, что, какъ немного выше указано нами, существовало другое противоположное явленіе. Многіе, замѣчали мы, вслѣдствіе крайней нужды и жестокихъ притѣсненій со стороны разныхъ правительственныхъ и административныхъ лицъ, спѣшили идти въ холопы къ богатымъ и сильнымъ людямъ, въ надеждѣ подъ защитою послѣднихъ укрыться отъ угнетеній и избавиться отъ голодной смерти. Но вѣрно жизнь въ холопахъ была еще тягостнѣе, еще бѣдственнѣе, когда холопы старались избавиться отъ нея посредствомъ выкупа, стоившаго многихъ трудовъ и большой, произвольно опредѣляемой господиномъ, цѣны. Значитъ, шедшіе добровольно въ холопы, попадали, какъ говорится, изъ огня да въ полымя.

[2]) Прав. Соб. 1861 г., I, 188. Попечен. церк. о внутр. благоустройствѣ общ.

[3]) Рус. народн. легенды, ст. Пыпина, въ Совр. 1860 г. I, ст. 84 и 88.

ственной службы царь поетъ съ прочими членами своего духовнаго братства отъ 4 до 7 часовъ утра. Въ 8 часовъ самъ онъ благовѣститъ и каждый долженъ опять итти въ церковь, гдѣ онъ (царь) и поетъ вмѣстѣ съ другими до 10 часовъ. Къ этому времени бываетъ готовъ обѣдъ, и братія, по выходѣ изъ церкви, садится за столъ, но царь, по должности настоятеля, во все время обѣда стоя читаетъ имъ *назидательныя* книги.... Что остается отъ изобилія дорогихъ кушаній и напитковъ послѣ употребленія, каждый обязанъ взять съ собою въ, нарочно принесенныя блюдо и кружку *и раздать нищимъ;* но многіе предпочитаютъ относить къ себѣ домой. По удаленіи братіи, садится обѣдать настоятель и, по окончаніи обѣда, каждый день ходитъ по темницамъ и велитъ въ своемъ присутствіи заключенныхъ допрашивать *и пытать; его природа* (такая набожная и, повидимому, религіознѣйшая), продолжаетъ Крузе, *уже такова, что зрѣлище мукъ его веселитъ, и я самъ былъ свидѣтелемъ,* что онъ никогда не бываетъ въ столь хорошемъ расположеніи духа, какъ присутствуя при совершеніи пытокъ и казней; въ такихъ занятіяхъ царь проводитъ время до 8 часовъ вечера; тогда, вслѣдствіе благовѣста, каждый обязанъ идти на вечернее богослуженіе, продолжающееся до 9 часовъ; по окончаніи его, царь идетъ въ свою спальню, гдѣ его дожидаются трое слѣпыхъ старца; когда онъ ляжетъ въ постель, одинъ изъ старцевъ начинаетъ говорить сказки или небылицы; когда онъ устанетъ, его смѣняетъ другой и т. д. Отъ этого царь скорѣе и лучше засыпаетъ, но не надолго; въ самую *полночь* онъ идетъ благовѣстить, потомъ съ другими братьями идетъ въ церковь, гдѣ и проводитъ время въ молитвѣ до 3-хъ часовъ утра. Такой порядокъ занятій соблюдается строго *всегда, безъ малѣйшей перемѣны.* Всѣ свѣтскія дѣла царь рѣшаетъ въ церкви; тутъ же онъ дѣлаетъ приговоры и назначаетъ казни, исполнителями которыхъ и палачами бываютъ члены его духовнаго братства; имъ то онъ повелѣваетъ, находясь въ церкви, итти и того то утопить, того сжечь; и дѣлаетъ всякаго рода письменныя распоряженія, исполненію которыхъ не только никто не поперечитъ, но всякій считаетъ *за особенную милость имъ содѣйствовать.* Сверхъ того, и на-

обличеній и это чисто внѣшнее, обрядовое, фарисейское благочестіе, показывали всю его недостаточность и полнѣйшую безполезность. Какъ, должно быть, вразумительны и чувствительны были эти обличенія для тогдашнихъ ханжей и фарисеевъ! Они, какъ утопающіе, хватались за соломенку, чтобы спастись отъ гибели; а у нихъ отнимали и это послѣднее средство для спасенія.... Не это ли было одною изъ главнѣйшихъ причинъ, почему обличаемые иногда, слушая укоризны обличителя, скрежетали зубами и свирѣпѣли на послѣдняго, какъ бы желая растерзать его?[1]).

Но обратимся къ самымъ обличеніямъ, направленнымъ противъ чисто внѣшняго, обрядоваго, фарисейскаго благочестія нашихъ предковъ.

Всѣхъ ревностнѣе и энергичнѣе нападалъ на такое благочестіе преп. Максимъ Грекъ. У него есть даже спеціальныя сочиненія, написанныя по этому поводу[2]). Въ одномъ изъ нихъ — «Словеса, аки отъ лица Пречистыя Богородицы къ лихоимцамъ и скверньмъ, всякія злобы исполненнымъ, а каноны всякими и различными пѣсньми угожати чающимъ», — онъ такъ относится и къ современной внѣшней религіозности и къ печальнымъ фактамъ дѣйствительной жизни: «Тогда мнѣ, говоритъ обличитель отъ лица Богородицы, еже отъ тебѣ частѣ пѣваемое *радуйся,* благопріятно будетъ, егда увижу тя дѣломъ совершающа заповѣди Родившагося отъ меня, и отступивша всякія вкупѣ злобы, блуда и лжи, гордости же и льсти, и хищенія неправеднаго чужихъ имѣній, ихъ же дондеже держишися и симъ радуяся пребываеши, бѣдно живущихъ убогихъ кровьми веселяся сугубыми росты и трудовъ безчисленными нужами несытно ихъ испивая мозги, *ничимъ же мнѣ разликуеши иноплеменника скифянина и христоубійцъ людей,* аще ся и крещеніемъ хвалиши, *ниже внемлю отнюдъ тебѣ, аще и безчисленными каноны и стихѣры краснымъ гласомъ поеши мнѣ,* милости, а не жертвы слыши хотящаго Господа, и разумъ Божій, а не все-

---

ниманія религіи, они считали внѣшнія дѣла благочестія вполнѣ достаточными и дѣйствительными для цѣли средствами.

[1]) Сборникъ м. Даніила, л. 406 и 118.

[2]) II т., стр. 213, 241, 260.

сожженій. Ты же, аки свинія, всякаго студодѣянія несытнѣ насыщаяся, и аки хищникъ волкъ, хищая чужая стяжанія и бѣдныя вдовицы лихоимствуя и всяческими изобилуя и обливаемъ дѣлы беззаконными..... Божія страха отринувъ отнюдь.... *благо угодити ли мниши множествомъ каноновъ и стихѣръ, высокимъ воплемъ мнѣ воспѣвая?*»[1]). Тѣ же явленія и почти тѣми же словами обличалъ и современникъ Максима, старецъ Артемій. — «Въ канонѣ читаютъ, говорилъ онъ на соборѣ о русскихъ фарисеяхъ и книжникахъ, Іисусе сладкій, а услышатъ слово Іисусово о заповѣдяхъ Его, какъ велѣлъ быти, и они въ горесть прелагаются, что заповѣди сотворити; и въ акаѳистѣ читаютъ: радуйся да радуйся чистая, а сами о чистотѣ не радятъ и въ празднословіи пребываютъ, *ино то обычаемъ точію водими глаголютъ, а не истинну*»[2]). Этотъ болѣе другихъ просвѣщенный сынъ своего времени, съ своей стороны, старался осмыслить чисто формальное пониманіе религіи, доказывая, подобно Максиму Греку, полнѣйшую безполезность внѣшняго благочестія безъ внутренняго исправленія. «Ни постъ, ни молитва, читаемъ мы въ одномъ изъ его посланій, ни пустынное вселеніе, ниже бдѣніе протяженное, ни тѣлесное злостраданіе, ниже церковное видимое многоцѣнное украшеніе, ниже пѣніе великогласное, ниже ино видимое мнимое благочиніе кое, ни доле леганіе (земные поклоны).... пользовати насъ можетъ *житію сущу растлѣну*»[3]). «Вѣдомо убо да есть намъ благочестивымъ, говоритъ Максимъ Грекъ, яко дондеже пребываемъ во гресѣ.... аще и вся молитвы преподобныхъ и тропари и кондаки и молебныя каноны глаголемъ по вся дни и часы, *ничтоже отнюдь исправляетъ*[4]).

Но особенно сильны и строги обличенія Максима Грека современнаго ему ханжества и фарисейства въ томъ знаменитомъ его словѣ, какое было написано по случаю страшнаго Тверскаго пожара.

---

[1]) II т., стр. 241—242.

[2]) Акты Археогр. Экспедиціи т. I, № 239, стр. 252.

[3]) Русская Историч. Библіот. т. IV, столб. 1399; см. также Сборникъ м. Даніила, л. 483.

[4]) II т., стр. 213—214. Какъ Максимъ Грекъ училъ современниковъ поститься — см. т. III, стр. 258.

Въ началѣ этого слова онъ представляетъ Тверскаго еписк. Акакія молящимъ Бога открыть, чѣмъ согрѣшили предъ Нимъ Тверитяне и заслужили Его гнѣвъ? Причина такого страшнаго гнѣва, тѣмъ болѣе казалась необъяснимою для потерпѣвшихъ, что они ревностно заботились о благолѣціи храмовъ, о соблюденіи праздниковъ духовныхъ и др. внѣшнихъ дѣлъ религіи. «Николи же бо не нерадихъ, говоритъ Тверской архипастырь отъ себя и отъ своей паствы,— *николи же не нерадихъ,* Ты же ми послухъ, Владыко, о Твоихъ божественныхъ пѣніихъ и прочей Твоей боголѣпней службѣ, безпрестани праздники духовныя совершая Тебѣ, пѣніи красногласными боголѣпныхъ священниковъ и шумомъ доброгласныхъ свѣтлошумныхъ колоколовъ и различными миры благоуханными и Твоея честныя и пречистыя Ти матери иконы велелѣпнѣ украшая златомъ и сребромъ и многоцѣнными каменіи; но, въ нихъ же чаяхъ благоугожати Тебѣ, Царю, въ тѣхъ обрѣтохся, прогнѣвая паче; тѣмъ же и праведнаго гнѣва Твоего искушеніе пріятъ. Праведенъ сый.... никакоже истребилъ бы вкупѣ огнемъ всеяднымъ красоту всю и доброту, аще бы не сами крайнѣйшую Твою благость прогнѣвали преступленіемъ Твоихъ заповѣдей; сего ради молимъ Тя, раби Твои: скажи намъ, въ кіихъ согрѣшихомъ, да достойнымъ согрѣшенію покаяніемъ Тебѣ страшнаго Судію милостива сотворимъ себѣ?» На эту просьбу самъ Богъ такъ отвѣчаетъ вопрошавшимъ: «Вы наипаче прогнѣваете Моя утробы, доброгласныхъ пѣнія и колоколовъ шумъ предлагающе Мнѣ, и многоцѣнное иконъ украшеніе и различныхъ миръ благоуханія, яже аще приносити Ми.... отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ, лихоиманія же и хищенія чужихъ имѣній». Этихъ приношеній «не точію возненавидитъ душа Моя, аки смѣшена слезами сиротъ и вдовицъ умиленныхъ и кровьми убогихъ, но еще и вознегодуетъ на васъ». Указавъ далѣе на разореніе Греціи, которую не спасли отъ бѣды ни «благолѣпное пѣніе, вкупѣ со свѣтлошумными колоколы и благовонными миры», ни «пѣніа всенощная», ни «красоты и высоты предивныхъ храмовъ», ни «даже мощи апостольскія и мученическія», въ этихъ храмахъ скрывавшіяся, «понеже (тамъ, въ Греціи) убога возненавидѣша и сира убиша» изъза златолюбія, неправосудія и мздоимства,— указавъ на все это,

сожженій. Ты же, аки свинія, всякаго студодѣянія несытнѣ насыщаяся, и аки хищникъ волкъ, хищая чужая стяжанія и бѣдныя вдовицы лихоимствуя и всяческими изобилуя и обливаемъ дѣлы беззаконными..... Божія страха отринувъ отнюдь.... *благо угодити ли мниши множествомъ каноновъ и стихиръ, высокимъ воплемъ мнѣ воспѣвая?*»[1]). Тѣ же явленія и почти тѣми же словами обличалъ и современникъ Максима, старецъ Артемій. — «Въ канонѣ читаютъ, говорилъ онъ на соборѣ о русскихъ фарисеяхъ и книжникахъ, Іисусе сладкій, а услышатъ слово Іисусово о заповѣдяхъ Его, какъ велѣлъ быти, и они въ горесть прелагаются, что заповѣди сотворити; и въ акаѳистѣ читаютъ: радуйся да радуйся чистая, а сами о чистотѣ не радятъ и въ празднословіи пребываютъ, *ино то обычаемъ точію водими глаголютъ, а не истинну*»[2]). Этотъ болѣе другихъ просвѣщенный сынъ своего времени, съ своей стороны, старался осмыслить чисто формальное пониманіе религіи, доказывая, подобно Максиму Греку, полнѣйшую безполезность внѣшняго благочестія безъ внутренняго исправленія. «Ни постъ, ни молитва, читаемъ мы въ одномъ изъ его посланій, ни пустынное вселеніе, ниже бдѣніе протяженное, ни тѣлесное злостраданіе, ниже церковное видимое многоцѣнное украшеніе, ниже пѣніе великогласное, ниже ино видимое мнимое благочиніе кое, ни доле леганіе (земные поклоны).... пользовати насъ можетъ *житію сущу растлѣну*»[3]). «Вѣдомо убо да есть намъ благочестивымъ, говоритъ Максимъ Грекъ, яко дондеже пребываемъ во гресѣ.... аще и вся молитвы преподобныхъ и тропари и кондаки и молебныя каноны глаголемъ по вся дни и часы, *ничтоже отнюдь исправляетъ*[4]).

Но особенно сильны и строги обличенія Максима Грека современнаго ему ханжества и фарисейства въ томъ знаменитомъ его словѣ, какое было написано по случаю страшнаго Тверскаго пожара.

---

[1]) II т., стр. 241—242.
[2]) Акты Археогр. Экспедиціи т. I, № 239, стр. 252.
[3]) Русская Историч. Библіот. т. IV, столб. 1399; см. также Сборникъ м. Даніила, л. 483.
[4]) II т., стр. 213—214. Какъ Максимъ Грекъ училъ современниковъ поститься — см. т. III, стр. 258.

Національная гордость русскихъ, питавшаяся увѣренностію, что они суть единственные христіане на землѣ, развилась наконецъ до того, что русскіе стали презирать и грековъ, сомнѣваясь въ ихъ православіи,— стали открыто высказывать мысль, какъ извѣстно изъ псковскихъ споровъ объ «аллилуіа», что греки на Флорентійскомъ соборѣ «къ своей погибели отъ истины свернулися», что «развращеннымъ Грековомъ вѣрить не должно, что въ первосвятительской церкви Цареградской «мерзость и запустѣніе» [1]). Изъ сочиненій же Максима Грека извѣстно, что онъ старался опровергать и другую ложную мысль, бывшую въ ходу на Руси въ его время, будто самыя св. мѣста Востока осквернились отъ долговременнаго пребыванія ихъ «въ области безбожныхъ турокъ поганаго царя» и что поэтому не должно принимать рукоположенія отъ патріарховъ Константинопольской церкви, подобно какъ латинской, и не допускать въ свою церковь рукоположенныхъ ими [2]).

Нельзя пройдти молчаніемъ слѣдующихъ порочныхъ свойствъ русскаго народа, которыми, впрочемъ, страдалъ по преимуществу классъ торговый — лжи и обмана. Этихъ порочныхъ свойствъ часто

---

[1]) Ист. рус. церк. преосв. Макарія VIII, 346. Относительно Флорентійской уніи должно еще замѣтить, что она въ данномъ случаѣ послужила, такъ сказать, точкою опоры для недовѣрія русскихъ къ грекамъ. Вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что греки «отъ истины свернулися», поселилось и то охлажденіе къ нимъ русскихъ, которое такъ выразительно сказалось во время взятія Константинополя турками. Это печальное событіе въ исторіи Византіи не вызываетъ въ сердцахъ русскихъ глубокой печали, а заставляетъ ихъ объяснять это событіе, какъ необходимое слѣдствіе наказанія Божія за отступленіе грековъ отъ чистоты православія, — за уклоненіе къ латинству. Такого образа мыслей не чужды были даже и высшіе духовные іерархи наши. Вотъ, напр., митр. Филиппъ I въ началѣ 1471 г. посылаетъ новгородцамъ двѣ граматы съ убѣжденіемъ ихъ не отлагаться отъ вел. князя и не измѣнять православной вѣрѣ. Въ этихъ граматахъ, между многимъ прочимъ, онъ пишетъ: «А и то, сынове, разумѣйте: царствующій градъ и церкви Божія Константинополь доколѣ непоколебимо стоялъ, не какъ ли солнце сіяло въ благочестіи? а какъ оставя истину, да соединился царь и патріархъ Іосифъ съ латиною, да и подписалъ папѣ злата дѣля, и безгоднѣ скончалъ животъ свой Іосифъ патріархъ, не впалъ ли въ руки Царьградъ поганымъ, не въ турьцкихъ-ли рукахъ и нынѣ?».. (Акт. Ист. I, № 280). Въ другой граматѣ (№ 281) та же самая мысль проводится.

[2]) Сочиненія Максима т. III, стр. 154, 156.

шими турокъ. «Москвиты хвалятся, говоритъ Герберштейнъ, что они одни только христіане, а насъ осуждаютъ, какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ Св. установленій»[1]). Флетчеръ говоритъ также, что русскіе «всѣхъ другихъ христіанъ считаютъ никакъ не лучше турокъ въ сравненіи съ собою»[2]). И въ началѣ XVII в. (1613 г.) иностранецъ, Матвѣй Шаумъ, говоритъ, что «русскіе всѣхъ на свѣтѣ грѣшнѣе по причинѣ своего закоренѣлаго суевѣрія[3]), не смотря на то, что они только себя называютъ святымъ народомъ, а всѣхъ прочихъ скверными басурманами»[4]).

Подобныя мысли и чувства русскихъ встрѣчаются и въ литературѣ XVI в. Такъ, въ одномъ изъ посланій старца псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳея, къ государеву дьяку Михаилу Мунехину, служившему въ Псковѣ, доказывается, что латиняне «воистинну суть еретики», и что христіанская вѣра существуетъ единственно только на Руси. Говоря же о своемъ отечествѣ, старецъ выражается: теперь во всей поднебесной одинъ православный Христіанскій — государь русскій, и святая вселенская церковь, вмѣсто Рима и Константинополя, сіяетъ свѣтлѣе солнца въ Москвѣ. «Два Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти. Вся христіанская царства потопишася отъ невѣрныхъ. Токмо единаго нашего государя царство благодатію Христовою стоитъ»[5]).— Эти же мысли о паденіи перваго и втораго Рима и всѣхъ христіанскихъ царствъ, о высокомъ значеніи Москвы и царства русскаго, Филоѳей повторяетъ и почти тѣми же словами въ своемъ посланіи къ вел. кн. Василію Іоанновичу[6]).

---

[1]) Записки о Московіи, стр. 68.

[2]) О Государствѣ русскомъ гл. 23, стр. 92.

[3]) Суевѣріе было общею болѣзнею XVI в. Этотъ вѣкъ былъ вѣкомъ гаданій и чаръ, вѣкомъ, въ который вѣра въ таинственныя силы природы, въ помощь злыхъ духовъ, доходила до высшей степени. На Западѣ такая знаменитѣйшая личность, какъ Лютеръ, зараженъ былъ крайнимъ суевѣріемъ, былъ суевѣромъ изъ суевѣровъ. Достаточно прочесть его «Застольныя рѣчи», чтобы убѣдиться въ этомъ. Валленштейнъ, знаменитый противникъ знаменитаго Густава Адольфа, не менѣе Лютера зараженъ былъ суевѣріемъ.

[4]) Жизнь и истор. знач. Курбскаго, стр. 113; Казань 1858 года.

[5]) Прав. Соб. 1861 г. II, 84—96.

[6]) Прав. Соб. 1863 г. I, 337.

Національная гордость русскихъ, питавшаяся увѣренностію, что они суть единственные христіане на землѣ, развилась наконецъ до того, что русскіе стали презирать и грековъ, сомнѣваясь въ ихъ православіи, — стали открыто высказывать мысль, какъ извѣстно изъ псковскихъ споровъ объ «аллилуіа», что греки на Флорентійскомъ соборѣ «къ своей погибели отъ истины свернулися», что «развращеннымъ Грековомъ вѣрить не должно, что въ первосвятительской церкви Цареградской «мерзость и запустѣніе» [1]). Изъ сочиненій же Максима Грека извѣстно, что онъ старался опровергать и другую ложную мысль, бывшую въ ходу на Руси въ его время, будто самыя св. мѣста Востока осквернились отъ долговременнаго пребыванія ихъ «въ области безбожныхъ турокъ поганаго царя» и что поэтому не должно принимать рукоположенія отъ патріарховъ Константинопольской церкви, подобно какъ латинской, и не допускать въ свою церковь рукоположенныхъ ими [2]).

Нельзя пройдти молчаніемъ слѣдующихъ порочныхъ свойствъ русскаго народа, которыми, впрочемъ, страдалъ по преимуществу классъ торговый — лжи и обмана. Этихъ порочныхъ свойствъ часто

---

[1]) Ист. рус. церк. преосв. Макарія VIII, 346. Относительно Флорентійской уніи должно еще замѣтить, что она въ данномъ случаѣ послужила, такъ сказать, точкою опоры для недовѣрія русскихъ къ грекамъ. Вмѣстѣ съ убѣжденіемъ, что греки «отъ истины свернулися», поселилось и то охлажденіе къ нимъ русскихъ, которое такъ выразительно сказалось во время взятія Константинополя турками. Это печальное событіе въ исторіи Византіи не вызываетъ въ сердцахъ русскихъ глубокой печали, а заставляетъ ихъ объяснять это событіе, какъ необходимое слѣдствіе наказанія Божія за отступленіе грековъ отъ чистоты православія, — за уклоненіе къ латинству. Такого образа мыслей не чужды были даже и высшіе духовные іерархи наши. Вотъ, напр., митр. Филиппъ I въ началѣ 1471 г. посылаетъ новгородцамъ двѣ граматы съ убѣжденіемъ ихъ не отлагаться отъ вел. князя и не измѣнять православной вѣрѣ. Въ этихъ граматахъ, между многимъ прочимъ, онъ пишетъ: «А и то, сынове, разумѣйте: царствующій градъ и церкви Божія Константинополь доколѣ непоколебимо стоялъ, не какъ ли солнце сіяло въ благочестіи? а какъ оставя истину, да соединился царь и патріархъ Іосифъ съ латиною, да и подписалъ папѣ злата дѣля, и безгоднѣ скончалъ животъ свой Іосифъ патріархъ, не впалъ-ли въ руки Царьградъ поганымъ, не въ турьцкихъ-ли рукахъ и нынѣ?».. (Акт. Ист. I, № 280). Въ другой граматѣ (№ 281) та же самая мысль проводится.

[2]) Сочиненія Максима т. III, стр. 154, 156.

не сдерживали даже клятва и присяга. На это жаловался царь Стоглавому собору: «Христіане, говорилъ онъ, клянутся именемъ Божіимъ во лжу всякими клятвами».... «Нѣціи же не прямо тяжутся и поклепавъ крестъ цѣлуютъ или образы святыхъ»[1]). Насколько сильно распространено было клятвопреступленіе, можно заключать изъ того строгаго наказанія, какому подвергалъ соборъ клятвопреступниковъ. «Цѣлованіе креста во лжи, говоритъ соборъ, есть грѣхъ неизцѣльный, богоубійство, заслуживаетъ месть отъ самого Бога, и *клятвопреступникъ долженъ быть отлученъ отъ всякой святыни,* по священнымъ правиламъ»[2]). Цѣлованіе креста во лжи тѣмъ неожиданнѣе въ нашихъ предкахъ, которые религіозность свою простирали до того, что цѣловали образа и мощи не иначе, какъ задержавъ въ себѣ духъ и губъ не разѣваючи; а когда ѣли просфору, то боялись даже «зубами кусать и губами чавкать»[3]). Но ужъ таковы были предки наши. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что русская честь выражалась у насъ одной сословной спѣсью. Изъ его свидѣтельства видно, что даже на сановниковъ нашихъ нельзя было положиться въ дѣлахъ государственныхъ, потому что потомъ, при удобномъ случаѣ, они готовы отпереться отъ своихъ словъ. «Россійскаго государства люди, замѣчаетъ онъ, породою своею спѣсивы и негодны ко всякому дѣлу, потому что въ государствѣ своемъ наученія добраго никакого не имѣютъ и не получаютъ, кромѣ спѣсивства, *безстыдства,* ненависти и *неправды;* и не наученіемъ своимъ говорятъ многія рѣчи къ противности.... а потомъ въ тѣхъ своихъ словахъ временемъ запрутся и превращаютъ на иные мысли»[4]). Эти свойства русскихъ вызвали со стороны иностранцевъ недовѣріе къ ихъ клятвамъ и увѣреніямъ, вообще къ ихъ чести. Олеарій, напр., говоритъ, что русскіе имѣютъ обыкновеніе клясться вездѣ — въ собраніяхъ, на рынкахъ, при продажѣ и покупкѣ това-

---

1) Стогл. гл. 5, вопр. 27; гл. 41, вопр. 17.

2) Ibid. гл. 37 и 38. Замѣтимъ, что соборъ не приводитъ на этотъ предметъ опредѣленнаго священнаго правила.

3) «Домострой», стр. 3 и 4, по списку Коншина, напеч. въ Временникѣ I, 1849 г.

4) Котошихинъ, стр. 42.

ровъ, *но этимъ клятвамъ не всегда слѣдуетъ довѣрять*[1]). Флетчеръ также пишетъ: «что касается до вѣрности слову, то русскіе, большею частію считаютъ его ни почемъ, какъ скоро могутъ что нибудь выиграть обманомъ и нарушить данное обѣщаніе. По истинѣ, можно сказать (какъ вполнѣ извѣстно тѣмъ, которые имѣли съ ними болѣе дѣла по торговлѣ), что отъ большаго до малаго, за исключеніемъ весьма немногихъ, всякій русскій не вѣритъ ничему, что говоритъ другой, но за то и самъ не скажетъ ничего такого, на чтобы можно было положиться»[2]). Характеристиченъ въ данномъ отношеніи слѣдующій случай въ жизни Грознаго, по поводу котораго онъ высказалъ свое недовѣріе къ правдивости и честности своихъ подданныхъ. Однажды царь, отдавая золотыхъ дѣлъ мастеру, Англичанину, слитки золота для сдѣланія изъ нихъ посуды, велѣлъ ему хорошенько смотрѣть за вѣсомъ, прибавя: «Русскіе мои всѣ воры»(!)[3]).— А вотъ свидѣтельство Герберштейна о русскихъ торговыхъ людяхъ, особенно Московской области, — объ ихъ удивительной страсти торговаться, тянуть дѣло, плутовать, хитрить и проч. «Они (торговые люди), говоритъ Герберштейнъ, ведутъ торговлю съ величайшимъ лукавствомъ и обманомъ. Покупая иностранные товары, они всегда понижаютъ цѣну ихъ на половину и этимъ поставляютъ иностранныхъ купцовъ въ затрудненіе и недоумѣніе, а нѣкоторыхъ доводятъ до отчаянія, но кто, зная ихъ обычаи и любовь къ проволочкѣ, не теряетъ присутствія духа и умѣетъ выждать время, тотъ сбываетъ свой товаръ безъ убытка.... Если при сдѣлкѣ неосторожно обмолвишься, обѣщаешь что нибудь, они въ точности припомнятъ это и настойчиво будутъ требовать исполненія обѣщанія, а сами очень рѣдко исполняютъ то, что обѣщаютъ. *Если они начнутъ клясться и божиться,— знай, что здѣсь скрывается обманъ, ибо они клянутся съ цѣлію обмануть.* Я просилъ одного боярина, разсказываетъ Герберштейнъ, помочь мнѣ при покупкѣ мѣховъ, чтобы купцы не обманули меня; тотъ сейчасъ

---

[1]) Чтен. въ общ. ист. и древн. Рос. 1868 г., IV, 293.—Путеш. Олеарія въ Москву.

[2]) О рус. госуд. гл. 28, стр. 103.

[3]) Исторія Россіи Соловьева т. VII, стр. 205.

обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, но потомъ поставилъ меня въ большое затрудненіе: онъ хотѣлъ навязать мнѣ свои собственные мѣха, а тутъ еще начали приставать къ нему другіе продавцы, обѣщая заплатить за труды, если онъ спуститъ мнѣ ихъ товаръ по хорошей цѣнѣ. Есть у нихъ обычай ставить себя посредниками между продавцемъ и покупателемъ, и взявъ подарки особо съ той и съ другой стороны, обѣимъ обѣщать свое вѣрное содѣйствіе»[1]). Московскіе купцы, по словамъ Олеарія, высоко ставили въ купцѣ ловкость и изворотливость, говоря, что это — *даръ Божій,* безъ котораго не слѣдуетъ и приниматься за торговлю; одинъ голландскій купецъ, самымъ грубымъ образомъ обманувшій многихъ изъ Московскихъ торговыхъ людей, пріобрѣлъ между ними такое уваженіе за свое искусство, что они, нисколько не обижаясь, просили его принять ихъ къ себѣ въ товарищи, въ надеждѣ научиться его искусству[2]).

Доселѣ мы пытались изобразить нравственное состояніе верхнихъ словъ русскаго общества; — приводили свидѣтельства о нравственныхъ недостаткахъ, свойственныхъ или исключительно, или попреимуществу людямъ «во власти сущимъ», людямъ болѣе или менѣе образованнымъ, точнѣе — начитаннымъ, — людямъ болѣе или менѣе состоятельнымъ и свободнымъ.

Спускаясь въ среду низшихъ сословій для изображенія нравственныхъ недостатковъ, свойственныхъ преимущественно массѣ, простому, въ полномъ смыслѣ невѣжественному народу, уже заранѣе можно сказать, что здѣсь этихъ недостатковъ встрѣтимъ еще болѣе, такъ какъ здѣсь, обыкновенно, менѣе прилагаютъ заботы о нравственной чистотѣ. Кромѣ того, въ бѣдной и угнетенной массѣ народной источникомъ порока нерѣдко служатъ не только испорченность, неразвитость, незнаніе лучшаго порядка жизни, но самая обстановка — бѣдная, неприглядная, иногда невольно вызывающая человѣка на

1) Записки о Московіи, стр. 90—91.
2) Чтен. въ общ. истор. и древн. Рос. 1868 г., III, 168 сн. Сказанія [иностран]цевъ о Рос., соч. В. О. Ключевскаго, стр. 258.

такія дѣйствія, которыя могутъ быть объяснены только или раздраженіемъ, или отчаяніемъ, и на которыя никогда не рѣшится спокойная душа. Всякій знаетъ, что бѣдность не порокъ, но кто также не знаетъ и того, что бѣдность, особенно угнетаемая и оскорбляемая бѣдность, можетъ привести и дѣйствительно приводитъ многихъ и ко многимъ порокамъ. А какова была бѣдность простаго народа въ XVI в., объ этомъ можно заключить изъ того, что мы говорили о земскомъ строеніи на Руси и о положеніи низшаго сословія въ этотъ вѣкъ. Мы видѣли, что тогда простой народъ грабили безъ пощады и самымъ наглымъ образомъ. Это привело массу населенія къ печальному состоянію рабства, которое еще болѣе омрачало темную картину общественной жизни.

Какъ извѣстно и изъ всеобщей исторіи, простая чадь, забитая, лишенная самыхъ насущныхъ потребностей, теряетъ энергію, дѣлается ко всему апатичною, не любитъ труда, предпочитаетъ ему праздность. Это и понятно. При сознаніи безполезности труда для собственной жизни, у кого-жъ явится желаніе надрывать въ немъ послѣднія силы? напротивъ, въ такомъ случаѣ, скорѣе всего является желаніе всѣми средствами избыть его, какъ тягость, въ которой не видно назначенія. Такъ бываетъ вездѣ, такъ было и у насъ.

Лучшіе люди XVI в. сознавали, что для того, чтобы поднять нравственный уровень порабощенной массы, необходимо улучшить ея матеріальный бытъ. «Божественныя писанія, — читаемъ мы въ посланіи Іосифа Волоколамскаго къ одному немилосердному къ рабамъ вельможѣ о милованіи рабовъ, — божественныя писанія повелѣваютъ имѣть рабовъ, не какъ рабовъ, но какъ братію, миловать ихъ, питать и одѣвать ихъ довольно, пещися о спасеніи душъ ихъ и учить добрымъ дѣламъ, чтобы они не творили убійства, не грабили, не крали, подавали пособіе нищимъ.... А если, сынъ мой, вѣренъ слухъ, что у тебя нынѣ твои рабы и сироты въ такой тѣснотѣ: то они не только не могутъ совершать добрыхъ дѣлъ и творить милостыню другимъ, когда сами истаеваютъ отъ глада, *но не въ состояніи удерживаться отъ злыхъ обычаевъ,* не имѣя пищи и одежды для тѣла и испытывая скудость во всякихъ необхо-

димыхъ потребностяхъ»[1]). И въ «Домостроѣ» находится наставленіе, подобное приведенному совѣту Іосифа Волоколамскаго. Сказавъ въ 24 главѣ, что всякій человѣкъ долженъ сообразно съ своимъ состояніемъ «дворъ себѣ держати и всякое стяжаніе, — потому и люди держати и всякій обиходъ», авторъ Домостроя въ слѣдующей главѣ прибавляетъ: «А только людей держать у себя не по силѣ и не по добыткамъ, не удоволити ихъ ѣствою и питіемъ и одежею.... Ино тои слуги мужики, или женки, или дѣвки, у неволи, заплакавъ, *и лгать и красть и разбивать.... и въ корчмѣ пити и всяко зло чинити*» (станутъ)[2]). Но этихъ человѣчныхъ отношеній между владѣльцами и «подручниками» тогда многіе даже не понимали. Такъ, когда Башкинъ пришелъ къ попу Симеону и началъ, между прочимъ, говорить ему: «что̀ было у меня (Башкина) кабалъ полныхъ, все изодралъ и держу у себя людей добровольно: кому хорошо у меня, тотъ живетъ, а кому нехорошо, идетъ себѣ, куда хочетъ. А вамъ, отцамъ, добавлялъ онъ, надобно посѣщать насъ почаще и наставлять какъ самимъ намъ жить и *какъ людей у себя держать и не томить ихъ*», — такъ это все показалось попу Симеону «*необычнымъ, недоумѣннымъ и удивительнымъ*»[3]).

Если необычнымъ, непонятнымъ и удивительнымъ казалось гуманное отношеніе между владѣльцами и подчиненными, то весьма понятно и нисколько не удивительно, если русскій народъ съ ножемъ и кистенемъ шелъ промышлять на большую дорогу или старался въ кабакѣ запивать свое горе. Напротивъ, было бы непонятно, если бы та жестокость и безчеловѣчіе, тѣ насилія и грабительства, какія позволялъ себѣ высшій классъ надъ низшимъ,

---

[1]) Ист. рус. церк. пр. Макарія VII, 239. Подлин. см. въ Дополн. къ Акт. истор. I, № 213. Тотъ же практическій совѣтъ Максимъ Грекъ подавалъ самому царю Ивану Грозному. Въ одномъ изъ посланій своихъ онъ заповѣдывалъ ему князей, бояръ, воеводъ и воиновъ почитать, беречь и *обильно награждать*, потому что, замѣчаетъ Максимъ, обогащая ихъ, царь укрѣпляетъ государство и *ограждаетъ* вдовъ и бѣдныхъ отъ притѣсненій (II т., стр. 353). Этотъ же совѣтъ Максимъ подаетъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій.

[2]) Временникъ I, гл. 27 и 28.

[3]) Ист. рус. церк. пр. Макарія, VI т., стр. 249.

воспитали въ послѣднемъ христіанскія добродѣтели. Нѣтъ, этого не могло быть, и не было.

Забитый, озлобленный народъ рѣзко отразилъ и проявилъ въ себѣ тѣ же грубость и жестокость, насилія и грабительства, какія самъ испытывалъ отъ своихъ владѣтелей. «Видя грубые и жестокіе поступки съ ними (горожанами и поселянами), пишетъ Флетчеръ,— всѣхъ главныхъ должностныхъ лицъ и другихъ начальниковъ, они также безчеловѣчно поступаютъ другъ съ другомъ, особенно съ своими подчиненными и низшими; самый убогій крестьянинъ, унижающійся и ползающій предъ дворяниномъ, дѣлается несноснымъ тираномъ, какъ скоро получаетъ надъ кѣмъ либо власть. Отъ этого бываетъ здѣсь множество грабежей и убійствъ; жизнь человѣка не цѣнится ни во что. Нерѣдко грабятъ въ самыхъ городахъ на улицахъ, когда кто запоздаетъ вечеромъ, но на крикъ ни одинъ человѣкъ не выйдетъ изъ дому подать помощь, хотя бы и слышалъ вопли. Я не хочу говорить о страшныхъ убійствахъ, какія здѣсь случаются: едва ли кто повѣритъ, чтобы подобныя злодѣйства могли происходить между людьми, особенно такими, которые называютъ себя христіанами» [1]). Разбой и грабительства производились иногда цѣлыми ватагами въ 60, 70 и даже 100 человѣкъ. Эти шайки промотавшихся и буйныхъ людей, не исключая и дѣтей боярскихъ [2]), уходили обыкновенно вдаль отъ городовъ, въ глушь, чтобы тамъ свободнѣе совершать свои воровскія и разбойническія дѣла. Были у насъ особаго рода разбойническія шайки, составлявшіяся изъ скомороховъ. «По дальнимъ странамъ, говоритъ Стоглавъ, ходятъ скоморохи, совокупясь ватагами многими до 60, 70 и до 100 человѣкъ и по деревнямъ у крестьянъ сильно ѣдятъ и пьютъ и изъ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ разбиваютъ» [3]). До

¹) О Госуд. Рус. гл. 28, стр. 103.

²) Стоглавъ, гл. 41, вопр. 20. Отъ тогдашнихъ дворянъ этого можно было ожидать, такъ какъ жизнь на счетъ крестьянъ на столько пріучала ихъ къ праздности, что они, въ случаѣ обѣднѣнія, соглашались лучше просить милостыню, чѣмъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе (Очеркъ великорусскихъ нравовъ, Костомарова, стр. 208).

³) Стоглавъ, гл. 41, вопр. 19. Скоморохи составляли родъ труппъ, которыя снискивали себѣ пропитаніе музыкой, пѣніемъ и плясками. Они ходили по городамъ и селамъ потѣшать народъ. При случаяхъ, дѣйстви

какой степени доходило разбойничество въ описываемое время можно ясно видѣсь изъ губныхъ грамать: «Били вы намъ челомъ, говорится въ одной изъ нихъ, что у васъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, имѣнія ваша грабятъ, села и деревни жгутъ, на дорогахъ многихъ людей грабятъ и разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти; а иные *многіе люди* разбойниковъ у себя держатъ, а къ инымъ людямъ разбойники разбойную рухлядь привозятъ»[1]). Неудивительно послѣ этого, если новгородскій архіепископъ Ѳеодосій вынужденъ былъ молить самого царя о помощи противъ грабителей и разбойниковъ, буйствовавшихъ въ его епархіи: «Бога ради, государь, писалъ онъ, потщися и промысли о своей отчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что̀ въ ней теперь дѣлается: въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ, безъ покаянія и безъ причастія, въ домахъ, на дорогахъ, на торжищахъ, въ городѣ и по погостамъ *убійство и грабежи великіе, проходу и проѣзду нѣтъ;* кромѣ тебя государя, этого душевнаго вреда и внѣшняго треволненія уставить некому» (!)[2]). Но едва ли гдѣ въ такой мѣрѣ развились разбой и грабительства на Руси, какъ на далекихъ ея украйнахъ. Юго-западныя и юго-восточныя наши границы прославились казацкими разбоями, отъ которыхъ страдала экономія даже цѣлаго государства. Волжскіе разбои вошли даже въ поговорку: «На Волгѣ жить — ворами слыть»[3]). Тоже было и на западной литовской границѣ[4]).

Вотъ къ какимъ тяжкимъ преступленіямъ приводили народъ, съ одной стороны, горькая нужда, а съ другой, — страшныя притѣсненія чиновниковъ и владѣльцевъ. Но, конечно, не у всѣхъ угнетенныхъ бѣдняковъ хватало духу рѣшаться на такія злодѣянія, какъ разбой и душегубство. Многіе предпочитали запивать свое горе въ винѣ.

тельно, воровали, грабили и убивали (ст. Бѣляева — «О скоморохахъ» — во Временникѣ, № 20, стр. 77 и слѣд.).

1) Ист. Рос. Соловьева VII, 181.

2) Ibid. VII, 184.

3) Ibid. 240.

4) Ibid. 64—65.

Страсть къ крѣпкимъ напиткамъ до того была сильно развита въ русскомъ народѣ, что просто поражала иностранцевъ. Одинъ изъ нихъ (Маржеретъ) говоритъ, что на Руси «всѣ безъ различія, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки заражены порокомъ пьянства *самаго неумѣреннаго*»[1]). Контарини также свидѣтельствуетъ, что «главнѣйшій недостатокъ русскихъ есть пьянство, которымъ они, впрочемъ, хвалятся и презираютъ тѣхъ, кои не слѣдуютъ ихъ примѣру»[2]). Какъ развито было пьянство въ средѣ работниковъ и ремесленниковъ видно изъ слѣдующихъ словъ Флетчера. «Несчастные работники и ремесленники, говоритъ онъ, часто истрачиваютъ въ кабакахъ все то, что они должны были бы принести своимъ женамъ и дѣтямъ. Нѣкоторые ставятъ на столъ 20, 30, 40 рублей и болѣе, давая обѣтъ пить до тѣхъ поръ, пока у нихъ ничего не останется. Можно видѣть, какъ они допиваются до одежды и остаются совершенно голыми.... Каждый кабакъ приноситъ доходъ въ 800, 900 и 1000 рублей или даже въ 2000 и 3000 рублей»[3]). Но, однако, нужно сознаться, что пьянство развито было и въ верхнихъ общественныхъ слояхъ въ сильной степени. Олеарій пишетъ: «не только простой народъ, но также знатные сановники и даже велико-княжескіе послы, обязанные въ чужихъ земляхъ свято соблюдать высокое свое назначеніе, не знаютъ мѣры въ предлагаемыхъ имъ крѣпкихъ напиткахъ, и если напитки эти имъ понравятся, то тянутъ ихъ какъ воду, совершенно теряя разумъ, а иногда падая замертво. Подобный случай былъ съ великимъ посломъ, отправленнымъ къ шведскому королю Карлу XI. Посолъ этотъ, не смотря на предостереженіе, напился до такой степени, что на другой день, когда слѣдовало ему отправиться на аудіенцію, былъ найденъ мертвымъ въ постели[4]). Понятны

---

[1]) Замѣтки Маржерета, I, ст. 253. Изд. Устрялова. Сн. Чт. въ общ. ист. и древн. Рос. 1868, III, 180, 181, 182. Путешествіе Олеарія въ Москву.

[2]) Библ. иностр. писат. о Россіи, I, ст. 111. Путеш. Контарини.

[3]) Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1866 г. Январь. 37, ст. г. Иконникова — «Русскіе Общ. дѣятели XVI вѣка»).

[4]) Чт. въ общ. ист. и древн. Рос. 1868, III, 180. Путешествіе Олеарія въ Москву.

обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, но потомъ поставилъ меня въ большое затрудненіе: онъ хотѣлъ навязать мнѣ свои собственные мѣха, а тутъ еще начали приставать къ нему другіе продавцы, обѣщая заплатить за труды, если онъ спуститъ мнѣ ихъ товаръ по хорошей цѣнѣ. Есть у нихъ обычай ставить себя посредниками между продавцемъ и покупателемъ, и взявъ подарки особо съ той и съ другой стороны, обѣимъ обѣщать свое вѣрное содѣйствіе»[1]. Московскіе купцы, по словамъ Олеарія, высоко ставили въ купцѣ ловкость и изворотливость, говоря, что это — *даръ Божій*, безъ котораго не слѣдуетъ и приниматься за торговлю; одинъ голландскій купецъ, самымъ грубымъ образомъ обманувшій многихъ изъ Московскихъ торговыхъ людей, пріобрѣлъ между ними такое уваженіе за свое искусство, что они, нисколько не обижаясь, просили его принять ихъ къ себѣ въ товарищи, въ надеждѣ научиться его искусству[2].

Доселѣ мы пытались изобразить нравственное состояніе верхнихъ словъ русскаго общества; — приводили свидѣтельства о нравственныхъ недостаткахъ, свойственныхъ или исключительно, или попреимуществу людямъ «во власти сущимъ», людямъ болѣе или менѣе образованнымъ, точнѣе — начитаннымъ, — людямъ болѣе или менѣе состоятельнымъ и свободнымъ.

Спускаясь въ среду низшихъ сословій для изображенія нравственныхъ недостатковъ, свойственныхъ преимущественно массѣ, простому, въ полномъ смыслѣ невѣжественному народу, уже заранѣе можно сказать, что здѣсь этихъ недостатковъ встрѣтимъ еще болѣе, такъ какъ здѣсь, обыкновенно, менѣе прилагаютъ заботы о нравственной чистотѣ. Кромѣ того, въ бѣдной и угнетенной массѣ народной источникомъ порока нерѣдко служатъ не только испорченность, неразвитость, незнаніе лучшаго порядка жизни, но самая обстановка — бѣдная, неприглядная, иногда невольно вызывающая человѣка на

[1]) Записки о Московіи, стр. 90—91.

[2]) Чтен. въ общ. истор. и древн. Рос. 1868 г., III, 168 сн. Сказанія иностранцевъ о Рос., соч. В. О. Ключевскаго, стр. 258.

теперь многими не считается. Гораздо грѣховнѣе пьянства почиталось съѣсть мяса въ постный день, или и скоромный, но обращенный въ постный (понедѣльничаніе) по собственному частному произволенію, «будто спасенія ради большаго». Противъ такого ложнаго мнѣнія вооружался Максимъ Грекъ. «Недостойно ли слезамъ, говоритъ онъ, еже нѣцы безъ разсужденія дѣютъ, которые обрекаются не ясти мясъ въ понедѣльникъ, бытто спасенія ради большаго, а на винопитіи сидятъ весь день, въ тыя дни ищутъ, гдѣ братчина, гдѣ пированіе, и упиваются до піянства и безчинствуютъ всякимъ безчиніемъ, есть же, коли и безъ брани не отъидутъ оттудѣ, имъ же бы азъ думалъ отгребатися всякаго питія наипаче въ тыя дни; занеже винопитіе лишнее всякому злу виновно есть: и брани и свары и убійство и всяко богомерзко блуженіе отъ него же происходятъ, яже вся сквернятъ насъ, *а въ мясоядѣніи ничто же таково случается*»[1]). Изъ свидѣтельствъ иностранцевъ также видно, что русскіе во время постовъ готовы были ничего не ѣсть и изможд али плоть свою до крайности; но за то если случался какой либо праздникъ (разрѣшающій вино и елей) въ томъ же посту, то они до того напивались, что валялись по улицамъ, и это у нихъ не считалось грѣхомъ; главное лишь бы не осквернить себя мясомъ, и ни обѣщаніями, ни угрозами, нельзя было склонить ихъ поѣсть мяса въ эти дни: это считалось самымъ тяжкимъ грѣхомъ[2]).

Такимъ образомъ, у насъ были главнѣйшія условія для развитія самаго неумѣреннаго пьянства. Горькая нужда, тяжелый гнетъ и безпомощность заставляли запивать горе виномъ, а ложный взглядъ на вещи не считалъ грѣхомъ и безмѣрное упиваніе. Послѣ этого неудивительно, если пьянствовали у насъ день и ночь, часто до рвоты, головной боли, даже до умопомѣшательства[3]).

Однимъ изъ ближайшихъ слѣдствій неумѣреннаго винопитія есть распутная жизнь, грубые чувственные пороки. Этими пороками

---

1) II т., стр. 218.
2) Чт. Моск. общ. ист. 1871, III, 90. Религ. бытъ рус.
3) Сборникъ м. Даніила, л. 407.

димыхъ потребностяхъ»[1]). И въ «Домострое» находится наставленіе, подобное приведенному совѣту Іосифа Волоколамскаго. Сказавъ въ 24 главѣ, что всякій человѣкъ долженъ сообразно съ своимъ состояніемъ «дворъ себѣ держати и всякое стяжаніе, — потому и люди держати и всякій обиходъ», авторъ Домостроя въ слѣдующей главѣ прибавляетъ: «А только людей держать у себя не по силѣ и не по добыткамъ, не удоволити ихъ ѣствою и питіемъ и одежею.... Ино тои слуги мужики, или женки, или дѣвки, у неволи, заплакавъ, *и лгать и красть и разбивать.... и въ корчмѣ пити и всяко зло чинити»* (станутъ)[2]). Но этихъ человѣчныхъ отношеній между владѣльцами и «подручниками» тогда многіе даже не понимали. Такъ, когда Башкинъ пришелъ къ попу Симеону и началъ, между прочимъ, говорить ему: «что было у меня (Башкина) кабалъ полныхъ, все изодралъ и держу у себя людей добровольно: кому хорошо у меня, тотъ живетъ, а кому нехорошо, идетъ себѣ, куда хочетъ. А вамъ, отцамъ, добавлялъ онъ, надобно посѣщать насъ почаще и наставлять какъ самимъ намъ жить и *какъ людей у себя держать и не томить ихъ»*, — такъ это все показалось попу Симеону «*необычнымъ, недоумѣннымъ и удивительнымъ*»[3]).

Если необычнымъ, непонятнымъ и удивительнымъ казалось гуманное отношеніе между владѣльцами и подчиненными, то весьма понятно и нисколько не удивительно, если русскій народъ съ ножемъ и кистенемъ шелъ промышлять на большую дорогу или старался въ кабакѣ запивать свое горе. Напротивъ, было бы непонятно, если бы та жестокость и безчеловѣчіе, тѣ насилія и грабительства, какія позволялъ себѣ высшій классъ надъ низшимъ,

---

[1]) Ист. рус. церк. пр. Макарія VII, 239. Подлин. см. въ Дополн. къ Акт. истор. I, № 213. Тотъ же практическій совѣтъ Максимъ Грекъ подавалъ самому царю Ивану Грозному. Въ одномъ изъ посланій своихъ онъ заповѣдывалъ ему князей, бояръ, воеводъ и воиновъ почитать, беречь и *обильно награждать*, потому что, замѣчаетъ Максимъ, обогащая ихъ, царь укрѣпляетъ государство и *ограждаетъ* вдовъ и бѣдныхъ отъ притѣсненій (II т., стр. 353). Этотъ же совѣтъ Максимъ подаетъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій.

[2]) Временникъ I, гл. 27 и 28.

[3]) Ист. рус. церк. пр. Макарія, VI т., стр. 249.

другаго, третій приглашаетъ къ грѣху. Недостаетъ только, чтобы при всемъ народѣ совершали преступленіе»[1]).

Еще до Стоглаваго собора противъ содомскаго грѣха вооружался старецъ Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳей. Онъ умолялъ велик. князя Василія Іоанновича искоренить въ русской землѣ «горькій плевелъ» — содомскій грѣхъ, которому предавались не только міряне, но и другіе, о комъ благочестивый старецъ умалчиваетъ изъ стыда и приличія[2]).

Чрезъ годъ послѣ Стоглаваго собора, м. Макарій, въ своемъ посланіи къ воинамъ и жителямъ города Свіяжска, укорялъ ихъ за то, что они, «по своему безумію и законопреступленію, безъ срама и стыда, совершали блудъ съ молодыми юношами, — содомское, злое, скаредное, и богомерзкое дѣло»[3]). За это онъ грозилъ нечестивцамъ страшнымъ наказаніемъ Божіимъ, гнѣвомъ царскимъ и отлученіемъ церковнымъ. Въ своей наказной граматѣ по Стоглавому собору м. Макарій заповѣдуетъ священникамъ, чтобы они, творящихъ оный богомерзкій грѣхъ и нераскаявающихся въ этомъ «отъ всякой святыни отлучали и въ церковь входу не давали»[4]). Съ особенною ревностію вооружался и преп. Максимъ Грекъ на предававшихся содомскому грѣху. Въ словѣ «на потопляемыхъ и погибаемыхъ безъ ума богомерзкимъ гнуснымъ содомскимъ грѣхомъ, въ мукахъ вѣчныхъ» онъ показываетъ всю тяжесть этого грѣха и страшную за него отвѣтственность[5]). Излишняя рѣзкость впечатлѣнія, которая получается при чтеніи этого слова, заставляетъ насъ не дѣлать изъ него выписокъ.

---

[1]) Русское Госуд. въ половинѣ XVII в. см. также: Записки о Московіи Маржерета, 313; Флетчеръ о рус. государ. II гл., 169 стр.; Сборникъ м. Даніила лист. 457.

[2]) Прав. Соб. 1863 г., т. I, стр. 346 сн. Посланіе Іосифа Волок. въ Чт. Моск. общ. ист. 1847 г., № 1, стр. 6, и предисл. къ издан. 3 стр.

[3]) Акты истор. I, № 159; сн. выдержку изъ Никон. Лѣтописи въ ист. рус. церк. пр. Макар. VII, 414. М. Макарій въ своемъ посланіи укорялъ также воиновъ за оскверненіе и растлѣніе ими освобожденныхъ благообразныхъ женъ и добрыхъ дѣвицъ. См. также посл. о. Сильвестра къ кн. Ал. Бор. Шуйскому-Горбатому въ Казань, у пр. Макарія VII, 475 и слѣд.

[4]) Прав. Соб. 1863 г., I, стр. 217.

[5]) II т., стр. 251—260, сн. стр. 141—142.

какой степени доходило разбойничество въ описываемое время можно ясно видѣсь изъ губныхъ граматъ: «Били вы намъ челомъ, говорится въ одной изъ нихъ, что у васъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ, имѣнія ваша грабятъ, села и деревни жгутъ, на дорогахъ многихъ людей грабятъ и разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти; а иные *многіе люди* разбойниковъ у себя держатъ, а къ инымъ людямъ разбойники разбойную рухлядь привозятъ» [1]). Неудивительно послѣ этого, если новгородскій архіепископъ Θеодосій вынужденъ былъ молить самого царя о помощи противъ грабителей и разбойниковъ, буйствовавшихъ въ его епархіи: «Бога ради, государь, писалъ онъ, потщися и промысли о своей отчинѣ, о Великомъ Новгородѣ, что̀ въ ней теперь дѣлается: въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ, безъ покаянія и безъ причастія, въ домахъ, на дорогахъ, на торжищахъ, въ городѣ и по погостамъ *убійство и грабежи великіе, проходу и проѣзду нѣтъ;* кромѣ тебя государя, этого душевнаго вреда и внѣшняго треволненія уставить некому» (!) [2]). Но едва ли гдѣ въ такой мѣрѣ развились разбой и грабительства на Руси, какъ на далекихъ ея украйнахъ. Юго-западныя и юго-восточныя наши границы прославились казацкими разбоями, отъ которыхъ страдала экономія даже цѣлаго государства. Волжскіе разбои вошли даже въ поговорку: «На Волгѣ жить — ворами слыть» [3]). Тоже было и на западной литовской границѣ [4]).

Вотъ къ какимъ тяжкимъ преступленіямъ приводили народъ, съ одной стороны, горькая нужда, а съ другой, — страшныя притѣсненія чиновниковъ и владѣльцевъ. Но, конечно, не у всѣхъ угнетенныхъ бѣдняковъ хватало духу рѣшаться на такія злодѣянія, какъ разбой и душегубство. Многіе предпочитали запивать свое горе въ винѣ.

тельно, воровали, грабили и убивали (ст. Бѣляева — «О скоморохахъ» — во Временникѣ, № 20, стр. 77 и слѣд.).

[1]) Ист. Рос. Соловьева VII, 181.

[2]) Ibid. VII, 184.

[3]) Ibid. 240.

[4]) Ibid. 64—65.

найдемъ отвѣтъ въ слѣдующихъ описаніяхъ этихъ празднествъ. Вотъ, напр., описаніе того, какъ псковичи проводили *купальскую ночь* — ночь подъ день Рождества Іоанна Крестителя (24 Іюня)[1]). Въ посланіи игумена псковскаго Елеазарова монастыря Памфила къ намѣстнику Пскова кн. Дм. Владимировичу Ростовскому (1505 г.) читаемъ: «Егда приходитъ великій праздникъ — день рождества Предотечева, но и еще прежде того великаго праздника, исходятъ огавницы, мужіе и жены, чаровницы, по лугамъ и по болотамъ и въ пустыни и въ дубравы, ищуще смертныя травы и привѣточрева, отравнаго зелія на пагубу человѣкомъ и скотомъ, туже и дивія коренія копаютъ на потвореніе мужемъ своимъ: сія вся творятъ дѣйствомъ діаволимъ въ день Предотечевъ, съ приговоры сатанинскими. Еще бо пріидетъ самый праздникъ Рождество Предотечево тогда во св. ту нощь мало не весь градъ возмятется *и въ селѣхъ* возбѣсятся въ бубны и въ сопѣли и гуденіемъ струннымъ, и всякими неподобными играньи сатанинскими, плясаніемъ и плесканіемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнамъ ихъ непріязненъ кличь, вся скверныя бѣсовскія пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; *ту же есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе,* туже есть на женское и дѣвичье шатаніе блудное имъ воззрѣніе, *тако же есть и женамъ мужатымъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе.* Что же бысть во градѣхъ и въ селѣхъ въ годину ту? Сатана красуется, кумирское празднованіе, радость и веселіе сатанинское, въ немъ же есть ликованіе и величаніе діавола и красованіе бѣсомъ его въ людѣхъ. И того ради двигнется и возстанетъ непріязненная угодія, яко въ поруганіе и въ безчестіе Рожеству Предотечеву и въ посмѣхъ и укоризну дни его, невѣдущимъ истины; *яко сущіи древніе идолослужителіе бѣсовскій праздникъ сей празднуютъ.* Сице бо на всяко лѣто кумирослужебнымъ обычаемъ сатана призываетъ и тому, яко жертва, приносится всяка скверна и беззаконіе, бого-

---

[1]) Іоаннъ Креститель предками нашими назывался Иванъ Купалъ (отъ слова крестить, купать). Отъ этого и ночь получила названіе Купальской. Мнѣніе же, что означенная ночь посвящалась какому-то особенному богу, Купалѣ, не имѣетъ за себя достаточныхъ основаній.

мерзкое приношеніе; а не яко день Рожества Предотечи празднуютъ, *но своимъ древнимъ обычаемъ*..... Вы же, Государи наши, заключаетъ игуменъ свое посланіе, молю уймите *храборскимъ мужествомъ вашимъ* отъ таковаго почитанія идольскаго служенія богозданный народъ сей, творящая злая бѣсовская угодія въ день Предотечевъ» [1]). Изъ этого живаго изображенія языческихъ обрядовъ ясно видно, что языческое служеніе въ началѣ XVI в. не только существовало; но даже преобладало надъ христіанскимъ; народъ праздновалъ день Рождества Предтечи не по христіански, а «яко древніе идолослужителіе..... своимъ древнимъ обычаемъ».

Новгородскіе архіепископы, въ свою очередь, должны были бороться съ язычествомъ, упорно державшимся въ Воцкой пятинѣ. Въ 1534 году арх. Макарій долженъ былъ писать въ Воцкую пятину, въ Чудь и во всѣ Копорскіе, Ямскіе, Ивангородскіе, Корельскіе и Орѣховскіе уѣзды къ тамошнему духовенству: «Здѣсь мнѣ сказывали, что въ вашихъ мѣстахъ многіе христіане заблудили отъ истинной вѣры, *въ церкви не ходятъ и къ отцамъ своимъ духовнымъ не приходятъ,* молятся по скверныимъ своимъ мольбищамъ деревьямъ и каменьямъ, въ Петровъ постъ многіе ѣдятъ скоромное, и жертву и питья жрутъ и пьютъ мерзкимъ бѣсамъ, и призываютъ на свои скверныя мольбища отступниковъ арбуевъ Чудскихъ; мертвыхъ своихъ кладутъ въ селахъ и по курганамъ и колосницамъ *съ тъми же арбуями,* а къ церквамъ на погосты *не возятъ* хоронить; когда родится дитя, то они къ родильницамъ *прежде призываютъ арбуевъ,* которые младенцамъ имена нарекаютъ по своему, *а васъ игуменовъ и священниковъ они призываютъ послъ;* на кануны свои призываютъ тѣхъ же арбуевъ, которые и арбуютъ скверныимъ бѣсамъ; а вы отъ такихъ злочиній не унимаете и не наказываете ученіемъ. Да въ вашихъ же мѣстахъ многіе люди отъ женъ своихъ живутъ законопреступно съ женками и дѣвками, а жены ихъ живутъ отъ нихъ съ другими людьми законопреступно, безъ вѣнчанія и безъ молитвы» [2]). Изъ этого сви-

[1]) Полн. Собр. Лѣт. IV, 279; сн. Дополн. къ Акт. Ист. I, № 22.

[2]) Дополн. къ Акт. Ист. I, № 28. Это мѣсто приведено нами по Соловьеву (его Ист. Рос. VII, 86). Касательно нарушенія законовъ супру-

дѣтельства также видно преобладаніе язычества надъ христіанствомъ. Жители тѣхъ мѣстъ, куда адресовано было посланіе, явно предпочитали христіанскимъ священникамъ своихъ арбуевъ, призывая послѣднихъ прежде въ свои дома, по случаю какихъ либо важныхъ семейныхъ событій — по случаю родинъ, похоронъ, поминокъ и проч. Будь это возможно, такой полуязычникъ не счелъ бы нужнымъ вовсе обращаться къ христіанскимъ священникамъ; но это было невозможно, такъ какъ грозило преслѣдованіе отъ свѣтской и духовной власти. Игуменъ Памфилъ, какъ видѣли мы, для искорененія язычества взывалъ къ «храборскому мужеству» властей; а арх. Макарій для той же цѣли послалъ въ Воцкую пятину священника и двоихъ изъ своихъ дѣтей боярскихъ съ приказаніемъ языческія мольбища разорять и истреблять, огнемъ жечь, непослушныхъ арбуевъ хватать и отсылать къ нему въ Новгородъ. Но видно «храборское мужество» властей, раззорявшихъ и сожигавшихъ языческія мольбища, разгонявшихъ народныя игрища и наказывавшихъ непослушныхъ, безъ просвѣщенія темной народной массы, оказывалось средствомъ далеко недѣйствительнымъ. Чрезъ 13 л. преемникъ Макарія, арх. Өеодосій, долженъ былъ повторить тѣ же самыя увѣщанія и распоряженія, указывая на тѣ же самые безпорядки, съ прибавкою одного новаго: «въ вашихъ же мѣстахъ, пишетъ Өеодосій, въ Чудской землѣ замужнія жены и вдовы головы брѣютъ, и покрывало на головахъ и одежду на плечахъ носятъ подобно мертвечьимъ одеждамъ и въ томъ ихъ безчиніи великое поруганіе женскому полу»[1]).

Какъ ни выразительны подобныя свидѣтельства, но они еще недостаточны для того, чтобы по нимъ только судить объ остаткахъ язычества на Руси въ разсматриваемую эпоху. Это потому,

---

жества еще митр. Симонъ писалъ въ Пермь, что тамъ «поимаются въ племяни: кто умретъ, второй его братъ жену его поимаетъ и третій его братъ такожде творитъ» (Акты Историч. I, стр. 168: Грамата отъ 1501 года). По свидѣтельству же Новгородскаго арх. Өеодосія, въ его епархіи нѣкоторые женились четвертымъ и пятымъ бракомъ (Ibid. I, стр. 543. Грамата отъ 1545 года).

[1]) Истор. Рос. Соловьева, VII, 86.

послѣ этого тѣ частыя повторенія нашего правительства своимъ посламъ, чтобы они, живя при иностранныхъ дворахъ, не пили и не дрались, и не срамили тѣмъ своей земли. Но если наши послы любили напиваться въ чужихъ земляхъ, то въ свою очередь иностранныхъ пословъ у насъ старались напоить до нельзя. По свидѣтельству Герберштейна, пристава и другія лица, назначенныя стоять при иностранныхъ особахъ, устраивали настоящія и въ большихъ размѣрахъ попойки въ посольскомъ домѣ, на квартирахъ пословъ. Угощая посла, главнѣйшая забота приставовъ заключалась въ томъ, чтобы, во что бы ни стало, напоить посла какъ можно пьянѣе. Герберштейнъ дивится ихъ умѣнью потчивать въ этомъ случаѣ. Отказываться отъ приглашеній не позволялось ни подъ какимъ предлогомъ, потому что пили сперва за здравіе великихъ государей, а потомъ ихъ братьевъ, сыновей и другихъ родственниковъ, а когда и ихъ мало, начинали пить за здоровье важныхъ лицъ обоихъ государствъ. Осушивъ нѣсколько чарокъ, говоритъ Герберштейнъ, не иначе можно было избавиться отъ дальнѣйшей попойки, какъ притворившись очень пьянымъ или спящимъ[1]).

Особенно много предки наши любили пить на свадьбахъ, крестинахъ и другихъ выдающихся событіяхъ семейной жизни, также въ праздники. Составитель «Домостроя» счелъ даже нужнымъ преподать особенное наставленіе, какъ вести себя на свадьбахъ: «Егда званъ будеши на бракъ, читаемъ въ немъ, не мози упиватися до пьянства, ни поздно сидѣти; занѣ же во инозѣмъ пьянствѣ и въ долзѣмъ сѣдѣніи, бываетъ брань и ѐвара, и бой, и кровопролитіе.... Не реку не пити: не буди то! Но реку не упиватися въ пьянство злое. Азъ дара Божія не похуляю; но похуляю тѣхъ, иже піющихъ безъ воздержанія»[2]). Но читавшіе Домострой, вѣроятно, любили останавливать вниманіе свое на словахъ: «не реку не пити: не буди то!.... Азъ дара Божія не похуляю», — поэтому и думали, что если не винитъ вино, то не винитъ и пьянство. Пьянство, дѣйствительно, не считалось у насъ грѣхомъ, какъ, впрочемъ, и

[1]) Сказанія иностранц. о Россіи В. Ключевскаго, стр. 61. Подлин. «Записки о Московіи» стр. 194—195.

[2]) «Домострой», гл. XI, ст. 14, во Временникѣ, I.

теперь многими не считается. Гораздо грѣховнѣе пьянства почиталось съѣсть мяса въ постный день, или и скоромный, но обращенный въ постный (понедѣльничаніе) по собственному частному произволенію, «будто спасенія ради большаго». Противъ такого ложнаго мнѣнія вооружался Максимъ Грекъ. «Недостойно ли слезамъ, говоритъ онъ, еже нѣціи безъ разсужденія дѣютъ, которые обрекаются не ясти мясъ въ понедѣльникъ, бытто спасенія ради большаго, а на винопитіи сидятъ весь день, въ тыя дни ищутъ, гдѣ братчина, гдѣ пированіе, и упиваются до піянства и безчинствуютъ всякимъ безчиніемъ, есть же, коли и безъ брани не отъидутъ оттудѣ, имъ же бы азъ думалъ отгребатися всякаго питія наипаче въ тыя дни; занеже винопитіе лишнее всякому злу виновно есть: и брани и свары и убійство и всяко богомерзко блуженіе отъ него же происходятъ, яже вся сквернятъ насъ, *а въ мясоядпніи ничто же таково случается*»[1]). Изъ свидѣтельствъ иностранцевъ также видно, что русскіе во время постовъ готовы были ничего не ѣсть и измождали плоть свою до крайности; но за то если случался какой либо праздникъ (разрѣшающій вино и елей) въ томъ же посту, то они до того напивались, что валялись по улицамъ, и это у нихъ не считалось грѣхомъ; главное лишь бы не осквернить себя мясомъ, и ни обѣщаніями, ни угрозами, нельзя было склонить ихъ поѣсть мяса въ эти дни: это считалось самымъ тяжкимъ грѣхомъ[2]).

Такимъ образомъ, у насъ были главнѣйшія условія для развитія самаго неумѣреннаго пьянства. Горькая нужда, тяжелый гнетъ и безпомощность заставляли запивать горе виномъ, а ложный взглядъ на вещи не считалъ грѣхомъ и безмѣрное упиваніе. Послѣ этого неудивительно, если пьянствовали у насъ день и ночь, часто до рвоты, головной боли, даже до умопомѣшательства[3]).

Однимъ изъ ближайшихъ слѣдствій неумѣреннаго винопитія есть распутная жизнь, грубые чувственные пороки. Этими пороками

---

1) II т., стр. 218.
2) Чт. Моск. общ. ист. 1871, III, 90. Религ. бытъ рус.
3) Сборникъ м. Даніила, л. 407.

Развитію и укорененію въ русскомъ народѣ грубыхъ чувственныхъ пороковъ не могли не содѣйствовать народныя празднества съ ихъ шумными игрищами языческаго характера, которыя продолжали господствовать у насъ и въ описываемое время. Въ своемъ мѣстѣ мы указали на тѣ причины, которыя обусловливали столь продолжительное существованіе на Руси язычества. Покажемъ теперь, въ чемъ и въ какой мѣрѣ оно обнаруживалось.

Однимъ изъ главнѣйшихъ явленій въ жизни Русскаго народа, живо напоминавшихъ языческую старину, были помянутыя народныя празднества съ ихъ игрищами. Учрежденныя въ языческой древности, эти празднества, «какъ поэзія жизни народной, слившись съ различными символами и иносказаніями, пѣснію и пляскою, вошли въ такомъ видѣ въ тѣсную и неразрывную связь съ общею исторіею народа, живописуя духъ и характеръ послѣдняго, намекая на коренной бытъ и на основныя его идеи»[1]. Вотъ почему народные праздники съ относящимися къ нимъ суевѣрными обрядами, чарами, яркими кострами, хороводами, пѣснями и плясками служатъ однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ къ познанію жизни каждаго народа вообще и русскаго въ частности. Конечно, какъ ни дорожилъ русскій народъ своими праздниками, съ которыми такъ свыклась его душа, какъ ни старался удерживать и отстаивать ихъ отъ совокупныхъ преслѣдованій духовной и свѣтской власти, тѣмъ не менѣе онъ принужденъ былъ постепенно и понемногу уступать изъ уважаемой имъ и дорогой для него старины. Въ настоящее время множество обрядовъ забылось, множество обратилось въ пустую забаву, въ игру жизни, но и теперь эта забава, эта игра, хотя безсмысленная, безсознательная, пользуется уваженіемъ въ народѣ, считается за что то обязательное и не исполнить ее или исполнить не такъ, какъ принято, почитается чѣмъ то въ родѣ грѣха. Но, вѣдь это теперь, по прошествіи цѣлыхъ вѣковъ послѣ описываемаго времени. Что же было тогда, — сколько языческаго смысла и нравственнаго безобразія заключалось въ русскихъ народныхъ празднествахъ XVI вѣка? — На эти вопросы мы

---

[1]) Русскіе праздники и суевѣрн. обряды, Снегирева, вып. 1, стр. 2.

найдемъ отвѣтъ въ слѣдующихъ описаніяхъ этихъ празднествъ. Вотъ, напр., описаніе того, какъ псковичи проводили *купальскую ночь* — ночь подъ день Рождества Іоанна Крестителя (24 Іюня) [1]). Въ посланіи игумена псковскаго Елеазарова монастыря Памфила къ намѣстнику Пскова кн. Дм. Владимировичу Ростовскому (1505 г.) читаемъ: «Егда приходитъ великій праздникъ — день рождества Предотечева, но и еще прежде того великаго праздника, исходятъ огавницы, мужіе и жены, чаровницы, по лугамъ и по болотамъ и въ пустыни и въ дубравы, ищуще смертныя травы и привѣточрева, отравнаго зелія на пагубу человѣкомъ и скотомъ, туже и дивія коренія копаютъ на потвореніе мужемъ своимъ: сія вся творятъ дѣйствомъ діаволимъ въ день Предотечевъ, съ приговоры сатанинскими. Еще бо пріидетъ самый праздникъ Рождество Предотечево тогда во св. ту нощь мало не весь градъ возмятется *и въ селѣхъ* возбѣсятся въ бубны и въ сопѣли и гуденіемъ струннымъ, и всякими неподобными игранья сатанинскими, плясаніемъ и плесканіемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнамъ ихъ непріязненъ кличь, вся скверныя бѣсовскія пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; *ту же есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе,* туже есть на женское и дѣвичье шатаніе блудное имъ воззрѣніе, *тако же есть и женамъ мужатымъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе.* Что же бысть во градѣхъ и въ селѣхъ въ годину ту? Сатана красуется, кумирское празднованіе, радость и веселіе сатанинское, въ немъ же есть ликованіе и величаніе діавола и красованіе бѣсомъ его въ людѣхъ. И того ради двигнется и возстанетъ непріязненная угодія, яко въ поруганіе и въ безчестіе Рожеству Предотечеву и въ посмѣхъ и укоризну дни его, невѣдущимъ истины; *яко сущіи древніе идолослужителіе бѣсовскій праздникъ сей празднуютъ.* Сице бо на всяко лѣто кумирослужебнымъ обычаемъ сатана призываетъ и тому, яко жертва, приносится всяка скверна и беззаконіе, бого-

---

[1]) Іоаннъ Креститель предками нашими назывался Иванъ Купалъ (отъ слова крестить, купать). Отъ этого и ночь получила названіе Купальской. Мнѣніе же, что означенная ночь посвящалась какому-то особенному богу, Купалѣ, не имѣетъ за себя достаточныхъ основаній.

мерзкое приношеніе; а не яко день Рожества Предотечи празднуютъ, *но своимъ древнимъ обычаемъ*..... Вы же, Государи наши, заключаетъ игуменъ свое посланіе, молю уймите *храборскимъ мужествомъ вашимъ* отъ таковаго почитанія идольскаго служенія богозданный народъ сей, творящая злая бѣсовская угодія въ день Предотечевъ» [1]). Изъ этого живаго изображенія языческихъ обрядовъ ясно видно, что языческое служеніе въ началѣ XVI в. не только существовало; но даже преобладало надъ христіанскимъ; народъ праздновалъ день Рождества Предтечи не по христіански, а «яко древніе идолослужителіе..... своимъ древнимъ обычаемъ».

Новгородскіе архіепископы, въ свою очередь, должны были бороться съ язычествомъ, упорно державшимся въ Воцкой пятинѣ. Въ 1534 году арх. Макарій долженъ былъ писать въ Воцкую пятину, въ Чудь и во всѣ Копорскіе, Ямскіе, Ивангородскіе, Корельскіе и Орѣховскіе уѣзды къ тамошнему духовенству: «Здѣсь мнѣ сказывали, что въ вашихъ мѣстахъ многіе христіане заблудили отъ истинной вѣры, *въ церкви не ходятъ и къ отцамъ своимъ духовнымъ не приходятъ,* молятся по скверныхъ своимъ мольбищамъ деревьямъ и каменьямъ, въ Петровъ постъ многіе ѣдятъ скоромное, и жертву и питья жрутъ и пьютъ мерзкимъ бѣсамъ, и призываютъ на свои скверныя мольбища отступниковъ арбуевъ Чудскихъ; мертвыхъ своихъ кладутъ въ селахъ и по курганамъ и колоснищамъ *съ тѣми же арбуями,* а къ церквамъ на погосты *не возятъ* хоронить; когда родится дитя, то они къ родильницамъ *прежде призываютъ арбуевъ,* которые младенцамъ имена нарекаютъ по своему, *а васъ игуменовъ и священниковъ они призываютъ послѣ;* на кануны свои призываютъ тѣхъ же арбуевъ, которые и арбуютъ скверныхъ бѣсамъ; а вы отъ такихъ злочиній не унимаете и не наказываете ученіемъ. Да въ вашихъ же мѣстахъ многіе люди отъ женъ своихъ живутъ законопреступно съ женками и дѣвками, а жены ихъ живутъ отъ нихъ съ другими людьми законопреступно, безъ вѣнчанія и безъ молитвы» [2]). Изъ этого сви-

---

[1]) Полн. Собр. Лѣт. IV, 279; сн. Дополн. къ Акт. Ист. I, № 22.

[2]) Дополн. къ Акт. Ист. I, № 28. Это мѣсто приведено нами по Соловьеву (его Ист. Рос. VII, 86). Касательно нарушенія законовъ супру-

дѣтельства также видно преобладаніе язычества надъ христіанствомъ. Жители тѣхъ мѣстъ, куда адресовано было посланіе, явно предпочитали христіанскимъ священникамъ своихъ арбуевъ, призывая послѣднихъ прежде въ свои дома, по случаю какихъ либо важныхъ семейныхъ событій — по случаю родинъ, похоронъ, поминокъ и проч. Будь это возможно, такой полуязычникъ не счелъ бы нужнымъ вовсе обращаться къ христіанскимъ священникамъ; но это было невозможно, такъ какъ грозило преслѣдованіе отъ свѣтской и духовной власти. Игуменъ Памфилъ, какъ видѣли мы, для искорененія язычества взывалъ къ «храборскому мужеству» властей; а арх. Макарій для той же цѣли послалъ въ Воцкую пятину священника и двоихъ изъ своихъ дѣтей боярскихъ съ приказаніемъ языческія мольбища разорять и истреблять, огнемъ жечь, непослушныхъ арбуевъ хватать и отсылать къ нему въ Новгородъ. Но видно «храборское мужество» властей, раззорявшихъ и сожигавшихъ языческія мольбища, разгонявшихъ народныя игрища и наказывавшихъ непослушныхъ, безъ просвѣщенія темной народной массы, оказывалось средствомъ далеко недѣйствительнымъ. Чрезъ 13 л. преемникъ Макарія, арх. Ѳеодосій, долженъ былъ повторить тѣ же самыя увѣщанія и распоряженія, указывая на тѣ же самые безпорядки, съ прибавкою одного новаго: «въ вашихъ же мѣстахъ, пишетъ Ѳеодосій, въ Чудской землѣ замужнія жены и вдовы головы брѣютъ, и покрывало на головахъ и одежду на плечахъ носятъ подобно мертвечьимъ одеждамъ и въ томъ ихъ безчиніи великое поруганіе женскому полу»[1]).

Какъ ни выразительны подобныя свидѣтельства, но они еще недостаточны для того, чтобы по нимъ только судить объ остаткахъ язычества на Руси въ разсматриваемую эпоху. Это потому,

---

жества еще митр. Симонъ писалъ въ Пермь, что тамъ «поимаются въ племяни: кто умретъ, второй его братъ жену его поимаетъ и третій его братъ такожде творитъ» (Акты Историч. I, стр. 168: Грамата отъ 1501 года). По свидѣтельству же Новгородскаго арх. Ѳеодосія, въ его епархіи нѣкоторые женились четвертымъ и пятымъ бракомъ (Ibid. I, стр. 543. Грамата отъ 1545 года).

[1]) Истор. Рос. Соловьева, VII, 86.

что свидѣтельства эти имѣютъ частный характеръ, относятся къ одной опредѣленной, исключительной, какъ напримѣръ Воцкая пятина, мѣстности, и ничего не говорятъ объ общемъ положеніи дѣла. Но отъ XVI вѣка остался памятникъ, свидѣтельствующій о русской двоевѣрной старинѣ съ такимъ именно повсюднымъ характеромъ. Этотъ памятникъ — Стоглавъ. Его 41, 92 и 93 главы замѣчательны въ разсматриваемомъ отношеніи, какъ итогъ свѣдѣній, собранныхъ со всѣхъ краевъ земли русской. Дѣятели Стоглаваго собора обратили особенное вниманіе на купальскую ночь, на навечеріе Рождества Христова, Василія Великаго, Богоявленія, на Троицкую субботу и др. праздники. — Изъ 41 главы видно, что въ то время повсемѣстно происходили «о велицы дни (на Пасху) оклички на Радуницы, вьюнецъ [1]) и всякое въ нихъ бѣсованіе. А въ великій четвертокъ порану солому палятъ и кличутъ мертвыхъ. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ рощи ходятъ и въ наливки бѣсовскія потѣхи дѣяти [2]). Въ Троицкую субботу по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаніемъ; и егда начнутъ играти скоморохи, гудницы и перегудницы, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и пѣсни сатанинскія пѣти на тѣхъ жальникахъ. Русальи о Ивановѣ дни и въ навечеріи Рождества Христова и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе и на безчинный говоръ и на бѣсовскія пѣсни и на плясаніе и на скаканіе и на богомерскія дѣла, *и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе;* и егда мимо нощь ходитъ, тогда отходятъ въ рѣкѣ съ великимъ крича-

---

[1]) *Окличка* на Радуницу есть обрядъ окликанія молодыхъ, совершавшійся съ различными церемоніями и припѣвами. *Радуница* есть праздникъ заупокойный, совершавшійся на могилахъ родственниковъ, которые, по мнѣнію народа, будто *радовались*, если ихъ поминали. Она напоминаетъ древнюю тризну и нынѣшнюю родительскую (Снегир. III, 47). *Вьюнецъ* — особые обряды, которыми сопровождалось празднованіе красной горки. Обряды эти совершались молодыми людьми — *юными,* откуда вьюнецъ, вьюница (Ibid. III, 28).

[2]) *Кликаніе мертвыхъ* — обрядъ, напоминающій кликаніе весны. Совершался также весною (Снегир. III, 13). «*Наливки бѣсовскіе*»... Это торжество, вѣроятно, совершалось въ честь Ярилы, который и нынѣ, около означеннаго времени, воспоминается въ разныхъ мѣстахъ (Ibid. I, 29).

ніемъ аки бѣсни и умываются водою; и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ домы своя и падаютъ, аки мертвіи отъ великаго клопотанія». Это въ 41 главѣ, вопросы: 25, 26, 23 и 24. Вотъ еще описаніе главныхъ праздниковъ въ главахъ 92 и 93. «Еще же мнози отъ неразумія *простая чадь* православныхъ христіанъ въ градѣхъ и въ селѣхъ творятъ еллинское бѣсованіе, различныя игры и плесканіе противъ праздника рождества великаго Ивана Предотечи въ нощи и въ самый праздникъ въ весь день и нощь. Мужи и жены и дѣти въ домѣхъ и по улицамъ обходя и по водамъ глумы творятъ всякими игры и всякими скомрашествы и пѣсньми сатанинскими и плясаньми и гусльми и иными многими виды и скаредными образованіи[1]), еще же и пьянствомъ. Подобна же сему творятъ во днѣхъ и въ навечеріи Богоявленія, а индѣ инымъ образомъ таковая дѣла творятъ. Въ Троицкую субботу и заговѣнъ Петрова посту въ первый понедѣльникъ ходятъ по селомъ и по погостомъ и по рѣкамъ на игрища.... Отрицаютъ вся божественная писанія и свящ. правила, всякое играніе и зерни (игра въ кости) и шахматы и тавлеи и гусли и смыки и сопѣли и всякое гудѣніе и глумленіе и позорище и плясаніе.... сицѣ же и женская въ народѣхъ плясанія, яко срамна суща и на смѣхъ и на блудъ возставляюща многихъ; такожде и отрокомъ женскимъ одѣяніемъ не украшатися, ниже просто женская одѣянія носити, ни женамъ въ мужская одѣянія облачитися, такоже неподобныхъ одѣяній и пѣсней плясцовъ и скомраховъ и всякаго козлогласованія и баснословія ихъ не творити; егда же вино топчутъ или егда вино въ сосуды преливаютъ или же иное кое питіе сливаютъ, гласованіе и вопль великій творятъ неразумніи по древнему обычаю еллинская прелести».

Грубое, дикое суевѣріе, господствовавшее въ древне-русскомъ обществѣ, давало широкій просторъ для дѣятельности волхвовъ и чародѣйниковъ. Они, по словамъ собора, «отъ бѣсовскихъ наученій пособіе людямъ творили, кудесы били[2]), и во аристотелевы врата

---

[1]) Это своего рода маски. Тоже означаютъ *и лица косматыя*, соотвѣтственно только виду маски.

[2]) Кудесы означали гаданія и чарованія, кои составляли часть языче-

и въ рафли смотрѣли и по звѣздамъ и планитамъ глядали и смотрѣли дней и часовъ и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщали и отъ Бога отлучали»[1]). Изъ 22 вопр. 41 главы видно, что многіе вѣровали «въ шестокрылъ, воронограй, острономѣй, зодѣй, альманахъ и иные составы еретическіе и коби бѣсовскіе»[2]). Въ обличеніяхъ Максима Грека упоминается о гаданіяхъ «по летаніямъ птичнымъ, облачнымъ смотрѣніямъ, движенію ока и блюденіямъ дланнымъ», о «волхвованіяхъ ячменныхъ, мучныхъ и бобныхъ», о вѣрѣ «въ озванія (оклики) и сряща (встрѣчи)[3]).

Говоря о суевѣріяхъ, господствовавшихъ на Руси въ XVI вѣкѣ, мы должны помнить, что недостатокъ этотъ былъ удѣломъ не одной только «простой чади». Суевѣріе весьма сильно распространено было и въ высшихъ слояхъ общества, гдѣ имъ заражены были знаменитѣйшіе люди того времени. Самъ Іосифъ Волоколамскій избраніе Зосимы въ митрополиты объясняетъ только волхвованіемъ, посредствомъ котораго подѣйствовали на вел. князя[4]). О Василіи Іоанновичѣ кн. Курбскій передаетъ, что онъ, женившись на Глинской, прибѣгалъ къ чародѣямъ для того, чтобы они своими заговорами

ской религіи и Чуди и Славянъ. Арх. Новгородскій Макарій посылалъ инока Илію для истребленія кудесъ въ Новгородскихъ пятинахъ и погостахъ. Новгородцы еще въ XII в. ходили гадать къ кудесникамъ (чудесникамъ?), которые умѣли призывать бѣсовъ, ибо Чудь и Финны и отъ самыхъ Скандинавовъ почитались величайшими колдунами и чародѣями, а земля ихъ страною чудесъ (Снегир. II, 34).

1) Стоглавъ, гл. 41, стр. 17.

2) Объ *аристотелевыхъ вратахъ* нельзя дать точнаго понятія: вѣроятно они относились къ мнимому *чернокнижію*, и по нимъ гадали о судьбѣ человѣка. *Рафли* (греч. ῥάμπλιον) астрономическая книга, раздѣленная на двѣнадцать схемъ (σχήματα) или домовъ (οἴκους), изображающая различныя дѣйствія и вліянія на человѣка звѣздъ. *Смотрѣніе дней и часовъ* — суевѣріе, примѣчающее успѣхи или неуспѣхи какого либо дѣла по различію дней и часовъ, въ которые дѣло предпринимается; *воронограй* — гаданіе по крику врановъ; шестокрылъ, *острономѣй* — астрономическія наблюденія; *зодѣй* — гаданіе по знакамъ зодіака, когда наблюдали, кто подъ какимъ знакомъ зодіака родился, и поэтому предвѣщали счастіе или несчастіе въ жизни; *альманахъ* — гаданіе по погодѣ; *коби бѣсовскіе* (koboldes) — чародѣйство чрезъ сообщеніе съ злыми духами (Прав. Соб. 1860, III ч., стр. 250—251).

3) II т., слово VII.

4) Просвѣтитель, стр. 54.

помогли ему въ плодотвореніи. «О чаровникахъ же оныхъ, замѣчаетъ по этому случаю Курбскій, такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы еже есть Филя (Финляндія)[1])....
Немного ниже Курбскій свидѣтельствуетъ, что въ его время многіе изъ христіанъ «яже дерзаютъ непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и ко дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ чаровниковъ и бабъ, смывателей и шептуней, и иными различными чары чарующихъ, общующе со діаволомъ и призывающе его на помощь», — со смѣхомъ говорили: «малъ сей грѣхъ, и удобнѣ покаяніемъ исправится». Курбскій, обличая это заблужденіе, говоритъ: «не малъ (означенный грѣхъ) и воистину превеликъ зѣло». Но нужно замѣтить, что Курбскій, обвиняя другихъ за вѣрованіе въ чары, самъ вѣровалъ въ нихъ. Это ясно обнаружилъ онъ во время похода на Казань (1552 г.). Стоя подъ стѣнами этого города, русскія войска много терпѣли отъ сильныхъ дождей. Это явленіе вполнѣ естественное, тѣмъ болѣе, что совершалось въ осеннюю пору, Курбскій объясняетъ чародѣйствомъ, — участіемъ темной силы, помогавшей врагамъ христіанства. «Вкратцѣ, говоритъ онъ, воспомянути достоитъ, яко они (т. е. татары) на войско христіанское чары творили и великую плювію (дождь) наводили: яко скоро по облежанію града, егда солнце начнетъ восходити, взыдутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіяти сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся неблагочиннѣ. Тогда абіе возстанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, ащебы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такій дождь и сухія мѣста въ блато обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точію было надъ войскомъ, а по сторонамъ нѣсть, не точію по естеству аера (воздуха) случашеся»[2]). Потомъ описываетъ Курбскій, какъ исчезли «чары поганскія». О Иванѣ Грозномъ также извѣстно, что онъ вѣрилъ въ чары[3]). Нечужды были этихъ вѣрованій и наши лѣтописцы — люди болѣе другихъ образованные. Такъ

---

[1]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 101—102.
[2]) Ibid. стр. 27—28.
[3]) Ibid. ст. 120—180 и др. Неменѣе этихъ царей былъ суевѣренъ и Годуновъ (Солов. Ист. Рос. VII, 416).

одинъ изъ нихъ, не зная чѣмъ объяснить непонятную для него и, повидимому, внезапную перемѣну, совершившуюся въ Иванѣ Грозномъ, приписываетъ это чародѣйству какого то лютаго волхва, нѣмчина Елисея. «Навелъ Елисей на царя страхованье, сталъ тотъ бѣгать отъ нахожденія невѣрныхъ и совсѣмъ было отвелъ царя отъ вѣры: на русскихъ людей царю свирѣпство внушилъ, а къ нѣмцамъ на любовь преложилъ. Безбожные нѣмцы узнали по своимъ гаданіямъ, что быть имъ до конца раззореннымъ: для этого они такого злаго еретика и подослали къ царю, *потому что падки русскіе люди на волхвованіе*[1]).

На сколько важно было значеніе волхвованій въ древне-русской общественной жизни, замѣчательнымъ примѣромъ тому можетъ служить участіе волхвовъ и ворожей въ судебныхъ поединкахъ. Въ одномъ изъ своихъ словъ Максимъ Грекъ говоритъ, что судьи, при нерѣшительности дѣла «оружіи и браньми велятъ разсудитися обидящему и обидимому, и еже аще множайшими браньми побѣдитъ, судится у нихъ (правымъ), аще и обидѣвъ будетъ»; при поединкѣ же взыскуется отъ обою достобраненъ полевщинъ, *взыскуется отъ обидящаго и чародѣй и ворожея*, иже возможетъ дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полевщику[2]). И, нужно замѣтить, этотъ, по выраженію Максима, «безуменъ обычай» такъ былъ распространенъ, что правительство вынуждено было оффиціально запретить его[3]).

Изъ одного слова[4]) того же Максима Грека мы узнаемъ, что въ его время крайнее суевѣріе было причиною слѣдующаго въ высшей степени возмутительнаго явленія. Нѣкоторые думали, что отъ погребенія утопленниковъ или вообще убитыхъ происходитъ вредное вліяніе на плодородіе земли. Поэтому такихъ покойниковъ не по-

---

1) Солов. Ист. Рос. VII, 238. Упоминаемый Елисей (Бомелій) былъ медикъ, родомъ Голландецъ, характеромъ негодяй, подучавшій Іоанна на убійства и составлявшій отравы. Въ концѣ концовъ онъ сожженъ былъ всенародно въ Москвѣ (Ibid.).

2) Т. II, стр. 201—202.

3) Истор. Россіи Солов. VII, 97. — Выпись, данная (1552 г.) на имя Берсенева.

4) Т. III, слов. XXV.

гребали обыкновеннымъ порядкомъ, «но на полѣ извлекши ихъ *отыняли коліемъ*», а если случится «въ веснѣ студенымъ вѣтромъ вѣяти и сими садимая и сѣемая не преспѣваютъ на лучшее», то тѣла ихъ выкапывали и извергали «нѣгдѣ далѣ и не погребена покидали», боясь, что «погребенія для утопленнаго и убитаго бываютъ плодотлительны стужи земныхъ прозябеній».

Вооружаясь противъ этого «безумнѣйшаго безумія и безчеловѣчнѣйшаго безчеловѣчія», Максимъ Грекъ представляетъ примѣры заботливости о мертвыхъ одного греческаго мудреца, Товита, Іисуса Навина, Магистріана, «безвѣрныхъ татаръ и безсерменъ»; но чтобы еще сильнѣе подѣйствовать на обличаемыхъ, онъ пристыжаетъ ихъ примѣромъ морскихъ дельфиновъ, направляющихъ къ берегу трупы утопшихъ людей, «дабы отъ вкупородныхъ получили погребеніе». «Да посрамляемся человѣколюбія, говоритъ Максимъ, глаголемыхъ дельфиновъ, животныхъ морскихъ, иже обрѣтающе утопленнаго въ мори, далече отъ брега сѣмо и овамо волненіемъ помѣтаема, подшедше трупъ его милостивно направляютъ до брега, дабы отъ вкупородныхъ получилъ погребенія. Не велико ли намъ отселѣ осужденіе?.... Мы и дельфиновъ животныхъ морскихъ безсловесныхъ обрѣтаемся неправеднѣйши и безбожныхъ татаръ немилостивѣйши; и дельфини бо таково пріемше отъ Содѣтеля всѣхъ милостивное дарованіе, не небрегутъ его, но совершаютъ его прилежно, татарове же, ащи и чужи суть евангельскаго и апостольскаго законоположенія и просвѣщенія, обаче, аже человѣцы словесніи и ти суще праведно быти мнятъ милость показати всегда къ таковымъ и погребанія сподобляти; христіане же, благочестивый языкъ избранный, Божіе наслѣдіе и людіе Божіи превозлюблени, безпрестани просвѣщаеми и учими всяческими богодохновенными писаніи, оле студа моего! и дельфиновъ безсловеснѣйши и татаръ суровѣйши елико въ томъ являются. Кто достойно восплачетъ толь богомерское беззаконіе и безчеловѣчіе, елма которіи должни образъ быти прочимъ безвѣрнымъ языкомъ всякаго милосердія и правды и праваго разума, мы нынѣ соблазнъ и претыканіе есме прочимъ безвѣрникомъ языкомъ, и ими же мы беззаконствуемъ, хулимо бываетъ въ безвѣрныхъ языцѣхъ преславное имя Божіе; не добра похвала наша».

Между суевѣріями и предразсудками, существовавшими въ древнерусскомъ обществѣ и имѣвшими значительную долю вліянія на нравственность нашихъ предковъ, необходимо отмѣтить звѣздочетство или звѣздосказаніе, которое особенно сильно развилось у насъ въ XVI вѣкѣ. Различныя астрологическія суевѣрія и заблужденія существовали у насъ издревле, какъ это показываютъ упоминаемыя между запрещенными апокрифическими книгами: «звѣздочетье, астрономія, родопочитаніе (ученіе о родѣ, т. е. о судьбѣ), зодѣй и шестокрылъ». Но не смотря на строгія запрещенія церкви читать такого рода книги, астрологическія заблужденія всетаки продолжали распространяться, и Стоглавъ, какъ видѣли мы, упоминаетъ кромѣ поименованныхъ: «раөли, смотрѣніе дней и часовъ, альманахъ». Альманахи, проникавшіе къ намъ съ Запада и заключавшіе въ себѣ, между прочимъ, предсказанія о будущемъ, особенно много содѣйствовали распространенію у насъ астрологическаго ученія. Главнымъ распространителемъ астрологическихъ идей на Руси въ первой половинѣ XVI в. былъ Николай Нѣмчинъ, по убѣжденіямъ — адептъ астрологіи, по профессіи — врачъ, особенно любимый в. кн. Вас. Ивановичемъ. Онъ, живя у насъ довольно долго [1]), разсѣявалъ эти идеи не только устно, но и своими сочиненіями и посланіями къ разнымъ лицамъ. Между прочимъ, онъ увлекъ знатнаго боярина Өедора Ивановича Карпова, еще какого то князя, также инока, бывшаго игуменомъ, и около 1522 года написалъ въ астрологическомъ духѣ посланіе къ дьяку Мунехину [2]). Противъ астрологическихъ бредней вообще и противъ Николая Нѣмчина въ частности вооружился особенно Максимъ Грекъ. У него мы встрѣчаемъ весьма замѣчательное слово съ сильными обличеніями на «альманаха, возвелерѣчивавша потопа всемірнаго быти, иже нѣкогда поминаемыхъ губительнѣйша» (I, сл. 22). Посланія его къ Өедору Ивановичу Карпову о вѣрованіи въ астрологическія предсказанія, къ нѣкоему князю о прелести звѣздочетстнѣй, къ игумену о нѣмецкой прелести,

---

[1]) Нельзя смѣшивать этого Николая Нѣмчина съ посломъ отъ папы Льва X, Николаемъ Шомбергомъ, доминиканскимъ монахомъ. Послѣдній пробылъ у насъ только съ 1518 до 1520 г.

[2]) Прав. Соб. 1861 г., II, 80—81.

глаголемой фортунѣ и о колесѣ ея, и слово о томъ, что промысломъ Божіимъ, а не звѣздами и колесомъ счастія всѣ дѣла человѣческія устрояются и противъ тщащихся звѣздозрѣніемъ предрицати о будущемъ [1]), исключительно направлены противъ вѣрованій въ астрологію. Въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ также касается того же самаго предмета [2]).

Въ своихъ сильныхъ и часто весьма рѣзкихъ обличеніямъ, направленныхъ противъ астрологіи, Максимъ Грекъ между прочимъ доказывалъ, что астрологическія суевѣрія и заблужденія, ниспровергая ученіе о промыслѣ Божіемъ, подрываютъ свободу человѣка, гибельно вліяютъ на его нравственность, ведутъ къ несчастію и отчаянію и заставляютъ признавать самого Бога, творца міра, виновникомъ зла [3]).

Нѣкоторые изслѣдователи въ области суевѣрій догадываются, что астрологія потому быстро и широко распространилась у насъ въ XVI вѣкѣ, что она вошла въ связь съ извѣстнымъ въ древней Руси миѳомъ о Рожаницахъ. Вѣрованіе въ Рожаницъ къ описываемому времени утратило свой первоначальный смыслъ. Рожаницы получили значеніе просто рода въ смыслѣ опредѣленія судьбы — на роду написано, или подъ такой звѣздой родился, т. е. миѳъ получилъ исключительно астрологическое значеніе. Одинъ старинный азбуковникъ объясняетъ: «Рожаницы, тако Еллинстіи звѣздословцы наричутъ седмь звѣздъ, глаголемыхъ планиты. И кто въ кую планиту родится, той по той планитѣ любопрется предвозвѣщати нравъ младенца, или къ коимъ естествомъ укоснителенъ будетъ» [4]). Но можно объяснить гораздо проще и короче, именно — невѣжествомъ народа, всегда и съ особенною силою стремящагося угадывать будущее. Есть вся вѣроятность думать, что на распространеніе у насъ астрологіи имѣла большое вліяніе и ересь жидовствующихъ. Она, такъ сказать, подготовляла почву для произрастанія этихъ плевелъ.

---

[1]) I т. Слова XVI, XVII, XVIII, XIX, XX.
[2]) II т. Сл. II, VII; т. III, сл. XXVII.
[3]) II т., сл. II, стр. 59—79.
[4]) Прав. Соб. 1865 г., II, 254. О борьбѣ христіанства съ язычеств. въ Россіи.

Въ числѣ причинъ, побудившихъ просвѣщеннаго Максима Грека такъ ревностно бороться противъ астрологическихъ идей, кромѣ его образованія, по всей вѣроятности было и то обстоятельство, что ему приходилось лично наблюдать тѣ гибельныя послѣдствія, къ которымъ приводила астрологія на Западѣ — въ Италіи, гдѣ она по преимуществу господствовала во время его пребыванія тамъ [1])...

Въ концѣ настоящей главы мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія относительно древне-русской *семьи*. Обратить вниманіе на эту семейную среду намъ не кажется дѣломъ лишнимъ и безполезнымъ, тѣмъ болѣе, что нравственное состояніе семьи не можетъ оставаться безъ вліянія на состояніе общественной нравственности. Конечно и общество вліяетъ на семейную среду. Общество и семья такъ тѣсно связаны между собою, что послѣдняя обусловливается первымъ, первое необходимо зависитъ отъ послѣдней....

Въ данное время русская семья во многихъ отношеніяхъ должна была оказывать на общество вредное вліяніе, содѣйствовать тѣмъ его недостаткамъ и безпорядкамъ, о которыхъ было говорено выше. Причина этого заключается въ томъ, что древне-русская семья не имѣла благопріятныхъ условій для правильной организаціи. Напротивъ, въ ней было много такого, что не могло не содѣйствовать ея разложенію. Прежде всего, въ древней Руси средоточіе семейной жизни — женщина была унижена. На женщину смотрѣли у насъ какъ на существо гораздо болѣе ограниченное въ умственномъ отношеніи, по сравненію съ мужчиною. Считаемъ лишнимъ приводить многія доказательства этой извѣстной истины. Укажемъ лишь на одинъ апокрифъ — «Сказанія о царѣ Соломонѣ», — въ которомъ разсказывается, между прочимъ, слѣдующій случай, подтверждающій туже истину. Однажды Соломонъ захотѣлъ узнать, — «*что есть мысль мужеска и женска*». Для этого онъ сначала призвалъ къ себѣ своего боярина Декира и обѣщалъ дать ему свою дочь въ супруги и раздѣлить съ нимъ свое Царство, если онъ отсѣчетъ

---

[1]) Кромѣ Максима Грека противъ астрологическихъ мнѣній вооружался у насъ старецъ Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳей. См. Посланіе его къ дьяку Мунехину въ Прав. Соб. 1861 г., II, 84—96 стр.

голову своей женѣ; Декиръ не захотѣлъ исполнить этого повелѣнія и рѣшился подвергнуться лучше гнѣву Соломона, чѣмъ лишить своихъ дѣтей матери. Потомъ Соломонъ призвалъ жену Декира и обѣщалъ сдѣлать ее царицею, если она отсѣчетъ голову своему мужу; жена тотчасъ рѣшилась убить своего мужа. По этому случаю Соломонъ сказалъ: «*Обрѣтохъ въ тысящѣ мужа мудра, въ тмѣ числомъ не обрѣтоша жены мудрой ни единой*»[1]). Понятно послѣ этого то неуваженіе москвитянъ къ женщинамъ, которое такъ удивляло иностранцевъ. По свидѣтельству иностранцевъ, съ женщинами у насъ обходились не лучше, чѣмъ съ рабами[2]). Но этимъ зло еще далеко не исчерпывалось. Оно лежало гораздо глубже, разлагало семейную жизнь въ самомъ ея основаніи. Мало того, что въ древней Руси «мысль женска» считалась через-чуръ ограниченною, подъ вліяніемъ крайняго развитія одностороннихъ аскетическихъ воззрѣній, на женщину смотрѣли еще какъ на существо злое, какъ на источникъ зла. Поэтому въ древнихъ поученіяхъ относительно женщинъ давались такія наставленія: блюдите же и воззрѣнія на лица женьска, яко тѣ и святыхъ соблазниша, не бесѣдуй съ мужатицами, яко не вси жены добры нравы (имѣютъ). «Се же не хуля глаголю о женахъ, но блюдитеся діаволи сѣти»[3]). Въ другомъ старинномъ поученіи на вопросъ: «что есть жена», дается такой отвѣтъ: «сѣть утворена прельщающи человѣки во властехъ, свѣтлымъ лицемъ убо и высокими очима намизающи, ногама играющи, дѣлы убивающи, многы бо уязвивши низложи, тѣмъ же въ доброти женстѣй мнози прельщаются и отъ того любы яко огнь возгорается.... Что есть жена? *Святымъ обложница, покоище зміино, діаволь увѣтъ, безъ увѣта болѣзнь, поднѣчающая сковрода, спасаемымъ соблазнъ, безъисцѣльная злоба, купница бѣсовская*»[4]). Такъ трактовалъ мрачный аскетизмъ женщину! Можно ли послѣ этого надѣяться, что древне-русскій семейный союзъ представлялъ собою «образъ союза Христа съ церко-

---

1) Прав. Соб. 1869 г., II, стр. 82.
2) Библ. иностр. писат. о Рос. т. I, стр. 51.
3) Прав. Соб. 1859 г. Янв.: «Како жити крестьяномъ», 143—144 стр.
4) Очеркъ великор. нравовъ, — Костомарова, стр. 103.

вію?» Могла ли такъ глубоко униженная, лишенная ровной чести и части съ мужемъ жена способствовать осуществленію христіанскихъ идеаловъ семейной жизни? Вопросы нетребующіе отвѣта. Положенный въ основу древне-русской семьи принципъ раздвоенности и вражды естественно привелъ къ тому, что на долю женщины выпала печальная и оскорбительная роль: исполнять домашнія нужды и служить для удовлетворенія чувственной природы мужа. Удивительно ли послѣ этого, если москвитяне обращались съ женщинами не лучше, чѣмъ съ рабами. Да она и была настоящею рабою мужчины, рабою его желаній и требованій.

Но зло для древне-русской семьи заключалось не въ томъ только, на что сейчасъ указано. Устройство самаго брака мотивировалось тогда, какъ часто и нынѣ въ средѣ простаго народа, не личными симпатіями брачущихся, а въ большинствѣ случаевъ корыстолюбивыми или честолюбивыми разсчетами родителей[1]). Очень часто случалось такъ, что новобрачные и не знали другъ друга до тѣхъ поръ, пока брачный уставъ позволялъ имъ вступить въ права брачной жизни. Конечно, въ подобныхъ случаяхъ разочарованія весьма возможны: и вотъ съ первой же минуты закрадывается въ семью непримиримая вражда и ненависть. Но, впрочемъ, бывало и такъ, что женихъ, не смотря на всѣ строгости теремной жизни, ни подъ какимъ видомъ не позволявшей молодымъ людямъ видѣться и особенно знакомиться до назначенной поры, всетаки настаивалъ или на личномъ свиданіи или требовалъ, чтобы будущую его невѣсту показали довѣреннымъ лицамъ. Но и на этотъ разъ онъ могъ быть вполнѣ обманутымъ. Родители невѣсты, не надѣясь на ея наружность, подставляли одну дочь вмѣсто другой, или показывали чужую дѣвушку, а для малорослыхъ поддѣлывали даже подставныя скамейки. Какъ это ни странно, но, тѣмъ не менѣе, вѣрно. Котошихинъ, написавшій все это, говоритъ: «Благоразумный читателю,

[1]) Наши предки всячески заботились, чтобы дѣти ихъ *не обезчестили* рода неравнымъ бракомъ, поэтому въ дѣлахъ брачныхъ старались держаться «своей версты». Домострой прямо совѣтуетъ родителямъ женить сыновъ своихъ по своей верстѣ (Врем. I, гл. 15, стр. 22). Относительно низшаго класса — крестьянъ, нужно замѣтить, что здѣсь очень часто владѣлецъ, по своему только усмотрѣнію, устроялъ браки.

не удивляйся этому: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки *обманства* нѣтъ, какъ въ Московскомъ Государствѣ»[1]). Обманутый такъ или иначе женихъ, сдѣлавшись наконецъ мужемъ какой нибудь уродливой суженой-нуженой, естественно не могъ любить своей жены, а питалъ къ ней глубокую ненависть и отвращеніе.

Изъ сказаннаго видно, что въ древней Руси дѣйствительно не было благопріятныхъ условій для семьи. Это обстоятельство обусловливало собою весьма печальное явленіе. Многіе «оставляли своя жены безъ вины законныя»[2]). Одни дѣлали это съ досады разочарованія, другіе, зараженные аскетическими воззрѣніями, бѣжали въ монастыри и отъ хорошей жены, потому что вообще презирали женщинъ, видя въ нихъ соблазнъ, «покоище зміино», «купницу бѣсовскую».

И Максимъ Грекъ и митр. Даніилъ вооружались противъ этого ненормальнаго явленія въ жизни своихъ современниковъ[3]). Тотъ и другой одинаково доказывали, что разводъ, за исключеніемъ «словеси прелюбодѣйнаго», есть дѣло грѣховное, противозаконное. Доказывали (аскетамъ «не по разуму»), что спасеніе возможно и въ міру, въ быту семейномъ, живою вѣрою и добрыми дѣлами. Въ подтвержденіе этого указывали на ветхозавѣтныхъ праведниковъ, спасшихся не смотря на то, что они жили съ женами и были обременены житейскими попеченіями; приводили изреченія изъ Св. Писанія и отеческихъ ученій и проч.[4]).

---

[1]) Котошихинъ — о Россіи, гл. XIII, стр. 129—130.

[2]) Иностранецъ Барберино (1565 г.) разсказываетъ о весьма странномъ обычаѣ (за достовѣрность котораго, впрочемъ, мы не ручаемся), сопровождавшемъ у насъ разводы. Онъ говоритъ, что изъ супруговъ, желающихъ разлучиться, мужъ становится на одномъ берегу ручья, а жена на другомъ, держа кусокъ полотна за противуположные концы; они тянутъ другъ у друга это полотно, пока оно не разорвется; тогда каждый изъ нихъ уходитъ съ своимъ кускомъ, и съ той минуты считаетъ себя совершенно свободнымъ (Критико-литер. обозр. путеш. Аделунга, стр. 151).

[3]) Сочиненіе Максима, II т., слово (XIV) къ хотящимъ оставляти жены своя безъ вины законныя и итти въ иноческое житіе. Сборн. м. Дан. слов. (XIV) — «Не подобаетъ мужу отъ жены и женѣ отъ мужа разлучатися, развѣ блудныя вины» и слово (XV) — «По евангельскому словеси, не подобаетъ мужу отъ жены и женѣ отъ мужа разлучатися, аще не блудныя вины, обычай же о сихъ иная удержа».

[4]) Конечно, при многомъ общемъ, у Максима Грека и м. Даніила есть

Незаконные разводы, противъ которыхъ вооружались Максимъ Грекъ и м. Даніилъ, во всякомъ случаѣ суть крайность. Посмотримъ, что было, когда дѣло не доходило до этой крайности. Мы уже замѣтили, что женщина въ древней Руси стала рабою мужчины, рабою его желаній и требованій. Мужъ распоряжался своею женою, какъ хотѣлъ, почти совершенно безконтрольно. Деспотизмъ его, какъ господина дома, впрочемъ не ограничивался одною женою,— съ такою же силою онъ тяготѣлъ и надъ дѣтьми и вообще всѣми членами семейства.— Съ организаціею древне-русской семьи всего лучше можно познакомиться по теоріи семейной жизни начертанной въ такъ называемомъ «Домостроѣ» о. Сильвестра [1]).

По этой теоріи, въ семействѣ отецъ, хозяинъ дома, есть неограниченный правитель. Всѣ члены семьи безпрекословно должны повиноваться его волѣ, все дѣлать съ его совѣта и разрѣшенія. Не только слуги, домочадцы и дѣти, но и сама жена не могла шагу ступить безъ вѣдома мужа. Каждый день она должна совѣтоваться съ нимъ о разныхъ нуждахъ, семейныхъ дѣлахъ и домохозяйствѣ, что и какъ дѣлать, «и все творить по его наказанію». Даже ходить въ церковь, въ гости къ роднымъ и знакомымъ и прини-

---

и особенности въ способѣ доказательствъ, въ подборѣ фактовъ и изреченій. Но указывать на эти разности намъ нѣтъ цѣли.

[1]) Домострой считается литературнымъ памятникомъ XVI в. Но содержанія его никакъ нельзя пріурочивать только къ этому времени. Это всѣхъ основательнѣе доказалъ г. Н. С. Некрасовъ въ своемъ сочиненіи— «Опытъ истор. литератур. изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя» (Чт. общ. ист. и др. рус. 1872 г. т. III). Но хотя и справедливо, что правила, изложенныя въ «Домостроѣ», составляютъ достояніе житейской мудрости вѣковъ предыдущихъ, тѣмъ не менѣе, по причинѣ глубокаго уваженія и привязанности русскихъ къ нерушимости *отчепреданнаго* житія, правила, изложенныя въ Домостроѣ, господствовали у насъ и въ XVI вѣкѣ, представляя собою какъ бы идеалъ, которому старались тогда слѣдовать очень многіе, а нѣкоторыя (правила) цѣликомъ взяты изъ тогдашняго строя русской жизни. Мы тѣмъ съ большею смѣлостію останавливаемся на Домостроѣ, что изложенная въ немъ теорія семейной жизни не пала окончательно и послѣ такого рѣшительнаго переворота въ жизни русскаго народа, какой произведенъ былъ въ XVIII вѣкѣ Петромъ I. Если внимательно присмотрѣться къ жизни людей преимущественно средняго и низшаго сословія: купеческаго, мѣщанскаго и крестьянскаго, то и теперь встрѣтимъ многое множество людей, живущихъ по правиламъ Домостроя. Этого доказывать даже нѣтъ нужды.

мать гостей къ себѣ она должна не иначе, какъ съ совѣта и разрѣшенія мужа [1]). Эта власть главы семейства поддерживалась *наказаніемъ* въ смыслѣ выговора и въ собственномъ смыслѣ. «И увидитъ мужъ, что непорядливо у жены и слугъ, ино умѣлъ бы свою жену наказывати всякимъ разсуженіемъ и учити. Аще жена по тому наказанію и наученію не живетъ, ино достоитъ мужу жена своя наказывати и пользовати *страхомъ* наединѣ.... и слуги и дѣти также смотря по винѣ и по дѣлу наказывати и раны возлагати. А только жены, или сына, или дщери слово или наказаніе не иметъ, не слушаетъ и не внимаетъ и не боится.... ино *плетью постегать,* по винѣ смотря и побить не предъ людьми, наединѣ; поучити да примолвити и пожаловати» [2])... Такимъ образомъ, Домострой въ основаніе семейной связи и порядка въ домѣ полагаетъ, съ одной стороны, деспотизмъ отца — владыки дома, съ другой — самое рабское ему подчиненіе. Въ этомъ весьма ясно сказываются родовыя понятія, перешедшія изъ глубокой старины, объ отношеніи главы семейства ко всѣмъ членамъ семьи.

На тѣхъ же началахъ, которыя были положены въ основаніе семейной связи, т. е. на страхѣ и наказаніи, было основано воспитаніе дѣтей. Нужно замѣтить напередъ, что въ древне-русскомъ воспитаніи дѣтей участіе матери ограничивалось главнымъ образомъ только питаніемъ; на ней лежала обязанность заботиться о томъ, чтобы дѣти были сыты и одѣты. Другаго чего либо Домострой отъ нея и не требуетъ. Главное дѣло матери семейства — хозяйственныя занятія. Для этого она должна вставать прежде всѣхъ въ домѣ: «а николиже бы государыню слуги не будили, а государыня бы сама слугъ будила». Проснувшись рано, она всѣмъ людямъ въ домѣ должна дать работу и указать порядокъ на весь день. Кому печь и варить, что варить и какіе печь хлѣбы; а чтобы работа шла успѣшнѣе, должна не только смотрѣть за другими, но и сама знать, какъ всякое дѣло дѣлать, какъ муку сѣять и квашню замѣсить и какъ печь хлѣбы, калачи и пироги. Она должна знать всему мѣру: сколько чего выходитъ изъ четверти,

---

[1]) Врем. I т., гл. XXXIV, XXXVI.
[2]) Ibid. гл. XXXVIII.

изъ осьмины или изъ рѣшета, и сколько остается высѣвокъ. Чтобы она сама знала какъ варить мясныя и рыбныя кушанья и всякіе пироги, блины, каши и кисели, и чтобы слугъ научила. Она должна надсматривать, какъ моютъ красныя рубашки и лучшія платья, и сколько выходитъ мыла и золы, и чтобы всему счетъ знала. Всякому мастерству досмотрѣть самой: сколько нужно шелку, тафты, камки, золота и серебра, чтобы сама отвѣсила и отмѣрила, прикроила и примѣрила. А малыхъ дѣвокъ должна учить, которая къ чему годится.... «А сама бы государыня, отнюдь, никакоже, никоторыми дѣлы, или по мужней воли, опричь немощи, безъ дѣла не была.... Мужъ ли придетъ, гостья ли обычная пріидетъ, всегда бы надъ рукодѣльемъ сидѣла»[1]).

Таковы требованія отъ жены по Домострою. Онъ располагаетъ жизнь ея по извѣстной, весьма опредѣленной мѣркѣ, по извѣстнымъ формамъ, для чего касается всевозможныхъ мелочей хозяйственной жизни, опредѣляетъ каждый шагъ, даже указываетъ предметы для разговоровъ съ гостями[2]).

Но замѣчательно, что Домострой, до такихъ мелочныхъ потребностей опредѣляя обязанности жены, матери семейства, совершенно умалчиваетъ о важнѣйшей обязанности послѣдней — объ обязанности воспитанія дѣтей. А участіе матери въ дѣлѣ воспитанія, участіе всегда болѣе или менѣе нѣжное и смягчающее, какъ нельзя болѣе умѣстно было бы при томъ грубомъ и суровомъ методѣ, какому Домострой совѣтуетъ слѣдовать при воспитаніи дѣтей. Вотъ его совѣтъ — «како дѣти учити и страхомъ спасати»[3]). Не ослабляй бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравіе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши: положи на ней грозу свою, соблюдеши ю отъ тѣлесныхъ (т. е. сохранишь ея тѣлесную чистоту): пусть будетъ послушна и не имѣетъ своей воли, чтобы отъ неразумія не потеряла дѣвства, а не то передъ множествомъ народа осмѣютъ тебя. Изъ любви къ сыну, «учащай ему раны, да послѣди о немъ

[1]) Глав. XXIX.
[2]) Глав. XXXI.
[3]) Глав. XVII и XV.

возвеселишеся. Казни сына своего изъ млада.... Не даждь ему власти въ юности, *но сокруши ему ребра,* донеле же растетъ», потому что, ожесточившись, онъ не станетъ тебѣ повиноваться, а это причинитъ тебѣ досаду, душевную скорбь, погибель имѣнію, укоризну отъ сосѣдей, насмѣшки отъ враговъ и платежъ передъ властью. — Полагая въ основаніе воспитанія дѣтей отеческій страхъ и наказаніе, Домострой запрещаетъ отцу даже смѣяться и забавляться съ дѣтьми, чтобы не унизить этимъ своего достоинства, чтобы не ослабить страха, подъ вліяніемъ котораго должно идти воспитаніе.—«Воспитай дѣтище съ прещеніемъ, поучаетъ Домострой, и обрящеши о немъ покой и благословеніе. *Не смѣйся къ нему: игры творя,* потому что, сдѣлавъ небольшое попущеніе, получишь печаль въ большемъ и только оскомину наведешь на душу свою»[1]).— Относительно того, чему собственно обучали своихъ дѣтей эти грозные родители и по такому строгому методу, мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. Припомнимъ, что вся программа книжнаго обученія исчерпывалась тогда только мастерствомъ «чести, пѣти и писати». Но и этимъ элементамъ грамотности большинство родителей, даже высшаго класса, не считали нужнымъ обучать дѣтей своихъ, тѣмъ болѣе, что безграмотность не казалась безчестіемъ рода, а главное нисколько не препятствовала душевному спасенію. Древне-русскій домовладыка скорѣе всего бралъ въ свои руки жезлъ или плетку, если его дѣти не снимутъ шапки предъ старшимъ, съѣдятъ что либо до обѣдни, оскоромятся въ постный день, не перекрестятся предъ попавшеюся на пути часовнею. Учащая дѣтямъ своимъ тѣлесныя раны по этому случаю, благочестивый отецъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что этимъ самымъ онъ избавляетъ душу ихъ отъ смерти.

Страхъ отцевскаго наказанія, постоянно тяготѣвшій надъ всѣми членами семьи, уже самъ по себѣ не могъ не налагать на жизнь древне-русскаго семейства печать скуки и однообразія. Эта скука и однообразіе должны возрасти до поразительныхъ размѣровъ подъ вліяніемъ мрачныхъ аскетическихъ воззрѣній. Мы уже имѣли случай

---

[1]) Гл. XVII.

показать, что строгіе аскеты наши возставали вообще противъ всякаго стремленія человѣческой природы къ веселымъ развлеченіямъ среди утомительныхъ трудовъ. Это казалось имъ «бѣсовскимъ прельщеніемъ», неизбѣжно влекущимъ за собою гибель душевную. Тѣ же самыя аскетическія воззрѣнія проводятся и въ Домостроѣ, и онъ запрещаетъ смѣхотвореніе, гусли, пляски, игры и пѣсни, которыя онъ называетъ бѣсовскими [1]). Домострой изъ семейной жизни желалъ сдѣлать что-то въ родѣ маленькаго монастыря. По нему, каждый день, вечеромъ, мужъ съ женою, дѣтьми и домочадцами должны пѣть вечерню, повечерицу, полунощницу, да въ полночь встать тайкомъ и помолиться сколько можно; а утромъ отпѣть заутреню и часы, а по праздникамъ еще и молебенъ съ молитвою и кажденіемъ [2]). Кромѣ сихъ требованій благочестивой жизни, Домострой повелѣваетъ, по древнему общехристіанскому обычаю, носить всѣмъ четки и постоянно имѣть въ устахъ молитву Іисусову. Эту молитву Іисусову приказывается слугамъ, при входѣ въ чужой домъ, въ сѣняхъ предъ дверьми творить вслухъ и не входить до тѣхъ поръ, пока «аминя не отдадутъ», какъ это дѣлается теперь при входѣ въ монашескія кельи [3]).

Надѣемся, мы достаточно выяснили идеалъ древне-русской семьи по Домострою. Какъ глубоко вѣрилъ въ непогрѣшность и чистоту своего идеала составитель Домостроя, видно изъ его обращенія къ сыну: «Аще сего моего писанія и поученія не внемлеши и наказанія не послушаеши и по сему писанію не учнеши жити и не тако творити, яко же есть писано, *самъ отвѣтиши въ день страшнаго суда,* и азъ твоему грѣху непричастенъ.... Аще же дѣломъ творити начнеши вся сія будетъ на тебѣ *милость Божія и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ и наше благословеніе отнынѣ и до вѣка;* и домъ твой, и чада твои и стяжаніе твое и обиліе твое, что тебѣ Богъ подаровалъ отъ нашего благословенія (т. е. по наслѣдству отъ насъ) и отъ своихъ

---

1) Глава XI.
2) Глав. XII.
3) Глав. XIII и XXXY.

трудовъ, да будетъ благословенно, исполненно всякихъ благъ»[1]). Никакая другая жизнь, угодная Богу и достойная счастія, Домостроемъ не допускается и считается невозможною.

Что же сказать о семейномъ идеалѣ по Домострою? — Нельзя не замѣтить, что этотъ идеалъ стоитъ въ тѣсной связи съ давнопрошедшими временами и безъ связи съ глубокою стариною его нельзя разсматривать. Старинныя родовыя понятія объ отношеніи главы семейства ко всѣмъ членамъ семьи обусловили собою то, что въ Домостроевскомъ идеалѣ семейной жизни воля признается только за однимъ отцемъ — владыкою дома, за прочими неволя и работа. Но ни одинъ идеалъ древней родовой жизни вліялъ на изложенную теорію семьи Домостроя,—послѣдняя слагалась въ связи съ другими идеалами, существовавшими въ древней Руси. Знакомые уже намъ идеалы русской религіозности и аскетизма весьма ясно отразились на Домостроевской теоріи семейной жизни. Домострой точно опредѣляетъ, какъ благочестивый семьянинъ долженъ къ церквамъ Божіимъ и въ монастыри съ приношеніемъ приходить (гл. IX), какъ въ церкви мужу и женѣ молиться, какъ въ ней стоять, какъ руки держать (гл. XIII), какъ подобаетъ креститься и поклоняться образу Спасову (гл. XIV), какъ образа лобызать и какъ просфору вкушать (гл. III), — опредѣляется также когда и какъ мужу съ женою и съ домочадцами молиться въ дому своемъ (гл. XII), указывается и «подобно время» для вкушенія пищи (гл. XIII). Опредѣливъ точно формы для выраженія религіозности, Домострой назначилъ и извѣстную, до самыхъ мелочныхъ подробностей касающуюся мѣрку хозяйственной жизни. Идеалъ аскетизма съ своей стороны сообщилъ идеалу Домостроя свою характеристическую окраску. «*Славы земныя ни въ чемъ не желай:* вѣчныхъ благъ проси у Бога; всякую скорбь и тѣсноту *съ благодареніемъ* терпи, обидимо не мсти, хулилъ — моли, зла за зло не воздавай, согрѣшающихъ не осуждай» (гл. VII). Сообразно съ этимъ и жизнь должна течь самымъ ровнымъ невозмутимымъ путемъ, не допуская никакой страсти, даже никакого проявленія веселаго

---

[1]) Глав. LXIV.

настроенія духа — музыка, пѣніе, пляска, все это стоитъ наравнѣ съ волшебствомъ, чарованіемъ, бѣсовскимъ служеніемъ (гл. XXIII).

Указанную связь идеала Домостроя съ идеаломъ древней родовой жизни и идеалами русской религіозности и аскетическаго житія никакъ нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ Домостроевской теоріи семейной жизни. Только въ связи съ означенными идеалами можно надлежащимъ образомъ понять и оцѣнить послѣднюю.

Итакъ, что же сказать о семейномъ идеалѣ по Домострою? Съ точки зрѣнія своего времени идеалъ этотъ имѣетъ несомнѣнныя достоинства и потому заслуживаетъ одобренія. Въ немъ заключается то, что тогда считалось за благочестивое, истинное, доброе, честное и благородное,—онъ нарисованъ красками, которыя въ свое время считались за самыя лучшія.

Посмотримъ теперь на идеалъ Домостроя съ общечеловѣческой стороны его. Въ основаніе семейной связи Домострой кладетъ, какъ уже указано, съ одной стороны, грозное господство владыки дома, съ другой,— безпрекословное рабское подчиненіе ему прочихъ членовъ семьи. Хотя въ отношеніе между членами семьи Домостроемъ вводится и другое начало, именно—любовь (гл. XXXVIII, XVIII и др.); но тутъ ея дѣйствія слишкомъ парализируются недовѣріемъ къ человѣческой природѣ. Въ человѣкѣ предполагается слишкомъ много злаго начала, весьма большая наклонность ко всему ложному и порочному; заставить человѣка идти по пути истины и добра и не сбиваться съ него, по мысли Домостроя, можно только страхомъ наказанія, страхомъ тѣлесной боли. Поэтому-то и совѣтуется отцу не щадить даже родныхъ дѣтей, *возлагать на нихъ раны, сокрушать имъ ребра*. Жестокія наказанія за нарушеніе извѣстныхъ правилъ, кромѣ недовѣрія къ человѣческой природѣ, находили себѣ еще опору и оправданіе въ аскетическихъ понятіяхъ, рекомендовавшихъ добровольныя истязанія тѣла для спасенія души. А забота о душѣ домочадцевъ составляла также главную заботу христіанскихъ отцевъ. Домострой указываетъ прямо на цѣль, которую достигалъ отецъ, наказывая дѣтей своихъ: *ты* (отецъ) *бія* (ихъ) *по тѣлу души* (ихъ) *избавляеши отъ смерти*. Но пока умъ не развивается до возможности владѣть страстями, пока у него не вырабатывают-

ся тѣ разумныя убѣжденія, опираясь на которыя, человѣкъ могъ бы сдерживать себя, до тѣхъ поръ не можетъ быть надлежащаго понятія о человѣческой природѣ, до тѣхъ поръ не можетъ быть и довѣрія къ ней. А пока нѣтъ довѣрія къ человѣческой природѣ, пока считаютъ необходимымъ подчинять ее извѣстнымъ правиламъ *только силою,* до тѣхъ поръ не можетъ быть свободнаго развитія того прекраснаго общечеловѣческаго начала—любви, которое Домострой вводитъ въ семейныя отношенія. А пока въ основаніи семьи не лежитъ только кроткое любовное отношеніе между ея членами, или пока начало любви неразвито, до тѣхъ поръ идеалъ семьи не можетъ быть прекраснымъ христіанскимъ идеаломъ. Въ главѣ семейства неразвитое чувство любви должно подавляться сознаніемъ своей безграничной власти, въ подвластныхъ ему — страхомъ, въ которомъ нѣсть любви. А при такихъ условіяхъ невозможно и развитіе идеала женщины, которая должна находиться въ постоянномъ рабствѣ. Итакъ, идеалъ семьи по Домострою съ общечеловѣческой стороны своей несостоятеленъ.

Интересно теперь посмотрѣть, какова была дѣйствительность древне-русской семейной жизни въ виду разсмотрѣнной ея теоріи.

Блюстителемъ семейной нравственности и порядка, по изложенной теоріи, представляется господинъ дома, отецъ семейства. Но этотъ блюститель, имѣвшій право взыскивать и строго наказывать провинявшихся членовъ своего семейства, очень часто самъ былъ наглымъ нарушителемъ семейной жизни. Онъ, пользуясь своими неограниченными правами надъ женою, дѣтьми и слугами, позволялъ себѣ насиловать своихъ рабынь, не обращая вниманія на ихъ мужей [1]). Нѣкоторые же изъ этихъ деспотическихъ домовладыкъ до такой степени предавались сластолюбію, что заводили у себя цѣлый гаремъ любовницъ. А чтобы жена не мѣшала свободно предаваться мужу такимъ наглымъ порокамъ, то послѣдній запиралъ ее подъ крѣпкій замокъ въ высокомъ теремѣ, а не то отравлялъ [2]). Конечно и женщина, чаще всего выходившая замужъ по принужденію

---

[1]) См. напр. Духовную Пантелеймона, въ Актахъ, относящ. къ юридич. быту, I, № 86, стр. 558.

[2]) Очеркъ великоруc. нравовъ, — Костомарова, с. 108.

родителей, да еще угнетаемая и оскорбляемая подобными наглостями мужа, съ своей стороны изыскивала всевозможныя средства, чтобы выйти изъ своего принужденнаго и въ высшей степени невыносимаго положенія. Въ этомъ случаѣ являлись къ ней съ своими услугами сводницы, или какъ тогда называли ихъ, «потворенныя бабы». Эти бабы, какъ видно изъ Домостроя, очень искусно умѣли «младыя жены сваживати съ чужими мужи» даже въ семействахъ высшаго класса. Обыкновенно они начинали съ дворовыхъ людей, а при ихъ посредствѣ, доходили и до самыхъ «государынь»,—«и горе бываетъ госпожѣ, замѣчаетъ авторъ Домостроя, если (она) не уцѣломудрится и не отженетъ ихъ»[1]. Въ томъ, что «госпожѣ», если она «не уцѣломудрится» бывало «горѣ» отъ мужа, разумѣется, сомнѣнія быть не можетъ. Ужъ если за что, такъ скорѣе всего за это, доставалось женѣ отъ мужа и «по уху», и по видѣнію, подъ сердце кулакомъ, пинкомъ, посохомъ, или чѣмъ либо другимъ «желѣзнымъ или деревяннымъ», способнымъ, дѣйствительно, причинить истязуемой *многія притчи:* слѣпоту, глухоту, вывихъ руки или ноги, главоболіе и зубную болѣзнь[2]. Но какъ ни жестоко били мужья своихъ «не уцѣломудрившихся» женъ, какъ ни далеко упрятывали ихъ отъ мірскихъ взглядовъ, послѣднія, не имѣя нравственныхъ побужденій сохранять цѣломудріе, по свидѣтельству иностранцевъ, и сидя взаперти, любили чрезъ окна передъ проходящими выдѣлывать странныя позы и посылать имъ двусмысленные взгляды. Мы знаемъ, съ какимъ отвращеніемъ предки наши смотрѣли на иностранцевъ, но женщины и тутъ находили оправданіе для своего сердца, охладѣвшаго къ черезъ-чуръ ревнивому и деспотичному сожителю: «женщинѣ соблудить съ иностранцемъ, говорили онѣ, простительно: дитя отъ иностранца родится — крещеное будетъ; а вотъ какъ мужчина съ иновѣркою согрѣшитъ, такъ дитя будетъ некрещеное, оно и грѣшнѣе: некрещеная вѣра множится»[3]. Такимъ образомъ и здѣсь сказывается

---

1) Глав. XII, стр. 35 и гл. XXXIII, стр. 57.

2) Глав. XXXVIII, стр. 67. Бывали и такіе случаи, что мужья и жены отравляли другъ друга (Котош. стр. 129).

3) Очеркъ великорус. нрав.,— Костомарова, стр. 107.

своеобразное благочестіе нашихъ предковъ: они, даже нарушая заповѣди «крещеной вѣры» о цѣломудріи, думали въ тоже время служить интересамъ этой вѣры.

Указанные безпорядки въ жизни древне-русскаго семейства не могли не отражаться и самымъ пагубнымъ образомъ на воспитаніи дѣтей и вообще на молодомъ поколѣніи. Отецъ семейства, строго наблюдая за нравственностію дѣтей, вполнѣ удовлетворялся, если эти послѣднія въ точности выполняли церковные обряды и Уставы. Но и самое точное исполненіе обрядовъ и уставовъ церкви, когда оно совершается по древне-русскому обыкновенію, т. е. чисто внѣшне-механически, совсѣмъ недостаточно для истинно нравственной жизни. Однимъ только страхомъ отческаго наказанія трудно удерживать дѣтей отъ преступленій. Очень часто дѣти, скромныя, тихія и добрыя въ присутствіи строгихъ родителей, являются буйными и злыми, когда не слѣдитъ за ними родительскій глазъ. Когда у дѣтей нѣтъ внутренняго побужденія быть хорошими, почтительными дѣтьми, родителямъ трудно одною внѣшнею силою заставить послѣднихъ быть хорошими и покорными. Какъ скоро почему либо эта сила ослабѣваетъ и раболѣпныя дѣти становятся грубыми и непочтительными. «Во Московіи, замѣчаетъ одинъ иностранный писатель о дѣтяхъ, воспитанныхъ по теоріи Домостроя, не рѣдко встрѣтить, какъ сынъ смѣется надъ отцомъ, дочь надъ матерью»[1]). Дѣтей, воспитанныхъ по теоріи Домостроя, дѣйствительно опасно пускать на улицу гулять. Недаромъ же русскій моралистъ жаловался: «Лучше имѣть у бедра мечъ безъ ноженъ, нежели неженатаго сына въ своемъ домѣ; лучше въ домѣ коза, чѣмъ взрослая дочь; коза по елищу ходитъ — молоко принесетъ; дочь по елищу ходитъ — стыдъ принесетъ отцу своему»[2]).

Такимъ образомъ, несостоятельная теорія семейной жизни, созданная нашими древними моралистами, привела къ самой печальной дѣйствительности. Мы видѣли, что наши моралисты-аскеты считали бракъ помѣхою для душевнаго спасенія, — на женщину смотрѣли, какъ на нѣчто непремѣнно злое, — изъ великаго дѣла —

---

1) Очеркъ великорусск. нрав., — Костомарова, стр. 110.
2) Ibid.

воспитанія дѣтей — сдѣлали что-то похоже на внѣшнюю дрессировку; но этимъ самымъ они лишили семью благопріятныхъ условій для развитія. Смотря на женщину, какъ на нѣчто злое, они тѣмъ самымъ уничтожили *средоточіе* семейной жизни и положили въ основу ея принципъ раздвоенности и вражды. Страшный деспотизмъ мужа и крайнее угнетеніе женщины положили между супругами цѣлую разъединяющую пропасть, предъ которою оказались слабыми и крѣпкія узы брака. Устройство древне-русскаго брака, помимо воли брачущихся и не на основаніи ихъ взаимныхъ симпатій, внесло свою значительную долю разлада въ жизнь семейства. Проистекавшее изо всего этого зло, накопляясь постепенно, привело, наконецъ, къ самому крайнему семейному разврату. Въ XVII в. патріархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей въ томъ, что они, отправляясь въ отдаленныя мѣста на службу, закладывали женъ своихъ товарищамъ, предоставляя имъ право брачной жизни за ссуженную сумму. Но если мужъ не выкупалъ жены въ назначенный срокъ, то заимодавецъ передавалъ ее на выкупъ другому, другой третьему и т. д. [1]).

Подобные факты невольно заставляютъ задумываться, особенно если вспомнить, что совершались они въ такомъ обществѣ, въ которомъ считалось за великій грѣхъ, напр., взяться за рабочій инструментъ, не осѣнивъ себя предварительно *большимъ* крестнымъ знаменіемъ, — въ которомъ ревность по благочестію доходила иногда до того, что цѣловали образа и мощи не иначе, какъ «задержавъ въ себѣ духъ и губъ не разѣваючи», — въ которомъ, повидимому, такъ боялись грѣха, что, когда готовились къ грѣшному дѣлу, снимали съ себя крестъ и завѣшивали образа, думая этимъ хоть сколько нибудь смягчить преступленіе.....

Но, видно, и въ исторіи двѣ крайности сходятся.....

---

[1]) Соб. Государ. Грам. III, 245.

IV.

Предметъ настоящей главы есть изображеніе нравственнаго состоянія монашества, т. е. той среды, которая попреимуществу должна служить образцомъ благоустроенной христіанской жизни и въ которой, поэтому, менѣе всего можно было бы ожидать какихъ либо нравственныхъ недостатковъ. Но, къ сожалѣнію, въ обозрѣваемое нами время и сами монашествующіе не были свободны отъ многихъ и даже очень многихъ пороковъ. Большинство тогдашнихъ иноковъ, по «отреченіи своемъ, паки» начинали «пристяживать села и стяжанія различна, имже, какъ говоритъ преподобный Максимъ, сплетаются попеченія и молвы житейскія». Вслѣдствіе сего, по свидѣтельству того же Максима, со многими изъ нихъ случалось то, что утихшія на время «плотскія и душевныя страсти, паки возникнувши, окаянную душу иноковъ» начинали «обступать и воевать и всякимъ образомъ уязвлять» — такъ что, по приговору преподобнаго, и исполнялась на нихъ «притча: песъ обращся на своя блевотины, и свинія омывшися въ калѣ скверпавѣ» [1]).

Но прежде нежели приступить къ подробному и болѣе или менѣе обстоятельному обозрѣнію нравственныхъ недуговъ, которыми страдало наше монашество, считаемъ необходимымъ предпослать этому обозрѣнію нѣкоторыя предварительныя соображенія.

Въ вопросѣ о древне-русскомъ монашествѣ паше вниманіе невольно останавливается на весьма знаменательномъ явленіи, именно — на чрезвычайно широкомъ развитіи въ тогдашнемъ обществѣ

---

[1]) Соч. Макс. Грека II т., стр. 122.

стремленія къ иноческой жизни. Въ первые вѣка христіанства на Руси этого явленія мы не замѣчаемъ; даже въ самую цвѣтущую эпоху монашества въ Россіи въ XIV и XV вв. у насъ не появилось такого огромнаго количества монастырей, какъ въ вѣкъ XVI и особенно XVII [1]). На Руси древнѣйшей, съ XI до XIV вѣка, въ три столѣтія было извѣстно только 87 монастырей и пустыней, въ XIV же вѣкъ и первой половинѣ XV, слѣдовательно въ полтора столѣтія, ихъ возникло вновь до 150, при чемъ на XIV вѣкъ приходится только 80, тогда какъ на одну половину XV — 70 [2]). Впрочемъ, указанныя цифры едва ли можно принимать за точныя, ибо весьма вѣроятно, что у насъ монастырей было даже болѣе указаннаго числа, но о нѣкоторыхъ, можетъ быть, и многихъ, не сохранилось извѣстія. Тѣмъ не менѣе и приблизительныя цифры весьма краснорѣчиво говорятъ, какъ постоянно усиливалось у насъ стремленіе къ монашеству. Насколько это стремленіе было общимъ явленіемъ въ XVI вѣкѣ и усиливалось къ XVII вѣку, лучше всего видно изъ того, что въ одномъ XVII столѣтіи вновь возникло до 220 монастырей и пустыней [3]). Неудивительно послѣ этого, если иностранцы, посѣщавшіе Россію въ XVI вѣкѣ, называли русскихъ «племенемъ монастырей». «Въ Россіи, говоритъ Флетчеръ, безчисленное множество монаховъ и гораздо болѣе, чѣмъ въ какой нибудь папистической странѣ: всякій городъ, всякая лучшая мѣстность въ государствѣ, были полны ими» [4]).

---

1) Щаповъ, — Раскол. старообр. 207.

2) Прав. Соб. 1860 г., III ч., стр. 204. Древне-русскіе пустыни и пустынножители.

3) Щаповъ, — Раск. старообр. стр. 207. Конечно, внѣ всякаго сомнѣнія, что изъ означеннаго приблизительнаго числа монастырей большая часть состояла изъ маленькихъ монастырьковъ, имѣвшихъ 6—7 братій, иногда и менѣе (см. Филар. Ист. р. ц. ч. III, стр. 164). Въ противномъ случаѣ, т. е. если бы при такомъ громадномъ количествѣ монастырей, каждый изъ нихъ имѣлъ многочисленную братію, то число послѣдней выходило бы изъ предѣловъ вѣроятности. О мелкихъ монастыряхъ мы скажемъ ниже особо.

4) См. Ист. рус. церк. преосв. Макарія, т. VII, стр. 111; сн. Чтен. Общ. Ист. 1871 г., III ч., стр. 123,—Религіозный бытъ... Впрочемъ, едва ли справедливо, что въ Россіи монаховъ было гораздо болѣе, чѣмъ въ любой папистической странѣ. Иностранцу Флетчеру очень естественно утверждать это, потому что монахи наши любили бродить по городамъ

Чѣмъ же объяснить такую сильную страсть русскихъ къ монашеству? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы увидимъ, что кромѣ чисто христіанскихъ началъ, глубоко проникавшихъ въ сознаніе многихъ членовъ древне-русскаго общества, были еще разныя историческія обстоятельства, побуждавшія удаляться изъ міра въ монастырь. Эти обстоятельства скрывались главнымъ образомъ въ политико-экономическомъ устройствѣ и состояніи тогдашняго общества.

Чистая любовь къ монашеству высказалась на Руси весьма рано. Извѣстно, что, наприм., Ѳеодосій Печерскій и Варлаамъ Печерскій (сынъ боярина Іоанна) до того возлюбили иноческое житіе, что, не смотря на всѣ препятствія и угрозы со стороны родителей, они всетаки сдѣлались монахами. Эта любовь къ иноческому житію, появившаяся у насъ такъ рано, развивалась съ теченіемъ времени, съ одной стороны, подъ вліяніемъ аскетическихъ произведеній византійской литературы, съ другой, — обусловливалась свойствомъ древне-русскаго воспитанія, исключительно религіознаго. «Патерики синайскій и скитскій, говоритъ г. Буслаевъ, проникнутые самою восторженною поэзіею отшельнической жизни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI и даже до XVII вѣка включительно.... Эти аскетическія книги, отрывками внесенныя въ прологи, имѣли громадное вліяніе на древне-русскую литературу. Въ ежедневномъ чтеніи пролога онѣ заучивались наизусть и нечувствительно входили въ воззрѣнія и убѣжденія нашихъ грамотныхъ предковъ, и отражались въ ихъ практической дѣятельности учрежденіемъ и распространеніемъ пустынножительства въ безлюдныхъ захолустьяхъ русской земли» [1]).

Поэтическое изображеніе красотъ природы, среди которыхъ дѣйствительно и водворялась большая часть отшельниковъ, составляетъ элементъ многихъ древнихъ жизнеописаній этихъ отшельниковъ. Такой характеръ жизнеописаній тѣмъ естественнѣе, что наша древняя книжность исходила преимущественно отъ иноковъ, которые

и такимъ образомъ постоянно попадались на глаза и тѣмъ болѣе были замѣтны, что носили платье особое отъ мірянъ.

[1]) См. у Иконникова, — «Максимъ Грекъ» — Кіев. Ун. Изв. 1866 г., Мартъ, стр. 1.

сами любили природу и восторгались ея красотами. Живописное мѣстоположенiе, окруженное лѣсами, рѣками, озерами и высокими горами, избиралось отшельниками потому, что подобное мѣстоположенiе возбуждало въ ихъ, глубоко-религiозно настроенной, душѣ чувство высокаго, чувство особеннаго присутствiя Бога. Найдя прекрасное мѣстоположенiе, они видѣли въ немъ образъ рая, домъ Божiй и съ восторгомъ восклицали псаломскою пѣснiю: «коль возлюбленна селенiя Твоя, Господи силъ, желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни... Сей покой мой, здѣ вселюся, яко возлюби душа моя» [1]). И вотъ среди такой-то поэтической обстановки вселялся отшельникъ и начиналъ свои подвиги. Дивнымъ и умилительнымъ зрѣлищемъ должна была представляться его отшельническая жизнь! Вотъ (будемъ выражаться словами автора цитуемой статьи), вотъ стоитъ въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ старецъ съ воздѣтыми къ небу руками: ему виднѣются кругомъ только высокiя вѣковыя деревья, да синева небесъ и водъ озерныхъ. — На деревьяхъ онъ видитъ цѣлые хоры птичекъ Божiихъ, и слышитъ, какъ онѣ разнообразными, но дружными откликами на разные лады, поютъ пѣснь Творцу, — съ любовiю онъ слушаетъ ихъ пѣнiе, — и мысль его возносится горѣ, сердце наполняется восторгомъ духовнымъ, и онъ самъ воспѣваетъ пѣснь Богу: «Слава Тебѣ, Владыко Святый! Слава Тебѣ! Како Тя воспою Создателя моего, или кiя духовныя пѣсни воспою Тебѣ, о Творче мой!» и проч. [2]). Дѣйствительно въ такомъ видѣ и представляли себѣ отшельническую жизнь читавшiе съ такимъ усердiемъ жизнеописанiя святыхъ. Неудивительно, что подъ влiянiемъ такихъ образовъ пустыня съ ея красотами стала казаться нашимъ предкамъ образомъ рая, домомъ Божiимъ и сдѣлалась предметомъ духовныхъ желанiй. Это для насъ будетъ еще гораздо понятнѣе, когда мы представимъ себѣ то высокое значенiе монашества, которое приписывала ему наша книжность, проникнутая восточно-византiйскими понятiями и къ тому же исходившая, какъ выше замѣчено, преимущественно изъ монастырей. Монашество считали у насъ идеаломъ христiанской жизни и придавали ему тоже

---

[1]) Прав. Соб. 1860 г., III, 205. Древн. пустыни.

[2]) Ibid. стр. 214.

значеніе для мірянъ, какое имѣютъ ангелы для иноковъ. «*Свѣтъ инокомъ ангели, свѣтъ же міряномъ иноки*»[1]). Неудивительно послѣ этого, если монашество для набожной души сдѣлалось конечною цѣлію всѣхъ желаній. Многіе, не имѣя возможности поступить въ монастырь, считали обязанностію постричься хоть предъ смертію. О великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ, напр. извѣстно, что онъ просилъ митрополита, въ случаѣ если его не допустятъ постричься при жизни, то чтобы на мертваго положили монашеское платье[2]). За противодѣйствіе обѣту угрожали наказаніемъ Божіимъ[3]).

Таковъ одинъ изъ мотивовъ, побуждавшихъ нашихъ предковъ удаляться изъ міра и «идти въ иноческое житіе». Въ основаніи его лежитъ глубоко религіозное чувство, проникнутое аскетическими идеями. Подъ вліяніемъ этого чувства основались у насъ монастыри препод. Сергія, Пафнутія Боровскаго, Іосифа Волоколамскаго, Елеазара Псковскаго, Зосимы Соловецкаго, Нила Сорскаго и др.[4]). Чтобы лучше уяснить себѣ силу означеннаго мотива къ размноженію у насъ монастырей, припомнимъ то могущественное вліяніе аскетизма вообще на воззрѣнія русскаго народа и на складъ его обыкновенной жизни. По убѣжденіямъ и по образу жизни древнерусскій человѣкъ весьма похожъ былъ на аскета и не причисляя себя къ числу, такъ сказать, оффиціальныхъ аскетовъ. Это дѣлало для него весьма легкимъ и почти незамѣтнымъ переходъ отъ мірской жизни къ иноческой. Мы знаемъ стремленіе нашихъ древнихъ аскетовъ-моралистовъ перевести и въ общественную жизнь правила аскетизма, въ силу чего они строго запрещали все то, что выходило изъ круга ихъ запретной жизни, напр. музыку, пѣсни, пляски и проч. Мрачные аскеты своими ложными взглядами на женщину порвали и самыя крѣпкія узы, привязывающія человѣка къ міру, узы брака. Мужья, зараженные аскетизмомъ, считали женъ своихъ существами злыми и бѣжали отъ нихъ, какъ отъ источника зла. Въ свою очередь и жены, считавшія брачную жизнь помѣхою

---

1) Акты Историч. т. I, № 204. Сн. Разсужденіе инока Вассіана, въ Чт. общ. истор. 1859, кн. 3, стр. 1.
2) Полн. собр. лѣтоп. VI, 274.
3) Полн. собр. русск. лѣтоп. II, 94.
4) См. у преосв. Макар. Ист. р. ц., т. VII, стр. 54.

къ душевному спасенію, бросали мужей своихъ и тайно отъ нихъ стриглись отъ черницъ[1]). Итакъ, пожелавшему идти въ монастырь не надъ чѣмъ было задумываться, оставляя мірскую жизнь. Въ этой послѣдней онъ не видалъ ни смысла, ни значенія, такъ какъ вообще смотрѣлъ на жизнь только съ отрицательной стороны, цѣнилъ ее настолько, насколько она приготовляла къ будущей жизни. Земную жизнь и безъ того, особенно въ разсматриваемое время, для многихъ и во многомъ трудную и далеко невеселую, подъ вліяніемъ того же аскетизма, представляли вообще преисполненною бѣдъ и скорбей; въ ней видѣли однѣ только печали и ничего отраднаго. И этого отрицательнаго печальнаго воззрѣнія на жизнь не чужды были, какъ уже знаемъ мы, Максимъ Грекъ и м. Даніилъ. Припомнимъ слова перваго изъ нихъ. «Здѣшняя жизнь, говорилъ Максимъ Грекъ, непостоянна, въ ней нѣтъ ничего вѣрнаго, все исполнено скорбей,— слава, пища, богатство и красота, какъ весенній цвѣтъ, временно проходятъ и исчезаютъ. Ты (душа) была возвышена, питалася, наслаждалася, прославилась побѣдами, живешь многіе десятки лѣтъ, а послѣ что? червь, гніеніе, гнусный смрадъ и множество злыхъ адскихъ мукъ. Какую ты ожидаешь отъ земныхъ благъ пользу? чрезъ нихъ мы погибаемъ. Не такъ ли, какъ дымъ и сонъ, все исчезаетъ и разсыпается, точно вѣтромъ»[2]). «Яко конь скоро мимо течетъ, поучалъ м. Даніилъ, и яко птица по воздуху скоро мимо летитъ, тако и дніе наши и часы и часци скоро мимо текутъ; якоже бо мимотеченіи здѣ есьмы въ настоящемъ семъ житіи и якоже въ гостехъ пребываемъ; нѣсть бо прочно намъ сіе житіе, ни бо здѣ есть намъ жити, но иже сего ради приведе насъ Господь Богъ въ настоящее сіе житіе, да не настоящему внимаемъ и мимотекущая прочимъ, но да вся къ будущему животу промышляемъ и готовимъ. Не сіе бо есть отечество наше, но преселеніе и паче, истинно рещи, изгнаніе, ибо во изгнаніи здѣ есьмы вси человѣцы, якоже писано есть, яко пришельцы есьмы здѣ и пресельницы» и проч.[3]). Что же удивительнаго, если подъ вліяніемъ такихъ взгля-

---

1) Это видно изъ посл. м. Фотія. См. Опис. рук. Рум. муз., стр. 273.
2) Соч. Макс. Грека, II т., стр. 8.
3) Это поученіе м. Даніила напечат. въ Памятн. стар. русск. литер.,

довъ на жизнь забывались и семейныя и общественныя обязанности? Руководимые желаніемъ только по-ту-сторонней жизни, многіе спѣшили за монастырскія стѣны, или въ глухую пустынь, въ полной увѣренности, что *тамъ только* и возможно выполнить настоящее значеніе жизни, и что, наоборотъ, *въ мірѣ*, внѣ монастыря, *нѣтъ спасенія*. Къ такимъ, наконецъ, ложнымъ результатамъ привели крайнія аскетическія воззрѣнія. Люди съ такимъ мрачнымъ взглядомъ на міръ, — и на монашество, какъ на единственное и исключительное условіе для спасенія, неудержимо рвались изъ общества въ монастыри и глухія пустыни, которыя казались отраднѣе, успокоительнѣе, вожделѣннѣе, чѣмъ богатыя палаты въ многолюдномъ городѣ, въ мірѣ, въ обществѣ, — отшельничество представлялось имъ лучше самой царской державы. Тѣ лишенія и подвиги, которые необходимо должны сопровождать строгую отшельническую жизнь, не только не охлаждали ихъ религіозныхъ порывовъ, а, напротивъ, еще болѣе воодушевляли ихъ своимъ крайнимъ аскетизмомъ.

Сейчасъ сказанное въ отношеніи пустынничества прекрасно выражается въ слѣдующемъ духовномъ «стихѣ объ Іосафѣ царевичѣ».

Расплакался младъ юношъ,
Іосафій царевичъ,
Предъ пустынею стоя:
«Прекрасная пустыня!
Восприми меня, пустыня,
Со премногими грѣхами;
Со многозорными дѣлами,
Яко матерь своего чаду
На бѣлыя руци!
Научи меня, пустыня,
Волю Божію творити,
Яко матерь своего сына
Все на добрыя дѣла!
Избави меня, пустыня,
Огня, вѣчныя муки!
Возведи меня, пустыня,

изданныхъ Кушел.-Безбородко, выпускъ IV, стр. 200. Сн. его же «Посланіе наказательно и душеполезно, и яко житіе сіе прелестное, яко сонъ мимо грядетъ» (Ист. русск. церк. преосв. Макар., т. VII, стр. 373—374).

Въ небесное царство!»
Прогласитъ пустыня
Архангельскимъ гласомъ:
«О, премилый юноша,
Іосафій царевичъ!
Еще гдѣ тебѣ во мнѣ жити,
Волю Божію творити?
Во мнѣ, во пустынѣ,
Всякія нужды воспріяти,
Терпя потерпѣти,
Трудомъ потрудиться,
Постомъ попоститься
И Богу помолиться;
У меня, у пустыни,
Нѣту цвѣтнаго платья,
Нѣтъ сахарныхъ яствъ,
И медвяныхъ пойловъ;
Во мнѣ, во пустыни,
Гнилая колода,
Болотная вода;
Во мнѣ, во пустынѣ,
Тебѣ будетъ жити
Грустно и томно;
У меня ли, у пустыни,
Тебѣ негдѣ разгуляться,
Не съ кѣмъ думу думать,
Не съ кѣмъ слово говорити!»
Но не смотря на это:
Расплакался младъ юношъ,
Іосафій царевичъ,
Предъ пустынею стоя,
На пустыню взираетъ,
Пустынѣ отвѣчаетъ:
«Могу я въ тебѣ жити,
Волю Божію творити!
Могу я въ пустынѣ
Всякія нужды воспріяти,
Терпя потерпѣти,
Трудомъ потрудиться,
Постомъ попоститься
И Богу помолиться.

Про тебя, матерь пустыня,
И самъ Господь знаетъ;
Тебя, матерь пустыня,
Всѣ Архангелы хвалятъ,
А преподобные прославляютъ;
Во тебѣ, матерь пустыня,
Предтечій пребываетъ,
Питается Предтечій
Дивимъ медомъ — виноградомъ!
Во тебѣ, матерь пустыня,
Гнилая колода
То сахарное мнѣ будетъ яство,
То мнѣ райская пища;
Во тебѣ, матерь пустыня,
Болотная вода
То медвяное пойло,
То мнѣ тихія прохлады!
Разгуляюся я, младъ юношъ
Іосафій царевичъ,
Во зеленой во дубравѣ;
Тамъ есть частыя древа,
Со мною будутъ думу думати,
На древахъ есть мелкія листья,
Со мною станутъ говорити,
Прилетятъ птицы райскія,
Станутъ распѣвати,
Меня будутъ потѣшати,
Христа Бога прославляти!
Какъ Христосъ Богъ на небесахъ,
Херувимы — Серафимы
Съ небесною силою,
Славенъ нашъ Богъ, прославися,
Велико Его имя Господне на землѣ»[1]).

Духъ стремленія изъ общества, духъ иночества до того усилился въ разсматриваемое время, что вызвалъ обличенія со стороны тѣхъ же аскетовъ, которые своими воззрѣніями посодѣйствовали его усиленію. Мы уже знакомы съ этими обличеніями и Максима Грека

[1]) Ист. русск. Словесности С. Шевырева, III, 204—206. Москва 1858 г.

и м. Даніила и съ ихъ доказательствами полной возможности спасенія и въ міру[1]).

Но какъ ни громадно было вліяніе аскетизма въ древней Руси, однако этимъ однимъ нельзя объяснять того великаго множества монастырей и монашествующей братіи, какого, по свидѣтельствамъ иностранцевъ, не было ни въ какой католической странѣ.

Въ описываемое время многихъ привлекали монастырскія стѣны не потому только, что въ нихъ можно было найти тихое пристанище отъ мірской суеты, но и потому, что онѣ представляли надежную защиту отъ политическихъ и административныхъ преслѣдованій и угнетеній, — безопасное убѣжище отъ различныхъ неудачъ и бѣдствій, скорбей и лишеній, неразлучныхъ съ жизнію почти каждаго человѣка. «Русскихъ, по свидѣтельству Флетчера, влекла въ монастыри та безопасность, которую давало монашеское званіе сравнительно съ гнетомъ и поборами, какіе терпѣлъ народъ. Многіе надѣвали монашеское платье какъ лучшій оплотъ противъ подобныхъ тягостей. Нѣкоторые бѣжали въ монастыри, какъ мѣста святости, спасаясь отъ наказанія и преслѣдованія, потому что если такой человѣкъ успѣвалъ надѣть клобукъ прежде, чѣмъ былъ позванъ въ судъ, то онъ уже этимъ самымъ пріобрѣталъ покровитель-

---

[1]) Замѣтимъ также, что на стремленіе нашихъ предковъ изъ міра въ монастыри не могла не вліять и мысль о близкой кончинѣ міра, какъ извѣстно, особенно сильно распространившаяся въ концѣ XV вѣка и потомъ упорно и постоянно державшаяся въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ (см. Прав. Соб. 1860, III, Древ. русск. пасхаліи). Эта мысль такъ глубоко распространилась у насъ въ XVI вѣкѣ (впрочемъ, не у насъ только ждали кончины міра и на западѣ въ этотъ вѣкъ не менѣе русскихъ тревожились этимъ ожиданіемъ), что самъ Максимъ Грекъ былъ не чуждъ ея. Онъ, если и обличалъ эту мысль, то только настолько, насколькс она утверждалась на астрологическихъ предсказаніяхъ (см. его слово на «Альмонаха» въ I томѣ). Общаго же мнѣнія о близкой кончинѣ міра, существовавшаго независимо отъ нихъ, онъ не опровергаетъ, а, напротивъ, проводитъ его въ своихъ сочиненіяхъ. Въ «словѣ къ благовѣрнымъ на богоборца пса Моамеѳа», онъ говоритъ прямо, что «антихристъ не зѣло далече есть, но и при дверехъ уже стоитъ, якоже божественная писанія учатъ насъ, явственнѣ глаголюща: на осьмомъ вѣцѣ быти хотящу всѣхъ устроенію, сирѣчь и греческія области престатію, и началу губительства богоборца антихриста и второму страшному на земли Спаса Христа пришествію (I т., сл. VII, стр. 132).

ство законовъ, какое бы онъ ни совершилъ преступленіе, кромѣ государственной измѣны»[1]).

Это свидѣтельство иностранца заслуживаетъ полной вѣры. Припомнимъ, какое «нестроеніе» представляла тогдашняя Русь въ политическомъ, административномъ и экономическомъ отношеніяхъ. При полномъ господствѣ въ обществѣ права сильнаго, при неразвитости гражданскихъ, общественныхъ правъ и грубости отношеній, при всеобщемъ почти стремленіи къ несправедливому пріобрѣтенію имѣнія, иногда даже грабежами и убійствами, и къ безчеловѣчному порабощенію свободныхъ людей, наконецъ, при грубости семейной и домашней жизни, монастырь естественно долженъ былъ привлекать очень многихъ своею тишиною, защитою отъ бѣдствій и преслѣдованій, также и матеріальною обезпеченностію. Было бы, напротивъ, непонятно, если бы недовольные и угнетаемые существовавшимъ порядкомъ вещей не стремились въ монастыри. Вѣдь бѣжалъ же народъ и посадскіе люди отъ общественныхъ невзгодъ и обязанностей (напр. службы) — на Волгу, на Донъ, въ лѣса, или просто куда глаза глядятъ, то почему же не бѣжать ему въ монастыри, когда доступъ въ нихъ былъ открытъ для всякаго, и гдѣ каждый могъ найти и теплый уголъ и беззаботный кусокъ хлѣба. Бѣглецовъ разыскивали, бродягъ ловили, а монахъ навсегда былъ огражденъ отъ этой тревоги своимъ платьемъ. Очень понятенъ, поэтому, отвѣтъ Вологодскаго епископа на вопросъ Флетчера — «зачѣмъ онъ постригся въ монахи?» — «затѣмъ», признался епископъ, «*чтобы ѣсть хлѣбъ въ покоѣ*»[2]).

Но въ разсматриваемое время спокойствіе и безопасность монастырской жизни, равнымъ образомъ и та громадная поземельная собственность, составлявшая почти треть государства, которою владѣли наши обители[3]), стали привлекать къ себѣ не только угнетаемыхъ и преслѣдуемыхъ, которые, дѣйствительно, не могли въ міру

[1]) См. Чт. общ. истор. и древн. 1871 г., III, стр. 124. Религіозн. бытъ русскихъ.

[2]) Ibid., стр. 170.

[3]) Какимъ образомъ монастыри разбогатѣли, объ этомъ скажемъ ниже.

къ душевному спасенію, бросали мужей своихъ и тайно отъ нихъ стриглись отъ черницъ[1]). Итакъ, пожелавшему идти въ монастырь не надъ чѣмъ было задумываться, оставляя мірскую жизнь. Въ этой послѣдней онъ не видалъ ни смысла, ни значенія, такъ какъ вообще смотрѣлъ на жизнь только съ отрицательной стороны, цѣнилъ ее настолько, насколько она приготовляла къ будущей жизни. Земную жизнь и безъ того, особенно въ разсматриваемое время, для многихъ и во многомъ трудную и далеко невеселую, подъ вліяніемъ того же аскетизма, представляли вообще преисполненною бѣдъ и скорбей; въ ней видѣли однѣ только печали и ничего отраднаго. И этого отрицательнаго печальнаго воззрѣнія на жизнь не чужды были, какъ уже знаемъ мы, Максимъ Грекъ и м. Даніилъ. Припомнимъ слова перваго изъ нихъ. «Здѣшняя жизнь, говорилъ Максимъ Грекъ, непостоянна, въ ней нѣтъ ничего вѣрнаго, все исполнено скорбей,— слава, пища, богатство и красота, какъ весенній цвѣтъ, временно проходятъ и исчезаютъ. Ты (душа) была возвышена, питалася, наслаждалася, прославилась побѣдами, живешь многіе десятки лѣтъ, а послѣ что? червь, гніеніе, гнусный смрадъ и множество злыхъ адскихъ мукъ. Какую ты ожидаешь отъ земныхъ благъ пользу? чрезъ нихъ мы погибаемъ. Не такъ ли, какъ дымъ и сонъ, все исчезаетъ и разсыпается, точно вѣтромъ»[2]). «Яко конь скоро мимо течетъ, поучалъ м. Даніилъ, и яко птица по воздуху скоро мимо летитъ, тако и дніе наши и часы и часци скоро мимо текутъ; якоже бо мимотеченіи здѣ есьмы въ настоящемъ семъ житіи и якоже въ гостехъ пребываемъ; нѣсть бо прочно намъ сіе житіе, ни бо здѣ есть намъ жити, но иже сего ради приведе насъ Господь Богъ въ настоящее сіе житіе, да не настоящему внимаемъ и мимотекущая прочимъ, но да вся къ будущему животу промышляемъ и готовимъ. Не сіе бо есть отечество наше, но преселеніе и паче, истинно рещи, изгнаніе, ибо во изгнаніи здѣ есьмы вси человѣцы, якоже писано есть, яко пришельцы есьмы здѣ и пресельницы» и проч.[3]). Что же удивительнаго, если подъ вліяніемъ такихъ взгля-

---

[1]) Это видно изъ посл. м. Фотія. См. Опис. рук. Рум. муз., стр. 273.

[2]) Соч. Макс. Грека, II т., стр. 8.

[3]) Это поученіе м. Даніила напечат. въ Памятн. стар. русск. литер.,

довъ на жизнь забывались и семейныя и общественныя обязанности? Руководимые желаніемъ только по-ту-сторонней жизни, многіе спѣшили за монастырскія стѣны, или въ глухую пустынь, въ полной увѣренности, что *тамъ только* и возможно выполнить настоящее значеніе жизни, и что, наоборотъ, *въ мірѣ*, внѣ монастыря, *нѣтъ спасенія*. Къ такимъ, наконецъ, ложнымъ результатамъ привели крайнія аскетическія воззрѣнія. Люди съ такимъ мрачнымъ взглядомъ на міръ, — и на монашество, какъ на единственное и исключительное условіе для спасенія, неудержимо рвались изъ общества въ монастыри и глухія пустыни, которыя казались отраднѣе, успокоительнѣе, вожделѣннѣе, чѣмъ богатыя палаты въ многолюдномъ городѣ, въ мірѣ, въ обществѣ, — отшельничество представлялось имъ лучше самой царской державы. Тѣ лишенія и подвиги, которые необходимо должны сопровождать строгую отшельническую жизнь, не только пе охлаждали ихъ религіозныхъ порывовъ, а, напротивъ, еще болѣе воодушевляли ихъ своимъ крайнимъ аскетизмомъ.

Сейчасъ сказанное въ отношеніи пустынничества прекрасно выражается въ слѣдующемъ духовномъ «стихѣ объ Іосафѣ царевичѣ».

Расплакался младъ юношъ,
Іосафій царевичъ,
Предъ пустынею стоя:
«Прекрасная пустыня!
Восприми меня, пустыня,
Со премногими грѣхами;
Со многозорными дѣлами,
Яко матерь своего чаду
На бѣлыя руци!
Научи меня, пустыня,
Волю Божію творити,
Яко матерь своего сына
Все на добрыя дѣла!
Избави меня, пустыня,
Огня, вѣчныя муки!
Возведи меня, пустыня,

изданныхъ Кушел.-Безбородко, выпускъ IV, стр. 200. Ср. его же «Посланіе наказательно и душеполезно, и яко житіе сіе прелестное, яко сонъ мимо грядетъ» (Ист. русск. церк. преосв. Макар., т. VII, стр. 373—374).

ненадежными слугами Божіими, плохими исполнителями монашескихъ уставовъ оказывались и тѣ, которые, хотя и добровольно, шли въ монастыри, но не для того, чтобы вдали отъ мірскихъ суетъ въ уединеніи спасать свою душу, а «покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать». Всѣ такіе постриженики были самымъ вреднымъ пріобрѣтеніемъ для монастырей: привыкши къ праздной жизни въ міру, они и въ монастыряхъ жили на соблазнъ истиннымъ монахамъ. Кромѣ того, богатые и знатные постриженики, князья и бояре и «приказные люди великіе», затрудняли туда путь бѣднымъ, хотя и усерднымъ чтителямъ монашескаго сана: своими богатыми вкладами и вотчинами въ монастыри они пріучали настоятелей къ мздоимству, къ продажѣ монашескаго сана, такъ что бѣдные, не смотря на усердіе къ подвижнической жизни, не были принимаемы въ монастыри. По словамъ Флетчера, при поступленіи въ монастырь, одни вносили по 1000 рублей, другіе еще болѣе, но никого не принимали, кто не вносилъ по меньшей мѣрѣ 300—400 руб.[1]). Но само собою разумѣется, никакъ нельзя предполагать, чтобы эти условія дѣйствовали и имѣли силу почти закона *во всѣхъ* монастыряхъ, какъ думалъ означенный иностранецъ. Тогда бы въ наши монастыри поступали одни лишь люди богатые. Скорѣе всего дѣло было такъ, что взносъ извѣстнаго количества денегъ, или необходимый вкладъ, наприм. земли, при поступленіи въ монастырь, практиковался только въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и притомъ не въ одинаковой мѣрѣ: въ одномъ мѣстѣ больше, въ другомъ, и гораздо чаще, меньше и настолько, что и небогатый человѣкъ могъ сколотить требуемый капиталъ. Если же и незначительной суммы не могъ взнести бѣднякъ, желавшій поступить въ монастырь, то ему могли помочь богачи, которые такую помощь считали своею обязанностію. Чаще всего они въ этомъ случаѣ дѣлали складчину. Стоглавый соборъ для пресѣченія взяточничества при постриженіи въ монахи, счелъ нужнымъ предписать настоятелямъ строгое наставленіе, чтобы они принимали въ монастыри всѣхъ православныхъ, хотящихъ сподобиться ангельскаго образа,

---

[1]) См. въ Чт. общ. ист. 1871 г., III, 124. Религіозн. бытъ русскихъ.

«и отъ тѣхъ не истязовати ничтоже, но токмо сами что дадутъ по своей силѣ, то отъ нихъ пріимати по священнымъ правиломъ»[1]). Какъ много уважали у насъ богатыхъ и знатныхъ постриженниковъ и какъ дорожили ими, можно видѣть изъ того, что въ угоду имъ самъ соборъ пожертвовалъ нѣкоторыми правилами строгаго монастырскаго устава. Въ 52-й главѣ (въ концѣ) читаемъ: «такъ какъ въ великихъ честныхъ монастырехъ стригутся князи и бояре и приказные люди великіе въ немощи или при старости, и даютъ вкупы (вклады) великіе и села вотчинныя, то на нихъ за немощь и старость законовъ не полагати о трапезномъ хожденіи и о келейномъ яденіи, а покоити ихъ по разсуженію ѣствою и питіемъ, про такихъ держати квасы сладкіе и черствые и выкислые, кто какова требуетъ, и ѣства такожде; или (если) у нихъ лучиться свой покой или отъ родителей присылка, и о томъ ихъ не истязати же» (не спрашивать). Этимъ послабленіемъ богатые и знатные монахи, какъ увидимъ ниже, злоупотребляли въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, что, конечно, усиливало недостатки и безпорядки въ монастырской жизни.

Деморализація монастырской жизни въ разсматриваемый періодъ много зависѣла вообще отъ недостатка іерархическаго надзора за благочиніемъ монашествующихъ. Сами святители, конечно, не могли слѣдить за поведеніемъ всего монашества, особенно въ отдаленныхъ отъ каѳедръ монастыряхъ; кромѣ того, многіе монастыри жалованными несудимыми граматами освобождались «въ дѣлехъ» не «духовныхъ» отъ суда епископскаго, который удобнѣе свѣтскихъ судовъ могъ искоренять монастырскіе безпорядки[2]). Другихъ лицъ для надзора за монашествующими, кромѣ настоятелей, не было. Но въ настоящее время настоятели сами не всегда могли быть строгими блюстителями монастырскихъ уставовъ. Архимандриты и игумены нѣкоторые были настоятелями не потому, что отличались строгою жизнію и начальственными способностями, а потому только, что «власти докупилися» и потомъ, конечно, заботились о вознаграж-

[1]) Стогл. гл. 50.
[2]) Ibid. гл. 5, вопр. 14; гл. 67.

деніи своихъ издержекъ при покупкѣ ея [1]), а многіе настоятели вовсе неспособны были надзирать за своими подчиненными, потому что сами предавались «упиванію безмѣрному» и жили «во всякомъ безчиніи» [2]). Каковы были нѣкоторые настоятели монастырей, и какъ пріобрѣтали они эти высокія должности, видно и изъ сочиненій Максима Грека. По свидѣтельству послѣдняго, у насъ вообще «тщались взыти на нѣкій санъ церковный, не точію лицемѣрствующе житіе благоговѣйно и дружбы составляюще съ сущими во властехъ, и всякимъ образомъ угождающе имъ и ласкающе, но многажды и дары, ова приносяще имъ, оваже и обѣщавше, аще довершатъ искомое и желаемое» [3]). Іоаннъ Грозный въ своемъ посланіи въ Кирилловъ монастырь говоритъ относительно этого предмета слѣдующее: «умершу бо коему игумену, или иконому, мнози изъ нихъ (монаховъ) встанутъ, намѣстіе его тщашеся пріяти (и се таяще единъ отъ другаго, а всѣмъ вѣдомо суще), овіи издаяи, неимущіи же ласками, яко змія, ядъ хотяще изліяти на искреннихъ. Чтожъ се? явѣ, яко имѣнія ради» [4]). Для искорененія этого зла Максимъ Грекъ предлагалъ избирать на должность игумена «соборомъ» братіи, а не дарами сребра и злата, приносимыми народнымъ писаремъ (?). Такіе игумены, замѣчаетъ онъ, «суть безчинники житіемъ, въ піянствѣ всегда и пищи всякой упражняющеся сами, а сущіи подъ рукою ихъ братія презираеми тѣлеснѣ и небрегоми духовнѣ скитаются безпутіемъ, якоже овцы, не имуще пастыря» [5]). Еще менѣе, чѣмъ на игуменовъ, можно было положиться на надзоръ святительскихъ бояръ и дьяковъ, десятильниковъ и заѣщиковъ. Отъ этихъ послѣднихъ иноческому чину никакой пользы не было, кромѣ «напрасныхъ продажъ и тяжкихъ налогъ», кромѣ судебнаго посрамленія по наговорамъ женокъ и дѣвокъ [6]).

Отъ всѣхъ выше указанныхъ причинъ вмѣстѣ произошло многое множество безпорядковъ и нравственныхъ недостатковъ въ монастыр-

---

1) Ibid. гл. 5, вопр. 8; гл. 49.
2) Ibid. гл. 5, вопр. 17.
3) Соч. Макс. Грека т. II, стр. 127; сн. Акты Ист. т. I, № 204, стр. 388.
4) Акты Ист. I, № 204.
5) Соч. Макс. Грека т. III, стр. 187.
6) Стогл. гл. 5, вопр. 7.

ской жизни. Забывъ свой долгъ и обязанности, пользуясь полнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, монахи проводили жизнь въ праздности и «покоѣ тѣлесномъ». Лѣность ихъ доходила до того, что они пренебрегали первыми своими обязанностями. Стоглавъ съ горечью указываетъ, что «архимандриты и игумены нѣціи и священницы и дьяконы въ своихъ обителяхъ во святыхъ Божіихъ церквахъ божественные литоргіи не служили ни за здравия ни за упокой недѣль въ пять и въ шесть, а инде и въ полгода»[1]). Этого мало. Когда благочестивые христіане, поручая себя молитвамъ монашествующихъ, дѣлали богатыя приношенія въ монастыри на поминовеніе своихъ душъ и своихъ родственниковъ, монашествующіе «по тѣхъ душахъ и по родителехъ по ихъ приказу и въ памяти ихъ не исправливали» заупокойныхъ литургій и панпихидъ[2]).

Что же дѣлали праздные монахи,—въ чемъ проводили они досужее время? Изъ Стоглава видно, что архимандриты и игумены, подкупомъ достигшіе этихъ должностей, забывъ службу Божію и низшую братію, «покоили себя въ келіи съ гостми; да племянниковъ своихъ вмѣщали въ монастырь и доволили всѣмъ монастырскимъ». Какъ развито было это *призрѣніе* родственниковъ и знакомыхъ въ монастырскихъ кельяхъ, и какъ дорого обходилось оно монастырской казнѣ, видно изъ того, что на *пропитаніе* настоятелей съ ихъ родственниками приходилось тратить большую часть монастырскихъ богатствъ. «Весь покой монастырскій, читаемъ въ Стоглавѣ, и богатство и всякое изобиліе во *властѣхъ*», которое онѣ (власти) «*истощали* съ роды и съ племянники и съ бояры и съ гостьми и съ любимыми друзи», такъ что монастыри бѣднѣли и пустѣли села (приписанныя къ монастырямъ)[3]).—Конечно, архимандритамъ и игуменамъ подражала братія изъ богатыхъ и знатныхъ постриженниковъ. Эти послѣдніе, дѣлавшіеся монахами не по убѣжденію, а постригавшіеся съ цѣлію найти въ монастырѣ успокоеніе отъ неурядицъ земскихъ, избѣжать разныхъ повинностей,

1) Гл. 41, вопр. 31.
2) Гл. 5, вопр. 15.
3) Гл. 5, вопр. 8. Ср. Соч. Максима Грека II, стр. 174—175. Здѣсь Макс. укоряетъ монаховъ за то, что они пожертвованное въ обители на прокормленіе нищихъ тратили «въ своихъ потребахъ преизлишнихъ»

которыя лежали на обществѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ скрыть въ монастырѣ свои богатства [1]), — или нерѣдко постригаемые насильно, — такъ эти постриженики, пользовавшіеся, какъ извѣстно, нѣкоторымъ послабленіемъ, не подчинялись въ монастыряхъ никакимъ правиламъ, вели совершенно мірскую жизнь и соблазняли своимъ примѣромъ прочихъ иноковъ. Самъ Іоаннъ въ извѣстномъ знаменитомъ посланіи своемъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь къ игумену Козьмѣ горько жаловался, что отъ бояръ пало благочестіе въ монастыряхъ, рѣзко укоряетъ Кирилловскихъ монаховъ за то, что они ослабляли и вмѣстѣ подражали Шереметьеву, Собакину и другимъ, постригшимся въ ихъ обители, и указывалъ на другіе монастыри, также пострадавшіе отъ подобныхъ пострижниковъ. «Подобаетъ вамъ, писалъ царь, усердно послѣдовати великому чудотворцу Кириллу и преданіе его крѣпко держати, и о истинѣ подвизатися крѣпцѣ, и не быти бѣгуномъ, пометати щитъ и иная: но вся оружія Божія восприимите, и *не предавайте чудотворцева преданія*. Никтожъ отъ васъ, яко Іуда Христа сребра ради, тако и вы сластолюбія ради. Есть бо у васъ Анна и Каіафа Шереметьевъ и Хабаровъ; и есть Пилатъ, Варлаамъ Собакинъ; есть и Христосъ распинаемъ — чудотворцево преданіе преобидимо (презираемо). Отцы святые! въ маломъ чемъ ослабу допустите — большее зло произойдетъ... Такъ отъ послабленія Шереметьеву и Хабарову чудотворцевъ преданіе у васъ нарушено. Если намъ благоволитъ Богъ у васъ постричься, то монастыря у васъ уже не будетъ, а вмѣсто него будетъ царскій дворъ! Но тогда зачѣмъ идти въ чернецы, зачѣмъ говорить: «отрицаюся міра и вся, яже суть въ мірѣ?» Постригаемый даетъ обѣтъ: повиноваться игумену, слушаться всей братіи и любить ее: но Шереметьеву какъ назвать монаховъ братіею, когда у него и десятый холопъ, живущій при немъ въ кельѣ, ѣстъ лучше братіи, которые ѣдятъ въ трапезѣ. Великіе свѣтильники — Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій,

и между прочимъ на *обильное обогащеніе племянниковъ и сродниковъ своихъ*.

1) Монастыри наши дѣйствительно служили мѣстомъ для храненія богатства, которое, по смерти вступившаго въ монашество, становилось собственностію монастыря (Акты Ист. I, № 24).

Пафнутій и многіе преподобные въ Русской землѣ установили уставы иноческому житію крѣпкіе, какъ надобно спастись; а бояре, пришедши къ вамъ, свои любострастные уставы ввели: значитъ, не они у васъ постриглись, а вы у нихъ постриглись, *не вы имъ учители и законоположители, а они вамъ*. Да, Шереметьева уставъ добръ: держите его; а Кирилловъ уставъ недобръ: оставьте его! Сегодня одинъ бояринъ такую страсть введетъ, завтра другой иную слабость, итакъ мало по малу весь обиходъ монастырскій испразднится и будутъ всѣ обычаи мірскіе. Вѣдь, по всѣмъ монастырямъ сперва начальники установили крѣпкое житіе, да впослѣдствіи разоряли его любострастные. Кириллъ чудотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ него Сергій, и каковъ законъ былъ—прочтите въ житіи чудотворца; да тотъ небольшую слабость ввелъ, за нимъ и иные побольше, и теперь, что видимъ на Симоновѣ? Кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ, остальные только по одеждѣ иноки, а все мірское совершается... Вотъ и у васъ сперва Іоасафу Умному дали оловянники въ келью, дали Серапіону Сицкому, дали Іонѣ Ручкину, а Шереметьеву уже дали и поставецъ и поварню. Вѣдь дать волю царю—дать ее и псарю, оказать послабленіе вельможѣ, оказать его и простому человѣку... Вассіанъ Шереметьевъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ постническое житіе ниспровергнулъ: такъ теперь и сынъ его Іона старается погубить послѣднее свѣтило, равно солнцу сіяющее, хочетъ и въ Кирилловѣ монастырѣ, въ самой пустынѣ, постническое житіе искоренить... Нынѣ у васъ Шереметьевъ сидитъ въ кельѣ, что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ другими чернецами, да ядятъ и пьютъ что̀ въ міру; а Шереметьевъ, невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные составные овощи; а за монастыремъ у него дворъ, на дворѣ запасы годовые всякіе,—и вы ему молчите о такомъ великомъ монастырскомъ безчиніи! А нѣкоторые говорятъ, что и вино горячее потихоньку въ келью къ Шереметьеву приносили... Пригоже ли такъ въ Кирилловѣ быть, какъ Іоасафъ, бывшій митрополитъ, у Троицы съ клирошанами пировалъ, или какъ Мисаилъ Сукинъ въ Никитскомъ монастырѣ и по инымъ мѣстамъ, словно какой вельможа, жилъ,

ненадежными слугами Божіими, плохими исполнителями монашеских уставовъ оказывались и тѣ, которые, хотя и добровольно, шли въ монастыри, но не для того, чтобы вдали отъ мірскихъ суетъ въ уединеніи спасать свою душу, а «покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать». Всѣ такіе постриженики были самымъ вреднымъ пріобрѣтеніемъ для монастырей: привыкши къ праздной жизни въ міру, они и въ монастыряхъ жили на соблазнъ истиннымъ монахамъ. Кромѣ того, богатые и знатные постриженики, князья и бояре и «приказные люди великіе», затрудняли туда путь бѣднымъ, хотя и усерднымъ чтителямъ монашескаго сана: своими богатыми вкладами и вотчинами въ монастыри они пріучали настоятелей къ мздоимству, къ продажѣ монашескаго сана, такъ что бѣдные, не смотря на усердіе къ подвижнической жизни, не были принимаемы въ монастыри. По словамъ Флетчера, при поступленіи въ монастырь, одни вносили по 1000 рублей, другіе еще болѣе, но никого не принимали, кто не вносилъ по меньшей мѣрѣ 300—400 руб.[1]). Но само собою разумѣется, никакъ нельзя предполагать, чтобы эти условія дѣйствовали и имѣли силу почти закона *во всѣхъ* монастыряхъ, какъ думалъ означенный иностранецъ. Тогда бы въ наши монастыри поступали одни лишь люди богатые. Скорѣе всего дѣло было такъ, что взносъ извѣстнаго количества денегъ, или необходимый вкладъ, наприм. земли, при поступленіи въ монастырь, практиковался только въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и притомъ не въ одинаковой мѣрѣ: въ одномъ мѣстѣ больше, въ другомъ, и гораздо чаще, меньше и настолько, что и небогатый человѣкъ могъ сколотить требуемый капиталъ. Если же и незначительной суммы не могъ взнести бѣднякъ, желавшій поступить въ монастырь, то ему могли помочь богачи, которые такую помощь считали своею обязанностію. Чаще всего они въ этомъ случаѣ дѣлали складчину. Стоглавый соборъ для пресѣченія взяточничества при постриженіи въ монахи, счелъ нужнымъ предписать настоятелямъ строгое наставленіе, чтобы они принимали въ монастыри всѣхъ православныхъ, хотящихъ сподобиться ангельскаго образа,

---

1) См. въ Чт. общ. ист. 1871 г., III, 124. Религіозн. бытъ русскихъ.

Такъ-то поживали богатые и знатные постриженики! Видно, что они въ самыхъ широкихъ размѣрахъ злоупотребляли тѣми льготами, которыя сдѣлалъ для нихъ соборъ. Изъ означеннаго посланія царскаго, дѣйствительно, можно заключать, что начальники-монахи переставали быть для знатныхъ постриженниковъ «учителями и законоположителями». Такъ много вниманія обращалось на такихъ постриженниковъ! Въ угоду имъ рѣшались на нарушеніе строгихъ монастырскихъ уставовъ. Поистинѣ, въ описываемое время «не бояре гонялись за иноками, а иноки за боярами», а это, какъ справедливо замѣчалъ царь, потому, что «монастыри оскудѣли благочестіемъ».

Власти монастырскія, такъ много потакавшія прихотямъ богатыхъ и знатныхъ постриженниковъ, конечно, и сами не отказывали себѣ въ удобствахъ житейскихъ. Это тѣмъ естественнѣе, что въ данное время всѣ болѣе или менѣе видныя должности попадали въ руки инокамъ изъ богатаго и знатнаго рода, такъ какъ для пріобрѣтенія ихъ, какъ видѣли мы, нужны были «многія дары злата и сребра». Привыкши въ міру къ богатой и роскошной обстановкѣ, они и въ обителяхъ позволяли себѣ тѣже удовольствія и роскошь. А это для нихъ было весьма удобно, потому что въ ихъ безконтрольномъ распоряженіи, по извѣстному намъ свидѣтельству Стоглава, находился «весь покой монастырскій и богатство и всякое изобиліе». Князь-инокъ Вассіанъ вотъ какъ изображаетъ непомѣрную роскошь монаховъ: «Мы, говоритъ онъ, многогрѣшные и прегрѣшные иноки, возлюбивъ иночество и отрекшись этого міра и всего что въ немъ, носимъ на себѣ только образъ иночества. Въ иноческомъ образѣ мы строимъ себѣ каменныя ограды и палаты, позлащенныя узорами со травами многоцвѣтными, украшаемъ себѣ въ кельяхъ *царскіе чертоги* и беремъ съ міра все лучшее, и покоимъ себя пьянствомъ и пищею, достающеюся намъ отъ рукъ труждающихся на насъ. Мы, по зависти, лишаемъ мірянъ лучшей пищи; а по справедливости лучшая пища и питіе принадлежатъ мірянамъ работающимъ на насъ, а не намъ, инокамъ, не намъ, и паки реку не намъ... О безумные и заблудшіе мы пьяницы, угождающіе только мамонѣ!... По своему малодушію, мы держимъ

у себя волости съ крестьянами... запасаемся золотомъ, серебромъ и дорогими вещами; мы держимъ для трапезы разные крѣпкіе и сладкіе напитки и пищу на многихъ блюдахъ и мисахъ»[1]). Подобно иноку Вассіану и Максимъ обличалъ монаховъ въ излишней привязанности къ роскоши. По его словамъ, монахи всячески старались о пріобрѣтеніи «сладкогортанна пива и брашна медоточива и постелей мягкихъ», объ украшеніи себя «пестрыми и мягкими шелковыми тканями, златомъ же и сребромъ и бисеры добрыми»[2]). Приведемъ кстати любопытное замѣчаніе Іоанна Грознаго о томъ, какія нѣжности подъ-часъ позволяли себѣ монахи. Указавъ на примѣры истинныхъ подвижниковъ, готовыхъ ради Христа претерпѣвать всякія бѣды и лишенія, онъ говоритъ: «мы же аще и единъ часъ главою поболимъ, или прыщъ на тѣлѣ нашемъ узримъ, то всѣмъ знаемымъ нашимъ возвѣщаемъ» (объ этой бѣдѣ!), и тогда: «обсядутъ ны друзи наши, совѣты творяще, кое убо быліе ключается на оздоровленіе наше; тогда же и женскія руки тѣло наше осязаютъ и мажутъ льготу творяще, отходятъ же воздыхающе, а мы по нихъ зряще жалимся и до слезъ (!)»[3])... Но продолжимъ о болѣе существенномъ. Настоятели монастырей, не довольствуясь тѣмъ, что роскошно пировали въ стѣнахъ монастырскихъ, часто разъѣзжали по селамъ для большей «прохлады». Тамъ они еще свободнѣе предавались неумѣреннымъ пированіямъ на счетъ крестьянъ, принадлежавшихъ монастырямъ. Стоглавый соборъ вынужденъ былъ запретить эти поѣздки настоятелей по селамъ, за исключеніемъ одного-двухъ разъ въ годъ и то на самое короткое время[4]).

Само собою разумѣется, что для удовлетворенія той неумѣренной страсти къ роскоши, которая до того развилась въ монахахъ, что они изъ своихъ келій дѣлали подобіе «царскимъ чертогамъ», гдѣ и предавались всевозможнымъ житейскимъ удовольствіямъ, — такъ для удовлетворенія этимъ потребностямъ нужны были богатыя

[1]) Чт. общ. ист. 1859 г., кн. III, стр. 9, 10, 11.

[2]) Соч. Макс. Грека т. II, сл. I. Бесѣда ума съ душею. Также слово (XII) ко инокомъ о исправленіи иноческаго житія.

[3]) Акты Истор. т. I, № 204.

[4]) Стогл. гл. 49.

средства, и главнымъ образомъ средства надежныя и постоянныя, а такими могли быть недвижимыя имущества. Неудивительно послѣ этого, если монахи употребляли всѣ усилія на пріобрѣтеніе именно этихъ недвижимыхъ имуществъ.

Для насъ важно прослѣдить, какими именно путями монахи пріобрѣтали себѣ недвижимыя имѣнія. Это укажетъ на многія нравственныя черты нашего монашества.

Нѣтъ, конечно, спора, что монастырскія богатства пріобрѣтались и путемъ, такъ сказать, легальнымъ. Мы знаемъ, какимъ всеобщимъ сочувствіемъ пользовались монастыри въ древней Россіи. Это сочувствіе, кромѣ того, что было уже сказано, наглядно выразилось еще въ многочисленныхъ пожертвованіяхъ и надѣлахъ ихъ недвижимою собственностью. Уже въ началѣ XI вѣка мы встрѣчаемъ извѣстія о надѣлѣ монастырей недвижимымъ имуществомъ. Такъ въ описаніи житія препод. Ѳеодосія Печерскаго замѣчается, что многіе «приношаху ему отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на устроеніе монастыря, *другіе же и села вдаваху*» [1]). Въ Ипатіевской лѣтописи говорится, что князь Ярополкъ Изяславичъ († 1086 г.) далъ Печерскому монастырю «всю жизнь свою, Неблъскую волость и Деревьскую и Лучьскую, и около Кіева» [2]). Въ XII вѣкѣ (1158 г.) дочь его при своей смерти отказала монастырю все свое имѣніе: «а по своемъ животѣ вда княгиня 5 селъ съ челядью и *все да и до повоя*» [3]). Нѣтъ надобности указывать далѣе на тѣ многочисленные акты, свидѣтельствующіе о пожертвованіяхъ въ монастыри «градовъ селъ и волостей». Никто въ томъ не сомнѣвается, что боголюбивые русскіе князья и княгини, также бояре, посадники, даже лица низшаго званія и женщины [4]), щедро надѣляли монастыри недвижимыми имѣніями.

Укажемъ теперь на нѣкоторыя причины, способствовавшія развитію громадной монастырской собственности. Одною изъ такихъ главнѣйшихъ причинъ были тѣ льготы и привиллегіи, которыми

---

[1]) Кіевск. патерикъ, лист. 58 и слѣд.
[2]) Полн. Собр. русск. лѣт. II, стр. 82.
[3]) Ibid.
[4]) О послѣднихъ для примѣра см. Акт. Ист. I, № 163 и № 143.

которыя лежали на обществѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ скрыть въ монастырѣ свои богатства [1]),— или нерѣдко постригаемые насильно,— такъ эти постриженники, пользовавшіеся, какъ извѣстно, нѣкоторымъ послабленіемъ, не подчинялись въ монастыряхъ никакимъ правиламъ, вели совершенно мірскую жизнь и соблазняли своимъ примѣромъ прочихъ иноковъ. Самъ Іоаннъ въ извѣстномъ знаменитомъ посланіи своемъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь къ игумену Косьмѣ горько жаловался, что отъ бояръ пало благочестіе въ монастыряхъ, рѣзко укоряетъ Кирилловскихъ монаховъ за то, что они поблажали и вмѣстѣ подражали Шереметьеву, Собакину и другимъ, постригшимся въ ихъ обители, и указывалъ на другіе монастыри, также пострадавшіе отъ подобныхъ постриженниковъ. «Подобаетъ вамъ, писалъ царь, усердно послѣдовати великому чудотворцу Кириллу и преданіе его крѣпко держати, и о истинѣ подвизатися крѣпцѣ, и не быти бѣгуномъ, пометати щитъ и иная: но вся оружія Божія воспріимите, и *не предавайте чудотворцева преданія*, никтожъ отъ васъ, яко Іуда Христа сребра ради, тако и нынѣ сластолюбія ради. Есть бо у васъ Анна и Каіафа Шереметьевъ и Хабаровъ; и есть Пилатъ, Варлаамъ Собакинъ; есть и Христосъ распинаемъ— чудотворцево преданіе преобидимо (презрѣнное). Отцы святые! въ маломъ чемъ ослабу допустите— большое зло произойдетъ... Такъ отъ послабленія Шереметьеву и Хабарову чудотворцевъ преданіе у васъ нарушено. Если намъ благоволитъ Богъ у васъ постричься, то монастыря у васъ уже не будетъ, а вмѣсто него будетъ царскій дворъ! Но тогда зачѣмъ идти въ чернецы, зачѣмъ говорить: «отрицаюся міра и вся, яже суть въ мірѣ?» Постригаемый даетъ обѣтъ: повиноваться игумену, слушаться всей братіи и любить ее: но Шереметьеву какъ назвать монаховъ братіею, когда у него и десятый холопъ, живущій при немъ въ кельѣ, ѣстъ лучше братіи, которые ѣдятъ въ трапезѣ. Великіе свѣтильники — Сергій и Кириллъ, Варлаамъ, Димитрій,

---

и между прочимъ на *обильное обогащеніе племянниковъ и сродниковъ своихъ*.

[1]) Монастыри наши дѣйствительно служили мѣстомъ для храненія богатства, которое, по смерти вступившаго въ монашество, становилось собственностію монастыря (Акты Ист. I, № 24).

къ намъ, то бо все въ руцѣ Божіи влагаете»[1]). Они сильно угождали царю и властямъ съ цѣлію «выманити (у нихъ) имѣнія монастырямъ, или богатство многое». Цари и князья, дѣйствительно, благодарили за это монаховъ «градами, селами и волостями»[2]). Случалось, что монастыри насильно отнимали чужія имѣнія[3]). По свидѣтельству Максима Грека, монахи и маленькимъ клочкомъ земли не пренебрегали, а оттягивали его у слабаго соперника. «И за малую землицу, говоритъ Максимъ, и сію многажды не свою (монахи) влекли суперниковъ своихъ къ суду»[4]). Чтобы выиграть дѣло, они мало того, что подкупали судей, но иногда прибѣгали къ самымъ беззаконнымъ и низкимъ средствамъ — къ составленію подложныхъ актовъ въ пользу монастырей[5]). Въ корыстныхъ видахъ монахи, по свидѣтельству князя-инока Вассіана, за достовѣрность котораго мы однако не ручаемся, не только составляли подложные акты, но поддѣлывали нѣкоторыя мѣста въ «божественныхъ книгахъ, писаніяхъ преподобныхъ и Св. отецъ и житіяхъ праведныхъ» съ цѣлію обмануть самихъ царей. «Малосмысленные царіе — Христу противники, говоритъ Вассіанъ, иноковъ жалуютъ и даютъ инокамъ свои царскіе *вотчины, грады и села и волости со христіяны*, и отдаютъ изъ міру отъ христіянъ своихъ, аки отъ невѣрныхъ и отъ несвоихъ, *завидная и вся лутчая въ монастыри инокомъ*... и вѣрятъ ихъ *ложному* иноческому челобитью. А сего царіе не вѣдаютъ и не внимаютъ, что инози во иноцехъ, по діаволю лестному умышленію, изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ праведныхъ житія *выписываютъ и выкрадываютъ изъ книгъ преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе, и на тожъ мѣсто въ тѣ же книги приписываютъ лут-*

1) Прав. Обозр. 1862 г., 8 т. (Іюнь), стр. 180. Статья Сервицкаго — О ереси новгородскихъ еретиковъ.

2) Сказан. Курбск., стр. 41, 5 и др. Преосв. Макарій не довѣряетъ этимъ свидѣтельствамъ князя (см. его Ист. рус. церк. VI, стр. 169 и 276, прим. 362), но общій голосъ за Курбскаго.

3) Акт. Экспед. I, № 227. Опис. рук. Рум. муз. стр. 43.

4) Соч. Макс. Грека II т., стр. 41—42, 110.

5) Полн. собр. рус. лѣт. VI, стр. 238. Прибавл. къ Твор. св. от. т. X, стр. 510. Отнош. иноковъ Кирил. и Волокол. монастырей въ XVI в. Стогл. гл. 5, вопр. 15.

чин и полезная себѣ вносятъ на собраніе свидѣтельства, яко бы то подлинно святыхъ писаніе[1]).

Таковы темные противозаконные пути, которыми монахи увеличивали недвижимую монастырскую собственность!

Укажемъ еще на одно средство, къ которому часто прибѣгали монахи вообще для своего обогащенія. Царь Иванъ Васильевичъ спрашивалъ на Стоглавомъ соборѣ: «угодно ли Богу и согласно ли съ божественнымъ писаніемъ, что изъ монастырской казны даютъ деньги въ ростъ?»[2]). Соборъ отвѣчалъ, «что монастырскія казенныя деньги даютъ въ ростъ и хлѣбъ въ наспы — въ прибыль, это божественное писаніе и священныя правила возбраняютъ не только священническому и иноческому чину, но и простымъ людямъ». Посему онъ и запретилъ духовенству давать деньги и хлѣбъ въ ростъ[3]). Какъ сильно развито было между монахами ростовщичество, можно видѣть изъ сочиненій Максима Грека. Едва ли какой другой порокъ преподобный Максимъ такъ настойчиво и безпощадно обличалъ, какъ «богомерзкое лихоимство» монаховъ. Изъ многихъ обличеній этого порока укажемъ на нѣкоторыя. «Гдѣ бо писано есть, спрашиваетъ Максимъ отъ лица нестяжательнаго инока любостяжательнаго, ссылающагося въ свое оправданіе на ветхозавѣтныхъ праведниковъ, Авраама, Исаака, Іакова, Іова и др. «добрѣ свое богатство и имѣніе устроившихъ», — гдѣ бо писано есть о онѣхъ, яко свое сребро чрезъ заповѣди законныя съ ростомъ въ заимъ даяху, или росты на ростѣхъ истязаху отъ убогихъ и немогущихъ отдати истину за преумноженіе многолѣтнихъ ростовъ расхищаху оставшая отъ послѣдныя нищеты худая стяжаница, *якоже нынѣ дерзаемъ мы на бѣдныхъ селянехъ, лихоимствующе ихъ тягчайшими росты* и расхищающе ихъ, не могущихъ отдати заемое... Мы (иноки), обѣтъ нашихъ забывше, и аки ничтоже возмнѣвше ихъ, стяжанія паки себѣ, и стадо всяческихъ скотъ яко и въ первомъ мірскомъ житіи нашемъ, тщимся всегда пристяжати, и злато и

---

[1]) Разсужд. Вассіана о неприлич. монаст. влад. вотчин. Чт. моск. общ. ист. 1859 г., кн. III, стр. 6—7. Самыхъ книгъ, которыя бы подтверждали слова Вассіана, мы не можемъ указать.

[2]) Стогл. гл. 5, вопр. 16.

[3]) Ibid. гл. 76.

сребро себѣ скопити на земли *со всякимъ неправдованіемъ и лихоимствомъ беззаконныхъ ростовъ*»[1]). Въ другомъ мѣстѣ Максимъ Грекъ, указавъ на крайнюю скудость и нищету, которую терпѣли должники монастырскіе — бѣдные крестьяне, говоритъ, что мы не только не облегчаемъ тяжелую и горькую участь ихъ, но и зѣло безчеловѣчно прирастаемъ имъ таковую скудость ихъ *истязаніи повсельтными тяжчайшихъ ростовъ о заемномъ ихъ сребрѣ нашемъ,* николи же оставляюще имъ таковое безчеловѣчно истязаніе, *аще и десятижды воспріимемъ истину заемнаго;* не точію же симъ образомъ озлобляемъ ихъ, но, аще кто, за послѣднюю нищету, не можетъ дати готовый ростъ въ пріидущій годъ, оле безчеловѣчія! *другій ростъ истязуемъ отъ него,* и, аще не могутъ отдати, разграбимъ стяжанища ихъ, и отъ своихъ селъ гонимъ руками тщими[2]). За беззаконное рѣзоимство, за взятіе ростовъ на росты укоряетъ монаховъ и м. Даніилъ (будучи, впрочемъ, еще настоятелемъ Іосифова монастыря, — по крайней мѣрѣ мы ссылаемся на его слово, писанное въ это время). За этотъ грѣхъ онъ грозилъ монахамъ гнѣвомъ Божіимъ и муками ада[3]). Но любостяжательные монахи не довольствовались видно и такимъ безчеловѣчнымъ ростовщичествомъ, какъ росты на росты. Для удовлетворенія ненасытимаго корыстолюбія, они не стыдились людей и не боялись Бога пользоваться несчастіемъ ближняго, даже общественнымъ бѣдствіемъ. Въ обличеніе этого порока М. Грекъ говоритъ: «Наслаждаешися ты, треокаянная (душа монаха), отъ неправедныхъ лихоиманій собирающи себѣ *жидовски* богатство, и тщася всегда исполнь имѣти клѣти своя и всяческихъ брашенъ и сладкихъ питій, и стоги житныя превелики и часты по вся лѣта складая на селѣхъ своихъ окаянная, *яже, желаніемъ большаго прибытка, нарокомъ блюдеши дорого продатися во времена глада,* не трепещущи отнюдъ Богомъ извѣщеннаго прещенія, еже подъ клятвами подлагаетъ родъ уморяемыхъ гладомъ, блюдущи пшеницу и жита всяка на большую

[1]) Соч. М. Грека II, стр. 94—95.
[2]) Ibid., ст. 131.
[3]) См. въ Ист. рус. церк. пр. Макарія, т. VII, стр. 361—363.

цѣну желаніемъ множайшаго прибытка»[1]). Но что всего непростительнѣе было въ корыстолюбивыхъ монахахъ, такъ это то, что они, лихоимствуя такъ беззаконно и безчеловѣчно, въ тоже время думали, что исполняютъ главнѣйшую заповѣдь христіанской нравственности — заповѣдь о любви къ ближнему. «За великое человѣколюбіе и милостыню почитаешь ты», говоритъ Максимъ таковому монаху, «еже съ ростомъ взаимъ давати свое сребро бѣднымъ селянамъ; *симъ чиномъ, глаголеши, утѣшаемъ ихъ въ скудостехъ ихъ*. Ей, брате, и азъ исповѣдую, яко было бы имъ утѣшеніе немало, еже отъ тебе взаимъ даемое имъ сребро, *аще бы безъ росту*, по божественной заповѣди, *взаимъ далъ имъ* и отъ немогущаго отдати, послѣдняя, ради нищеты, не истязалъ бы отъ него ниже росты, *ниже саму истину*, но довольно отдаяніе возимѣлъ бы должное тебѣ отъ богатаго мздовоздателя въ будущемъ вѣцѣ воздаяніе и непрестанныхъ потехъ и трудѣхъ убогаго, ихже терпитъ въ зимѣ и лѣтѣ во твоихъ работахъ. Нынѣ же истязуеши съ силою и расхищаеши худая его стяжанища и его самого, оле безчеловѣчія! или изгониши вкупѣ съ женою и дѣтьми далече отъ селъ твоихъ руками тощими, или поработиши его вѣчнымъ порабощеніемъ, якоже и мучитель Фараонъ сыны Израилевы. Что сего мерзчайше можетъ быти и безчеловѣчнѣйше, брате мой? Лучше убо было, аще не бы отнюдъ изначала взаимъ далъ ему, нежели взаимъ давшу, сице безчеловѣчнѣ морити его за горкое оно заемное»[2]). И сдѣланныхъ выдержекъ вполнѣ достаточно, чтобы судить о томъ, какъ сильно развита была въ монахахъ страсть къ стяжанію. Для удовлетворенія этой порочной страсти, они, какъ видѣли мы, не стѣснялись жертвовать и главнѣйшими заповѣдями христіанской нравственности — справедливостію и человѣколюбіемъ.

Можно со всею вѣроятностію предположить, что у монаховъ было не мало и другихъ болѣе или менѣе незаконныхъ средствъ къ уве-

[1]) Соч. М. Грека II, стр. 44. Въ томъ же порокѣ обличалъ монаховъ и инокъ Вассіанъ. См. полемич. соч. его, Прав. Собес. 1863 г., III ч., стр. 187.

[2]) Ibid. стр. 99—100. Обличенія преп. М. Грека на лихоимство монаховъ см. вообще въ первыхъ четырехъ словахъ его во второмъ томѣ.

личенію своего внѣшняго благосостоянія. И безъ особыхъ доказательствъ вполнѣ можно быть увѣреннымъ, что подобные монахи не страдали недостаткомъ изобрѣтательности на средства для достиженія своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей. Едва ли можно усумниться и въ искусствѣ ихъ пользоваться избранными средствами [1]).

Говоря о лихоимствѣ монаховъ, мы видѣли, что послѣдніе въ жертву этой страсти не затруднялись приносить чувства справедливости и милости къ бѣдному ближнему. Но нарушеніе монахами заповѣди о любви къ ближнему всетаки не обрисовалось въ достаточной мѣрѣ и съ надлежащею ясностію. Это потому, что мы сосредоточивали вниманіе свое преимущественно на степени развитія и формахъ обнаруженія страсти монаховъ къ лихоимству. Отсюда нарушеніе монахами заповѣди о любви къ ближнему представлялось намъ въ тѣни, къ тому-жъ, только съ одной стороны, прикосновенной къ означенной страсти. Чтобы разсмотрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ и притомъ соблюсти единство и цѣльность представленія, скажемъ *теперь же* болѣе подробно и обстоятельно о забвеніи монахами заповѣди, обязывающей любить и миловать ближняго.

Главными обличителями жестокосердія и безчеловѣчія монаховъ въ отношеніи ихъ къ ближнему были Максимъ Грекъ и инокъ Вассіанъ. Общій мотивъ ихъ обличеній, направленныхъ противъ послѣдняго порока монаховъ, состоитъ въ представленіи контраста между удовольствіями и роскошью, какимъ предавались монахи, и бѣдственнымъ состояніемъ ихъ крестьянъ, забитыхъ и забытыхъ своими владѣльцами [2]).

---

[1]) Стремленіе къ незаконнымъ прибыткамъ, посредствомъ того же лихоманія замѣчено было преп. Максимомъ Грекомъ и въ *женскихъ* нашихъ монастыряхъ. Въ своемъ посланіи къ нѣкоторымъ инокинямъ (II, стр. 394—415) Максимъ, исчисляя грѣхи, удаляющіе насъ отъ Бога, съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на «страсть іудейскаго сребролюбія и несытнаго лихоимства»,—на расхищенія имѣній бѣдныхъ и убогихъ «тяжчайшихъ ростовъ вселѣтными истязаніи».

[2]) Выше мы говорили, что на монастырскія земли, какъ на льготныя, крестьяне бѣжали съ тяглой земли, конечно въ надеждѣ, что на льготной землѣ будутъ легче иго рабства и бремя тягла и повинностей. Но видно льготами и привилегіями, предоставленными монастырскимъ землямъ, пользовались одни лишь владѣтели этихъ послѣднихъ; на долю же крестьянъ, переселявшихся на эти земли, доставалось тоже, какъ и на тяглой

пользовались монастырскія владѣнія. Такъ извѣстно, что монастыри и ихъ крестьяне освобождались отъ податей и пошлинъ (всѣхъ или нѣкоторыхъ). Эта свобода отъ податей и пошлинъ болѣе всего переманивала на монастырскія земли крестьянъ, постоянно обремеияемыхъ налогами и поборами. Для бѣдныхъ крестьянъ, бродившихъ по Руси съ цѣлію отыскать удобную землю, естественно монастырская земля представлялась обѣтованною землею, такъ какъ она была льготная, а удобнѣе льготной уже нечего искать. Быстро и во множествѣ стекались они къ монастырскимъ стѣнамъ, образуя многочисленныя села и починки; и не только крестьяне бѣжали на монастырскія земли, даже люди свободнаго состоянія «посадскіе и уѣздные» охотно закладывались за монастыри. Кромѣ указанной привиллегіи, монастыри (впрочемъ не всѣ) избавлялись отъ подсудности мѣстнымъ властямъ, свѣтскимъ и духовнымъ (послѣднимъ, разумѣется, въ дѣлахъ мірскихъ), отъ проѣзда чрезъ ихъ села княжескихъ чиновниковъ и выдачи имъ корма, подводъ и проводниковъ. Нѣкоторые монастыри получали право суда и расправы надъ людьми живущими въ ихъ земляхъ не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ. Многіе монастыри пріобрѣтали даже право держать пятна для покупки и продажи лошадей [1]).

Эти и многія другія подобныя льготы не могли не содѣйствовать развитію монастырской собственности и, дѣйствительно, въ XVI вѣкѣ она была такъ громадна, что подрывала экономію государства. Послѣднее вслѣдствіе этого пришло въ столкновеніе съ церковными учрежденіями [2]).

---

[1]) См. вообще жалованныя и тарханныя граматы въ Акт. Экспед. I и Акт. Ист. I.

[2]) Поясним сказанное. Громадная монастырская собственность, надѣленная огромными льготами, не могла не отзываться и самымъ чувствительнымъ образомъ на экономіи государства. Монастырская земля — льготная, слѣдов., участокъ земли, находящійся въ вѣдѣніи монастыря, не служитъ интересамъ государства. А такъ какъ на эту льготную землю перебѣгали крестьяне, то, стало быть, не только тяглая земля (вслѣдствіе вкладовъ) уходила изъ государства, но и тяглыхъ людей оно лишалось. Первоначально, какъ извѣстно, монастырь могъ брать только собственность лицъ — «вотчины», но съ вотчинами съ теченіемъ времени — и *de facto* гораздо ранѣе, чѣмъ *de jure* — сдѣлались сходны «помѣстья», т. е. и помѣстьями стали распоряжаться какъ личною собственностію,—

Увеличенію монастырской недвижимой собственности содѣйствовали также добровольныя и насильственныя постриженія бояръ, князей и княгинь, такъ какъ они въ этомъ случаѣ дѣлали большіе вклады.

Недвижимая собственность естественно обусловливала собою и денежное богатство монастырей, а это давало имъ возможность пріобрѣтать вотчины покупкою у другихъ лицъ [1]). При томъ, монастыри, владѣя богатствами, отдавали ихъ за извѣстные проценты частнымъ лицамъ подъ закладъ недвижимой собственности и, въ случаѣ несостоятельности должника, пріобрѣтали залогъ въ собственность. Покупка за деньги имѣній и присвоеніе за долги случались такъ часто, что Іоаннъ Грозный призналъ полезнымъ запретить монастырямъ дальнѣйшія покупки вотчинъ безъ доклада государю, а тѣ села, волости и угодья, которыя монастыри насильно поотнимали *за долги* у дѣтей боярскихъ и у крестьянъ, отобрать[2]).

Изъ сказаннаго видно, какъ много было благопріятныхъ условій для развитія громадной монастырской собственности. — Но мы указали только на болѣе или менѣе законные пути, которыми скоплялись богатства въ монастыри. Посмотримъ теперь, къ какимъ

отчего и служилая земля (помѣстья) уходила въ монастырь. Государство въ XVI вѣкѣ вынуждено было обратить особенное вниманіе на это обстоятельство. Въ этотъ вѣкъ государственныя потребности, преимущественно войны, развили у насъ служилый классъ, который для службы «верстался» помѣстьями. Поэтому, чѣмъ больше уходило земли къ монастырямъ, тѣмъ затруднительнѣе становилось для государства содержаніе служилаго класса. Вотъ этотъ-то настоятельный вопросъ — гдѣ взять земли для раздачи служилымъ людямъ? — и привелъ къ мысли воспользоваться *вообще церковными* землями для финансовыхъ надобностей государства. Но въ XVI вѣкѣ правительство не имѣло возможности привести въ исполненіе задуманную мысль: слишкомъ уже крѣпко стояло духовенство за свои права. Правительство успѣло только во 2-й половинѣ этого вѣка только помѣшать дальнѣйшему переходу новыхъ земель въ руки церкви. Соборнымъ опредѣленіемъ (1580 г.) запрещалось церковнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать новыя земли, утвердивъ за ними прежнюю земельную собственность (Сбор. госуд. грам. I, № 200). Впрочемъ, не смотря на это соборное постановленіе, самъ царь нарушилъ свое узаконеніе, пожертвовавъ въ 1583 году Кирилло-бѣлозерскому монастырю 5 селъ (Ист. русск. церк. пр. Макар. VIII, стр. 255).

[1]) Акты Истор. I, №№ 74, 215. Акт. Экспед. I, №№ 68 и 246.

[2]) Стогл. гл. 101, стр. 430—434. Сн. Акт. Экспед. I, № 227.

незаконнымъ средствамъ часто прибѣгали монахи для большаго увеличенія огромныхъ монастырскихъ богатствъ. Мы увидимъ при этомъ, что въ инокахъ, отрекавшихся, при своемъ постриженіи, отъ всякаго стяжанія, страсть «пристяживать села и стяжанія различна» нисколько не утихала, если не развивалась еще съ большею силою, чѣмъ въ міру, такъ какъ въ послѣднемъ, отъ произвола сильныхъ, копить богатства дѣлалось затруднительнымъ; увидимъ также, что и потребности, мірскія житейскія потребности, не умирали въ людяхъ, по идеѣ умиравшихъ для міра, такъ какъ для удовлетворенія этихъ потребностей изыскивали соотвѣтствующихъ матеріальныхъ средствъ. Однакожъ, какія же это средства?

Время, которое описываемъ мы, было временемъ своего рода благочестивой ревности. Мы имѣли случай говорить, какъ любили предки наши успокоивать смущенную совѣсть свою соблюденіемъ религіозной внѣшности. Однимъ изъ средствъ успокоивать свою совѣсть были разнаго рода пожертвованія въ монастыри. Вотъ этой-то стороной благочестивой ревности монахи и пользовались для своего обогащенія. Это для нихъ было тѣмъ удобнѣе, что они въ то время были друзьями и постоянными собесѣдниками набожныхъ людей, особенно въ знатныхъ домахъ. Припомнимъ на этотъ случай нѣсколько разъ повторенную заповѣдь Домостроя «*часто* призывать къ себѣ въ домъ священниковъ и иноковъ (отцевъ духовныхъ), совѣтоваться съ ними во всемъ по совѣсти, слушаться ихъ во всемъ, повиноваться имъ, почитать ихъ» [1]). Изъ посланія же Грознаго въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь мы видѣли, что монахи сами изыскивали способы знакомиться съ свѣтскими домами и добивались, чтобы ихъ приглашали въ эти дома. Пріобрѣтши такъ или иначе вліяніе въ какомъ либо домѣ, большею частію, конечно богатомъ и знатномъ, монахи не упускали случая выпросить что либо на монастырь. Они не стѣснялись прямо совѣтовать: не давать имѣніе, *аще и убогимъ сродникамъ,* а давати къ монастырю, за что, прибавляли они, святые вымолятъ у Бога царствіе небесное [2]). «Что имате потребно, говорили монахи, несите

[1]) Гл. V, X, XIV и LXIV.

[2]) Опис. рукоп. Рум. муз. 243, 244. Также Полн. собр. русск. лѣтоп. IV, 238.

къ намъ, то бо все въ руцѣ Божіи влагаете»[1]). Они сильно угождали царю и властямъ съ цѣлію «выманити (у нихъ) имѣнія монастырямъ, или богатство многое». Цари и князья, дѣйствительно, благодарили за это монаховъ «градами, селами и волостями»[2]). Случалось, что монастыри насильно отнимали чужія имѣнія[3]). По свидѣтельству Максима Грека, монахи и маленькимъ клочкомъ земли не пренебрегали, а оттягивали его у слабаго соперника. «И за малую землицу, говоритъ Максимъ, и сію многажды не свою (монахи) влекли суперниковъ своихъ къ суду»[4]). Чтобы выиграть дѣло, они мало того, что подкупали судей, но иногда прибѣгали къ самымъ беззаконнымъ и низкимъ средствамъ — къ составленію подложныхъ актовъ въ пользу монастырей[5]). Въ корыстныхъ видахъ монахи, по свидѣтельству князя-инока Вассіана, за достовѣрность котораго мы однако не ручаемся, не только составляли подложные акты, но поддѣлывали нѣкоторыя мѣста въ «божественныхъ книгахъ, писаніяхъ преподобныхъ и Св. отецъ и житіяхъ праведныхъ» съ цѣлію обмануть самихъ царей. «Малосмысленные царіе — Христу противники, говоритъ Вассіанъ, иноковъ жалуютъ и даютъ инокамъ свои царскіе *вотчины, грады и села и волости со христіяны*, и отдаютъ изъ міру отъ христіянъ своихъ, аки отъ невѣрныхъ и отъ несвоихъ, *завидная и вся лутчая въ монастыри инокомъ*... и вѣрятъ ихъ *ложному* иноческому челобитью. А сего царіе не вѣдаютъ и не внимаютъ, что мнози во иноцехъ, по діаволю лестному умышленію, изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ праведныхъ житія *выписываютъ и выкрадываютъ изъ книгъ преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе, и на тожъ мѣсто въ тѣ же книги приписываютъ лут-*

---

1) Прав. Обозр. 1862 г., 8 т. (Іюнь), стр. 180. Статья Сервицкаго — О ереси новгородскихъ еретиковъ.

2) Сказан. Курбск., стр. 41, 5 и др. Преосв. Макарій не довѣряетъ этимъ свидѣтельствамъ князя (см. его Ист. рус. церк. VI, стр. 169 и 276, прим. 362), но общій голосъ за Курбскаго.

3) Акт. Экспед. I, № 227. Опис. рук. Рум. муз. стр. 43.

4) Соч. Макс. Грека II т., стр. 41—42, 110.

5) Полн. собр. рус. лѣт. VI, стр. 238. Прибавл. къ Твор. св. от. т. X, стр. 510. Отнош. иноковъ Кирил. и Волокол. монастырей въ XVI в. Стогл. гл. 5, вопр. 15.

чая и полезная себѣ вносять на собраніе свидѣтельства, яко бы то подлинно святыхъ писаніе[1]).

Таковы темные противозаконные пути, которыми монахи увеличивали недвижимую монастырскую собственность!

Укажемъ еще на одно средство, къ которому часто прибѣгали монахи вообще для своего обогащенія. Царь Иванъ Васильевичъ спрашивалъ на Стоглавомъ соборѣ: «угодно ли Богу и согласно ли съ божественнымъ писаніемъ, что изъ монастырской казны даютъ деньги въ ростъ?»[2]). Соборъ отвѣчалъ, «что монастырскія казенныя деньги даютъ въ ростъ и хлѣбъ въ наспы — въ прибыль, это божественное писаніе и священныя правила возбраняютъ не только священническому и иноческому чину, но и простымъ людямъ». Посему онъ и запретилъ духовенству давать деньги и хлѣбъ въ ростъ[3]). Какъ сильно развито было между монахами ростовщичество, можно видѣть изъ сочиненій Максима Грека. Едва ли какой другой порокъ препод. Максимъ такъ настойчиво и безпощадно обличалъ, какъ «богомерзкое лихоимство» монаховъ. Изъ многихъ обличеній этого порока укажемъ на нѣкоторыя. «Гдѣ бо писано есть, спрашиваетъ Максимъ отъ лица нестяжательнаго инока любостяжательнаго, ссылавшагося въ свое оправданіе на ветхозавѣтныхъ праведниковъ, Авраама, Исаака, Іакова, Іова и др. «добрѣ свое богатство и имѣніе устроившихъ», — гдѣ бо писано есть о онѣхъ, яко свое сребро чрезъ заповѣди законныя съ ростомъ въ заимъ даяху, или росты на ростѣхъ истязаху отъ убогихъ и немогущихъ отдати истину за преумноженіе многолѣтнихъ ростовъ расхищаху оставшая отъ послѣдныя нищеты худая стяжанища, *якоже нынѣ дерзаемъ мы на бѣдныхъ селянехъ, лихоимствующе ихъ тягчайшими росты* и расхищающе ихъ, не могущихъ отдати заемое... Мы (иноки), обѣтъ нашихъ забывше, и аки ничтоже возмнѣвше ихъ, стяжанія паки себѣ, и стадо всяческихъ скотъ яко и въ первомъ мірскомъ житіи нашемъ, тщимся всегда пристяжати, и злато и

---

¹) Разсужд. Вассіана о неприлич. монаст. влад. вотчин. Чт. моск. общ. ист. 1859 г., кн. III, стр. 6—7. Самыхъ книгъ, которыя бы подтверждали слова Вассіана, мы не можемъ указать.

²) Стогл. гл. 5, вопр. 16.

³) Ibid. гл. 76.

сребро себѣ скопити на земли *со всякимъ неправдованіемъ и лихоимствомъ беззаконныхъ ростовъ*»[1]). Въ другомъ мѣстѣ Максимъ Грекъ, указавъ на крайнюю скудость и нищету, которую терпѣли должники монастырскіе — бѣдные крестьяне, говоритъ, что мы не только не облегчаемъ тяжелую и горькую участь ихъ, но и зѣло безчеловѣчно прирастаемъ имъ таковую скудость ихъ *истязаніи повсельтными тяжчайшихъ ростовъ о заемномъ ихъ сребрѣ нашемъ*, николи же оставляюще имъ таковое безчеловѣчно истязаніе, *аще и десятижды воспріимемъ истину заемнаго;* не точію же симъ образомъ озлобляемъ ихъ, но, аще кто, за послѣднюю нищету, не можетъ дати готовый ростъ въ пріидущій годъ, оле безчеловѣчія! *другій ростъ истязуемъ отъ него*, и, аще не могутъ отдати, разграбимъ стяжанища ихъ, и отъ своихъ селъ гонимъ руками тщими[2]). За беззаконное рѣзоимство, за взятіе ростовъ на росты укоряетъ монаховъ и м. Даніилъ (будучи, впрочемъ, еще настоятелемъ Іосифова монастыря, — по крайней мѣрѣ мы ссылаемся на его слово, писанное въ это время). За этотъ грѣхъ онъ грозилъ монахамъ гнѣвомъ Божіимъ и муками ада[3]). Но любостяжательные монахи не довольствовались видно и такимъ безчеловѣчнымъ ростовщичествомъ, какъ росты на росты. Для удовлетворенія ненаситимаго корыстолюбія, они не стыдились людей и не боялись Бога пользоваться несчастіемъ ближняго, даже общественнымъ бѣдствіемъ. Въ обличеніе этого порока М. Грекъ говоритъ: «Наслаждаешися ты, треокаянная (душа монаха), отъ неправедныхъ лихоиманій собирающи себѣ *жидовски* богатство, и тщася всегда исполнь имѣти клѣти своя и всяческихъ брашенъ и сладкихъ питій, и стоги житныя превелики и часты по вся лѣта складая на селѣхъ своихъ окаянная, *яже, желаніемъ большаго прибытка, нарокомъ блюдеши дорого продатися во времена глада*, не трепещущи отнюдъ Богомъ извѣщеннаго прещенія, еже подъ клятвами подлагаетъ родъ уморяемыхъ гладомъ, блюдущи пшеницу и жита всяка на большую

---

1) Соч. М. Грека II, стр. 94—95.
2) Ibid., ст. 131.
3) См. въ Ист. рус. церк. пр. Макарія, т. VII, стр. 361—363.

цѣну желаніемъ множайшаго прибытка»[1]). Но что всего непростительнѣе было въ корыстолюбивыхъ монахахъ, такъ это то, что они, лихоимствуя такъ беззаконно и безчеловѣчно, въ тоже время думали, что исполняютъ главнѣйшую заповѣдь христіанской нравственности — заповѣдь о любви къ ближнему. «За великое человѣколюбіе и милостыню почитаешь ты», говоритъ Максимъ таковому монаху, «еже съ ростомъ взаимъ давати свое сребро бѣднымъ селянамъ; *симъ чиномъ, глаголеши, утѣшаемъ ихъ въ скудостехъ ихъ*. Ей, брате, и азъ исповѣдую, яко было бы имъ утѣшеніе немало, еже отъ тебе взаимъ даемое имъ сребро, *аще бы безъ росту,* по божественной заповѣди, *взаимъ даялъ имъ* и отъ немогущаго отдати, послѣдняя, ради нищеты, не истязалъ бы отъ него ниже росты, *ниже саму истину*, но довольно отдаяніе возмнѣлъ бы должное тебѣ отъ богатаго издовоздателя въ будущемъ вѣцѣ воздаяніе и непрестанныхъ пóтехъ и трудѣхъ убогаго, ихже терпитъ въ зимѣ и лѣтѣ во твоихъ работахъ. Нынѣ же истязуеши съ силою и расхищаеши худая его стяжанища и его самого, оле безчеловѣчія! или изгонишь вкупѣ съ женою и дѣтьми далече отъ селъ твоихъ руками тощими, или поработиши его вѣчнымъ порабощеніемъ, якоже и мучитель Фараонъ сыны Израилевы. Что сего мерзчайше можетъ быти и безчеловѣчнѣйше, брате мой? Лучше убо было, аще не бы отнюдъ изначала взаимъ далъ ему, нежели взаимъ давшу, сице безчеловѣчнѣ морити его за горкое оно заемное»[2]). И сдѣланныхъ выдержекъ вполнѣ достаточно, чтобы судить о томъ, какъ сильно развита была въ монахахъ страсть къ стяжанію. Для удовлетворенія этой порочной страсти, они, какъ видѣли мы, не стѣснялись жертвовать и главнѣйшими заповѣдями христіанской нравственности — справедливостію и человѣколюбіемъ.

Можно со всею вѣроятностію предположить, что у монаховъ было не мало и другихъ болѣе или менѣе незаконныхъ средствъ къ уве-

[1]) Соч. М. Грека II, стр. 44. Въ томъ же порокѣ обличалъ монаховъ и инокъ Вассіанъ. См. полемич. соч. его, Прав. Собес. 1863 г., III ч., стр. 187.

[2]) Ibid. стр. 99—100. Обличенія преп. М. Грека на лихоимство монаховъ см. вообще въ первыхъ четырехъ словахъ его во второмъ томѣ.

личенію своего внѣшняго благосостоянія. И безъ особыхъ доказательствъ вполнѣ можно быть увѣренными, что подобные монахи не страдали недостаткомъ изобрѣтательности на средства для достиженія своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей. Едва ли можно усумниться и въ искусствѣ ихъ пользоваться избранными средствами [1]).

Говоря о лихоимствѣ монаховъ, мы видѣли, что послѣдніе въ жертву этой страсти не затруднялись приносить чувства справедливости и милости къ бѣдному ближнему. Но нарушеніе монахами заповѣди о любви къ ближнему всетаки не обрисовалось въ достаточной мѣрѣ и съ надлежащею ясностію. Это потому, что мы сосредоточивали вниманіе свое преимущественно на степени развитія и формахъ обнаруженія страсти монаховъ къ лихоимству. Отсюда нарушеніе монахами заповѣди о любви къ ближнему представлялось намъ въ тѣни, къ тому-жъ, только съ одной стороны, прикосновенной къ означенной страсти. Чтобы разсмотрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ и притомъ соблюсти единство и цѣльность представленія, скажемъ *теперь же* болѣе подробно и обстоятельно о забвеніи монахами заповѣди, обязывающей любить и миловать ближняго.

Главными обличителями жестокосердія и безчеловѣчія монаховъ въ отношеніи ихъ къ ближнему были Максимъ Грекъ и инокъ Вассіанъ. Общій мотивъ ихъ обличеній, направленныхъ противъ послѣдняго порока монаховъ, состоитъ въ представленіи контраста между удовольствіями и роскошью, какимъ предавались монахи, и бѣдственнымъ состояніемъ ихъ крестьянъ, забитыхъ и забытыхъ своими владѣльцами [2]).

---

[1]) Стремленіе къ незаконнымъ прибыткамъ, посредствомъ того же лихоиманія замѣчено было преп. Максимомъ Грекомъ и въ *женскихъ* нашихъ монастыряхъ. Въ своемъ посланіи къ нѣкоторымъ инокинямъ (II, стр. 394—415) Максимъ, исчисляя грѣхи, удаляющіе насъ отъ Бога, съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на «страсть іудейскаго сребролюбія и несытнаго лихоимства»,—на расхищенія имѣній бѣдныхъ и убогихъ «тяжчайшихъ ростовъ вселѣтными истязаніи».

[2]) Выше мы говорили, что на монастырскія земли, какъ на льготныя, крестьяне бѣжали съ тяглой земли, конечно въ надеждѣ, что на льготной землѣ будутъ легче иго рабства и бремя тягла и повинностей. Но видно льготами и привилегіями, предоставленными монастырскимъ землямъ, пользовались одни лишь владѣтели этихъ послѣднихъ; на долю же крестьянъ, переселявшихся на эти земли, доставалось тоже, какъ и на тяглой

Каждый изъ монаховъ, говоритъ Максимъ, «тщится богатства ради да получитъ нѣкія земныя славицы», или духовнаго сана, а получивъ думаетъ, что надъ закономъ владѣти поставленъ есть.... гордится, беззаконствуетъ, лютѣ гнѣвается, мучитъ, связуетъ, мзды емлетъ, беззаконствуетъ, блудно питается, вся его мудрованія злато есть, и многомятежное ему попеченіе, како угодити властемъ. Языкъ же его разрѣшенъ священныхъ узъ молчанія, вся съ яростію и досаженіемъ.... ниже рука безмолствуетъ, *но на высоту жезлъ воздвигши, хребетъ мужа убогаго ударити яряся*.... Къ симъ же, погубивъ и душевную доброту.... пестрыми точію и мягкими шелковыми тканями, златомъ же и сребромъ и бисеры добрыми, внѣшній образъ всегда тщится украсити.... одѣющися всегда въ мягкая, аки нѣкій глухій аспидъ, затыкающи ушеса своя, руцѣ же, забывшеся на милостыню простиратися нищетою губительною, лютѣ обуреваемыхъ, безъ милости, увы, *бичи ихъ истязуютъ* за лютыхъ сребра рѣзоиманій, отдати же не имущихъ, или *свободы лишили ихъ и рабы себѣ прочее писаша ихъ*, или *обнаживши ихъ имѣній ихъ*, руками тощими, своихъ предѣлъ *отгнаша бѣдныхъ;* властію же селъ сердце зѣло превознесоша паки, не прилежитъ къ тому селяномъ, аки своимъ удомъ, по заповѣди Господни, но аки раби куплени *частыми уморяетъ тягостьми трудовъ всяческихъ*, и аще нѣгдѣ прегрѣшаетъ абіе *оковы желѣзными озлобилъ есть ноги ихъ*, лютѣ яряся, властію же разгордѣвся, зѣло безъ страха прочее носится по всякой пропасти погибельнѣй, яко жестоковый конь, дерзостію избывъ узды, оттрясъ отъ своихъ хребетъ всадника.... Священнаго ученія, повелѣвающаго не богатыхъ, но *нищихъ на яди звати*, за хребтомъ своимъ возвергши, многостяжательны всегда пресвѣтло учреждаетъ, о нихъ веселящися и *обоима рукама нещадно истощаетъ имѣнія нищихъ въ наслажденіяхъ всяческихъ сердца своего*»[1]). Въ другомъ мѣстѣ Максимъ Грекъ спрашиваетъ: «Не достойна ли

землѣ, рабство съ «чрезмѣрными пóтами и трудовъ безчисленными нужами», дѣлавшими жизнь переселенцевъ на столько тягостною и бѣдственною, что, какъ нѣсколько ниже увидимъ, они вынуждались иногда разбѣгаться съ монастырскихъ земель.

[1]) Бесѣда ума съ душею II т., слово I.

слезъ и плача суть, яже кромѣ всякія правды и всякаго *иноческаго устава* дерзаемая нами на братію нашу, нищихъ глаголю и убогихъ, вдовицъ же и сирыхъ? Не точію бо презираемъ ихъ *гладомъ и мразомъ и послѣднею скудостію житейскихъ потребъ злѣ погибающихъ, но и обидимыхъ ихъ отъ сильныхъ и беззаконныхъ, не отмщаемъ ихъ, ниже боронимъ разхищаемыхъ своя имѣнія....* И что глаголю не отмщаемъ, ниже обороннимъ насильствуемыхъ, *аще и сильни есме* многажды избавити ихъ отъ насильствующихъ, *мы сами*, окаянная душе, *и мірскихъ горчайше многажды дерзаемъ, увы, на ня.* Али *не послѣднее* видится тебѣ *безчеловѣчіе наше* и неправдованіе сіе, егда мы, забывше обѣтъ нашихъ, стяжанія паки всякая и стада скотскія себѣ пристяжаемъ и всякія сладкія пищи и прохлада обильно насыщаемся пѣтомъ подручныхъ намъ селянъ? Тіи же окаяннія, безпрестани труждающеся и томимы въ житейскихъ потребахъ нашихъ, и обильна сія намъ уготовляюще, во скудости и нищетѣ всегда пребываютъ, *ниже ржаннаго хлѣба чиста ядуще, многажды же и безъ соли отъ послѣдния нищеты*. Мы же не точію безчювственно и безмилостно къ той горцѣй ихъ скудости пребываемъ и ни единаго утѣшенія ихъ сподобляемъ.... *но и зѣло безчеловѣчно приростаемъ имъ таковую скудость ихъ* истязаніи повселѣтными тяжчайшихъ ростовъ о заемномъ ихъ сребрѣ нашемъ... и аще не могутъ отдати, *разграбимъ стяжанища ихъ* и отъ своихъ селъ гонимъ руками тщими, ихъ же паче подобаше миловати» и т. д.[1]).

Таковы обличенія Максима Грека. Подобны имъ и обличенія ученика Максима, князя-инока Вассіана.

«Мы, говоритъ Вассіанъ, многогрѣшные и прегрѣшные иноки, носимъ на себѣ только образъ иночества... Мы покоимъ себя пьянствомъ и пищею, достающеюся намъ *отъ рукъ труждающихся на насъ.* Мы, по зависти, *лишаемъ міряиъ* (бѣльцовъ) *лучшей пищи;* а по справедливости лучшая пища и питіе принадлежитъ міряиамъ, работающимъ на насъ... О безумные и заблудшіе мы

---

[1]) II т., 130—141 и слѣд.

пьяницы, угождающіе только мамонѣ!.. По своему малодушію, мы держимъ у себя волости съ крестьянами, властвуемъ надъ ними и *показываемъ на нихъ только свое немилосердіе, злобу и всякую неправду*, а тому и не внимаемъ, какъ избѣжать этого міра и его суеты, и чтобы еще намъ на братію трудиться. Трудящихся и мірянъ намъ слѣдуетъ питать, и отдавать имъ лишнее и необходимое, потому что они всегда съ радостію на насъ трудятся и насъ, иноковъ, питаютъ добровольными и обильными трудами. Они во всемъ повинуются намъ, а мы окаянные, *лишаемъ ихъ собственной пищи, какъ невѣрныхъ иноземцевъ и прочихъ поганыхъ*. Читай житія преподобныхъ и пустынниковъ — они питались обычною пищею и питіемъ, а какія ризы носили! развѣ они накупались гдѣ на крестьянскія слезы и отнимали что нибудь лжами и насильствомъ?.. много ли оставили они золота, серебра и добрыхъ матерій?.. А мы, окаянные и многогрѣшные иноки, оболгали всемилостиваго Спаса, принявъ этотъ образъ и назвавшись иноками, да, мы иноки, да только не на иноческую добродѣтель, а *на всякую злобу* иноки. И сверхъ монастырской казны еще *крадемъ всякій себѣ особо*, а не знаемъ, кому это изъ иноковъ достанется. Мы запасаемся золотомъ, серебромъ и дорогими вещами; мы держимъ для трапезы разные крѣпкіе напитки и пищу на многихъ блюдахъ и мисахъ»[1]). «Мы, побѣжденные сребролюбіемъ и алчностію, различными способами оскорбляемъ убогихъ братій нашихъ, живущихъ въ нашихъ селахъ, налагая на нихъ лесть на лесть и лихву на лихву, и нигдѣ не обнаруживаемъ даже милости, такъ что, если кто изъ нихъ не можетъ отдать лихвы (процента), то мы безъ сожалѣнія лишаемъ ихъ и послѣдняго имущества: *отнимаемъ у нихъ коровку и лошадку, а самихъ ихъ съ женами и дѣтками, какъ будто поганыхъ, изгоняемъ далеко отъ своихъ предѣловъ; другихъ же еще предаемъ въ руки княжеской власти* и такимъ образомъ доводимъ до конечнаго *истребленія*. Намъ повелѣно для усовершенствованія въ добродѣтели и свое раздавать нищимъ, а мы, какъ будто ополчаясь противъ заповѣдей,

---

[1]) Разсужд. Вассіана, въ Чт. общ. ист. и др. 1859 г., кн. III, стр. 9—11.

обижаемъ, грабимъ и продаемъ крестьянъ, братій нашихъ и безъ милости истязуемъ ихъ бичемъ, бросаясь на нихъ, какъ звѣри бросаются на тѣла» [1]). «Какая польза тѣмъ благочестивымъ князьямъ, которые принесли свои имѣнія Богу (т. е. пожертвовали въ монастырь), когда вы неправедно и съ лихоиманіемъ управляете ими. Сами вы богатѣете и питаетесь безмѣрно, а братія наша, работающіе вамъ на селахъ крестьяне, живутъ въ крайней нищетѣ, и если не удовлетворятъ вашей прихоти или не въ состояніи отдать вамъ лихвъ — тогда, увы! *бываютъ* изгнаны изъ селъ вашихъ нагіе и избитые» [2]). Однимъ словомъ, замѣчаетъ Вассіанъ, что и «цари не бываютъ такъ свирѣпы, какъ иноки» [3]). Согласно съ Максимомъ Грекомъ и инокомъ Вассіаномъ изображаетъ горькую участь низшей монастырской братіи и бѣдныхъ тружениковъ Зиновій Отенскій, противникъ Максима и Вассіана во взглядѣ на «стяжаніе и нестяжаніе» монастырей и защитникъ иноческой жизни отъ направленныхъ противъ нея общихъ упрековъ. «Не дивитежеся въ часъ сей о мнѣ, пишетъ Зиновій, имже задерживаюся глаголя, яко слезити ми найде отъ жалости сердца; пріиде бо ми въ память и нынѣ, яко иногда видѣхъ мниховъ нѣкоихъ монастырей онѣхъ, иже осужаемыхъ ради деревень Васіяномъ и Максимомъ благоговѣйными, имѣющихъ руцѣ оклячевшихъ ради страданія многа, и кожу на нихъ аки волую и разсѣдающуся, и лица ихъ опуснѣвша и власи ихъ разтрочены, безъ милости же отъ истязующихъ дани новлачими и нещадно біеми жестоцѣ, аки отъ иноплеменникъ истязуеми, нози же и руцѣ посинѣвшихъ и опухшихъ, ови убо храмлюще, ови же и валяющеся; имѣніемъ же своимъ толико могущимъ, яко и просителемъ нищимъ паче изобиловати ихъ... брашно же въ нихъ обрѣтаемо хлѣбъ овсянъ невѣянъ или класы ржаные толчены, и таковая хлѣбы сухи безъ соли; питіе же воду, и вареніе имѣющихъ капустное

---

[1]) Полемич. сочин. Вассіана, Прав. Соб. 1863, Сент., 109, 110. Какого рода насилія позволяли себѣ иногда сильные надъ слабыми въ монастыряхъ, можно видѣть изъ челобитной царю Іоанну IV игумена Кирилло-бѣлозерскаго монастыря и братіи на старца Александра (см. Слов. VII, 103).

[2]) Ibid. Октябрь, стр. 184.

[3]) Разсужд. Вассіана, Чт. общ. ист. 1859 г. кн. III, стр. 4.

листвіе; преимѣющіи же въ нихъ, аще зеліе имѣютъ свеклу и рѣпу; овощи же имъ, егда обрѣтаются, рябина и калина; о одежи же что и глаголати?—искропаны и вошми посыпаны»[1]). Всѣ приведенныя свидѣтельства вполнѣ подтверждаются оффиціальнымъ заявленіемъ Стоглава, что «братія бѣдные бывали алчни и жадни и всячески непокойни всякими нуждами одержимы». Изъ Стоглава также видно, что настоятели *выгоняли* своихъ бѣдныхъ подчиненныхъ, даже старыхъ слугъ и вкладчиковъ; отъ того «черницы и черницы по міру волочились и жили въ міру и не знали, что словетъ монастырь, и тѣмъ нигдѣ покою не было, ни въ которомъ монастырѣ не принимали»[2]).

Какъ жестоко монахи притѣсняли и изнуряли крестьянъ своихъ, ясно видно изъ того, что послѣдніе иногда разбѣгались съ монастырскихъ земель. Не забудемъ, что монастырскія земли были льготныя, что особенно и влекло на нихъ бѣдный народъ, и если уже крестьяне рѣшались оставлять льготныя земли, то, значитъ, притѣсненія со стороны монаховъ пересиливали всякое терпѣніе. Но жестокіе и немилостивые монахи и здѣсь не оставляли своихъ притѣсненій. Максимъ Грекъ касательно этого предмета говоритъ: «аще кто отъ нихъ (крестьянъ) изнемогъ тягостію налагаемыхъ имъ безпрестани отъ насъ трудовъ же и дѣланій, *восхощетъ индѣ нѣгдѣ переселитися, не отпущаемъ его, увы, аще не положитъ уставленный оброкъ,* о немже толика лѣта жилъ есть въ нашемъ селѣ; безчисленныхъ трудовъ и потовъ и страданій его, ихже положилъ въ нашихъ потребныхъ служеніихъ, забывше время бѣднаго его житія, *предаемъ*»[3]).

Такъ «безмилостно» относились монахи къ «братіямъ своимъ убогимъ, ни единыя благости, ни человѣколюбія сподобляюще ихъ, сопротивно же паче, снѣдающе ихъ и моряще всякимъ образомъ». Понятно теперь, почему Максимъ Грекъ называлъ жизнь бѣдняковъ монастырскихъ «горчайшею внутри и внѣ»[4]). Дѣйствительно,

[1]) «Истины показ.» стр. 898—899.
[2]) Стогл. гл. 5, вопр. 8, 9 и 37.
[3]) II т., стр. 131—132.
[4]) II т., стр. 132 и 206.

было за что бѣднякамъ монастырскимъ плакаться на господъ своихъ монаховъ. Весьма справедливо говорилъ Максимъ Грекъ, укоряя нашихъ современныхъ ему монаховъ: «Колико нынѣ отъ насъ обидими же и всякимъ дѣломъ оскорбляеми убоги и нищи, вдовы и сироты, вопіютъ на ны и воздыхаютъ изъ глубины душевныя и горькія слезы льютъ предъ отцемъ сирыхъ и судіею вдовицъ и заступникомъ убогихъ. Мы же никако же преклоняемся ко онѣхъ скорби и слезамъ, хотя и по вся дни слышимъ, яко судъ безъ милости не сотворшимъ милости. Воистину уподобихомся аспиду глухому и затыкающу уши свои; одебелѣ бо сердце наше, якоже Исаіа рече о древнемъ жестоковыйномъ Израили, и ушима нашима тяжко слышимъ» [1]).

Нужно ли много распространяться теперь о томъ, что богатые и знатные монахи, также настоятели, игумены, старцы и вообще высшій чинъ монашескій стыдились даже признавать низшую «бѣдную братію, алкавшую и жаждавшую и всячески непокойную, всяческими нуждами одержимую» [2]) за братію. Слова Іоанна Грознаго, сказанныя на счетъ Шереметьева, можно отнести ко всей высшей и начальствующей братіи. «Постригаемые, писалъ царь въ Кирилловъ монастырь, даютъ обѣтъ: «со братіею скорби терпѣти и всякія напасти приключшаяся», слушаться всей братіи и любить ее: но Шереметьеву какъ назвать монаховъ братіею? у него и десятый холопъ ѣстъ лучше братіи» и т. д. Нѣсколько ниже, показавъ, что прежде въ монастыряхъ «равенство держалося холопемъ и бояромъ и мужикомъ торовымъ», царь говоритъ вообще: «А нынѣ то и слово: тотъ великъ, а тотъ того больше, ино то и братства нѣтъ: вѣдь коли ровно, ино то и братство; а коли неровно, которому братству быти? ино то и иноческаго житія нѣтъ» [3]). Митроп. Даніилъ, будучи еще игуменомъ Волоколамскаго монастыря, такъ поучалъ свою братію: «Пусть никто не говоритъ: я рода царскаго, и даже не помышляетъ: я изъ рода великихъ бояръ. Пусть никто не поднимаетъ вверхъ бровей своихъ, говоря: мы

---

[1]) Соч. М. Грека II, стр. 101.
[2]) Стогл. гл. 5, вопр. 8.
[3]) Акты Историч. I, № 204.

рождены и воспитаны отъ свѣтлыхъ и благородныхъ родителей, а сей — изъ рода убогихъ и нищихъ, воспитанъ отъ худыхъ родителей и былъ рабомъ такого-то. Нѣтъ, братіе, никто такъ да не помышляетъ и не говоритъ: это пагубная гордость» [1]). Впрочемъ, гордясь «изящнымъ благородіемъ, величествомъ сана и богатствомъ приношеній», монахи превозносились другъ передъ другомъ и «многолѣтнимъ иночествомъ, дѣлами художественными, словами сладкоглаголанными и т. п. [2]). — По свидѣтельству инока Вассіана, гордость, самомнѣніе вообще свойственны были нашимъ инокамъ. Они, говоритъ Вассіанъ, считали себя «*разумнѣе всѣхъ человѣкъ въ мірѣ* и не чаяли въ бельцехъ таковаго разума, каковаго себѣ» приписывали [3]).

Говоря о духовной гордости монаховъ, замѣтимъ, что этимъ порокомъ страдали особенно «неразумные пустынники». Митр. Даніилъ въ одномъ посланіи своемъ, написанномъ къ какому-то иноку, недоумѣвавшему, гдѣ удобнѣе спастися, въ пустынѣ ли или въ общежитіи, говоря о пустынномъ житіи, о его высокихъ требованіяхъ и трудностяхъ, между прочимъ порицаетъ этихъ «неразумныхъ пустынниковъ» своего времени за то, что они, служа соблазномъ для всѣхъ, *носили только имя пустынниковъ:* не будучи въ состояніи провести въ уединеніи и безмолвіи *одного дня*, въ то же время вели безпрестанно споры съ иноками общежительныхъ монастырей, навязывая имъ свои законы и переманивая ихъ къ себѣ, *считали однихъ себя великими святыми, угодившими Богу, а всѣхъ другихъ худшими, всѣхъ учили, всѣхъ наставляли* [4]).

Изъ приведеннаго обличенія митр. Даніила видно, между прочимъ, что нѣкоторые пустынники его времени носили только имя пустынниковъ, такъ какъ *не могли и одного дня провести въ уединеніи и безмолвіи*. Слѣдовательно и *отшельники* наши не любили уединенія, а предпочитали ему хожденіе по міру. На этотъ недостатокъ иноческой жизни, т. е. на любовь иноковъ къ скиталь-

---

1) См. у преосв. Макар. Ист. русск. церк. т. VII, стр. 363.
2) Ibid. стр. 364.
3) Разсужд. Вассіана, Чт. общ. ист. 1859, кн. 3, стр. 4.
4) См. у пр. Макар. Ист. рус. церк. т. VII, стр. 371.

ничеству и бродяжничеству, стоитъ обратить особенное вниманіе, потому что этотъ недостатокъ обусловливалъ собою другіе безпорядки.

Какое огромное количество монаховъ бродило по святой Руси, можно догадываться по замѣчанію Флетчера. Сказавъ, что въ Россіи монаховъ безчисленное множество и гораздо болѣе, чѣмъ въ какой либо католической странѣ, онъ прибавляетъ, что *эти монахи снуются въ каждомъ городѣ и въ большей части деревень*. Эта непригядная сторона монашеской жизни зависѣла отъ разныхъ причинъ. Прежде всего у насъ никому не запрещалось удалиться въ пустыню, построить себѣ келійку и часовню, открыть монастырекъ. Такихъ монастырьковъ и пустынекъ явилось множество. И неудивительно. Строить монастырьки и пустыньки въ древней Россіи было господствовавшимъ направленіемъ въ монашескомъ мірѣ, своего рода модою. Примѣръ одного основателя, какъ водится, увлекалъ къ подражанію другихъ и это тѣмъ скорѣе, что осуществить задуманное было легко и никому не возбранялось. Отсюда происходило то, что многіе иноки, вскорѣ послѣ своего постриженія въ какомъ либо монастырѣ, уже начинали мечтать, какъ бы удалиться въ пустыню, какъ удалялись другіе, какъ бы основать свой особый небольшой монастырекъ или пустыньку, какъ основывали другіе. И дѣйствительно, едва представлялась возможность, онъ уходилъ въ дремучій лѣсъ, или другое безлюдное мѣсто, — а такихъ мѣстъ тогда, особенно на сѣверѣ Россіи, было весьма много, — и ставилъ себѣ келію или часовню. Къ нему присоединялись еще два-три инока, строили себѣ келіи, иногда небольшую церковь — и вотъ являлся монастырекъ или пустынь. Такихъ монастырей и пустынь, имѣющихъ по 6 и 7 братій, а иногда по по два, по три[1]), разбросано было по дремучимъ лѣсамъ и безлюднымъ мѣстамъ Россіи огромное количество. Изъ того громаднаго количества монастырей, какое существовало на Руси въ описываемое время, несравненно большая часть, конечно, падаетъ на эти маленькіе монастыри. Это внѣ всякаго сомнѣнія. Но очень часто случалось, что первый жаръ и увлеченіе у основателей монастырей

---

[1]) Стогл. гл. 5, вопр. 37.

проходили, и это тѣмъ скорѣе и понятнѣе, что средствъ къ содержанію основанныхъ монастырьковъ часто не было никакихъ. И вотъ строители монастырей отправлялись скитаться по міру съ иконою въ рукахъ собирать пожертвованія на свою обитель и нерѣдко служили соблазномъ для мірянъ; — часто обращались къ самому царю просить земли и руги. Собранное подобнымъ образомъ основатели монастырей издерживали на свои прихоти, а церкви, ими основанныя, оставались пусты, безъ пѣнія. «Старецъ на лѣсу келью поставитъ, говорилъ царь на соборѣ, или церковь срубитъ да пойдетъ по міру съ иконою просити на сооруженіе, а у меня земли и руги проситъ, *а что собравъ то пропьетъ, а въ пустынѣ не по Бозѣ совершаетъ*»[1]). И не только чернецы, но и черницы скитались по міру съ иконами, собирая на содержаніе церквей и обителей, и просили милостыни на торжищахъ и улицахъ, по селамъ и дворамъ, чему дивились иноземцы[2]). Но не одни пустынники и бѣдные монахи бродили по міру. Многіе иноки, хотя принадлежали и къ общежительнымъ монастырямъ, имѣвшимъ средства для жизни, но, забывъ свои обѣты и не желая подчиняться строгимъ правиламъ общежитія, оставляли свои обители и скитались по городамъ и селамъ, по пустынямъ и монастырямъ до тѣхъ поръ, пока не наскучивала имъ эта бродячая жизнь и они, наконецъ, поселялись въ какомъ нибудь монастырѣ; но нѣкоторыхъ чернецовъ и черницъ, особенно бѣдныхъ, не принимали ни въ какой монастырь, и они не имѣли себѣ покою нигдѣ[3]). Припомнимъ при этомъ, что нѣкоторые настоятели и игумены насильно выгоняли изъ монастырей своихъ бѣдныхъ подчиненныхъ, даже старыхъ слугъ и вкладчиковъ[4]). Оттого встрѣчались и такіе бѣдные чернецы и черницы, скитавшіеся по міру, которые какъ бы не знали, что такое (словетъ) монастырь: черницы жили при церквахъ приходскихъ просвирницами, а чернецы служили при тѣхъ же церквахъ попами[5]).

---

1) Ibid. гл. 5, вопр. 19.
2) Ibid. вопр. 13.
3) Ibid. вопр. 37 и гл. 85.
4) Ibid. гл. 5, вопр. 8.
Ibid. вопр. 9. Какія мѣры употребилъ Стоглавый соборъ для иско- всѣхъ такого рода несообразностей, см. въ Стоглавникѣ гл. 85,

Маленькіе монастырьки и пустыньки, кромѣ того, что увеличивали массу бродячихъ иноковъ, соблазнявшихъ міряиъ своимъ поведеніемъ, служили еще и съ другой стороны къ большому омраченію и безъ того темной картины монастырской жизни. Монастырьки и пустыньки разбросаны были въ глухихъ безлюдныхъ мѣстахъ, среди дремучихъ лѣсовъ, вдали отъ административныхъ и судебныхъ центровъ. Поэтому контроль надъ ними былъ особенно неудобенъ и труденъ. Къ тому же, во многихъ мелкихъ монастыряхъ, какъ впрочемъ и въ нѣкоторыхъ настоящихъ большихъ монастыряхъ, не руковидились точнымъ и подробнымъ уставомъ общежитія, а «особнымъ» уставомъ, почему такіе монастырьки назывались «особными» (необщежительными). Образцомъ этого устава можетъ служить *наказная грамата*, данная нашими епископами особеннымъ монастырямъ въ началѣ XVI вѣка. Здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ излагаются правила монашеской жизни. Заповѣдуется, наприм., игуменамъ имѣть «совершенную духовную любовь» къ подчиненной братіи, а послѣдняя обязывается слушаться настоятеля. Преподаются также правила о раздѣлѣ монастырскихъ доходовъ [1]). Легко понять, что подобный, слишкомъ общій уставъ оставлялъ много простора для иноковъ особныхъ монастырей, и не удивительно, если эти иноки, не направляемые и не ограждаемые подробными правилами и порядками общежитія, могли удобно предаваться своеволію, распущенности и иногда даже совсѣмъ забывать о своихъ обязанностяхъ. Правительство видѣло это и хотѣло врачевать его введеніемъ въ мелкіе монастыри общежитія, которое въ митрополичьихъ уставныхъ граматахъ называется *богорадным* [2]). Извѣстны объ этомъ заботы митр. Макарія. Но нелегко было, привыкшіе къ своеволію, мелкіе монастыри подчинить

71, 49, 74, 50. Какъ извѣстно, митр. Макарій, еще до Стоглаваго собора, будучи архіепископомъ Новгородскимъ, обратилъ серьезное вниманіе на безпорядки въ мелкихъ монастырькахъ и пустынькахъ его епархіи. Для пресѣченія зла онъ ввелъ тамъ чинъ общежитія. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ старался распространять этотъ чинъ во всей метрополіи (см. Ист. рус. церк. м. Филар. ч. III, § 46). № Актовъ Эксп. на стр. 482.

[1]) Акты Арх. Экспед. I, № 381.

[2]) См. напр. и въ сейчасъ указанномъ № Актовъ Экспед. на стр. 482.

уставу общежитія. «Привычка не только иноковъ, но даже людей стороннихъ для обители, выразимся словами пр. Филарета, удерживала желанія при старинѣ». И «особные» монастыри продолжали существовать, служа нерѣдко пріютами и разсадниками тяжкихъ пороковъ.

Вотъ что говорилъ царь отцамъ Стоглава относительно этихъ монастырей: «Въ нашемъ царствѣ на Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ (находятся) монастыри *особные:* живетъ игуменъ да два или три чернеца, или какъ гдѣ случится; *да тутъ же въ монастырѣ живутъ міряне* съ женами и дѣтьми; а въ которомъ монастырѣ живутъ черницы (т. е. въ женскихъ монастыряхъ), ино въ томъ монастырѣ также живутъ міряне съ женами и *холостые; въ иномъ же монастырѣ черницы и чернцы живутъ* (вмѣстѣ), а въ иномъ попы и дьяконы и дьяки и пономари съ женами тутъ же *съ черницами* вмѣстѣ живутъ» [1]).

До такихъ размѣровъ облегчено было въ «особныхъ» монастыряхъ сношеніе чернецовъ съ женщинами и черницъ съ мужчинами!

Едва ли можно допустить, чтобы до такихъ же крайностей простиралось дѣло и въ общежительныхъ монастыряхъ, гдѣ уставы былъ строже и опредѣленнѣе, и надзоръ за поведеніемъ монаховъ удобнѣе. Но и здѣсь очень часто, по небрежности, случалось, что въ келіи къ монахамъ приходили жонки и дѣвки [2]). Посѣщеніе женщинами монашескихъ келій равнымъ образомъ и отлучки иноковъ изъ монастырей замѣтилъ еще преп. Іосифъ Волоколамскій, обходя общежительные монастыри. Относительно Переяславскаго Горицкаго монастыря сохранилось свидѣтельство (начало XVI вѣка), что въ немъ (вѣроятно, какъ и вездѣ) иноки безъ благословенія настоятеля отлучались на торжище, ходили въ мірскіе домы и тамъ пировали и даже *ночевали по нѣскольку сутокъ,* а въ праздники и въ свои именины созывали къ себѣ родныхъ, друзей, *знакомыхъ съ женами и дѣтьми,* которые *всѣ* оставались въ ихъ келіяхъ *по нѣскольку дней и ночей.* Въ этихъ недостат-

---

1) Стогл. гл. 5, вопр. 37. Сн. Наказная грамата м. Макарія Прав. Соб. 1863 г. I, стр. 207—208.

2) Ibid. гл. 49.

кахъ сознались сами иноки Горицкаго монастыря, когда избрали себѣ въ настоятели препод. Даніила Переяславскаго, и дали ему обѣтъ исправиться [1]). Но не этимъ только ограничивалось зло. И за монастырскія стѣны прокрался, растлѣвавшій русское общество, гнусный содомскій грѣхъ. По словамъ Максима Грека, нѣкоторыхъ монаховъ «возмущало» не только женское видѣніе, но и *доброличнаго отрочища* [2]). Стоглавый соборъ свидѣтельствуетъ, что «*робята молодые по всѣмъ келліямъ жили невозбранно*» [3]). Для пресѣченія этого-то великаго зла Іосифъ Волоколамскій въ своей духовной грамате [4]) и Стоглавый соборъ запрещали жить въ монастырѣ «*голоусымъ*»; соборъ еще прибавляетъ, что въ случаѣ нужды «немощи ради или старости», монахъ можетъ пользоваться услугою «*имущаго браду*» [5]). Послѣ такихъ уже черезъ-чуръ рѣзкихъ свидѣтельствъ о безнравственности нѣкоторыхъ монаховъ, едва ли произведетъ какое либо впечатлѣніе слѣдующій порокъ, наблюдаемый въ монахахъ самимъ царемъ Іоанномъ IV: «Азъ видалъ, писалъ онъ къ игумену Кириллова монастыря (что монахи) *по четкамъ* матерны лаютъ» [6]).

Вѣроятно на удовлетвореніе этихъ-то чувственныхъ страстей ближайшимъ образомъ и требовались монахамъ тѣ «особыя стяжанія», или, по выраженію инока Вассіана, «кража въ собину» сверхъ монастырской казны, которыя позволяли себѣ монахи и въ богатыхъ обителяхъ, при полной возможности пользоваться изъ общей казны «на всякія свои потребы» (конечно должныя) [7]).

На развитіе между монахами чувственности, заставлявшей ихъ нарушать обѣты цѣломудрія, имѣло большое вліяніе и то «безмѣрное упиваніе», засвидѣтельствованное общимъ голосомъ современниковъ. И Стоглавый соборъ поставилъ въ прямую связь эти

---

[1]) См. у преосв. Макар. Ист. рус. церк. VII, 101—102.
[2]) Соч. Макс. Грека II, стр. 141.
[3]) Гл. 5, вопр. 8.
[4]) Опис. рукоп. Син. библ. II, № 190, стр. 518.
[5]) Гл. 5, вопр. 8.
[6]) Акты Ист. I, № 204.
[7]) Поученіе м. Даніила къ братіи Іосифова Волоколамскаго монастыря. См. въ Ист. рус. церк. пр. Макар. VII, 362. Сн. Разсужд. Вассіана, въ Чт. общ. ист. 1859 г., кн. III, 11; также Стогл. гл. 49.

два неразлучные спутника—пьянство и блудъ. Онъ справедливо замѣчалъ, что иноки «отъ піянственнаго питія въ конечную погибель и въ блудный ровъ впадали»[1]).

Мы уже имѣли случай видѣть, какъ сильно распространено было пьянство между монахами. Вотъ еще нѣкоторыя свидѣтельства въ подтвержденіе и пополненіе сказаннаго. — Вся 52 глава Стоглава посвящена соборомъ на увѣщаніе инокамъ,чтобы они не предавались безмѣрному упиванію, а соблюдали строгое воздержаніе въ питіи: здѣсь же соборъ изображаетъ въ рѣзкихъ чертахъ нравственное безобразіе человѣка, особенно инока, подверженнаго пороку нетрезвости. Отцы собора совѣтовали «егда подобаетъ» выпивать «по чаши или по двѣ или по три». Монахи же «сего (ограниченія) ниже слышати хотѣли, ниже вѣдали мѣру чашъ онѣхъ. но сицева мѣра ихъ есть егда піяни будутъ якоже себе непознати ниже помнити множицею даже и до облеванія и тогда престонутъ пити». И Іоаннъ Грозный также свидѣтельствуетъ, что «мы (иноки) піемъ донелѣже въ смѣхъ и дѣтемъ будемъ». По словамъ Максима Грека, монахъ «частѣ піанъ весь червленъ и безчинно слоняяся и прегордая вѣщаваетъ»[2])…. Но не будемъ болѣе приводить скорбныя свидѣтельства объ этой сторонѣ печальной дѣйствительности.

Соображая все сказанное о нравственномъ состояніи монашества, приходится сдѣлать прискорбное заключеніе, что наша монашествующая братія не была свободна отъ многихъ пороковъ, которыми заражена была въ XVI вѣкѣ большая часть людей.

Конечно, тѣ пороки, которыми страдала монашествующая братія, не могли не тяготить совѣсти послѣдней. И вотъ она, для успокоенія совѣсти своей, или придумывала «извѣты во грѣсѣхъ» своихъ, или прибѣгала къ тому могущественному въ подобныхъ терзаніяхъ совѣсти средству, которымъ врачевалъ себя почти каждый больной *нравственно,* но еще не потерявшій совѣсть, членъ

---

[1]) Гл. 52.

[2]) Соч. М. Грека II, стр. 219. Обличенію вообще чревоугодничества иноковъ Максимъ посвятилъ отдѣльное, впрочемъ, небольшое слово (VI во II томѣ).

древне-русскаго общества — къ точному и ревностному, хотя и чисто внѣшнему, механическому, выполненію обрядовъ религіозныхъ, т. е. утративъ «милость» (существо религіи), монахи «хранили суетная и ложная». Наприм., пируя роскошно «по вся дни», монахи, между прочимъ, придумывали и такіе «извѣты» — то ссылались на «немощь тѣлесную», то указывали на «друговъ пришествіе», то оправдывали свои слабости «различными праздниками и званіемъ сродниковъ и сосѣдъ» [1]). Но главное, на чемъ монахи основывали всю надежду спасенія это «внѣшнее одѣяніе власяныхъ рубищъ» и пребываніе въ «мѣстѣ нешествуемомъ ногами женоміранолюбцевъ» т. е. въ монастырѣ. Высшій монашескій чинъ — богатый свою надежду на спасеніе полагалъ еще на новомъ основаніи, — состоявшемъ въ единомъ лишеніи мясъ и рыбъ и елея во время священныхъ постовъ, не переставая однако «обидити и лихоимствовати бѣдныя подручники и въ судилища влачити ихъ и враждебнѣ ихъ ратовати и озлобляти различнѣ» [2]). Препод. Максимъ Грекъ со всею силою вооружался противъ такого ложнаго пониманія монахами существа иноческой жизни. Онъ доказывалъ заблуждавшимся, что одежда монашеская сама по себѣ не только «не пользуетъ ко спасенію нимало, наипаче же осужденію большему виновно будетъ», тѣмъ, кои «такими худыми (ризами) обложени, житіе проходятъ неприлично имъ и всячески неподобно». «Не мѣстными премѣненіи, говорилъ онъ еще, угождаемъ бываетъ всѣхъ Владыка, ниже преоблаченіемъ худыхъ рубищъ, ихже ово сирѣчь пустынное пребываніе, убо многаго ради безмолвія взыскуется, ово же смиренія ради избирается. Аще кто въ сихъ сый, паки плетется въ плищехъ [3]) и мірскихъ печалѣхъ, ничтоже разликуетъ пса, обращающася на свою блевотину» [4]). — Этимъ, крайне не-

---

1) Соч. М. Грека II, стр. 124—125.

2) Ibid. стр. 148, 161. Бѣдные подручники едва ли имѣли случай лишать себя *добровольно* дорогой и вкусной пищи.

3) Плищъ — шумъ, крикъ, молва. Объясн. Редакц.

4) Ibid. стр. 148. Обличенія преп. М. Грека, направленныя противъ ложнаго пониманія монахами своихъ обязанностей, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ его сочиненій, а особенно въ V, XIV, XXXVI, I и II словахъ (II т.).

лестнымъ для нашего монашества, сравненіемъ препод. Максима Грека мы начали настоящую главу; содержаніе же главы показало, что есть основаніе поставить означенное сравненіе и въ заключеніи главы. Какъ это ни прискорбно, однако необходимо согласиться, что въ описываемую эпоху монашество наше, эти—«земные ангели и небесные человѣки»—стояли далеко и очень далеко отъ высокаго идеала нравственности, предлагаемаго ревнующимъ о жизни совершеннѣйшей. Но эта скорбь должна удвоиться, когда мы представимъ, что порочное монашество, погрязая «въ безднѣ грѣховнѣй», не пыталось, даже не желало подняться изъ этой бездны. Скажемъ болѣе—оно противодѣйствовало и противодѣйствовало съ силою, когда его пытались поднять и «возвести *отъ тли» къ истинной* жизни сожалѣвшіе о немъ, избранные братья его. Объяснимся.

Въ описываемое время явились попытки исправить монастырскую жизнь посредствомъ возстановленія древнихъ уставовъ. Посмотримъ, къ чему привели подобныя попытки.

Когда Іосифъ Волоколамскій захотѣлъ ввести въ Боровскомъ монастырѣ болѣе строгій уставъ, то большинство братіи воспротивилось его намѣренію и онъ вынужденъ былъ оставить этотъ монастырь [1]). Когда Ѳеодоритъ основалъ на рѣкѣ Колѣ Троицкій монастырь и запретилъ въ своемъ уставѣ всякое пріобрѣтеніе, кромѣ труда рукъ, а также держать въ монастырѣ женщинъ, то «сего ради, говоритъ Курбскій, сложившеся со діаволомъ, мниси оные возненстовавшася; имаютъ старца святаго и бьютъ нещадно, и не токмо изъ монастыря извлачаютъ, но и *отъ страны тоя изгоняютъ,* аки врага нѣкоего». По рекомендаціи Артемія (игумена Троице-Сергіева монастыря) царь назначилъ Ѳеодорита архимандритомъ Суздальскаго Евѳиміева монастыря. Ревностный Ѳеодоритъ и здѣсь началъ обличать монаховъ, жившихъ не по уставамъ и церковнымъ правиламъ, сталъ «уздать ихъ страхомъ Божіимъ, наказающе по великому Василіеву уставу жительствовати», то его возненавидѣли монахи и, «ововавши веригами желѣзными» и по-

[1]) Соловьевъ, Ист. Рос. V, 264.

бивши, постарались устроить дѣло такъ, что его (Θеодорита) сослали въ заточеніе на Соловецкій островъ. Артемій оставилъ игуменство въ Троицкомъ-Сергіевомъ монастырѣ «многаго ради мятежу и любостяжательныхъ, издавна законопреступныхъ монаховъ»[1]). Извѣстный Паисій Ярославовъ еще прежде Артемія принужденъ былъ оставить игуменство (въ томъ же Троицкомъ монастырѣ) потому, что «*не могъ чернецовъ превратити на Божій путь*»; они хотѣли даже убить его: «бяху бо тамо бояри и князи постригшіяся, и не хотяху повиноватися (своему игумену)[2]). Невольно припоминается при этомъ многообѣщавшій митрополитъ русскій Θеодосій, принужденный оставить митрополію (1464 г.) вслѣдствіе великаго ропота въ духовенствѣ, поднявшагося на митрополита за то, что онъ хотѣлъ «навести его на Божій путь».

Такимъ образомъ, попытки частныхъ лицъ исправить монастырскую жизнь возстановленіемъ древнихъ строгихъ уставовъ оказались вполнѣ безуспѣшными.

Максимъ Грекъ съ своей стороны предлагалъ еще частную мѣру, именно, чтобы игумены избирались «соборомъ» братіи, а не дарами сребра и злата, приносимыми народнымъ писаремъ (?). Такіе игумены, замѣчалъ онъ, «суть безчинники житіемъ, въ піянствѣ всегда и пищи всякой упражняющеся сами, а сущіи подъ рукою ихъ братія презираеми тѣлеснѣ и небрегоми духовнѣ, скитаются безпутіемъ, якоже овцы не имуще пастыря»[3]). Но если онъ ставилъ хорошую жизнь монаховъ въ зависимость отъ хорошихъ игуменовъ, то самымъ лучшимъ доказательствомъ противъ его мнѣнія служитъ борьба сейчасъ представленныхъ лицъ. Іосифъ Волоколамскій, Паисій, Артемій и Θеодоритъ очень извѣстны своею жизнію, чтобы подтвердить это. Съ другой стороны, есть свидѣтельство, что безпорядки монастырской жизни происходили именно отъ выбранныхъ монахами игуменовъ. Эти послѣдніе являлись иногда такими разрушителями уставовъ монастырскихъ, что вынуждали благочестивыхъ старцевъ увѣщавать ихъ не развращать иноческаго житія. Разсер-

---

1) Сказан. кн. Курбскаго, стр. 132—137.
2) Ист. госуд. Рос. Карамзина, пр. 321 къ VI т.
3) Соч. Максима Грека III, 187.

женные этимъ игумены, мало того, что не внимали увѣщаніямъ старцевъ, но еще били этихъ старцевъ и выгоняли изъ монастырей [1]).

Но не только мѣры частныхъ лицъ, не имѣвшія характера повсюднаго, общецерковнаго, оказались несостоятельными и безуспѣшными для исправленія монастырской жизни; точно также несостоятельными и *мало*успѣшными оказались и мѣры цѣлаго собора представителей русской церкви — Стоглаваго собора. Извѣстное намъ посланіе Іоанна IV въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь писано уже спустя болѣе четверти столѣтія послѣ Стоглаваго собора, — а между тѣмъ, какими красками изображаетъ царь нѣкоторая наши обители! Зло, растлѣвавшее русское монашество въ XVI вѣкѣ, продолжало существовать и въ XVII вѣкѣ. Въ этотъ вѣкъ встрѣчаемъ извѣстія, что отъ пьянства въ монастыряхъ бываетъ многая вражда и мятежи, отъ чего иноческому чину угрожало совершенное разрушеніе; монастырскія власти со своихъ слугъ, посланныхъ въ монастырскія вотчины на жалованье, и съ крестьянъ брали посулы большія, а кто не давалъ, тому чинили побои и изгони большія [2])...

Такъ *дорога* была для монаховъ «временная сладость грѣха!»...

---

[1]) См. соч. Іосифа Волоколам.: «Сказаніе о св. отцахъ монастырей русскихъ», — у Соловьева въ Ист. Рос. V, 275.

[2]) Акты Арх. Экспед. IV, 37, 188, 325, 328 и и др.

V.

Основываясь на томъ, что сказано во всѣхъ предыдущихъ главахъ, должно заключить, что XVI вѣкъ въ исторіи религіозно-нравственной жизни русскаго народа является вѣкомъ мрачнымъ и неприглядныиъ. Какъ ни прискорбно такое заключеніе, однако оно имѣетъ за себя много рѣшительныхъ и твердыхъ основаній. Но невольно рождается вопросъ — неужели относительно XVI вѣка можно сказать только то, что сказано о немъ въ предыдущихъ главахъ? неужели среди густого мрака невѣжества, господствовавшаго въ этотъ вѣкъ, совсѣмъ не мерцало свѣтлыхъ лучей? неужели и въ нравственной жизни было такъ безотрадно, что слѣдующее, напримѣръ, свидѣтельство м. Даніила о современникахъ его должно понимать въ смыслѣ безусловномъ, а не относительномъ: «*вси* плотская любятъ, всѣмъ грѣховная и беззаконная радостна, вси на земли хотятъ жити, вси по смерти житія не памятствуютъ, вси кощунницы, вси смѣхотворци, вси злоглагольници, клеветници?»[1]— Безъ всякаго сомнѣнія, нѣтъ. Только предвзятая мысль, намѣренное игнорированіе, могутъ утверждать противное. Но почему же въ такомъ случаѣ главные свидѣтели очевидцы умалчиваютъ о достоинствахъ современниковъ? почему препод. Максимъ Грекъ, м. Даніилъ, царь Іоаннъ на Стоглавомъ соборѣ указывали на одни лишь недостатки въ нашемъ народѣ, монашествѣ и во всемъ духовенствѣ? Прямой отвѣтъ на эти вопросы не тотъ, что будто у

[1]) Сборникъ м. Даніила, л. 485.

насъ тогда уже ничего добраго не было, а тотъ, что упомянутые представители своего времени не имѣли повода и надобности расхваливать современниковъ (обычное явленіе); а обращать вниманіе на существовавшіе недостатки и пороки, обличать и преслѣдовать ихъ они вынуждались достойнымъ всякой похвалы желаніемъ исправить и искоренить эти недостатки и пороки. Такой справедливый образъ дѣйствій главныхъ нашихъ руководителей по отношенію къ своимъ современникамъ послужилъ основаніемъ и для нашего метода изображенія нравственнаго состоянія тогдашняго общества, и это тѣмъ болѣе, что мы находили подтвержденіе своей оцѣнкѣ въ оффиціальныхъ памятникахъ и свидѣтельствахъ другихъ современниковъ.

Но если исторія не должна скрывать зла, какъ бы оно прискорбно для насъ ни было, то не должна и преувеличивать его и умалчивать о добрѣ, которое въ данное время, конечно, существовало, служа какъ-бы противовѣсомъ злу. Поэтому мы, сказавъ о невѣжествѣ и порокахъ, господствовавшихъ на Руси въ описываемое время, считаемъ себя нравственно обязанными указать и на свѣтлыя стороны въ религіозно-нравственной жизни этого времени.

Слѣдя вообще за ходомъ церковно-исторической жизни русскаго народа, нельзя не замѣтить, что съ XV вѣка внутренняя жизнь нашей церкви значительно развивается и укрѣпляется и начинаетъ проявлять себя въ событіяхъ болѣе важныхъ и крупныхъ, чѣмъ въ какихъ проявлялась она подъ бременемъ княжескихъ усобицъ и монгольскаго ига. Подавляемыя доселѣ духовныя силы Руси начинаютъ пробуждаться и хотя не идутъ пока далѣе состоянія броженія, однако уже и въ этомъ состояніи онѣ громко заявляютъ о себѣ въ области умственно-религіозной жизни. Плодомъ этого броженія пробуждающихся духовныхъ силъ въ XVI вѣкѣ являются, между прочимъ, ереси жидовствующихъ, Башкина, Ѳеодосія Косого,— ереси, противъ которыхъ со всею силою боролось православіе. Но съ другой стороны, и *въ самомъ православіи повѣяло новымъ духомъ,* явились новыя воззрѣнія, которыя шли прямо въ разрѣзъ съ укоренившимися въ церкви взглядами. На арену церковной дѣятельности выступаютъ лица, стремящіеся *одухотворить* церковь, пробудить

ее отъ ея многовѣковаго сна. Но, какъ и всегда бываетъ при важныхъ перемѣнахъ, совершающихся въ народной жизни, новыя идеи, новыя начала должны были непріязненно столкнуться съ началами и воззрѣніями, до нихъ господствовавшими. Послѣднія, т. е. старыя идеи и начала, при этомъ столкновеніи стремятся отстоять для себя право исключительнаго существованія, и, наоборотъ, идеи и начала новыя усиливаются пріобрѣсти такое право для себя, т. е. стать единственными исключительными факторами жизни народной. Вслѣдствіе такого непріязненнаго столкновенія между двумя противоположными началами завязывается жаркая и ожесточенная борьба, борьба на жизнь и смерть. И длится эта борьба до тѣхъ поръ, пока не падетъ идея старая, пока не восторжествуетъ новое начало. Этотъ переворотъ можетъ совершиться только тогда, когда общее мнѣніе будетъ противъ старыхъ идей и началъ, когда большинство признаетъ ихъ отжившими свой вѣкъ, безполезными для общества. Тогда-то по законамъ неизбѣжной необходимости они должны прекратить свое существованіе, уступить свое мѣсто началамъ новымъ, согласнымъ съ требованіями эпохи. Такъ бываетъ въ наукѣ, такъ бываетъ и въ жизни народа.

Эти переходныя времена, эти перевороты, совершающіеся въ жизни общества заслуживаютъ полнаго вниманія историковъ, имѣютъ для нихъ высокій интересъ. Къ числу такихъ-то важныхъ переходныхъ эпохъ въ исторіи русскаго народа относится и XVI вѣкъ. «Шестнадцатый вѣкъ, говоритъ, напримѣръ, г. Полевой въ своей исторіи русской литературы, — есть вѣкъ борьбы, вѣкъ попытокъ и стремленій къ установленію иного, лучшаго порядка вещей, такъ какъ въ обществѣ уже живетъ тягостное сознаніе того, что оно не можетъ существовать долѣе на тѣхъ же основаніяхъ, если желаетъ слѣдовать далѣе путемъ дѣйствительной жизни и органическаго развитія. Но, продолжаетъ и онъ, начала общественной жизни еще настолько оказываются живучими и сильными въ этомъ вѣкѣ, что всѣ стремленія лучшихъ представителей общества къ улучшенію, измѣненію существующаго порядка вещей — разбиваются о приверженность большинства къ застою и неподвижности, основанной

на глубокомъ невѣжествѣ массы и на грубости, испорченности нравовъ въ высшихъ слояхъ общества»[1]).

Не наша задача слѣдить за ходомъ борьбы между старыми и новыми началами на аренѣ политической, представителями которой въ половинѣ XVI вѣка являются Іоаннъ Грозный и князь Курбскій. Но мы не можемъ не остановить вниманія *на характеръ* этой борьбы, новомъ, составляющемъ принадлежность разсматриваемаго времени, неслыханномъ въ раннѣйшія эпохи нашей исторіи. Это новое, весьма замѣчательное въ ходѣ указанной борьбы то, что она не есть только исключительно борьба матеріальная, состоящая въ пыткахъ, преслѣдованіяхъ и казняхъ. Нѣтъ, противники ведутъ ожесточенную борьбу при помощи пера, слова, на поприщѣ литературномъ. Вотъ почему наша свѣтская литература XVI столѣтія явилась живѣйшимъ выраженіемъ современности, прямымъ выраженіемъ борьбы двухъ противоположныхъ началъ, преобладавшихъ въ общественной жизни данной эпохи. Тогда какъ литература предшествовавщихъ вѣковъ — переводная или заимствованная съ Востока — не имѣла этого характера жизненности, не проистекала изъ насущныхъ потребностей общественной жизни, не была ея непосредственнымъ результатомъ[2]). Объ этомъ знаменательномъ явленіи въ умственной жизни русскаго общества г. Соловьевъ, по поводу борьбы между Іоанномъ Грознымъ и княземъ Курбскимъ, замѣчаетъ: «одна крайность борьбы, *одинъ личный характеръ* борцовъ не объясняетъ намъ вполнѣ явленія: надобно прибавить, что борцы эти воспитались въ словесной борьбѣ, въ преданіяхъ о ней, привыкли признавать за этою борьбою важное значеніе, *привыкли уважать это новое оружіе — слово*. Борьба, которая при Грозномъ оканчивалась, борьба государей московскихъ съ основанными на старинѣ притязаніями княжеско-боярскими, началась

---

[1]) Исторія русской литературы, Полеваго, второе изд., стр. 115. Сн. взглядъ на XVI вѣкъ г. Уманца въ его статьѣ — Митрополитъ Филиппъ — (Древн. и новая Россія 1877 г., III, № 11, стр. 193 и слѣд. С. Соловьевъ смотритъ на XVI вѣкъ такъ же, т. е. какъ на эпоху борьбы стараго съ новымъ (его Истор. Россіи VII т.).

[2]) Исторія русской литературы, Полеваго, стр. 125—126.

при Іоаннѣ III и тогда же (т. е. немногимъ ранѣе начала разсматриваемой нами эпохи) была соединена съ литературнымъ движеніемъ; борьба Софіи Палеологъ съ Патрикѣевыми и Ряполовскими тѣсно была соединена съ церковною борьбою по поводу ереси жидовствующихъ»[1]), которая также не ограничивалась одною матеріальною стороною, т. е. преслѣдованіями и казнями, но сопровождалась, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, литературными опроверженіями и обличеніями. «Просвѣтитель» Іосифа Волоколамскаго дѣлаетъ честь не только составителю, но и его времени. Іосифу Волоколамскому впослѣдствіи подражалъ Зиновій Отенскій. Въ опроверженіе ереси Ѳеодосія Косого и Матвѣя Башкина онъ написалъ свои знаменитые «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи» и «Посланіе многословное къ вопросившимъ о извѣстіи благочестія на зломудріе Косого и иже съ нимъ»[2]). Мы готовы даже согласиться съ мнѣніемъ г. Соловьева, что появленіе въ XVI вѣкѣ знаменитыхъ Макарьевскихъ Четь-миней обязано той же развивавшейся любви къ словесной литературной борьбѣ. Къ такого рода борьбѣ съ врагами православія, какъ справедливо замѣчаетъ онъ, нельзя было приступить безъ приготовленія, безъ начитанности. Поэтому, чтобы облегчить пользованіе духовнымъ оружіемъ, его нужно было собрать, сложить въ одно мѣсто. И вотъ м. Макарій собралъ всѣ извѣстныя на Руси духовныя книги въ 12 громадныхъ фоліантовъ[3]). Замѣтимъ, кстати, что самый актъ составленія Четь-миней не могъ не возбуждать нѣкотораго литературнаго движенія. Макарій трудился, конечно, не одинъ, а вызывалъ на трудъ въ помощь себѣ и другихъ грамотѣевъ. Послѣдніе копались въ рукописяхъ, отыскивали житія святыхъ и вообще потребныя статьи, выбирали изъ нихъ лучшія, переписывали ихъ и располагали по числамъ мѣсяцевъ, и эти книжныя занятія длились въ одномъ Новгородѣ 12 лѣтъ. Но,—продолжимъ нѣсколько отступ-

---

[1]) Исторія Россіи, Соловьева, VII, 199.

[2]) Книга «Истин. показаніе» издана Казанскою Дух. Академіею 1863 г. «Посланіе же многословное» еще находится въ рукописи въ библ. Спб. Духовной Академіи.

[3]) Солов., Ист. Рос. VII, 241.

леніе, — м. Макарій имѣлъ и другое болѣе положительное и существенное вліяніе на нашу литературу, на ея дальнѣйшее развитіе и обогащеніе новыми произведеніями, хотя въ одномъ лишь родѣ. То была исключительно литература житій, которыхъ явилось теперь, во дни м. Макарія, столько, сколько не являлось ихъ у насъ ни прежде, ни послѣ него, въ подобный непродолжительный періодъ. Такое направленіе и оживленіе нашей литературы обусловливались цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ времени. Укажемъ изъ нихъ только на главнѣйшія. Во первыхъ, въ своихъ Четь-минеяхъ м. Макарій желалъ совмѣстить житія не только святыхъ древней церкви, но и отечественныхъ и вообще славянскихъ. А между тѣмъ открылось, что житія нѣкоторыхъ изъ этихъ святыхъ еще вовсе не были написаны, а другихъ, если и были написаны, то неудовлетворительно. И вотъ явилась настоятельная нужда въ составленіи новыхъ житій святыхъ или, по крайней мѣрѣ, новыхъ редакцій житій. Во вторыхъ, собирая для своихъ Четь-миней житія и отечественныхъ святыхъ, м. Макарій не могъ не встрѣтиться съ мыслію, что многіе изъ нихъ, хотя чтутся православными, доселѣ еще не канонизованы. И вотъ въ 1547 г. соборомъ опредѣлено было праздновать двѣнадцати святымъ по всей Россіи, а девяти — мѣстно, гдѣ они покоятся. Это обстоятельство потребовало составленія еще нѣсколькихъ житій. Къ той же нуждѣ въ составленіи новыхъ житій нѣкоторымъ святымъ привелъ и Соборъ 1549 года, постановившій праздновать еще пятнадцати русскимъ святымъ. Вмѣстѣ съ житіями святыхъ составлялись и похвальныя имъ слова. Житія святыхъ и похвальныя имъ слова надолго остались у насъ главнымъ и любимымъ родомъ сочиненій.

Но возвратимся къ тому броженію пробуждавшихся духовныхъ силъ, которое такъ наглядно выразилось и въ литературѣ и въ жизни русскаго народа XVI вѣка. Скажемъ сначала нѣсколько словъ о борьбѣ вообще *тьмы со свѣтомъ*. Что эта борьба въ XVI вѣкѣ началась на Руси, это мы отчасти видѣли, когда говорили, что у насъ среди мрака невѣжества были люди, жаждавшіе просвѣщенія, — «тщаливые къ наукѣ, желавшіе навыкати писанія», которые если не имѣли достаточныхъ способовъ для просвѣщенія,

то сожалѣли глубоко о недостаточности своего образованія, о томъ, что «училища николиже видѣли»[1]). Какъ сильна была у нѣкоторыхъ жажда знанія и съ какою ясностію сознавалась необходимость образованія въ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ лучшихъ членахъ его, этому примѣромъ можетъ служить св. Гурій казанскій. О немъ въ жизнеописаніи его говорится, что господинъ посадилъ его въ темницу; другъ приносилъ ему сюда бумаги и чернилъ и святый въ тюрьмѣ писалъ книжицы въ наученіе дѣтямъ[2]). — Но у насъ въ XVI вѣкѣ начало появляться сознаніе въ необходимости европейскаго образованія и цивилизаціи, европейскихъ наукъ и искусствъ. Въ этомъ отношеніи заявилъ себя самъ царь, Іоаннъ Грозный. Какъ извѣстно, онъ въ 1547 году отправилъ въ Германію саксонца Шлиттена и поручилъ ему вызвать оттуда людей полезныхъ для Россіи[3]). Изъ наказа, даннаго этому Шлиттену видно, что не объ одной матеріальной, но и объ умственной пользѣ своего народа заботился Іоаннъ: кромѣ ремесленниковъ поручалось Шлиттену вызвать въ Россію людей свѣдущихъ въ древнихъ и новыхъ языкахъ, также юристовъ; изъ художниковъ предписано было ему вызвать преимущественно архитекторовъ. Хотя, вслѣдствіе коварства Ганзы и ордена Меченосцевъ, Шлиттенъ и не успѣлъ выполнить порученія, но Іоаннъ не покидалъ мысли просвѣтить Россію. Для этой цѣли онъ, между прочимъ, посылалъ молодыхъ людей за границу, чтобы, ознакомившись съ европейскою образованностію, они могли распрастранять ее и въ Россіи. По свидѣтельству Курбскаго, ближній родственникъ Михаила Матвѣевича Лыкова былъ посланъ для образованія «за море въ Ерманію и тамо навыкъ добрѣ Алеманскому языку и писанію: бо тамъ пребывалъ не мало лѣтъ и возвратился къ намъ въ отечество»[4]). Въ Константинополь патріарху изъ Москвы также посылались молодые люди учиться греческому языку, быть можетъ и не только для цѣлей посольскихъ. Такъ посланы были туда Обрюта Михай-

---

[1]) Опис. рук. Румянц. муз. стр. 557.
[2]) Соловьевъ, Ист. Рос. VII, 242.
[3]) Ист. Госуд. Рос., Карамзина, т. VIII, стр. 70.
[4]) Сказанія князя Курбскаго, стр. 107.

домъ Грековъ, Ушаковъ и Внуковъ[1]). Пробужденію въ русскомъ обществѣ сознанія необходимости научнаго образованія болѣе всѣхъ старался содѣйствовать просвѣщенный Максимъ Грекъ. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ представляетъ въ примѣръ, что въ Парижѣ собираются изъ всѣхъ странъ «западныхъ и сѣверныхъ желающіе словесныхъ художествъ, не точію синове простѣйшихъ человѣкъ, но и самѣхъ, иже въ царскую высоту и болярскаго и княжескаго сана», гдѣ каждый изъ нихъ «время довольно въ ученіихъ прилѣжно упраздлився, возвращается въ свою страну, преполонъ всякія премудрости и разума и есть сицевый украшеніе и похвала своему отечеству, совѣтникъ бо ему есть предобръ и предстатель искусенъ и спосѣшникъ ему добрѣйшій во вся, елика потребна ему будетъ». Затѣмъ, обращаясь къ Русскимъ, Максимъ говоритъ: «такимъ подобаетъ быти же и бывати своимъ отечествомъ *иже у насъ о благородіи и изобиліи богатства зѣло хвалящеся, иже отъ священнаго наказанія словесныхъ ученій наставляеми и просвѣщаеми возмогутъ не точію сами своимъ непохвальнымъ страстемъ одолѣти* и внѣшномъ женолѣпномъ украшеніи нерадѣти и внѣ сребролюбія и всякаго лихоиманія себе блюсти, *но аще и иныхъ понудятъ подражателямъ ихъ бывати, любителямъ всякаго богоугоднаго жительства*»[2]). Кромѣ сказаннаго Максимъ Грекъ совѣтовалъ велик. князю Василію Іоанновичу привлекать иностранцевъ, которые могли бы приносить пользу государству. «Поселяне, говоритъ онъ въ посланіи къ этому князю, чтобы заманить голубей, обкладываютъ горло домашней голубицы муромъ благовоннымъ, называемымъ мехосъ[3]), и пускаютъ ее летать на волѣ; когда же дикіе голуби прилетятъ къ ней, привлеченные запахомъ масла, то послѣ влетаютъ съ нею и въ храмину господей». Такъ пусть и цари отпускаютъ съ честью пришельцевъ, если ищутъ похвалы отъ иноземцевъ, а «своимъ городамъ желаютъ украшатися и изобиловати мужми, всякія премуд-

---

1) Соловьева, Ист. Рос. VII, 131.
2) III т. стр. 180.
3) Вѣроятно *смѣсь* отъ μίσγω. Замѣч. Редакціи.

рости и художества словеснаго и хитростей житейскихъ искусными. Общій обычай всѣмъ человѣкомъ тамо тщатися поити, идѣже слышитъ кождо живущее въ немъ художество словесно, или хитрость житейску *въ чести мнозѣ быти*»[1]). На пробужденіе въ русскомъ обществѣ сознанія нужды и пользы образованія Максимъ Грекъ вліялъ еще своими частными совѣтами и бесѣдами въ кругу приближенныхъ къ нему людей. Онъ, какъ человѣкъ образованный, много видѣвшій на вѣку своемъ, не могъ не привлекать къ себѣ людей живыхъ и любознательныхъ. И вотъ, дѣйствительно, около него образовался кружокъ такихъ людей, которымъ онъ и сообщалъ много новаго и любопытнаго объ иномъ, лучшемъ устройствѣ общественной жизни, о болѣе правильныхъ отношеніяхъ между сословіями, какія ему случалось видѣть въ чужихъ краяхъ, о важности и необходимости образованія для блага частныхъ лицъ и цѣлаго общества. Къ этому кружку принадлежали весьма замѣчательные люди XVI вѣка, какъ наприм. Вассіанъ Косой (изъ фамиліи князей Патрикѣевыхъ), знаменитый князь Андей Мих. Курбскій, Зиновій Отенскій, прославившійся борьбою противъ ереси Ѳеодосія Косого и Матвѣя Башкина, наконецъ, инокъ Сильванъ, сотрудникъ Максимовъ въ переводахъ, состоявшій при немъ въ писцахъ. Всѣ они съ гордостію называли себя учениками Максимовыми, и «это почетное имя, по справедливому замѣчанію г. Соловьева, всего лучше показываетъ намъ значеніе знаменитаго святогорскаго инока»[2]). Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что этотъ святогорецъ имѣлъ свою извѣстную долю вліянія на опредѣленіе Стоглаваго собора о заведеніи первоначальныхъ школъ грамотности.

Мы видѣли печальную судьбу этого прекраснаго намѣренія отцевъ собора, видѣли и причины, обусловившія эту печальную судьбу.

---

[1]) II, стр. 183—184.

[2]) Исторія Россіи, VII, 218 и слѣд. Изъ слѣдственнаго дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Ѳ. Жареномъ видно, что въ келію препод. Максима приходили: князь Иванъ Токмаковъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, Иванъ Даниловичъ Сабуровъ и Юрій Тютинъ «*и говорили съ нимъ книгами и спиралися межъ себя о книжномъ*» (Акты Экспед. I, № 172). Эти люди смотрѣли на Максима Грека какъ на «человѣка разумнаго», почему и обращались къ нему за рѣшеніемъ своихъ недоумѣній, сомнѣній и вопросовъ.

Припомнимъ, что главная причина заключалась въ невѣжествѣ громаднаго большинства, которое не только пассивно относилось къ благимъ намѣреніямъ просвѣщенныхъ членовъ своихъ, но и прямо враждебно. Князь Курбскій и старецъ Артемій единогласно и почти слово-въ слово свидѣтельствуютъ, что люди темнаго, невѣжественнаго направленія, «мнящіеся быти учители, говорили прельщающе юношей тщаливыхъ къ науцѣ, хотящихъ навыкати писанія, съ прещеніемъ заповѣдовали имъ глаголюще: *не читайте книгъ многихъ,* и указывали на тѣхъ, кто ума изступилъ, а онсица въ книгахъ зашолся (съ ума сошелъ), а онсица въ ересь впалъ; «о бѣда, восклицаетъ Курбскій: отнимаютъ оружіе, которымъ еретики обличаются, а другіе исправляются и врачевство смертоноснымъ ядомъ называютъ»[1]). И не одинъ, конечно, князь Курбскій глубоко сожалѣлъ объ этой печальной дѣйствительности.

Вмѣстѣ съ проникновеніемъ въ общество сознанія нужды и важности образованія, въ религіозной жизни русскаго народа все рѣзче и рѣзче стали обнаруживаться раздвоеніе и борьба двухъ направленій: съ одной стороны направленія духовнаго, живаго, *истинно* церковно-обрядоваго; съ другой — направленія невѣжественнаго, мертво-обрядоваго, противодѣйствовавшаго всякому разумному и отчетливому познанію христіанскаго вѣроученія и нравоученія. Борьба эта обнаружилась не только въ жизни, но и въ церковной письменности.

Представляя себѣ религіозно-нравственную жизнь русскаго общества разсматриваемаго періода, мы, съ одной стороны, видимъ людей, которые «живутъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими молитвами преподобныхъ молятся по вся дни, чающе спасенія получити, живутъ въ лихоимствѣ и во всякой злобѣ, а каноны всякими различными пѣсньми угожати чаютъ»[2]); или, полагая всю силу и все существо спасенія въ болѣе или менѣе точномъ и строгомъ соблюденіи обрядовъ, измѣряютъ временемъ спасительное значеніе, напр., божественной литургіи, — думаютъ, что если не успѣешь придти въ церковь до чтенія евангелія, то уже лучше и не слушать ли-

---

[1]) Опис. рук. Рум. муз. стр. 557; сн. Рус. Историч. Библ. 1878 г. IV т. стр. 1383—1384,—Послан. старц. Артемія.

[2]) Соч. Макс. Грека II, сл. XV.

тургіи[1]); либо безпокоятся недоумѣніями, съ чего пошли «неѣсти скоромнаго въ понедѣльникъ день». Съ другой стороны стоятъ просвѣщенные люди и съ силою и ревностію обличаютъ такую мертво-обрядовую жизнь, и такое, ограничивающееся одною буквою, пониманіе религіи. Не говоримъ о препод. Максимѣ, какъ не природномъ сынѣ Россіи. Но не одинъ Максимъ Грекъ вооружался противъ чисто-формальнаго пониманія религіи. Старецъ Артемій также старался осмыслить пониманіе христіанской религіи, доказывая, подобно Максиму Греку, всю безполезность внѣшняго благочестія безъ внутренняго исправленія. «Ни постъ, ни молитва, читали мы уже въ одномъ изъ его посланій, ни пустынное вселѣніе, ниже бдѣніе протяженное, ни тѣлесное злострадѣніе, ниже церковное видимое многоцѣнное украшеніе, ниже пѣніе великогласное, ниже ино видимое мнимое благочиніе кое, ни долѣ леганіе.... пользовати насъ можетъ, *житію сущу развращенну*»[2]). «Покажемъ житіе изрядно, убѣждалъ своихъ современниковъ и м. Даніилъ, житіе глаголю *не жестоту и поты чрезмѣрные, ниже низу леганіе и посты, и жажды, но не завиди не, лукавствуй*» и т. д.[3]).

Наряду съ формальнымъ пониманіемъ религіи въ XVI вѣкѣ осуждались крайности и другаго фактора древне-русской жизни — аскетизма. Какъ видѣли мы, крайности эти доходили до того, что законный бракъ считался чѣмъ то нечистымъ, грѣховнымъ, даже лишающимъ человѣка спасенія. Нѣкоторые тогда прямо говорили, что «съ женою и съ чады живуще, не можно спастися»[4]). Отсюда происходило то, что иные оставляли *безъ вины* своихъ женъ законныхъ и шли въ монастыри. На размноженіе послѣднихъ имѣли большое вліяніе тѣже аскетическія воззрѣнія. Но размноженіе монастырей неблагопріятно отразилось на общественной жизни, вселивъ убѣжденіе о невозможности спасенія въ мірѣ внѣ монастыря. — Мы видѣли и борьбу противъ этихъ крайностей аскетизма Максима Грека и м. Даніила. Но въ XVI вѣкѣ эта борьба противъ ложной

---

1) Ibid. III, сл. XII.
2) Рус. Историч. Библ. т. IV, 1399.
3) Сборникъ м. Даніила, л. 483.
4) Чт. моск. общ. истор. 1846 г., № 1-й, стр. 47.

ненормальной дѣйствительности, созданной аскетизмомъ подъ вліяніемъ, впрочемъ, и другихъ причинъ, иногда доходила до противоположныхъ крайностей, отрицавшихъ монашество въ самомъ его принципѣ. Косой говорилъ: «яко монастыри человѣческое преданіе и въ нихъ законы и уставы предаша по своимъ волямъ и обычаю.... Монастыри же во евангеліи и законы ихъ и уставы нѣсть писаны. И отъ тѣхъ убо волей обычая и тѣхъ человѣческихъ преданій назиранія глаголетъ Василій (!) отскочити»[1]).

Но среди многихъ споровъ XVI вѣка, касавшихся религіи и дѣлъ церкви, ни въ какомъ изъ нихъ противники не обнаружили такого большаго уваженія къ словесной литературной борьбѣ, какъ въ знаменитомъ спорѣ, такъ называемыхъ, іосифлянъ съ бѣлозерскими старцами, т. е. отшельниками, жившими на Бѣлоозерѣ. (Ихъ называютъ иногда еще заволжскими старцами). Въ подтвержденіе сказаннаго прослѣдимъ хотя только нить въ ходѣ и развитіи этого спора, представляющаго весьма интересный эпизодъ изъ исторіи нашей русской религіозной жизни. Мы потому еще останавливаемъ вниманіе на этомъ спорѣ, что въ немъ одна изъ противныхъ сторонъ ратовала во имя высшихъ *нравственныхъ* интересовъ. Это въ спорѣ по поводу монастырскихъ имуществъ, что впрочемъ и составляетъ главный предметъ спора.

По извѣстнымъ намъ причинамъ въ разсматриваемый періодъ церковь была едва ли не богатѣйшею землевладѣлицей. Но это умноженіе церковныхъ имуществъ въ людяхъ, проникнутыхъ идеею нестяжательности церкви, необходимо *должно было* возбудить вопросъ, правильно ли поступаетъ церковь, все болѣе и болѣе увеличивая свои богатства? Мы подчеркнули «должно было»... Одинъ изъ нашихъ ученыхъ[2]) говоритъ: «странно, даже неестественно было бы, если-бъ у насъ не возбудился вопросъ о недвижимыхъ имуществахъ церкви»; и дѣйствительно, эти имущества были причиною долгихъ и ожесточенныхъ споровъ.

---

[1]) Истины показаніе, Зиновія, глав. 44, стр. 888.

[2]) Проф. Бодянскій въ предисловіи къ сочиненію Вассіана (Чт. общ. ист. 1859, кн. 3, отд. 3, стр. 111).

Движеніе противъ церковныхъ имуществъ обнаружилось еще въ XIV вѣкѣ, быть можетъ, и подъ вліяніемъ ереси стригольниковъ. Вотъ, что пишетъ митроп. Кипріанъ къ игумену Аѳанасію по поводу монастырскихъ недвижимыхъ имуществъ: «села и людей держать инокамъ не предано св. отцами. Какъ можно разъ отрекшемуся міра и всего мірскаго снова обязываться мірскими дѣлами, и что раззорилъ, созидать опять и являться преступникомъ заповѣди апостольской? И древніе отцы не пріобрѣтали ни селъ, ни богатства.... Ты спрашиваешь меня о селѣ, которое князь далъ тебѣ въ монастырь, какъ и что дѣлать съ нимъ? Слушай мой отвѣтъ и прими совѣтъ мой: если уповаешь на Бога съ своею братіею и даже до нынѣ Богъ пропиталъ васъ безъ села и впередъ пропитаетъ, почто обязываться попеченіемъ мірскимъ и вмѣсто того, чтобы поминать Бога и служить Ему единому, поминать о селахъ и о мірскихъ попеченіяхъ? Вникни и въ это: когда чернецъ свободенъ отъ всякаго попеченія мірскаго, тогда онъ въ мирѣ со всѣми міряна**м**и, и всѣ люди любятъ его и воздаютъ честь ему; когда же обяжется селами и мірскими попеченіями, тогда нужда ходить по князьямъ и по властелямъ, искать судилищъ, стоять за обидимыхъ, спорить и мириться, и по неволѣ, лишь бы не выдать въ обиду людей своихъ, предъ всякимъ человѣкомъ поднимать трудъ великій и отступать отъ своего правила: а еще и того страшнѣе чернецамъ: властвуя надъ селами, судить мужей и женъ, часто ходить къ нимъ и о нихъ заботиться: *чѣмъ же будутъ они отъ мірянина отличны? Чернецамъ обращаться съ женами и творить съ ними бесѣды опасно. Но вотъ какъ лучше быть селу подъ монастыремъ: чернецу никогда не бывать въ немъ, а приказать его какому нибудь богобоязненному мірянину и ему заботиться о всякихъ дѣлахъ; въ монастырь же бы готовое привозилъ житомъ и всякими потребами; не то — пагуба чернецамъ владѣть селами и часто ходить въ нихъ*»[1]).

Изъ приведенныхъ словъ видно, что м. Кипріанъ смотритъ на вопросъ о недвижимыхъ монастырскихъ имуществахъ единственно

[1]) Акты истор. I, № 253. Приведено нами по Шевыреву, — см. его Ист. рус. словесн. III, 180, 181.

съ монашеской точки зрѣнія: во первыхъ, онъ боится за человѣческую природу, которая легко можетъ измѣнить аскетическому идеалу въ сношеніяхъ съ мірскими людьми; во вторыхъ, боится столкновенія съ мірскимъ судомъ при защитѣ крестьянъ отъ обидъ и насилій. Онъ страшится только за честь монашескую. Для сохраненія ея онъ совѣтуетъ не хозяйствовать самимъ чернецамъ въ монастырскихъ селахъ, а «приказать» ихъ мірянамъ, чтобы они тамъ, въ качествѣ управляющихъ, заботились о всякихъ хозяйственныхъ дѣлахъ; «въ монастырь же бы готовое привозили житомъ и иными потребами». Итакъ, м. Кипріанъ «пагубу чернецамъ» видитъ не во владѣніи монастырей селами, а въ управленіи послѣдними. Собственно противъ владѣнія онъ не возстаетъ. Горячій споръ, ожесточенная борьба противъ владѣнія монастырей вотчинами открывается гораздо позже. Въ началѣ XVI вѣка по поводу недвижимыхъ монастырскихъ имуществъ «*діаволъ мнѣніемъ не смирну вражду положи*»[1]) между двумя великими свѣтилами того времени — преподобными: Іосифомъ Волоколамскимъ и Ниломъ Сорскимъ. Споръ между ними начался на церковномъ соборѣ 1503 года. Когда окончено было дѣло о вдовыхъ попахъ, «нача старецъ Нилъ, а съ нимъ и пустынники бѣлозерскіе, глаголати, *чтобы у монастырей селъ не было*, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ»[2]). Нилъ и его единомышленники защищали свое мнѣніе на религіозно-нравственномъ основаніи: доказывали, что владѣть вотчинами монастырямъ неприлично, что вотчины отвлекаютъ иноковъ отъ ихъ обѣтовъ, обременяютъ мірскими попеченіями, ведутъ къ духовному разслабленію и безпечности, вообще несогласны съ духомъ монашества[3]). Въ объясненіе дѣйствій препод. Нила нужно предпослать слѣдующее замѣчаніе. Темная жизнь нашего монашества возбудила въ препод. Нилѣ желаніе реформировать монастыри, т. е. организовать ихъ на совершенно новыхъ

¹) Письмо неизвѣстнаго. Прибавл. къ Твор. св. отц. часть X, кн. II, стр. 508.

²) Ibid. стр. 505.

³) Житіе препод. Іосифа Волоколам. стр. 115 (Чт. въ общ. любит. дух. просвѣщ. 1865 г.).

началахъ. Онъ хотѣлъ насадить и утвердить въ Россіи особый видъ монашескаго житія, издавна процвѣтавшій на Аѳонѣ и извѣстный подъ именемъ *житія скитскаго*. Этотъ видъ монашества изучилъ онъ въ писаніяхъ древнихъ подвижниковъ и лично, во время своихъ путешествій, наблюдалъ въ образцахъ на Аѳонѣ и въ Греціи. Изъ устава, начертаннаго Ниломъ и названнаго «преданіемъ о жительствѣ скитскомъ» видно, что главнѣйшій предметъ заботъ и усилій для всѣхъ скитниковъ было *умное* или мысленное *дѣланіе*, подъ именемъ котораго разумѣется *внутреннее духовное подвижничество*, или внутренняя борьба съ помыслами и страстями, сердечное сокрушеніе и слезы о грѣхахъ[1]). Нельзя не замѣтить, что уставъ Нила, сущность котораго *умное* дѣланіе, шелъ въ разрѣзъ съ установившимися вѣками на Руси воззрѣніями. Любимое, такъ дорого цѣнимое у насъ внѣшнее благочестіе, внѣшняя набожность, по этому уставу ставилась ни во что, когда не сопровождалось внутреннимъ, духовнымъ подвижничествомъ. Препод. Нилъ ясно сознавалъ, что главною помѣхою для *умнаго дѣланія* иноковъ служатъ монастырскія богатства, отвлекавшія ихъ отъ самоуглубленія, сосредоточенія въ себѣ, а, напротивъ, разсѣявавшія мысли иноковъ по полямъ, гумнамъ, мельницамъ и т. п. хозяйственнымъ заведеніямъ. Поэтому онъ и возвысилъ голосъ объ отобраніи у монастырей недвижимыхъ имѣній.

На борьбу съ Ниломъ вызванъ былъ препод. Іосифъ Волоколамскій. Послѣдній, защищая существовавшій обычай, указывалъ на примѣръ Аѳанасія Аѳонскаго, Ѳеодосія Великаго, Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и многіе монастыри, которые владѣли селами. Но съ особенною силою выставлялъ слѣдующій доводъ: «аще у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣку постричися? и аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію, или епископію, ино и вѣрѣ будетъ поколебаніе»[2]). Такимъ образомъ, Іосифъ Волоколамскій дѣйствовалъ пре-

---

[1]) Уставъ Нила напечатанъ въ книгѣ: «Препод. Нилъ Сорскій». Спб. 1864 г.

[2]) Приб. къ Твор. св. отц. часть X, кн. II, стр. 505, — Письмо неизвѣстнаго.

имущественно въ интересахъ іерархическихъ. Его мнѣніе восторжествовало, и соборъ остановилъ дѣло. Но ни соборъ и ничто другое не могло подавить и искоренить самихъ идей, которыя были положены въ основу этого дѣла. «Какъ не стало старца Нила», говоритъ неизвѣстный составитель письма объ этомъ дѣлѣ, (то) «ученикъ его князь Вассіанъ Косой нача вельми поборати по своемъ старцѣ Нилѣ, еже бы у монастырей не было селъ и съ нимъ сташа иные старцы, съ нимижъ святогорцы»[1]). Вассіанъ началъ литературную борьбу. Онъ написалъ сочиненіе (Разсужденіе) о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами. Въ этомъ сочиненіи Вассіанъ доказываетъ, что имущества монастырскія составляютъ «душевредство» для монаховъ, потому что они обѣщались «избѣгать мірской суеты», а владѣть вотчинами значитъ «позавидѣти сесвѣтная». Отрекшись отъ мірской жизни, они должны «питатися отъ своихъ праведныхъ трудовъ и своею потною прямою силою, а не царьскимъ жалованьемъ и не христіанскими слезами аки протчіи праведніи пустынные жители». Монахи, не хотящіе кормиться своими трудами — «не богомольцы, а иконоборцы» (не «инокоборцы» ли?). Вмѣстѣ съ тѣмъ Вассіанъ въ чрезвычайно рѣзкихъ и сильныхъ выраженіяхъ порицаетъ царей за жалованіе ими монастырей селами и вотчинами[2]).

Іосифляне защищали себя также литературнымъ путемъ. Съ ихъ стороны появилось сочиненіе, написанное по повелѣнію какого-то епископа, въ которомъ защищалось право духовенства владѣть вотчинами. «Великій грѣхъ, говоритъ авторъ сочиненія, беретъ на свою душу тотъ, кто отнимаетъ имущества у церкви; наказаніе Божіе постигало и будетъ постигать царей, которые пытаются отнять у нея эти имущества»[3]). Но это посланіе только разожгло противниковъ. Вассіанъ теперь началъ открытую полемику съ іосифлянами и издалъ сочиненіе противъ Іосифа. Интересно прослѣдить, что въ этомъ сочиненіи говорится касательно монастырскихъ имуществъ.

Въ первой части своего сочиненія, носящей названіе: «Слово от-

---

[1]) Ibid.

[2]) Чт. общ. истор. 1859 г., кн. 3.

[3]) Опис. рук. Моск. Синод. библ. II, 3, стр. 609—616, № 320.

вѣтно противу клевещущихъ истину Евангельскую и о иночьскомъ житіи и устроеніи церковномъ», Вассіанъ сѣтуетъ на то, что иноки (іосифляне) омрачивше духовныя очи свои сребролюбіемъ и славолюбіемъ, не хотятъ слушать и понимать увѣщаній ревнителей истиннаго иноческаго житія. Но чтобы и намъ не упасть въ ту же пропасть, въ какую упали они, говоритъ Вассіанъ, мы раскроемъ, въ чемъ должно состоять истинное иноческое житіе. Оно состоитъ въ милостынѣ, братолюбіи, молитвѣ, воздержаніи, а главное — въ нестяжаніи. Но главное-то мы болѣе всего и нарушаемъ. Поступивъ въ монастырь, мы не перестаемъ пріобрѣтать себѣ села и имѣнія, «ова убо безстуднѣ у вельможъ ласканіемъ просяще, ова же искупующе», разъѣзжаемъ по городамъ и смотримъ въ руки богатымъ, не дастъ ли кто село или деревнишку, серебреца или скотинку. Господь говоритъ: раздай нищимъ, а мы, напротивъ, своихъ крестьянъ всячески оскорбляемъ, лихву на лихву на нихъ налагая, и коровки и лошадки за долги отнимаемъ, а самихъ съ женами и дѣтьми прогоняемъ съ своей земли, «аки звѣри дивіи на тѣлеса ихъ наскакающе». «Оле вещи скверности!» иноки уже «въ старости сѣдей» тяжутся на мірскихъ судищахъ съ должниками о долгахъ, съ сосѣдями о межахъ полей. «Кто о сихъ не всплачится?» и проч. [1]).

Во второмъ своемъ словѣ, извѣстномъ подъ заглавіемъ: «Собраніе Васьяна, ученика Нила Сорскаго, на Іосифа Волоцкаго отъ правилъ святыхъ никонскихъ (разумѣются «Пандекты» Никона) отъ многихъ главъ», Вассіанъ опровергаетъ тѣ основанія, какія іосифляне выставляли въ защиту своихъ положеній. Іосифляне говорили, что монастырскія села и имѣнія суть пожертвованія князей за спасеніе душъ и на поминъ своихъ родителей, почему и нельзя отнимать ихъ у монастырей. Противъ этого Вассіанъ возражаетъ, что совершенно безполезно для жертвователей, когда иноки употребляютъ ихъ дары «неправеднѣ и лихоимственнѣ». — Доводъ іосифлянъ, что монастыри опустѣютъ, коль скоро отнимутъ у нихъ села, Вассіанъ опровергаетъ путемъ историческимъ, доказывая при-

[1]) Прав. Соб. 1863 г. III, стр. 105—112.

всѣмъ» и каждый изъ монаховъ самъ по себѣ не можетъ располагать ничѣмъ, Максимъ смѣется и опровергаетъ его примѣрами: «смѣхливо, что ся мните ми глаголати, ничимъ же разликующе сего, еже аще мнози нѣцыи со единою блудницею беззаконно счетаеми, таже о семъ поношаеми, отвѣщаваетъ каждо о себѣ глаголя: ни едино ми отсюду согрѣшеніе; или — аще кто со многими разбойники на разбой изшедъ и многи корысти собравъ, тоже по нѣкоторому обстоянію, ятъ бывъ ищущими разбойниковъ, иже мучимъ и истязуемъ крѣпко отвѣщаетъ глаголя: неповиненъ азъ всяко; у нихъ оставихъ и ничто-же оттуду взялъ есмь». Въ сочиненіи «Главы поучительны къ начальствующимъ правовѣрно»[1]), — Максимъ высказываетъ сильныя жалобы на то, что монахи вмѣсто того, чтобы употреблять имѣнія на благотворительныя цѣли, незаконно тратили ихъ «въ своихъ потребахъ преизлишнихъ и въ житейскихъ устроеніихъ».

Такимъ образомъ и Максимъ Грекъ, примкнувъ къ сторонникамъ Вассіана, въ борьбѣ съ іосифлянами ратовалъ во имя *религіозно-нравственныхъ интересовъ.* Должно замѣтить, что Максимъ Грекъ своею борьбою противъ іосифлянъ болѣе всего повредилъ своей участи. Его доказательства незаконности владѣнія монастырей имуществами, отличавшіяся величайшей основательностію и крайней убѣдительностію, ставили вопросъ слишкомъ прямо и рѣшительно: быть или не быть монастырскимъ имуществамъ? Это хорошо понимала противная сторона и поставила себѣ цѣлію уничтожить опаснаго врага. Случай къ нападенію представился въ разводѣ великаго князя съ законною женою, Соломоніею, и этимъ случаемъ воспользовались съ замѣчательнымъ тактомъ и успѣхомъ.

Не остался безучастнымъ зрителемъ этой борьбы и старецъ Артемій; онъ и въ сочиненіяхъ своихъ высказался противъ «окаяннаго обычая» монастырей владѣть имуществами. Его возраженія противъ монастырскихъ имуществъ стоятъ на догматической почвѣ, къ тому-же слишкомъ общи, почему мы и не будемъ приводить ихъ [2]).

---

[1]) II т., сл. VIII.
[2]) Русск. Истор. Библ. т. IV, стр. 1236—1237.

зываетъ на владѣніе монастырей имуществами, какъ *на главную причину зла, обнаружившагося въ монастырской жизни*[1]). Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, написанномъ въ діалогической формѣ и озаглавленномъ: «Стязаніе о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ. Лица же стязующихъ Филоктимонъ, да Актимонъ, сирѣчь любостяжательный, да нестяжательный»[2])— Максимъ представилъ два противуположныхъ мнѣнія о монастырскихъ имуществахъ, существовавшія тогда въ русскомъ обществѣ. Въ лицѣ «Актимона» Максимъ проводитъ собственныя воззрѣнія.

Защитники монастырскихъ имуществъ, въ свое оправданіе, ссылались на Евангеліе, въ которомъ за отреченіе отъ міра ради Христа обѣщается награда сторицею даже въ «нынѣшнемъ вѣцѣ» (Мѳ. 19, 29). Максимъ на это возражаетъ, что евангельскія обѣщанія слѣдуетъ понимать духовно, иначе выйдетъ, что «и за едину жену, юже оставитъ кто (изъ побужденій религіозныхъ), восприиметъ иныя многи, и чада породитъ больше первыхъ».— Любостяжательные монахи указывали въ примѣръ на Авраама, Исаака, Іакова и др. ветхо-завѣтныхъ праведниковъ, владѣвшихъ имуществомъ. Противъ этого Максимъ замѣчаетъ, что они, имѣя богатство, заботились о бѣдныхъ, вдовицахъ и сиротахъ, къ тому-же они жили съ женами, дѣтьми и рабами «по данному закону», почему имъ и не запрещалось владѣть имѣніями. «Мы-же иноцы, продолжаетъ Максимъ, како яже о себѣ нынѣ устроимъ, паче же како и отнюдъ смѣемъ, яже о себѣ прикладывати къ правдѣ преправедныхъ онѣхъ?» Далѣе Максимъ говоритъ, что монахи вслѣдствіе владѣнія имуществами нарушили «главизну всѣмъ божественнымъ заповѣдемъ — заповѣдь о нищелюбіи». Противники говорили еще, что левиты и священники ветхаго завѣта владѣли собственностію и получали десятину; Максимъ замѣчаетъ: «ветхая мимоидоша и се вся быша нова» и представляетъ имъ въ примѣръ извѣстныхъ пустынниковъ. — На доводъ любостяжательныхъ монаховъ, что и при существованіи монастырскихъ имуществъ «вся обща

---

[1]) См. напр. во II т. стр. 39, 69, 402.
[2]) II, сл. III.

вавъ эти примѣры по своему, вообще замѣчаютъ: «проразумѣй, господине Іосифе, яко много розни промежъ Моисея и Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ». По поводу примѣра о Львѣ Катанскомъ старцы позволяютъ себѣ иронію надъ Іосифомъ: «ты, господине Іосифе, почто не испытаеши своея святости, не связалъ архимандрита Касьяна своею мантіею, донелѣжъ бы онъ сгорѣлъ, а ты-бъ въ пламени его держалъ, а мы-бъ тебя яко единаго отъ трехъ отрокъ изъ пламени изшелъ да пріяли» [1]).

Какъ принялъ это посланіе Іосифъ, неизвѣстно. Но старцы вскорѣ сочинили другое «любопрепирательное» посланіе, въ которомъ они, повторивъ мысль, что кающіеся еретики должны быть принимаемы въ церковь, говорили еще, что еретики тайные не должны быть разыскиваемы, если притомъ они не распространяютъ своей ереси среди православныхъ. Содержаніе этого посланія извѣстно только изъ отвѣтнаго посланія Іосифа, въ которомъ этотъ послѣдній доказываетъ необходимость разыскивать тайныхъ еретиковъ, причемъ позволяетъ употреблять благоразумную хитрость, по примѣру Флавіана, патр. антіохійскаго, открывшаго мессаліанскую ересь «богонаученнымъ коварствомъ». Старцы настаивали на принятіи въ церковь кающихся еретиковъ, по правиламъ церковнымъ; но жидовствующіе *не еретики, а отступники*, слѣд. извѣстныя церковныя правила на нихъ не простираются. Къ тому-жъ, покаяніе жидовствующихъ «прелестно», такъ какъ многіе изъ нихъ, по покаяніи, снова впали въ ересь и увлекли съ собою многихъ изъ православныхъ [2]).

На это посланіе Іосифа отвѣтилъ Вассіанъ въ своемъ, отчасти уже нами разсмотрѣнномъ, сочиненіи. Во второмъ словѣ Вассіанъ объясняетъ Іосифу, что онъ (Вассіанъ) борется за Спасово ученіе, хотя и говоритъ, что еретики не должны быть казнены «во главу» (т. е. смертію), такъ какъ самъ Спаситель повелѣлъ оставить плевелы до жатвы. Въ объясненіи этого повелѣнія Спасителя Златоустомъ Вассіанъ находитъ основаніе для своего мнѣнія. Затѣмъ, повторивъ мысль бѣлоозерскихъ старцевъ о прощеніи каю-

---

1) Ibid. т. XVI, 424—428.

2) Истор. рус. церкви пр. Макарія, VI, 136—138.

Почти одновременно съ вопросомъ о монастырскихъ имуществахъ былъ возбужденъ вопросъ о еретикахъ жидовствующихъ, которые послужили причиной другой «нелюбки» между іосифлянами и бѣлоозерскими старцами. Дѣло въ томъ, что іосифляне и бѣлоозерскіе старцы разошлись во взглядѣ на казнь еретиковъ. Первые, во главѣ съ самимъ Іосифомъ, считали дѣломъ хорошимъ, законнымъ и необходимымъ казнить еретиковъ и вообще всячески ихъ искоренять (и многихъ еретиковъ, дѣйствительно, жестоко казнили); послѣдніе, осуждая такой образъ дѣйствія по отношенію къ еретикамъ, настаивали на кроткомъ, милостивомъ обхожденіи съ ними. Ученики препод. Нила, въ особенности же самъ кроткій любвеобильный Нилъ, подали голосъ въ защиту разскаявшихся еретиковъ. Іосифъ, прослышавъ о ходатайствѣ за еретиковъ, почелъ своимъ священнымъ долгомъ уничтожить его силу. Съ этою цѣлію онъ написалъ къ великому князю Василію Іоанновичу письмо, въ которомъ говорилъ, что грѣшника или еретика руками убить или молитвою все равно. Затѣмъ, указавъ на извѣстные примѣры ревности по вѣрѣ Моvсея, Финееса, апостоловъ Петра и Павла и Льва, митр. Катанскаго (вошедшаго въ огонь вмѣстѣ съ Леодоромъ волхвомъ, котораго связалъ своею епитрахилью и который сгорѣлъ, тогда какъ Левъ вышелъ изъ огня невредимымъ) Іосифъ обращается къ государю съ просьбою: «молимся тебѣ, государю, о томъ, чтобы ты своимъ царскимъ судомъ искоренилъ тотъ злый плевелъ еретическій *въ конецъ*» [1]).

Старцы бѣлоозерскіе рѣшились литературнымъ путемъ опровергнуть Іосифа, написали колкій и не неосновательный разборъ Іосифова посланія къ вел. князю. Въ своемъ сочиненіи они доказываютъ, что «*кающихся* (еретиковъ) и свою ересь проклинающихъ церковь Божія пріемлетъ простертыми дланьми». И Сынъ Божій пришелъ, чтобы спасти погибшихъ. Онъ Самъ прощалъ кающихся грѣшниковъ, наприм. блудницу, и послѣдователямъ своимъ заповѣдалъ прощать брату седмьдесятъ разъ седмѣрицею. Касательно примѣровъ ревности по вѣрѣ, представленныхъ Іосифомъ, они, истолко-

---

[1]) Древняя Россійск. Библіотека т. XVI, стр. 423—424.

вавъ эти примѣры по своему, вообще замѣчаютъ: «проразумѣй, господине Іосифе, яко много розни промежъ Моисея и Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ». По поводу примѣра о Львѣ Катанскомъ старцы позволяютъ себѣ иронію надъ Іосифомъ: «ты, господине Іосифе, почто не испытаеши своея святости, не связалъ архимандрита Касьяна своею мантіею, донелѣжъ бы онъ сгорѣлъ, а ты-бъ въ пламени его держалъ, а мы-бъ тебя яко единаго отъ трехъ отрокъ изъ пламени изшелъ да пріяли» [1]).

Какъ принялъ это посланіе Іосифъ, неизвѣстно. Но старцы вскорѣ сочинили другое «любопрепирательное» посланіе, въ которомъ они, повторивъ мысль, что кающіеся еретики должны быть принимаемы въ церковь, говорили еще, что еретики тайные не должны быть разыскиваемы, если притомъ они не распространяютъ своей ереси среди православныхъ. Содержаніе этого посланія извѣстно только изъ отвѣтнаго посланія Іосифа, въ которомъ этотъ послѣдній доказываетъ необходимость разыскивать тайныхъ еретиковъ, причемъ позволяетъ употреблять благоразумную хитрость, по примѣру Флавіана, патр. антіохійскаго, открывшаго мессаліанскую ересь «богонаученнымъ коварствомъ». Старцы настаивали на принятіи въ церковь кающихся еретиковъ, по правиламъ церковнымъ; но жидовствующіе *не еретики, а отступники*, слѣд. извѣстныя церковныя правила на нихъ не простираются. Къ тому-жъ, покаяніе жидовствующихъ «прелестно», такъ какъ многіе изъ нихъ, по покаяніи, снова впали въ ересь и увлекли съ собою многихъ изъ православныхъ [2]).

На это посланіе Іосифа отвѣтилъ Вассіанъ въ своемъ, отчасти уже нами разсмотрѣнномъ, сочиненіи. Во второмъ словѣ Вассіанъ объясняетъ Іосифу, что онъ (Вассіанъ) борется за Спасово ученіе, хотя и говоритъ, что еретики не должны быть казнены «во главу» (т. е. смертію), такъ какъ самъ Спаситель повелѣлъ оставить плевелы до жатвы. Въ объясненіи этого повелѣнія Спасителя Златоустомъ Вассіанъ находитъ основаніе для своего мнѣнія. Затѣмъ, повторивъ мысль бѣлоозерскихъ старцевъ о прощеніи каю-

---

1) Ibid. т. XVI, 424—428.

2) Истор. рус. церкви пр. Макарія, VI, 136—138.

щихся еретиковъ, Вассіанъ говоритъ, что всякій епископъ, если откажется принять кающихся, долженъ быть изверженъ изъ сана, потому что уподобляется Новату, который былъ противъ принятія въ церковь падшихъ [1]).

Такъ смѣло и энергично бѣлоозерскіе старцы стояли за гуманное отношеніе къ еретикамъ, но оказалось безъ пользы, потому что на сторонѣ ихъ противниковъ стоялъ царь, и еретики по прежнему подвергались строгимъ преслѣдованіямъ. — Много также помогъ іосифлянамъ въ борьбѣ съ бѣлоозерскими старцами Максимъ Грекъ. Въ своемъ «Совѣтѣ къ собору православному» [2]) онъ убѣждаетъ предавать еретиковъ «внѣшней власти въ казнь» [3]).

У іосифлянъ и бѣлоозерскихъ старцевъ былъ еще предметъ для спора, это вопросъ о вдовыхъ священникахъ. Какъ извѣстно, участь вдовыхъ священниковъ у насъ на Руси была тяжелая, — имъ запрещено было священнодѣйствовать. И это запрещеніе падало даже на вдовцевъ цѣломудренныхъ и вообще съ хорошимъ поведеніемъ. У насъ сложилось мнѣніе, что вдовому священнику чистымъ оставаться «*немощно*». За вдовыхъ священниковъ, какъ извѣстно, горячо вступился ростовскій вдовой священникъ Георгій Скрипица. Его сторону приняли бѣлоозерскіе старцы. Іосифъ Волоколамскій написалъ небольшое сочиненіе въ защиту дѣяній соборныхъ (1503) [4]). Вассіанъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи вопреки Іосифу справедливо доказывалъ, что св. правила чистымъ вдовцамъ вовсе не запрещаютъ священнослуженіе. Но и тутъ бѣлоозерскіе старцы ничего не могли сдѣлать, и вдовые священники еще на долго остались подъ запрещеніемъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ споръ между іосифлянами и бѣлоозерскими старцами. Что представляетъ это явленіе? Ясное доказательство того, что религіозно-нравственная жизнь русскаго народа стала мало по малу выступать изъ той завѣтной колеи, въ кото-

---

[1]) Прав. Соб. 1863, III, 199—201.

[2]) Соч. Макс. Грек. т. I, сл. III.

[3]) Старецъ Артемій писалъ противъ преслѣдованія еретиковъ (Рус. Истор. Библ. т. IV, стр. 1366). Но мы не ручаемся за чистоту его побужденій, такъ какъ онъ самъ сочтенъ былъ за еретика.

[4]) Это сочиненіе его помѣщено въ 79 главѣ «Стоглава».

вавъ эти примѣры по своему, вообще замѣчаютъ: «проразумѣй, господине Іосифе, яко много розни промежъ Моисея и Петра и Павла апостоловъ, да и тебя отъ нихъ». По поводу примѣра о Львѣ Катанскомъ старцы позволяютъ себѣ иронію надъ Іосифомъ: «ты, господине Іосифе, почто не испытаеши своея святости, не связалъ архимандрита Касьяна своею мантією, донелѣжъ бы онъ сгорѣлъ, а ты-бъ въ пламени его держалъ, а мы-бъ тебя яко единаго отъ трехъ отрокъ изъ пламени изшелъ да пріяли» [1]).

Какъ принялъ это посланіе Іосифъ, неизвѣстно. Но старцы вскорѣ сочинили другое «любопрепирательное» посланіе, въ которомъ они, повторивъ мысль, что кающіеся еретики должны быть принимаемы въ церковь, говорили еще, что еретики тайные не должны быть разыскиваемы, если притомъ они не распространяютъ своей ереси среди православныхъ. Содержаніе этого посланія извѣстно только изъ отвѣтнаго посланія Іосифа, въ которомъ этотъ послѣдній доказываетъ необходимость разыскивать тайныхъ еретиковъ, причемъ позволяетъ употреблять благоразумную хитрость, по примѣру Флавіана, патр. антіохійскаго, открывшаго мессаліанскую ересь «богонаученнымъ коварствомъ». Старцы настаивали на принятіи въ церковь кающихся еретиковъ, по правиламъ церковнымъ; но жидовствующіе *не еретики, а отступники*, слѣд. извѣстныя церковныя правила на нихъ не простираются. Къ тому-жъ, покаяніе жидовствующихъ «прелестно», такъ какъ многіе изъ нихъ, по покаяніи, снова впали въ ересь и увлекли съ собою многихъ изъ православныхъ [2]).

На это посланіе Іосифа отвѣтилъ Вассіанъ въ своемъ, отчасти уже нами разсмотрѣнномъ, сочиненіи. Во второмъ словѣ Вассіанъ объясняетъ Іосифу, что онъ (Вассіанъ) борется за Спасово ученіе, хотя и говоритъ, что еретики не должны быть казнены «во главу» (т. е. смертію), такъ какъ самъ Спаситель повелѣлъ оставить плевелы до жатвы. Въ объясненіи этого повелѣнія Спасителя Златоустомъ Вассіанъ находитъ основаніе для своего мнѣнія. Затѣмъ, повторивъ мысль бѣлоозерскихъ старцевъ о прощеніи каю-

---

1) Ibid. т. XVI, 424—428.
2) Истор. рус. церкви пр. Макарія, VI, 136—138.

щихся еретиковъ, Вассіанъ говоритъ, что всякій епископъ, если откажется принять кающихся, долженъ быть изверженъ изъ сана, потому что уподобляется Новату, который былъ противъ принятія въ церковь падшихъ [1]).

Такъ смѣло и энергично бѣлоозерскіе старцы стояли за гуманное отношеніе къ еретикамъ, но оказалось безъ пользы, потому что на сторонѣ ихъ противниковъ стоялъ царь, и еретики по прежнему подвергались строгимъ преслѣдованіямъ.—Много также помогъ іосифлянамъ въ борьбѣ съ бѣлоозерскими старцами Максимъ Грекъ. Въ своемъ «Совѣтѣ къ собору православному» [2]) онъ убѣждаетъ предавать еретиковъ «внѣшней власти въ казнь» [3]).

У іосифлянъ и бѣлоозерскихъ старцевъ былъ еще предметъ для спора, это вопросъ о вдовыхъ священникахъ. Какъ извѣстно, участь вдовыхъ священниковъ у насъ на Руси была тяжелая,—имъ запрещено было священнодѣйствовать. И это запрещеніе падало даже на вдовцевъ цѣломудренныхъ и вообще съ хорошимъ поведеніемъ. У насъ сложилось мнѣніе, что вдовому священнику чистымъ оставаться «*немощно*». За вдовыхъ священниковъ, какъ извѣстно, горячо вступился ростовскій вдовой священникъ Георгій Скрипица. Его сторону приняли бѣлоозерскіе старцы. Іосифъ Волоколамскій написалъ небольшое сочиненіе въ защиту дѣяній соборныхъ (1503) [4]). Вассіанъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи вопреки Іосифу справедливо доказывалъ, что св. правила чистымъ вдовцамъ вовсе не запрещаютъ священнослуженіе. Но и тутъ бѣлоозерскіе старцы ничего не могли сдѣлать, и вдовые священники еще на долго остались подъ запрещеніемъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ споръ между іосифлянами и бѣлоозерскими старцами. Что представляетъ это явленіе? Ясное доказательство того, что религіозно-нравственная жизнь русскаго народа стала мало по малу выступать изъ той завѣтной колеи, въ кото-

---

[1]) Прав. Соб. 1863, III, 199—201.

[2]) Соч. Макс. Грек. т. I, сл. III.

[3]) Старецъ Артемій писалъ противъ преслѣдованія еретиковъ (Рус. Истор. Библ. т. IV, стр. 1366). Но мы не ручаемся за чистоту его побужденій, такъ какъ онъ самъ сочтенъ былъ за еретика.

[4]) Это сочиненіе его помѣщено въ 79 главѣ «Стоглава».

рую втолкнули ее разныя историческія условія, и которая стѣсняла, подавляла ея силы и способности. Для пробуждавшихся духовныхъ силъ Руси становится невыносимымъ, устарѣвшій и не соотвѣтствовавшій духу времени, порядокъ вещей. Мертвая форма, пустая внѣшность должны были теперь постепенно уступать свое мѣсто живому духу, важному для человѣка внутреннему самоусовершенствованію. Положимъ, что дѣло бѣлоозерскихъ старцевъ было проиграно. Такой печальный исходъ протеста можно было предвидѣть и заранѣе, потому что горсть реформаторовъ не могла вдругъ провести идей своихъ въ сознаніе большинства, потому что главное средство къ искоренію зла — просвѣщеніе, по обстоятельствамъ, не могло еще распространиться и придти въ силу, хотя необходимость его и ясно сознавалась лучшими людьми. Но при всемъ томъ можно ли утверждать, что усилія бѣлоозерскихъ старцевъ остались совершенно безплодными? Этого утверждать нельзя, и русская церковная исторія имѣетъ полное право помянуть добрымъ словомъ гуманнаго старца Нила и лучшихъ его учениковъ. Уже одно то, что они ясно сознали неудовлетворительность существующаго порядка вещей, главнымъ образомъ — нестроеніе въ иноческой жизни, ихъ нежеланіе мириться съ печальною дѣйствительностію, ихъ горячее стремленіе уврачевать нравственныя язвы монашества, къ тому-жъ такимъ раціональнымъ средствомъ, какъ отобраніе у монастырей недвижимой собственности — этого обильнаго источника многоразличныхъ безпорядковъ, — уже одно это, — повторяемъ, — дѣлаетъ ихъ передовыми людьми своего времени. Съ другой стороны, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что громкій протестъ бѣлоозерскихъ старцевъ, на этотъ разъ въ сообществѣ съ Максимомъ Грекомъ, противъ безпорядковъ иноческой жизни, ихъ строгія, часто безпощадныя обличенія этихъ безпорядковъ, — едва ли все это осталось безъ послѣдствій для иноковъ. Можно думать, что хотя нѣкоторые обличаемые и укоряемые монахи, дѣйствительно, сознавали свою грѣховность, вспоминали о своихъ обязанностяхъ и старались по возможности исправиться. Далѣе, ихъ протестъ противъ суроваго и неразборчиваго обращенія съ еретиками представляетъ отрадное явленіе въ русской жизни того времени, дѣлающее честь препод.

Нилу и ученикамъ его за ихъ гуманное отношеніе къ людямъ, за твердое памятованіе ими заповѣди Спасителя о любовномъ кроткомъ обращеніи съ своими ближними. Наконецъ, не менѣе отраднымъ явленіемъ представляется и третій протестъ ихъ противъ чисто внѣшняго, не ведущаго къ цѣли и оскорбительнаго для нравственнаго достоинства, постановленія о вдовыхъ священно-церковнослужителяхъ. Въ этомъ послѣднемъ протестѣ бѣлоозерскіе старцы обнаружили способность хорошо различать предметы, почему и не смѣшивали дѣйствительныхъ нравственныхъ недостатковъ съ обычаями, не имѣющими никакого отношенія къ нравственности. И за это имѣемъ право сказать имъ большое спасибо.

Пробудившееся сначала въ отдѣльныхъ лицахъ русскаго общества сознаніе нравственныхъ недостатковъ и стремленіе искоренить ихъ сначала въ духовенствѣ въ царствованіе Іоанна IV обнаружилось въ цѣломъ соборѣ предстоятелей русской церкви, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ дѣятеляхъ его, и въ примѣненіи ко всему русскому народу. Стоглавый соборъ, имѣвшій цѣлію вообще обсудить состояніе церкви, исправить ея нужды, съ особеннымъ усердіемъ долженъ былъ позаботиться, по просьбѣ царя, о томъ, чтобы «исправить вѣру въ народѣ, на просвѣщеніе и на оживленіе душамъ православнымъ, дабы не поколебима была въ роды и роды и на вѣки не повреждена отъ всякихъ козней вражіихъ»[1]). Нѣкоторые дѣятели Стоглаваго собора и, между другими, самъ митр. Макарій, руководились и другими побужденіями въ своихъ дѣйствіяхъ по Стоглавому собору. Они смотрѣли на русскую церковь, какъ на прямую и законную наслѣдницу церкви греческой послѣ ея паденія, и потому желали, чтобы русская церковь, будучи законною, въ тоже время была и *достойною* наслѣдницей греческой церкви.

Мы видѣли изображеніе Стоглавомъ нравственнаго состоянія русскаго общества. Это изображеніе, дѣйствительно, можетъ производить въ душѣ самое тягостное впечатлѣніе о тогдашнемъ состояніи нашей церкви и народа. Что представляетъ, по Стоглаву,

---

[1]) Рѣчь, вложенная списателемъ дѣяній соборныхъ въ уста царю къ отцамъ собора. Стоглавъ, стр. 30.

преуспѣянію. О чемъ же, какъ не объ этомъ послѣднемъ свидѣтельствуютъ и многія постановленія и опредѣленія собора, имѣющія несомнѣнное достоинство и полезныя для церкви и общества? Таковы опредѣленія собора о заведеніи духовныхъ училищъ, объ учрежденіи старостъ для надзора за благочиніемъ духовенства, мысль объ исправленіи церковныхъ книгъ, о истребленіи соблазнительныхъ пороковъ духовенства, суевѣрій и зловредныхъ, нравственно-безобразныхъ, обычаевъ народныхъ. Заботливость о избраніи достойныхъ служителей алтаря, о точности въ соблюденіи церковнаго устава въ богослуженія, о благочиніи христіанскомъ въ храмахъ. Попеченія о благоустроеніи монастырей, объ улучшеніи въ нихъ быта низшей братіи, — ограниченіе мзды въ церковныхъ сборахъ, приведеніе въ порядокъ судопроизводства епископскаго: все это утѣшительныя явленія во внутренней жизни церкви русской. Нѣкоторыя особенныя постановленія собора были весьма полезны для жизни общественной, какъ, напримѣръ, постановленіе о богадѣльныхъ домахъ, о выкупѣ плѣнныхъ. Соборъ не забылъ и бѣдныхъ крестьянъ (епископскихъ и монастырскихъ) и людей скитающихся по міру для собиранія милостыни, открывая послѣднимъ способы получать пропитаніе честными трудами, облегчая состояніе первыхъ чрезъ ограниченіе роскоши и корыстолюбія въ монастыряхъ [1]). Положимъ, что соборъ не достигъ своей цѣли, что его благія намѣренія и распоряженія не осуществились вслѣдствіе невѣжества и грубости массы, недоросшей еще до сознанія своихъ недостатковъ и стремленія исправить ихъ, тѣмъ не менѣе его попытки искоренить зло, уврачевать общественный организмъ дѣлаютъ ему честь и обязываютъ исторію къ благодарности.

Но сосредоточивъ свое вниманіе на такомъ важномъ, съ особенною рельефностію бросающемся въ глаза, явленіи, какъ Стоглавый соборъ, мы невольно какъ бы упустили изъ виду другіе соборы, бывшіе въ русской церкви въ XVI столѣтіи, или вѣрнѣе — эти послѣдніе остались для насъ въ тѣни. Соборовъ въ русской церкви

---

1) Систематизація перечисленныхъ постановленій собора принадлежитъ спеціальному изслѣдователю вообще о Стоглавомъ соборѣ, г. Добротворскому. Прав. Соб. 1863 г., III, 272, 273.

въ XVI столѣтіи, особенно въ первой его половинѣ, было сравнительно много. И мы, хотя въ краткихъ словахъ, должны *особо упомянуть* о нихъ, ибо они свидѣтельствуютъ о томъ же пробужденіи духовныхъ силъ во внутренней жизни русской церкви. Такъ, въ 1503 году въ Москвѣ составился многочисленный соборъ подъ предсѣдательствомъ еписк. Симона. Этотъ соборъ, желая возвысить нравственную жизнь духовенства и тѣмъ оградить его отъ нареканій людей, еще помнившихъ мысли высказанныя стригольниками (въ XIV ст.), постановилъ совсѣмъ отмѣнить всякіе поборы съ поставляемыхъ во священство, или въ епископство, т. е. рѣшилъ уничтожить ставленіе «на мздѣ», что особенно и возмущало недовольныхъ. Кромѣ того, соборъ отмѣнилъ поборы съ церквей въ пользу епископовъ и опредѣлилъ, — собственно возобновилъ опредѣленіе владимирскаго собора (1274 г.), согласное съ правилами древнихъ соборовъ (VI-го всел. соб. прав. 14, 15), — лѣта возраста для поставленія въ священно- и церковнослужители [1]). Продолжая свои засѣданія, соборъ въ томъ же 1503 году [2]) имѣлъ разсужденія о вдовыхъ священнослужителяхъ. Обстоятельства времени, безпорядки въ нравственной жизни многихъ вдовыхъ священнослужителей вызвали извѣстную мѣру со стороны собора къ пресѣченію этихъ безпорядковъ. Но въ этомъ случаѣ, по недостатку яснаго свѣта (просвѣщенія), отцы собора вынуждены были идти къ благой цѣли ощупью, взяться за внѣшнія средства, не практиковавшіяся въ древней восточной церкви и не ведущія къ цѣли. Но, повторяемъ, здѣсь виновато не намѣреніе, а невѣдѣніе. «Егда совершися соборъ о вдовыхъ попѣхъ и діаконѣхъ», поднялся вопросъ и недвижимыхъ (населенныхъ) церковныхъ имѣніяхъ, значитъ, въ концѣ опять того же 1503 или въ началѣ 1504 года [3]). Намъ уже извѣстно, чѣмъ кончились разсужденія по означенному вопросу. Въ дальнѣйшихъ своихъ засѣданіяхъ соборъ постановилъ уничтожить, такъ называемые, мужско-женскіе монастыри, служившіе источникомъ соблазновъ

---

1) Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ и послѣдующихъ мы заимствуемъ изъ статьи неизвѣстнаго автора «Соборы, бывшіе въ русской церкви въ 1-й половинѣ XVI ст.» — Хр. Чт. 1852, II.

2) Истор. рус. церкви пр. Макарія, т. VI, примѣч. 168 на 123 стр.

3) Ibid. примѣч. 171 на стр. 125—126; сн. примѣч. 176 на 135 стр.

Илларіона въ его знаменитомъ похвальномъ словѣ св. кн. Владиміру, составляющемъ, можно сказать, перлъ литературы въ домонгольскій періодъ. «Уже не идолослужители зовемся, говоритъ ораторъ, но христіанами. Уже не капища сограждаемъ, но Христовы церкви созидаемъ. Уже не закалаемъ другъ друга бѣсамъ, но Христосъ закалаемъ за насъ бываетъ и дробимъ въ жертву Богу Отцу. Уже не кровь жертвъ вкушаемъ и погибаемъ, но вкушаемъ пречистую кровь Христову и спасаемся. Всѣ страны благой и милостивый Богъ помиловалъ, и насъ не презрѣлъ; захотѣлъ и спасъ и въ разумъ истины привелъ. Пуста была земля наша и изсохла; зной идолослуженія изсушилъ ее: но внезапно потекъ источникъ Евангелія и напоилъ всю землю нашу»[1]). Не забудемъ, что эти слова заимствованы изъ похвальнаго слова, а тонъ такихъ словъ извѣстенъ. Въ такомъ же тонѣ говоритъ Кириллъ, еписк. Туровскій: «*обновися тварь, уже бо не нарекутся богомъ стихіи, ни солнце, ни огонь, ни источницы, ни древеса; отселѣ бо не* пріемлетъ требы адъ закалаемыхъ отцами младенцевъ, ни смерть почести, преста бо идолослуженіе и погубися бѣсовское насиліе крестнымъ таинствомъ и не токмо спасеся человѣческій родъ, но и освятися Христовою вѣрою.... Нынѣ зима грѣховная престала есть и ледъ невѣрія богоразуміемъ растаяся; зима убо языческаго кумирослуженія апостольскимъ ученіемъ и Христовою вѣрою престала есть.... Днесь весна красуется, оживляющи земное естество; бурные вѣтры, тихо повѣвая, благопріятствуютъ плодамъ, и земля сѣмена питающе, зеленую траву раждаетъ: весна красная это вѣра Христова, крещеніемъ возрождающая человѣческое естество; бурные вѣтры грѣхопаденій помыслы, которые чрезъ покаяніе претворившись въ добрые, приносятъ душеполезные плоды» и т. д.[2]). Судя по этимъ памятникамъ, дѣйствительно, можно подумать, что христіанство охватило всю жизнь народа, господствовало на Руси.

Но если мы хорошенько и безпристрастно вникнемъ въ другіе древнѣйшіе памятники, то обнаружится совершенно противоположное, обнаружится господство не христіанства, а язычества, полная свѣ-

---

[1]) См. Ист. рус. церк. пр. Макарія I, 94—95.

[2]) Памятн. русск. словесн. XII в. стр. 19, 21; изд. Калайдовича.

жесть и ясность послѣдняго. Не вдаваясь однако въ подробности, укажемъ только на нѣкоторыя свидѣтельства, которыя болѣе другихъ могутъ уяснить нашу общую мысль. Вотъ, напр., какъ св. Ѳеодосій Печерскій описываетъ обратную сторону дѣла. «*Мы только словомъ нарицаемся христіане,* говоритъ онъ въ своемъ поученіи о казняхъ Божіихъ, *а погански живемъ.* Не погански ли это: если кто чернеца или черницу встрѣтитъ, или свинью, или коня лысаго, то назадъ возвращается: развѣ это не по язычески. Другіе вѣрятъ въ чиханье, будто бы оно бываетъ на здоровье головѣ; но этимъ и другими обычаями прельщаетъ насъ дьяволъ, и всякою лестію отклоняетъ насъ отъ Бога, волхвованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, пьянствомъ.... и другими непотребными дѣлами»[1]). Затѣмъ проповѣдникъ строго укоряетъ слушателей за холодность къ христіанскому богослуженію, за предпочтеніе ему языческаго. Мы не приводимъ этого свидѣтельства, какъ болѣе извѣстнаго. Укажемъ на другое не менѣе выразительное. Въ Паисіевскомъ сборникѣ (XIV в.) помѣщено «Слово истолковано мудростію отъ св. Апостолъ», въ которомъ языческая холодность къ церкви изображается въ слѣдующихъ яркихъ чертахъ. «Не слушаютъ, говорится здѣсь, божественныхъ словесъ; но если плясцы или гудницы или какой иной игрецъ позоветъ на игрища или на какое сборище идольское, то всѣ туда идутъ съ радостію, и весь тотъ день проводятъ на позорищахъ». «А какъ идти въ церковь, то, продолжаетъ ораторъ, и чешемся, протягиваемся, дремлемъ и говоримъ: то дождь, то студено, то иное что; и все то намъ кажется препятствіемъ. А на позорищахъ нѣтъ ни покрова, ни затишья, и вѣтеръ шумитъ и вьялица; но все сносимъ радуяся, и позоры дѣлаемъ на пагубу душамъ. А въ церкви и покровъ и завѣтріе дивное, но не хотятъ идти на поученіе, лѣнятся»[2]). Изъ этого послѣдняго свидѣтельства видно, что христіане не шли въ христіанскій храмъ не потому, чтобы лѣнились: на языческія игрища съ удовольствіемъ стремились они, не взирая ни на какія препятствія и проводили тамъ

[1]) Учен. записк. Имп. Акад. Наукъ 1846 г., кн. II, вып. 2, стр. 195.
[2]) Очерки Буслаева, т. II, стр. 69.

по цѣлымъ днямъ; но потому, что имъ болѣе нравились эти именно языческія игрища, потому, слѣдовательно, что у нихъ было языческое расположеніе духа.

Остатки язычества, вслѣдствіе строгихъ преслѣдованій духовной и свѣтской власти, особенно свѣжи были въ мѣстахъ менѣе открытыхъ, удаленныхъ отъ церковнаго надзора: подъ овиномъ, у ручья, колодезя, около священ. деревъ, камней и т. п. Въ уставѣ Владимира къ церковному суду отнесено: «кто подъ овиномъ молится, или во ржи, или подъ рощеніемъ, или у воды». А русскій переводчикъ твореній св. Григорія Богослова въ одномъ мѣстѣ сдѣлалъ слѣдующую вставку, свидѣтельствующую о вѣрѣ его современниковъ въ олицетворенія силъ и явленій природы: «овъ требу сотвори на студенци дъждя искы отъ него, забывъ яко Богъ съ небесе дъждь дасть. Овъ не сущимъ богомь жреть и Бога сотворшаго небо и землю раздражаеть. Овъ рѣку богиню нарицаеть и звѣрь живущъ въ ней, яко Бога нарицая требу творить»[1]).

Но есть другія еще болѣе рѣшительныя доказательства живой олицетворенности силъ и явленій природы уже прямо подъ именами Перуновъ, Хорсовъ, Дажбоговъ и проч. — Нѣкій христолюбецъ, ревнитель по правой вѣрѣ, отзывается о современникахъ своихъ, какъ о христіанахъ «двоевѣрно живущихъ, которые, будучи христіанами, вѣруютъ въ Перуна и въ Хорса и въ Мокошь и въ Сима и въ Регла и въ Вилы, которыхъ невѣгласы насчитываютъ тридевять сестеръ; всѣхъ сихъ называютъ богинями, кладутъ имъ требы, короваи молятъ (приносятъ въ жертву) и куръ имъ рѣжутъ. Молятся и огню, называя его Сварожичемъ. И совершаютъ обряды чеснока богамъ; когда бываетъ у кого пиръ, тогда кладутъ чеснокъ въ ведра и въ чаши и такъ пьютъ, гадая о своихъ доляхъ (счастіи)»... На свадьбахъ «и хуже этого» (было): сдѣлавши мужскую срамоту, вкладываютъ въ ведра и въ чаши и пьютъ, и вынувъ облизываютъ и цѣлуютъ.... «Такъ дѣлаютъ, замѣчаетъ христолюбецъ, не только одни невѣжи, но и вѣжи, священники и люди грамотные. Если не совершаютъ того священники и книж-

[1]) Прав. Соб. 1865 г. II, стр. 240. Борьба христ. съ язычн.

ники, то другимъ дозволяютъ и сами ѣдятъ моленое (жертвенное) то брашно»[1]). Въ другомъ свидѣтельствѣ читаемъ: «человѣцы забывше страха Божія и крещенія отвергошася, приступиша къ идоломъ и начаша жрети молніи и грому и солнцю и лунѣ, а друзіи Перуну, Хорсу, Виламъ и Мокоши, Упиремъ и Берегинямъ. А друзіе вѣруютъ въ Стрибога, Дажбога и Переплута, иже вертячеся ему піютъ въ розѣхъ, забывше Бога.... *Словомъ бо и слытьемъ мнози суть крестьяне, а образомъ мало ихъ...* Каци бо суть крестіани, а послушающе кощюнъ еллинскихъ и басній жидовскихъ, и рожство, и почитаній звѣздныхъ, и птица гласа, и чарове, и волхванія, и заскопія дній и лѣтъ, и сновъ, и надъ источники свѣща вжигающа, и кумирьскую жертву ядять, и кровь и удавленину, и зверемъ уядено и птицами угнетомо? Многа ина подобная симъ»[2]).—Всѣ приведенныя нами свидѣтельства заключаются въ сборникахъ XIV вѣка, слѣд. первоначальное происхожденіе ихъ относится къ неопредѣленному времени раньше этого вѣка. Поэтому они представляютъ собою памятники состоянія христіанства въ первые вѣка нашей церковной исторіи[3]). Изъ этихъ памятниковъ видно, что въ народѣ настолько свѣжо было язычество, что онъ ясно помнилъ даже о подробностяхъ старой миѳологіи. Поученія обличителей прямо направлены противъ язычества, обнаруживаютъ самостоятельность его существованія на ряду съ христіанствомъ. Новая вѣра не вытѣснила еще старую, даже не измѣнила ее; обѣ онѣ соединились между собою чисто внѣшне, механически. Это былъ періодъ самаго грубаго двоевѣрія. Есть одно сказаніе о построеніи христіанскаго храма на финскомъ сѣверѣ, которое, какъ нельзя лучше, обрисовываетъ это первичное грубое двоевѣріе. «На Бѣлоозерѣ жили люди невѣрные, да какъ учали креститься и вѣру христіанскую познавать, и они поставили церковь, а невѣдаютъ, котораго святого нарещи; а на утро собрались и пошли церковь священати, и какъ пришли къ церкви, аже въ рѣчкѣ подъ церковію стоитъ челнокъ, а въ челноку стулецъ,

1) Ibid. II, стр. 241, 242.
2) Ibid. стр. 246, 247.
3) Ibid. стр. 247.

а на стульцѣ икона Василій Великій; и они икону взяли, и нарекли церковь во имя Василія Великаго.... и они церковь святили, да учали обѣдню пѣти, да какъ начали Евангеліе чести, и грянуло не по обычаю, какъ бы страшный великій громъ грянулъ и вси людіе уполошились, ино въ прежнее лѣто *туто было мольбище идольское за алтаремъ, береза да камень,* и ту березу вырвало и камень взяло изъ земли, да снесло въ Шексну и потопило»[1]). Итакъ, язычникъ, сдѣлавшись христіаниномъ, вовсе не считалъ несовмѣстнымъ съ христіанствомъ у церковнаго алтаря сохранять старое «мольбище идольское, камень да березу». Какъ на ряду съ христіанскимъ храмомъ ставилъ язычникъ и «мольбище идольское», такъ точно и новая вѣра стояла подлѣ старой, не вытѣснивъ послѣднюю, даже не видоизмѣнивъ ее. Та и другая существовали самостоятельно.

Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи стояли эти двѣ религіи въ XVI вѣкѣ. По извѣстному уже намъ свидѣтельству арх. новгородскаго Макарія и въ его время на нѣкоторыхъ окраинахъ русскаго государства народъ предпочиталъ христіанскимъ священникамъ языческихъ арбуевъ, призывая послѣднихъ прежде въ свои дома, по случаю какихъ либо важныхъ семейныхъ событій — по случаю родинъ, похоронъ, поминокъ и проч.[2]) Но во первыхъ, это было въ глухихъ окраинахъ государства, среди особенно невѣжественнаго населенія. Во вторыхъ, рельефность этого свидѣтельства много сгладится, когда мы обратимъ вниманіе на общій характеръ обличеній язычества этого времени. Припоминая, напримѣръ, посланіе игумена псковскаго Елеазарова монастыря Памфила къ намѣстнику Пскова князю Дм. Влад. Ростовскому (1505 г.), извѣстные главы Стоглавника, нельзя не замѣтить, что борьба съ язычествомъ приняла совершенно новое направленіе. Она главнымъ образомъ устремляется противъ народныхъ празднествъ съ ихъ игрищами, напоминавшими языческое богослуженіе и потому будившими отжившія вѣрованія. Но, что особенно замѣчательно, обли-

---

1) Ibid. стр. 226.
2) Соловьевъ, Ист. Рос. VII, 86.

ченія почти не касаются *языческой догматики*, явный знакъ, что она стала забываться народомъ. А если такъ, то и обрядность, которая всегда переживаетъ миѳъ, безъ этого послѣдняго должна поблѣднѣть и потерять свой смыслъ. Само собою разумѣется, древній миѳъ не могъ безслѣдно погибнуть въ сознаніи народа, и онъ оставилъ глубокіе слѣды. Усвояя мало по малу христіанское міросозерцаніе, народъ не могъ сразу забыть то, съ чѣмъ свыклась его душа. И вотъ послѣ грубаго двоевѣрія начинается постепенно другое двоевѣріе, состоящее *не въ механическомъ*, а, какъ нѣкоторые ученые выражаются, въ «органическомъ соединеніи двухъ вѣръ»[1]). Въ исторіи слiянія обѣихъ вѣръ первою степенью было замѣненіе внѣшней стороны миѳа христіанскими формами, въ которыя такимъ образомъ облеклось содержаніе древнихъ вѣрованій. Предметы древняго поклоненія, не теряя своего прежняго значенія, получили христіанскія названія. Слѣдовъ такого слiянія христіанскихъ и языческихъ вѣрованій въ нашихъ памятникахъ и даже въ современныхъ повѣрьяхъ довольно много. Извѣстно значеніе, наприм., пророка Иліи, св. Георгія, Власія и друг. Въ знаменитой бесѣдѣ трехъ святителей читаемъ: «еста два ангела громная — еллинскій старецъ Перунъ, Нахоръ (исказилось и названіе стариннаго Хорса) есть жидовинъ; а два еста ангела молніина». Итакъ главные языческіе боги: Перунъ и Хорсъ стали теперь второстепенными существами, ангелами. — Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ остатки языческаго богопочитанія все болѣе и болѣе принимали значеніе суевѣрія и, теряя свой старинный смыслъ, примыкали къ христіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ стараго обычая и повѣрья. Закоренѣлая привычка смѣшивала принадлежности старыхъ боговъ съ принадлежностями христіанскихъ святыхъ, обряды идольскихъ торжествъ съ торжествами церкви. Послѣднія также получили языческія названія, наприм. Русальская недѣля, Коляда и пр. Такъ постепенно искажалось христіанство. Изъ Стоглава видѣли мы, что нѣкоторые христіанскіе праздники перешли въ открытый языческій разгулъ, съ пьяными и грязными языче-

---

[1]) Смотр. напр. статью неизвѣстнаго автора — О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи — въ Прав. Соб. 1865, II, стр. 303.

скими обрядами, которыхъ нельзя было не узнать, хотя память объ ихъ значенiи и была затеряна. Пастыри церкви ихъ называютъ погаными, идольскими, еллинскими, но безъ яснаго пониманiя ихъ первоначальнаго смысла.

О чемъ же свидѣтельствуютъ всѣ эти искаженiя христiанства, отразившiяся въ описываемое время и въ литературѣ народа — въ апокрифахъ и разнаго рода суевѣрныхъ сказанiяхъ, — и въ жизни его — въ празднествахъ и игрищахъ? О томъ, что народъ сталъ принимать участiе въ дѣлѣ христiанскаго просвѣщенiя, о томъ, что христiанство стало усвояться народомъ и не внѣшнимъ только образомъ, а органически, при чемъ и произошло естественное и необходимое явленiе, что язычество, сливаясь съ христiанствомъ, примѣшало къ этому послѣднему своеобразный народный оттѣнокъ. «Изъ одной и той же почвы, говоритъ неизвѣстный авторъ немного выше примѣченной статьи — «О борьбѣ христiанства съ язычествомъ въ Россiи», — изъ одной и той же почвы берутъ соки всѣ растенiя, но каждое изъ нихъ заимствуетъ только сродную себѣ пищу и переработываетъ ее по своимъ частнымъ органическимъ законамъ въ свои исключительно ему принадлежащiя волокна, листья, цвѣты и плоды. Народъ тоже организмъ своего рода, имѣетъ свои органическiе законы, свои жизненныя свойства, которыя составляютъ его народность. Онъ не заимствуетъ чужаго цѣликомъ; онъ тоже втягиваетъ въ себя то, что ему сродно, и по мѣрѣ заимствованiя чужаго переработываетъ послѣднее въ свою собственную плоть и кровь. Чужое переработывается на народный ладъ, теряетъ многiя прежнiя свойства и получаетъ новыя народныя черты. И христiанство, какъ скоро входило въ сознанiе народа, необходимо теряло въ немъ свою чистоту и возвышенность. Подъ христiанскими выраженiями сквозитъ языческiй смыслъ; изъ-за предметовъ христiанскаго чествованiя нерѣдко обнаруживаются лики древнихъ стихiйныхъ боговъ. Недостатокъ просвѣщенiя поддерживаетъ это существованiе языческихъ стихiй въ христiанствѣ. Только просвѣщенiе можетъ облагородить народный организмъ и сдѣлать его способнымъ къ воспрiятiю *чистаго* христiанскаго ученiя»[1]). Этими словами,

[1]) Стр. 301—302.

хорошо объясняющими постепенный переходъ отъ язычества къ христіанству и вѣрно опредѣляющими характеръ того двоевѣрія въ простой народной массѣ, которое существовало на Руси XVI вѣка, мы и окончимъ наше сочиненіе.

Какой же въ краткихъ словахъ должны мы дать отвѣтъ на занимавшій насъ вопросъ, т. е. каково было нравственное состояніе русскаго общества въ описываемое время? Нельзя отрицать того, что нравственное состояніе общества было весьма печальное, но мы не имѣемъ права утверждать, что оно было вполнѣ безотрадное. Весьма много было различныхъ пороковъ тяжкихъ и даже гнусныхъ, но, съ другой стороны, со всею силою обнаружилось сознаніе нравственныхъ язвъ и стремленіе уврачевать ихъ. — Да какъ было и не обнаружиться этимъ язвамъ, этому нравственному безобразію, когда сталъ понемногу разсѣяваться тотъ густой мракъ невѣжества, который мѣшалъ различать хорошее отъ дурнаго, прекрасное отъ безобразнаго, препятствовалъ замѣтить самую «бездну грѣховную», въ которой погрязали сыны невѣдѣнія. Незабвененъ долженъ быть для русскаго народа невинный страдалецъ, препод. Максимъ Грекъ, ярче другихъ освѣтившій эту страшную бездну и громче другихъ звавшій изъ нея несчастныхъ на путь спасенія. Хотя и дорого поплатился Максимъ Грекъ за свою пламенную любовь къ истинѣ, за свою огненную ревность къ славѣ Божіей, за свою непримиримую вражду къ невѣжеству и пороку, но, не смотря на все это, посѣянное имъ сѣмя не могло окончательно заглохнуть и пропасть безслѣдно. Недаромъ же отъ XVI вѣка дошло до насъ различныхъ рукописей не многимъ развѣ меньше, чѣмъ отъ всѣхъ въ совокупности предшествовавшихъ вѣковъ (не говоримъ о книгахъ богослужебныхъ), недаромъ созваніе Стоглаваго собора приписываютъ вліянію Максима Грека, недаромъ, — скажемъ вообще, — пробужденіе духовныхъ силъ Руси, замѣтное развитіе внутренней жизни церкви, совпадаетъ со временемъ пребыванія у насъ Святогорца....

ОГЛАВЛЕНIЕ.

Важнѣйшія исправленія.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
9	17 (сверху)	срабнить	сравнить
10	17 »	словъ	слоевъ
22	14 »	замѣчанія	замѣчаніе
77	20 »	христіанъ	христіанъ
83	3 »	служать	служатъ
85	16 »	Ростовскій	ростовскій
179	2 (снизу)	Макс.	Максимъ Г.
204	19 (сверху)	уставы	уставъ
205	13 (снизу)	засвидѣтельствованное	которое засвидѣтельствовано
206	16 (сверху)	престонутъ	престанутъ
217	16 »	ремесленниковъ	ремесленниковъ,
221	18 »	*не завиди не,*	*не завиди, не*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Важнѣйшія исправленія.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Должно читать:
9	17 (сверху)	срабнить	сравнить
10	17 »	словъ	слоевъ
22	14 »	замѣчанія	замѣчаніе
77	20 »	христіань	христіанъ
83	3 »	служать	служатъ
85	16 »	Ростовскій	ростовскій
179	2 (снизу)	Макс.	Максимъ Г.
204	19 (сверху)	уставы	уставъ
205	13 (снизу)	засвидѣтельствованное	которое засвидѣтельствовано
206	16 (сверху)	престонутъ	престанутъ
217	16 »	ремесленниковъ	ремесленниковъ,
221	18 »	*не завиди не,*	*не завиди, не*

